

Новая
Университетская
Библиотека

К.С. Гаджиев

ВВЕДЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ФИЛОСОФИЮ

MACHIAVELLI

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

УДК 1/14
ББК 87
Г13

Гаджиев К.С.

Г13 Введение в политическую философию: Учебное пособие. — М.: «Логос», 2004. — 336 с.

ISBN 5-94010-171-2

Впервые в отечественной литературе систематически освещается политическая философия как самостоятельная область знаний и одновременно форма духовной деятельности людей. Анализируются основные вехи и факторы ее формирования и эволюции. Главное внимание уделяется выявлению и анализу основополагающих принципов, категорий и существенных характеристик политической философии. Рассматриваются проблемы соотношения политической философии с политической теорией и идеологией, а также философские основания мира политического, государства, власти, их морально-нравственные и профессиональные аспекты в контексте рационализма и идеализма в политике.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению «Политология». Может использоваться в учебном процессе вузов социально-гуманитарной и экономической специальностей с углубленной подготовкой в области политических наук. Может быть полезна аспирантам, преподавателям и научным работникам. Представляет интерес для читателей, интересующихся мировоззренческими аспектами мира политического.

ББК 87

ISBN 5-94010-171-2

© Гаджиев К.С., 2004

© «Логос», 2004

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Исторические вехи формирования политической философии	10
Античные корни	10
Особенности трактовки полиса в античной мысли	12
Можно ли говорить о существовании политической философии применительно к античному миру?	15
Политическая мысль средневековья	16
Формирование основоположений политической философии в Новое время	18
Отцы-основатели политической философии	21
Окончательное разграничение политической философии и собственно философии	25
Дальнейшее развитие политико-философских идей и теорий в первой половине XIX в.	27
Особенности развития политико-философской мысли во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в.	29
Триумф позитивизма	31
Особенности развития политической философии после Второй мировой войны	32
Глава 2. Политическая философия: существенные характеристики	38
Мир политического как объект политико-философской рефлексии	38
Политическая теория	44
Существенные характеристики политической философии	47
Онтология мира политического	58
Глава 3. Философия государства и власти	68
Системные и организационные характеристики мира политического	68
Легитимность	71
Суверенитет	80
Происхождение и сущность власти	85
Власть и монополия на законное насилие	91
Абстрактность и безличность государства	101
Глава 4. Политическая идеология	110
Существенные характеристики идеологии	110
Функции идеологии	115
Место идеологии во внешней политике	120
Идеология в современном мире	127
Национализм как идеология	132

Глава 5. Свобода и рабство как проблема политической философии	139
Сущность свободы	139
Цена свободы	142
Действительная сущность свободы	145
Социальная сущность свободы	150
Легенда о Великом инквизиторе	152
Феномен Великого инквизитора в политике	159
Тоталитарный режим как царство Великого инквизитора	162
Глава 6. Морально-нравственный аспект мира политического	167
Основные трактовки проблемы	167
Политика между профессионализмом и моралью	175
Антиномия между свободой, равенством и справедливостью	182
Политика как искусство возможного	186
Глава 7. Реализм и идеализм в политике	193
Истоки, формирование и эволюция политического реализма	194
Основные положения политического реализма	197
Школа реальной политики	206
Истоки политического идеализма	212
Вильсонизм	215
Политический идеализм в период после Второй мировой войны	217
Конфликт и взаимозавязь реализма и идеализма	220
Глава 8. Философия конфликта и войны	227
Война как крайняя форма конфликта	227
Война вытекает из самой природы человека	230
Феномен врага как фактор конфликтов и войн	239
Ощипка феномена войны в мировых религиях	246
<i>Pax quaerenda est</i> — необходимо искать мира	252
Глава 9. Особенности конфликтов в современную эпоху: концептуальный аспект	261
Тотализация войны	261
Война как продолжение политики в ядерную эпоху	268
Спецобслужки: ли рыночная экономика и демократия искореняют конфликты и войны?	273
С неискоренимостью войн из жизни народов	278
Войны и <i>raison d'état</i> государства	281
Глава 10. Методология познания мира политического	287
Рационализм	287
Триумф позитивизма и системного подхода	290
Сравнительный анализ	294
Пределы позитивизма	299
Нельзя обобщить позитивизма охватить динамический мир политического	303
Объяснение и понимание	308
Язык и понятийно-категориальный аппарат	320
Литература	330

Предисловие

Человек есть существо, обитающее в пространстве и не-обратимом историческом времени. Но он живет еще и вне исторического времени, или, говоря словами М. Элиаде, в своей мечте, своем воображении. Иначе говоря, человек имеет духовное и мировоззренческое измерение. То же самое можно сказать о государстве, обществе, мировом сообществе.

Это относится и к *миру политического*, исключительно динамичному и изменчивому. Особенно важно в данном контексте то, что *мир политического имеет много измерений*. Их объединяющим началом является мировоззренческое измерение, а главным элементом его — *политическая философия*. Как считал Гегель, абсолютная идея как «единственный предмет и содержание философии» имеет разные формообразования, причем их философское постижение составляет «задачу отдельных философских наук». Таковыми являются *философия истории, философия религии, история философии, философия права*. Такой же «отдельной философской наукой» является и политическая философия.

Данной проблеме посвящено много работ, однако ряд ее важнейших аспектов еще не в полной мере исследован и требует дальнейшей разработки. Дискуссионными остаются важные вопросы: что есть политическая философия; когда и в силу каких факторов возникла политическая философия; кого можно считать ее основателями и разработчиками; какие она прошла этапы в своем развитии; каково соотношение политической философии с другими социальными и гуманитарными науками, с теорией и идеологией, ее место в мире политического.

Прежде всего, кого именно считать отцами-основателями и современными адептами политической философии? В фундаментальный труд «История политической философии» включены Фукидид и Платон, Ксенофонт и Аристотель, св. Августин и Аль-Фараби, Фома Аквинский и Н. Макиавелли, Мартин Лютер и Г. Гроций, Р. Декарт и Дж. Локк, А. Смит и Г. В. Гегель, К. Маркс и Ф. Ницше, Э. Гуссерль и М. Хайдеггер и др. [116]. Нетрудно заметить, что среди них есть как «чистые» философы, так и юристы, как политэкономисты, так и историки. Здесь, в перечислении имен, отразилось смешение *политической философии и политической теории*: нередко эти понятия используются в качестве синонимов. В свою очередь, они отождествляются с термином «*политическая идеология*». Очевидно, что это сложный и многоаспектный вопрос, имеющий важное значение для правильного понимания как структурных элементов мира политического, так и его понятийно-категориального аппарата.

Когда же именно возникла политическая философия? В попытках найти ответ на этот вопрос многие исследователи обращали свой взор на отцов-основателей античной мысли. И действительно, к миру политического пристальный интерес проявляли такие столпы общественной мысли древности, как Платон, Аристотель, Цицерон и др. Тогда и позже были написаны фундаментальные трактаты и более мелкие сочинения под красноречивыми названиями: «Политика», «Государство», «Законы», «Республика», «Государь» и др. Поэтому многие современные зарубежные и отечественные исследователи считают возможным применительно к античному периоду говорить о политической философии и политической науке как о вполне сложившихся самостоятельных научных дисциплинах. Так, один из ведущих представителей американской политической науки Дж. Кэтлин называет Сократа «крестным отцом» западной политической философии [102, р. 33]. Английский политолог Н. Бэрри считает «Государство» Платона «самым первым и самым известным систематическим трактатом по политической философии» [96, р. 110]. Его американский коллега Ш. Уолин смело утверждает, что «именно грекам мы обязаны за изобретение политической философии и за демаркацию политической по своей природе сферы» [159, р. 28]. Интерес представляет также позиция К. Поппера, по мнению которого Платон «был социологом именно в том смысле, в каком понимали термин «социология» Конт, Милль и Спенсер» [65, т. 1, с. 67].

Наиболее крупным современным политическим философом, который последовательно отстаивал и обосновывал этот тезис, был американский ученый Л. Страус. Он назы-

вал Сократа основателем политической философии. По его мнению, труды Платона и Аристотеля представляют собой самые древние (из дошедших до нас) работы, посвященные политической философии. По схеме Страуса, классики политической философии, выступив против отождествления политической науки с риторикой, подняли первую до уровня самостоятельной дисциплины и тем самым «стали основателями политической науки в точном и окончательном смысле этого слова». Кроме этих работ, считал Страус, классическая политическая философия включает также политические учения стоиков, отцов церкви, схоластиков в той мере, в какой они не основаны исключительно на божественном откровении.

Так ли это? Что конкретно понимается под политической философией? Отсюда, в свою очередь, возникают другие не менее важные вопросы: когда и при каких условиях она сформировалась? Когда именно появилось само понятие «политическая философия»? Правомерно ли говорить о политической философии применительно к античному времени? И можно ли говорить о единой непрерывной традиции политической философии от античного периода до наших дней?

Люди часто обсуждают вопросы добродетели, нравственности, порядочности и их антиподы, не обязательно называя все своими именами. То же самое относится, по-видимому, и к политической философии. Очевидно, что античные мыслители также затрагивали ее проблемы, не считая нужным специально оговаривать это. Впрочем, насколько мне известно, Аристотель использовал данное понятие один-единственный раз. В своем труде «Политика» он, к примеру, утверждал, что понятия «равенство», «неравенство» принадлежат «к области политической философии» [1]. Однако здесь нельзя не учитывать, что русский перевод многих понятий античной мысли, как будет показано далее, не всегда адекватно передает их исконный первоначальный смысл. Тем более, что термин «политическая философия» вплоть до XVII–XVIII вв. практически не встречается.

Особую значимость этой проблеме придает то, что понятие не может быть отделено от выражаемого им феномена и установление времени его происхождения и эволюции зачастую служит ориентиром для установления примерного времени возникновения и соответствующего феномена. Соответственно, каждое конкретное понятие, призванное обозначить ту или иную научную дисциплину, может возникать лишь по мере формирования и институционализации этой дисциплины, а никак не раньше. Тем более понятия, возникшие в наше время, никак нельзя ис-

пользовать для обозначения дисциплин, существовавших в прошлом, множество веков или более двух тысячелетий тому назад.

Поскольку политическая философия по определению является прежде всего рефлексией политического бытия, то она может возникнуть лишь при наличии необходимых для этого предварительных условий. Речь идет прежде всего о формировании и утверждении: во-первых, самого мира политического; во-вторых, понятия политического в самом широком его значении; в-третьих, понятий второго порядка – государство, власть, право, свобода и т. д. Если этот тезис верен, то возникает важная проблема вычленения мира политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума. Потому что о политической философии мы вправе говорить постольку, поскольку существует самостоятельная сфера человеческой жизнедеятельности, рефлексией которой и может выступать политическая философия. Необходимо особо подчеркнуть, что сам мир политического – это исторический феномен, возникший на определенном этапе исторического развития в тесной связи с процессами формирования и выделения гражданского общества. Причем как масштабы, так и содержание понятия «мир политического» на протяжении всей истории подвергались если не радикальным, то существенным изменениям. Соответственно изменялись и трактовки мира политического, его компонентов, предназначения и функций.

Здесь вопрос состоит в том, чтобы не путать историю политических учений и идей, накопление политического знания с *политической наукой, политической философией и политической социологией*, хотя и нельзя отрицать факт существования между ними преемственной, генетической связи. Если зачатки первых в той или иной форме возникли с появлением самого государства, то политическая наука и политическая философия могли формироваться лишь по мере вычленения мира политического, т. е. той сферы, рефлексией которой и являются эти дисциплины, в качестве самостоятельной подсистемы человеческого социума или сферы жизнедеятельности людей. Подобно тому, как социология формировалась и развивалась в русле основных тенденций и закономерностей становления и эволюции гражданского общества, политическая философия и политическая наука также могли возникнуть лишь по мере отделения мира политического от экономической, социальной и духовной подсистем.

Таким образом, появилась необходимость в учебном курсе, призванном обеспечить студентов вузов знаниями о политической философии, ее сущностных характеристиках, месте и роли в системе социальных и гуманитарных наук, важнейших ве-

хах формирования и эволюции, основных составляющих, основополагающих идей и принципах.

Предлагаемый учебник посвящен исследованию этих сторон политической философии, без которых невозможно правильно понять и осмыслить мировоззренческие, идейные, концептуальные, ценностные составляющие мира политического. Эти знания нужны прежде всего студентам, аспирантам и преподавателям, специализирующимся в области философии и политической науки, а также всем, кто интересуется проблемами политики и мира политического в самых различных его аспектах и проявлениях.

Исторические вехи формирования политической философии

При анализе происхождения различных научных дисциплин необходимо отметить, что специализация интеллектуального труда, разделение его по различным отраслям знания произошли значительно позже, чем разделение сферы практической материальной деятельности, скажем, на сельское хозяйство и ремесло, а затем уже более мелкое дробление этих отраслей. Подобным же образом объясняется и диверсификация научных дисциплин, которые представляют собой феномены, возникшие на определенном этапе исторического развития. Это верно для подавляющего большинства социальных и гуманитарных наук, например, политэкономии, антропологии, социальной психологии, политической социологии и др., которые сформировались лишь в XIX–XX вв. В этом отношении не являются исключением политическая наука и политическая философия.

Античные корни

В поисках ответов на основополагающие вопросы мироздания вообще и самоорганизации человеческих сообществ в частности мыслители древности, особенно античности (а также средневековья), уделяли большое внимание проблемам политики, власти, государства, законности, форм государственного правления. Так, Аристотель писал: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественно цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики» [1, т. 4, с. 467]. Именно античным мыслителям принадлежит приоритет в разработке и введении в научный оборот множества политических идей и теорий, а также ряда важнейших понятий, с помощью которых мы определяем, оцениваем и исследуем политические феномены.

О высоком уровне самоорганизации человеческих сообществ в период античности свидетельствуют системы классификации форм правления, выдвинутые еще Платоном, Аристотелем и Полибием и более или менее подробно проанализированные в отечественной и зарубежной политической науке (об этом см.: [14]). При этом не может не обратить на себя внимание тот факт, что все эти формы правления характеризовались определенным комплексом основополагающих принципов, которые в корне отличают их от сложившихся в средние века, и особенно в Новое время.

Например, древнегреческая демократия в своих основополагающих аспектах существенно отличалась от демократии наших дней. Она представляла собой прежде всего систему прямого правления (или демократию участия), при которой весь народ, а точнее, совокупность свободных граждан, составлял как бы коллективного законодателя и в которой не была известна система представительства.

Не было разделения между законодательной и исполнительной властями: обе эти ветви были сосредоточены в руках активных членов данного социума. Такое положение стало возможным в результате ограниченных размеров древнегреческого государства, охватывавшего, как правило, город и прилегающую к нему сельскую территорию, население которых крайне редко превышало 10 тыс. граждан.

Другое важное отличие античной демократии от современной состояло в трактовке равенства. Античная демократия не только была совместима с рабством, но и предполагала его в качестве условия избавления от физической работы свободных граждан, которые посвящали себя разработке и решению общественных проблем. Более того, Аристотель отказывал в гражданстве лицам, живущим на свой заработок. «Ремесленники, – писал он, – не имеют права гражданства, как и вообще всякий другой класс населения, деятельность которого не направлена на служение добродетели» [1, т. 4, с. 606]. Современные же демократии не признают в политической сфере какие бы то ни было различия и привилегии, основанные на социальном происхождении, классе, расе и поле.

Кроме того, античной демократии было чуждо представление о конституции и конституционных ограничениях, налагаемых на государственную власть, а также об идее права, предшествующего государству и стоящего над государством. Говоря о «конституции государства», Аристотель имел в виду прежде всего его структуру, остов, скелет, как если бы речь шла о «конституции человека». В столь широком смысле любое государство имеет свою «конституцию». У древних греков конституция (politeia) оз-

начала форму правления, т.е. считалось, что все шесть форм правления (монархия, аристократия, олигархия, тирания, полиция и демократия), которые выделял Аристотель, имели конституции. Не знала античная демократия и таких основополагающих атрибутов современной демократии, как политический и идеологический плюрализм, принцип представительства, четкое разделение власти, закона и права и т.п.

Особенности трактовки полиса в античной мысли

С рассматриваемой точки зрения несомненный интерес представляет античный полис с характерной для него ориентацией на максимальное сближение и слияние общественного и частного, социального, культурного, экономического, политического и иных начал. Поэтому об обществе и мире политическом как самостоятельных сферах жизни людей, тем более о разделении государства и гражданского общества здесь просто не могло быть и речи. Иначе говоря, у античных (и средневековых) авторов понятия «гражданское общество», «политическое сообщество» и «государство» выступали в качестве синонимов и взаимозаменяемых терминов. Это «polis» и «politeia» у древних греков, «res publica» и «societas civilis» у древних римлян. Они охватывали все важнейшие сферы жизни людей.

Показательно, что однокорневое древнегреческое прилагательное *politicon* имеет смысл «гражданский», «общественный». Поэтому не случайно афоризм Аристотеля о человеке как *Zoon politicon* на современные языки переводится по-разному: «человек – существо политическое», «человек – существо общественное», «существо, живущее в полисе».

Приверженность духу гражданского коллективизма при полисной жизни выражалась в том, что общие интересы полиса сливались с частными интересами отдельных граждан, а в случае их столкновения приоритет бесспорно отдавался первым. Констатируя этот факт, Аристотель подчеркивал: даже если для одного человека благо является то же самое, что и для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства [1, т. 4, с. 379].

Здесь Аристотель, по сути дела, подчеркивал тот факт, что жизнь отдельного человека и экономически, и политически, и социально и т.д. определялась его принадлежностью к полису как к основополагающей реальности. Иначе и быть не могло, поскольку

С этой точки зрения большой интерес представляет позиция Аристотеля, изложенная им в «Политике». Здесь эквивалентом тезиса о человеке как политическом существе выступает другой, не менее важный тезис Аристотеля, согласно которому полис по своей природе предшествует семье и отдельному индивиду. По мнению Аристотеля, «государство принадлежит к тому, что существует по природе». Оно выше как отдельно взятого индивида, так и семьи, которые составляют лишь части единого целого в лице государства, без которого человек – худшее из животных. Очевидно, что Аристотель не оставляет человеку места вне государства, утверждая, что жить вне государства могут лишь боги и животные.

Полновластие полиса в отношении своих подданных проявлялось, в частности, в том, что он был носителем не только высшей светской, но и высшей духовной власти. По представлениям, например, древнегреческих мыслителей, утверждение полисной жизни на началах справедливости и законности связано с установлением власти олимпийских богов во главе с Зевсом. В древневосточном и греко-римском мирах общественная организация носила теократический характер в том смысле, что божественные персонажи зачастую выступали одновременно и как полноправные субъекты общественно-политических реальностей, и как сверхчеловеческие правители человеческих сообществ.

В этом контексте интерес представляет тот факт, что в Древнем Риме никем и ничем не ограничиваемая не оспариваемая государственная власть господствовала во всех сферах публичной жизни. Ей же принадлежали прерогативы надзора за религиозным культом. При этом не приходится говорить о каком-либо серьезном антагонизме между представителями религиозного культа и светской власти – жрецами и магистратами, на которых были возложены публично-правовые функции в соответствующих областях. Все это значит, что в античности (а затем и в средневековье) политическая и религиозная сферы в структурах государства теснейшим образом слиты в органическом единстве.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в древности все формы самоорганизации общества, будь то полис, республика или что-либо иное, подпадающее под современное понятие «государство», отождествлялись с обществом как таковым, обеспечивающим жизнедеятельность людей во всех ее формах и проявлениях. Важно отметить, что античные мыслители, разрабатывавшие политические феномены на основе полиса, вообще не знали понятия «государство», которое было введено в научный оборот Н. Макиавелли. К тому же в те времена отсутствовало понятие пра-

ва, предшествующего политическому строю и стоящего выше него, идеи прав личности, призванных поставить четкие границы государственной власти. Тогда еще не выявился конфликт между отдельным индивидом и государством, поскольку мысль противопоставить их не получила признания, хотя это отнюдь не говорило о гармоничности жизни или отсутствии в ней противоречий и конфликтов.

Очевидно, что понятия «полис» у древних греков и «республика» (от лат. *res publicae* – дело народа), которые, как правило, в русском переводе передаются термином «государство», никоим образом не предполагают противопоставления государства и общества, такое разграничение чуждо античной философской мысли. Показательно, что римское право называлось гражданским, хотя само общество, все его сферы были пронизаны политическим, государственным началом. По сути дела, античные мыслители говорили об обществе-государстве как о единой целостности. Современным эквивалентом понятий «полис» и «республика» корректнее считать не «государство», а «страна», «сообщество» или какое-либо иное понятие, адекватно выражающее реальное содержание этого исторического феномена.

Таким образом, в Древнем мире политические феномены в целом изучались в связи со всем комплексом общественных явлений. Все знания о социальном мире, в том числе о полисе, понимаемом как единое целое общество – государство, были едины и неразделимы. Имел место своеобразный универсализм, при котором политическое специально не выделялось из общей суммы всех общественных явлений. Человек античности воспринимал основополагающие аспекты жизни в их целостности, не делая различий между государством и гражданским состоянием, фактами и ценностями, реальным и идеальным и т.д. Знания, будучи знаниями о мироздании, космосе, бытии и т.д., носили целостно-синкретический характер. Поэтому мирозерцание людей характеризовалось целостностью и нерасчлененностью на отдельные сферы.

В результате в течение всей предшествующей Новому времени истории ученый смотрел на себя не как на специалиста в какой-либо области знания, а как на искателя знаний и мудрости вообще о всех сферах и проявлениях человеческой жизни. Отсюда и само название – *философия* (в индийской мысли – *даршана*), т.е. *любознание*. Фалес, объясняя солнечное и лунное затмения тем, что их свет заслоняется Луной или Землей, называл это философией. Или открытую Пифагором гармонию звуков также называли философией. «Я считаю, что наука о географии, которой я решил теперь заниматься, так же как и всякая другая наука, входит в круг занятий философии», – с таких слов начинается свой знаме-

нитый труд великий географ древности Страбон. Данный тезис он обосновывал тем, что в прошлом все, кто занимались этим делом, были философами. Среди них он называл Гомера, Анаксимандра, Демокрита, Дикеарха, Полибия и других [71, с. 7]. Интерес представляет также рассуждение Страбона о том, что «наиболее мудрые из тех, кто писал о поэзии... говорят, что она является чем-то вроде первоначальной философии» [71, с. 12].

Можно ли говорить о политической философии применительно к античному миру?

Если согласиться с приведенными доводами, то применительно к античности (да и средневековью) о политической философии и политической науке (как это принято и у нас, и на Западе) говорить, по-видимому, корректнее в том смысле, в котором Аристотель писал о *Zoon politikon*. У древнегреческого мыслителя последний не просто «животное (или существо) политическое» с современной точки зрения, а «животное общественное» в самом широком и глубинном понимании этого выражения. В этом смысле вся античная философия считалась политической, т.е. общественной. Или, иначе говоря, речь может идти отнюдь не о политической философии и политической науке в строгом смысле слова, а о философии или науке об обществе-государстве вообще, что далеко не одно и то же.

Дело в том, что античные мыслители имели в виду не только и не столько государство и мир политического в нынешнем смысле слова. Их труды – это исследования полиса в его тотальности без различения каких-либо отдельных сфер жизни. Если перевести на язык наших дней, то эта тема относится к типу обществоведческих, рассматривающих, согласно стандартам современной классификации социальных и гуманитарных наук, объекты исследования социологии, политической социологии, политологии, политэкономии, культурологии, философии и т.д. в их интегральном единстве, исключаяем какую бы то ни было расчлененность на отдельные самостоятельные сферы жизни.

Чтобы убедиться в обоснованности этого тезиса, достаточно обратиться к «политическим» по названию трудам Платона «Государство», «Политика» и «Законы», а также Аристотеля «Политика», «Риторика» и «Никомахова этика». Если согласиться в этом тезисом, то классиков античной мысли можно было бы назвать не только «политическими философами» и «политическими учеными», но и с не меньшим на то основанием «социологами», «политическими социологами», «политэкономистами», «культуро-

логами» и т.д. Но такая постановка вопроса была бы недопустимым «осовремениванием» античных мыслителей.

Вместе с тем важно учесть, что в древности на Востоке и в греко-римском мире начали формироваться зачатки по-своему понимаемых идей естественного и положительного права и договорного происхождения государства, которые получили свое наиболее законченное выражение в социально-философских и идейно-политических системах Нового времени.

Политическая мысль средневековья

В течение всего средневековья сохранял силу принцип единства всех сфер жизни, их нерасчлененности и подчиненности некоему единому началу. Не ограничиваясь одними только философскими и эстетическими категориями, литературой, изобразительными искусствами и музыкой, культурное начало охватывало также право, хозяйство, всю практическую деятельность людей. И, наоборот, сама культура и все сферы общественной жизни были пронизаны политическим или государственным началом. И человек воспринимал свое социальное окружение в его цельности и нерасчлененности.

Феодальная система не знала государственного (управляющего) аппарата, существующего самостоятельно от хозяйственной системы, они проникали друг в друга. Аристократия, городские и сельские общины, корпорации ремесленников и др. представляли собой в той или иной форме привилегированные группы, имеющие определенные свободы в рамках своей сферы деятельности. Это был период преобладания частного права. Все права коренились в собственности, в договоре и наследстве. Каждый человек зависел от своего сеньера, и это подчинение получило правовое основание. Власть оказалась теснейшим образом сопряжена с землевладением. В силу этого в средневековой концепции свободы отсутствовало различие между гражданской и политической свободами.

Это вполне объяснимо, если учесть факт органического слияния в тот период собственности и власти, что, в свою очередь, обуславливало господство системы личных отношений между сувереном и вассалом. В качестве определяющего нравственного императива в средние века на смену древнегреческой добродетели пришла верность. Разрыв со своим сословием стал рассматриваться чуть ли не как смертный грех. Законом стал принцип унаследования сыном статуса отца. Как писал Ж. Ле Гофф, «устойчивость была противопоставлена социальным пере-

нам, особенно возвышениям. Идеалом стало общество “старожиллов”» [22, с. 30].

Поэтому неудивительно, что философия сохраняла за собой статус универсальной дисциплины, призванной исследовать и объяснять все аспекты общественной и индивидуальной жизни. Но, тем не менее, в средние века место, роль и задачи философии по сравнению с античностью подверглись существенной трансформации, в основе которой лежало радикальное изменение самой постановки основополагающих проблем мироустройства. После принятия императором Константином христианства теология постепенно приобрела политическое значение. Религия стала ядром, стержнем культуры и мировоззрения феодального общества. Политика, право, юриспруденция в руках священнослужителей стали прикладными отраслями богословия. Чуть ли не с самого начала был сделан акцент на постулате о божественном происхождении власти, необходимости покорности и недопустимости сопротивления ей.

Эта установка получила дальнейшее развитие с превращением христианства в государственную религию. Обосновывая свои притязания на верховенство духовной власти над светской, церковь утверждала, что она получила власть прямо от самого Христа, и в силу этого безусловная обязанность земных государей состоит в том, чтобы подчиняться главе христианской церкви. Еще св. Амвросий выдвинул по сути дела революционную по своему содержанию доктрину о независимости церкви от государства. Из этого делался далеко идущий вывод о подчинении светской власти королей духовной власти церкви. Папство устами папы Григория VII провозгласило, что светская власть является лишь отражением духовной власти, точно так же как свет Луны является отражением солнечного света.

Можно сказать, что уже в эпоху возникновения христианства и падения Римской империи философия постепенно поглощалась теологией, а в средние века – католической теологией. Оторвавшись от одной – языческой, философия попала под господство другой мифологии – христианской – и стала «служанкой богословия», призванной разработать и обосновать догматическое учение церкви. Она по сути дела завоевала полную монополию в сфере духовной жизни. Благодаря этому философия сохранила за собой статус целостного, всеохватывающего мировоззрения, адекватного состоянию умов той эпохи.

Но при всем сказанном, на исходе средневековья светское знание постепенно стало высвобождаться из тенет христианской схоластики. Начала формироваться идея о двойной ис-

тине – богословской и философской, религиозной и научной. Так, Дунс Скот считал философию чистой теорией, исключительным объектом которой полагал природу, а богословие – практической наукой, к исключительному объекту которой относил божественное царство благодати. Более того, в этом русле постепенно формировалась и мысль о необходимости разграничения сфер деятельности церкви и государства.

Но, тем не менее, из всего изложенного можно сделать вывод, что период от античности вплоть до начала Нового времени составляет предысторию политической науки и политической философии, главное значение которой состоит в накоплении и трансмиссии от поколения к поколению политического и политико-философского знания. Этот период представлен Аристотелем, Платоном, Цицероном, Ф. Аквинским и другими мыслителями древности и средневековья, которых правильнее назвать не политическими учеными или политическими философами в собственном смысле слова, а их предтечами.

Формирование основоположений политической философии в Новое время

Качественные изменения с точки зрения формирования основ политической философии произошли с переходом от средних веков к Новому времени. Именно тогда начались грандиозные социальные, национально-государственные, политические, мировоззренческие и иные сдвиги и изменения, в совокупности составившие великую трансформацию, которая, в свою очередь, привела к зарождению и развитию капитализма. Иными словами, возникла и утвердилась новая система миропонимания, которая перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Ее основу составили западное христианство, ренессансная и реформационная культурные и интеллектуальные традиции, Просвещение и связанные с ними социально-философские и общественно-политические учения.

Эта новая мировоззренческая система в процессе своего формирования и дальнейшего развития вобрала в себя самые разнообразные и зачастую, казалось бы, несовместимые элементы: переработанные в свете научных достижений конца средневековья и Нового времени идеи античного и средневекового республиканизма, естественного права, рационализма, *laissez faire*, принципы рыночных отношений и т.д. При этом стали определяющими, с одной стороны, атомистические и механистические представления о мире и обществе, а с другой – ньютоновская

картина мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т.д. Социальный мир, подобно природной вселенной, изображался как некий жестко детерминированный часовой механизм, действие которого может понять любой человек, обладающий способностью объять и проанализировать все его элементы и отношения между ними в их тотальности.

С рассматриваемой точки зрения особое значение имело формирование и вычленение из целостного человеческого социума гражданского общества и мира политического в качестве самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, подсистем жизнедеятельности людей. Об этих феноменах в современном понимании можно говорить лишь с момента появления личности и гражданина как самостоятельного, осознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом права и свобод, обладающего своими особыми интересами, не всегда совпадающими с интересами общества, и в то же время несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия.

Правовой статус отдельного человека отделился от его социально-экономического, конфессионального, культурного статуса в обществе, человек превратился одновременно в частное лицо и гражданина. В итоге мыслители Нового времени, открыв личность, вместе с тем осознали непреложный факт вечной антиномии между личностью и обществом, личностью, обществом и государством. Они пришли к выводу, что общество состоит из автономных и способных к самореализации индивидов, а сущность истории заключается в прогрессивном освобождении от тиранических структур, унаследованных от прошлого. Такая, по сути дела революционная, трактовка, впервые получившая более или менее законченную форму в теориях Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др., перевернула общепринятые представления о человеке, обществе и государстве. Было заявлено, что человек – самостоятельный и свободный индивид, способный без чьей-либо помощи извне реализовать свои цели и интересы, он сам лучше, чем кто-либо другой, в том числе и государство, знает, что для него хорошо, а что плохо.

Основным содержанием и магистральным направлением развития общественно-политической мысли в Новое время были формирование и разработка идеи государства вообще и национального государства в частности. Своего рода духовным рубежом в этом процессе оказалась Реформация, совпавшая с началом процесса становления наций, национальной идеи и национального самосознания европейских народов и национального суверенитета. Выступив против притязаний католической церкви на свою

универсальность, первые протестанты выдвинули принцип *cuius regio, ejus religio*, согласно которому каждый государь или народ вправе сам решать вопрос о форме своего вероисповедания.

Заслуга протестантизма состоит в том, что он способствовал разрыву традиционного для Европы слияния религии, государства и общества. Если почти все средневековые учения ставили в центр внимания религию и церковь как высший авторитет, учения Нового времени отдают приоритет светскому началу, отвергая авторитет церкви для государства.

В сфере общественно-политической мысли эти процессы проявились, в частности, в диверсификации научных дисциплин, которая самым непосредственным образом коснулась и философии. Интенсифицировался начатый еще Дунсом Скотом процесс обособления философии от теологии. Философия снова поставила своим идеалом знание ради самого знания, конечной целью исследования стало познание реальной действительности.

В целом философия оказалась перед необходимостью приспособиться к условиям все более нарастающей дифференциации и фрагментации познания, процессу прогрессивного дробления научных дисциплин. Постепенно естественные науки перестали зависеть от философии. Процесс сегментации единой философии и рождения новых научных дисциплин приобрел необратимый характер. В этом русле развертывались формирование и разработка важнейших представлений о мире политического, о политике, политической деятельности, государстве, власти, политических институтах в современном их понимании и, соответственно, формирование основ их научного анализа. Политическая наука и политическая философия как раз и возникли в качестве научных дисциплин, призванных изучать мир как особую сферу жизнедеятельности людей.

Показательно, что в центре внимания мыслителей Нового времени встала проблема государства вообще и национального государства в частности. При этом трудно переоценить значение изысканий Н. Макиавелли. Одним из первых бросив вызов античной классической традиции, он в более или менее четкой форме заявил о политическом как об особой, самостоятельной сфере человеческой жизнедеятельности. Для него политика представляет собой сферу, которая сама для себя вырабатывает собственные цели, методы и средства их реализации. Поэтому ее можно оценивать, исходя из этих целей и средств, а не руководствуясь какими бы то ни были внешними критериями, в том числе и нормами веры и морали.

Вслед за Н. Макиавелли большой вклад в освобождение политики и политической мысли от католического уни-

версализма, средневековой схоластики, теологии и церковной морали внесла целая плеяда мыслителей Нового времени. В некотором роде этапными можно считать такие труды, как «О свободе слова» Дж. Мильтона, «Левиафан» Дж. Гоббса, «Два трактата о государственном правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо, «Богословско-политический трактат» Б. Спинозы, «Гражданское общество» А. Фергюсона, работы французских энциклопедистов и т.д. В этих произведениях в той или иной форме поднималась проблема политического как особой сферы жизнедеятельности людей.

Осевым элементом формировавшейся теории национального государства стала идея суверенитета. Борьба за власть, которая в тот период вылилась в династические, гражданские и религиозные войны, была тесно связана с признанием за национальным государством статуса основной формы самоорганизации того или иного сообщества людей на определенной территории. Приоритет и главная заслуга в разработке идеи государственного суверенитета принадлежит Ж. Бодену, который в своем основном труде «Шесть книг о республике» (1576 г.) обстоятельно проанализировал сущность государства в важнейших его аспектах. Главная суть книги состояла в обосновании тезиса о том, что о существовании государства можно говорить лишь в том случае, если оно наделено суверенитетом, под которым подразумевалась «абсолютная и постоянная власть», «высшая власть повелевать». Она едина, неделима, неограниченна и не связана с какими бы то ни было сковывающими условиями.

Для институционализации суверенного национального государства большое значение имели формальное лишение всех лиц, сословий, образований властных полномочий и их сосредоточение в руках суверенного государства, а также признание равенства политических прав всех граждан независимо от социального происхождения, вероисповедания, национальности. На подконтрольной данному государству территории не остается и не может быть какой-либо иной власти кроме как власти единого суверена. Наиболее завершенным выражением этого принципа стала монополия государства на легитимное насилие.

Отцы-основатели политической философии

Качественно новый шаг в направлении разработки государственной идеи сделал Т. Гоббс. Его труд «О гражданине» и вторую часть «Левиафана» «О государстве», по-видимому, можно считать первыми подлинно политико-философскими произведениями

ями в собственном смысле слова, хотя сам Гоббс не использовал еще понятие «политическая философия». Если сравнить эти работы с трудами классиков античной мысли, то нельзя не обнаружить их разительное различие как по тональности, так и по смыслу. В основе концепции Гоббса лежит взаимодействие и динамика противоположных начал коллективно-государственного и индивидуально-личностного. В обеих названных работах он имеет в виду прежде всего сущность и предназначение государства, этого «искусственного человека», антипода естественного состояния людей.

При этом характерные для Гоббса тенденции к восхвалению абсолютизма государственной власти согласуются с теорией правового государства, поскольку выдвигавшиеся им идеи единого и суверенного государства предполагали ликвидацию принципа неравенства и разнообразия прав в зависимости от наследственного, социального или иного статуса людей, а также превращение сословного общества в гражданское путем уравнивания всех членов общества перед государством и правом.

Исходя из подобных посылок, Гоббс и предлагал свою концепцию философии государства. В основе его построений лежит тезис о двух состояниях любого человеческого общества: естественном (*status naturalis*), когда отсутствует какая бы то ни было государственная организация, и государственном, гражданском (*status civilis*). Поэтому, говорил он, философия распадается на две основные части: философию естественную и философию гражданскую, или философию государства. Поскольку же для определения основных характеристик государства необходимо предварительно изучить склонности, аффекты, права и нравы людей, то и сама философия государства подразделяется на два раздела: этику, трактующую склонности и нравы, и политику, или просто философию государства, исследующую гражданские обязанности. Таким образом, в разделе первом «Основ философии» Т. Гоббс впервые говорил о философии морали (*philosophia moralis*) и философии государства (*philosophia civilis*) [21, т. 1, с. 78], причем он утверждал, что «философия государства связана с философией морали, но не настолько тесно, чтобы ее нельзя было отделить от последней». При этом Гоббс был убежден в том, что он разработал совершенно новую философию государства. Он, по сути дела, отрицал, что до его «Основ философии» вообще существовала какая бы то ни было философия государства или наука о государстве вообще. Можно сказать, что Гоббсу принадлежит приоритет в плане введения в научный оборот понятия «философия государства». Но, как можно убедиться из вышеизложенного, он затрагивает более широкие про-

блемы, относящиеся к миру политического в целом, нежели к одному только государству.

В целом, рассматривая государство как высшую ценность и самодовлеющую сущность, выступающую в качестве гаранта справедливости, жизни и основных благ своих граждан, Макиавелли, Гоббс, Боден, Гроций и др. способствовали освобождению идей государства от теологии и фидеизма, узаконили проблему государства в качестве самостоятельной и самодостаточной сущности. Именно их следует назвать первыми отцами-основателями политической философии в собственном смысле слова.

Продолжая и развивая взгляды индипендентов и левеллеров, Дж. Локк более четко разработал идеи народного верховенства, договорного происхождения государства и власти, а также неотчуждаемых прав личности [45, т. 3]. Объясняя многие бедствия Англии религиозными преследованиями, Дж. Локк решительно отстаивал необходимость полного отделения церкви от государства.

Политические и политико-философские взгляды Локка наиболее последовательно изложены в его труде «Два трактата о правлении». Отвергая какую бы то ни было мысль о божественном вмешательстве, Локк настойчиво проводил мысль о том, что государство – это результат договора и чисто земное дело [47, т. 3, с. 137]. Согласно Дж. Локку, общество предшествует государству, оно существует «по природе». Государство представляет собой некое «новое тело», вторичный, искусственный орган, созданный в силу волеизъявления народа, заключившего договор с правителем, которому делегируется определенный комплекс властных полномочий. При нарушении правителем этого договора народ вправе сместить его и призвать на его место другого правителя. Если каким-либо образом правительство уничтожается, то общество сохраняется со всеми своими естественными законами и правами.

Проанализировав воззрения Локка, можно сделать следующий вывод: верховный государственный орган следует сравнивать не с головой, увенчивающей общество-тело, а со шляпой, которую безболезненно для последнего можно сменить. Иначе говоря, общество – постоянная величина, а государство – производное от него.

Более современно звучит позиция Локка и по другому важному вопросу. Симптоматично, что Т. Гоббс в середине XVII в. категорически отвергал саму мысль о возможности разделения единой суверенной власти на том основании, что «делить власть государства – значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга» [21, т. 2, с. 254]. Что касается Локка, то ему принадлежит заслуга разработки теории разделения власти

на две главные ветви: законодательную и исполнительную. Правда, он различал еще и третью ветвь – союзную или федеральную власть, наделенную полномочиями объявлять войну и заключать мир с иностранными государствами. Таким образом, Локку была чужда мысль о судебной власти как самостоятельной ветви: он полагал, что реализация судебных функций должна оставаться в компетенции исполнительной власти.

Политико-философский характер «Двух трактатов» определяется тем фактом, что в этом произведении анализируются и высвечиваются такие онтологические и гносеологические вопросы, как сущность мира политического, государства и власти, условия и факторы их возникновения, жизнеспособности и исчезновения, формы, в которых они могут существовать, и т.д. Поэтому Локка с полным основанием можно считать одним из авторов идеи правового государства и наряду с Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Ж. Боденом и др. одним из отцов-основателей политической философии.

Особенно весомый вклад в разработку идей прав и свобод личности, гражданского состояния, противопоставляемого произволу церкви и государства, внесли французские мыслители, большая часть которых выступала за переустройство формы правления на путях ее либерализации и демократизации. С этой точки зрения особо важное значение имели воззрения Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Так, в своем труде «О духе законов» Монтескье, обосновывая свою позицию, писал: «Политическая свобода может быть обнаружена только там, где нет злоупотребления властью» [56, с. 290]. Сформулированный Ш.-Л. Монтескье принцип разделения властей на три главные ветви: законодательную, исполнительную и судебную – оказался основополагающим. По его мысли, в случае соединения любых двух ветвей неизбежно подавление свободы, господство произвола и тирании. А соединение всех трех в одном лице или органе составляет характерную черту деспотизма. При этом важно отметить, что Монтескье подчеркивал не только независимость ветвей власти друг от друга, но и необходимость их взаимного дополнения и уравновешивания. У него разделенные власти выступают как подсистемы единой системы, как три ветви единого ствола.

На формирование договорной теории государства и ряда других идей и теорий, составивших субстрат политической философии, сильно повлияли воззрения Ж.-Ж. Руссо. Главная мысль его состояла в том, что справедливое и отвечающее природе людей государственное устройство должно основываться на общественном договоре. Пытаясь разрешить проблему справедливого государственного устройства путем обеспечения для всех граждан

возможности участия в высшей власти, Руссо предполагал отчуждение личных прав граждан в пользу государства во имя реализации всеобщей воли, подчинение каждым отдельно взятым членом общества своей воли общей единой воле, равноправными субъектами которой должны стать все граждане. В итоге все члены общества будут одинаково подчинены и одинаково господствовать. Поскольку здесь все находится в одинаковых отношениях друг к другу, то тем самым достигается полное равенство всех.

На главное заблуждение Руссо указал еще Б. Констан, который, в частности, обратил внимание на то, что, концентрировав внимание на политической свободе, Руссо игнорировал личную свободу, которая отдавалась на откуп всеобщей воле, т.е. коллективу. Власть всеобщей воли неделима, абсолютна, непогрешима и никому недеlegируема. Она исключает обособление отдельных интересов, партий, фракций. Показательно, что Руссо отвергал принцип разделения властей на том основании, что власть, выражающая всеобщую волю, должна быть единой и нераздельной.

Все сказанное свидетельствует о том, что к середине XVIII в. со всей очевидностью наметилась тенденция к коренному пересмотру традиционной концепции гражданского общества-государства и окончательному утверждению идей и понятий гражданского общества и мира политического как самостоятельных сфер человеческой деятельности. Этот процесс завершился во второй половине XVIII–XIX вв. в процессе формирования капиталистической системы с такими ее основополагающими атрибутами, как частная собственность, свободно-рыночная экономика, представительная парламентская демократия и правовое государство, разграничение между социальной и политической сферами, экономическими, социальными и политическими функциями.

Окончательное разграничение политической философии и собственно философии

Постепенно разграничение между гражданским обществом и государством превратилось в аргумент против статус-кво, и появились идеи будущего государственного устройства, призванного обеспечить социальное равенство, гражданские свободы и ограниченное конституционное правительство. Эти подробно разработанные представителями манчестерской школы и классического либерализма постулаты, получившие свое выражение в идеях свободной конкуренции, «государства – ночного сторожа», твердого индивидуализма, негативной свободы и т.д., в дальнейшем ста-

ли идейной основой анархизма, либертаризма и других радикальных течений общественной мысли.

В данном контексте немаловажную роль сыграл тот существенный толчок, который был дан развитию политической теории, идей конституционного строя, республиканской и либерально-демократической форм правления, а также предпосылок формирования и утверждения институтов, отношений и норм, соответствующих этим теориям и идеям, Просвещением, а затем Великой французской революцией, войной за независимость США конца XVIII в. и серией революций в XIX в. Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в английской, американской и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, соответствующие самой природе человека.

Все эти процессы и тенденции как в общественно-политической жизни, так и в духовной сфере создали объективные предпосылки для окончательного разграничения между естественной философией, моральной философией и философией государства. Уже в XVII в., когда понятие «естественная философия» начали использовать применительно к естественной науке Галилея и Ньютона, к моральной философии стали относить те области знания, которые во времена Платона и Аристотеля объединялись понятиями «этика» и «политика», а также другие области общественной жизни, ставшие позже объектом исследования социальных и гуманитарных наук. По мере возрастания значимости химии, физики, биологии и других дисциплин утвердились понятия «естественные науки» и «моральные науки». В рамках последних изучались и анализировались почти все общественные и политические явления, процессы, институты.

В первой половине XIX в. моральные науки получили окончательное название «социальные науки», объектом изучения которых стали общество и мир политического в их взаимосвязи и взаимозависимости. В XVIII в. возникла эпистемология в современном смысле этого слова, а в XIX в. – философия науки как самостоятельная дисциплина. В том же веке появилось и получило распространение такое понятие, как «гуманитарные науки». В рамках социальных и гуманитарных наук благодаря Г.В.Ф. Гегелю философия истории стала самостоятельной областью исследования. В этом же русле окончательно выделились и институционализировались политическая наука и политическая философия. Следует отметить, что само понятие «политическая философия» начало входить в научный лексикон в конце XVIII в. Одним из первых его использовал И.Г. Гердер в своем фундаментальном труде «Идеи к

философии истории человечества», вышедшем в свет в 1784–1791 годах [19, с. 422]. Все это свидетельствовало о том, что процесс сегментации единой философии и рождения новых научных дисциплин приобрел необратимый характер. И с этого момента, как представляется, и начинается собственно история политической философии.

Дальнейшее развитие политико-философских идей и теорий в первой половине XIX в.

Свой вклад в разработку основополагающих постулатов, установок, положений политической философии внесла целая плеяда ученых, философов, мыслителей, среди которых следует особо отметить И. Канта и Г.Ф.В. Гегеля. При этом особый интерес представляет работа Канта «Учения о праве», посвященная разработке основоположений правового государства. В ней в качестве главного нравственного закона, необходимого условия обосновывался государственный порядок. Проанализировав три основные ветви власти, без которых немыслимо само правовое государство, Кант пришел к выводу, что именно благодаря им государство «обладает автономией, т.е. само себя создает и поддерживает в соответствии с законами свободы». При этом он специально подчеркивал, что «под благом государства подразумевается... высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум *через некий категорический императив*» [34, т. 6, с. 350]. Суть категорического императива заключается в постулате о совершенном достоинстве и абсолютной ценности личности. Человек руководствуется априорным безусловным законом, не подверженным влиянию каких бы то ни было внешних обстоятельств, влияний. Бытие самого государства, как считал Кант, определяется требованиями категорического императива.

В то же время Кант отвергал слишком восторженную, на его взгляд, оценку человека просветителями. Он был убежден в том, что «зло присуще человеку от природы» или, иначе говоря, зло составляет прирожденное свойство человека. Для обуздания этого начала человек, человеческое общество нуждается во внешнем порядке, олицетворяемом правом и государством. Антагонизм, противоборство – эти проявления противообщественной общительности (*ungesellige Geselligkeit*) между людьми – превратились бы во всеобщую бескомпромиссную войну всех против всех, способную положить конец самому общественно-историческому процессу, если бы не право и государство, призванные обеспечить, с одной стороны, наивозможную в обществе свободу, а с другой – со-

ответствующий внешний контроль для определения границ этой свободы. Немаловажное место в кантовском учении о праве занимает идея о народном суверенитете, сжато изложенная в формуле: «чего не может постановить о себе соединенная воля народа, того не может постановить и правитель».

Обращает на себя внимание тот факт, что Гегель не использует понятие «политическая философия» или «философия политики». Свой фундаментальный труд, посвященный материям, подпадаемым под это понятие, он назвал «Философия права». Напомним, что у английских авторов, начиная с Т. Гоббса, утвердились понятия «моральная философия» и «философия государства», равно как и «правление закона» (rule of law), причем в Германии эквивалентом последнего считалось понятие «правовое государство» (Rechtsstaat). Здесь же не случайно в конце XVIII в. возникло и понятие «философия права». Выбор Гегеля, по-видимому, объясняется тем, что формирование и утверждение идеи права и правового начала имели ключевое значение для радикальной трансформации самого мира политического в современном смысле слова.

«Философская наука о праве, – писал Гегель, – имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление» [17, с. 59]. Однако анализ содержания «Философии права» показывает, что ее следует трактовать в более широком контексте. Дело в том, что Гегель излагает только собственное понимание принципов формирования и функционирования мира политического, политической организации общества. Важнейшие проблемы добра и зла, права и закона, свободы и справедливости, морали и нравственности, личности, семьи, собственности, гражданского общества и т.д. рассматриваются в их соотнесенности с государством.

Это дает основание рассматривать данную работу не только как философию права, но и как философию политики вообще или как политическую философию. Политико-философский характер книги особенно отчетливо прослеживается в ее третьей части, озаглавленной «Нравственность». Здесь автор затрагивает ключевые вопросы, связанные с сущностью семьи, гражданского общества и особенно государства. Гегель подробно останавливается на идее государства, проблемах соотношения государства и религии, общественного мнения и государственных институтов, сущности власти и разделения властей, исторических формах государства и государственного правления и т.д.

Для правильного понимания воззрений авторов конца XVIII – первых двух четвертей XIX в. следует учесть, что в ряде случаев политическая философия и политическая наука про-

должали использоваться как синонимы. Об этом свидетельствует, например, объемистый двухтомный труд английского исследователя Г. Броугэма под названием «Политическая философия», который вышел в свет в 1842–1843 гг. [101].

Особенности развития политико-философской мысли во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в.

Важнейшие проблемы, поставленные в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и других мыслителей Нового времени, нашли дальнейшую разработку и развитие во второй половине XIX и начале XX в. работах К. Маркса, Г. Спенсера, В. Парето, Г. Моски, М. Вебера, А. Мишеля, Л. Дюги, Б. Кроче, К. Шмитта и др.

Сущность и содержание воззрений исследователей того периода, занимавшихся проблемами политической философии и политической науки, определялись тем фактом, что в XIX – в начале XX в. сфера политического была окончательно вычленена и институционализирована как самостоятельная подсистема социума. Именно к тому периоду относятся окончательное формирование и утверждение в большинстве промышленно развитых стран важнейших институтов, которые в совокупности составили современную политическую систему в различных ее типах и формах. Речь идет прежде всего о четком разделении властей, утверждении парламента, исполнительной и судебной властей как самостоятельных ветвей и институтов власти, формировании государственно-административной системы, государственной службы, чиновничества, партий и партийных систем, избирательной системы и т.д.

В результате мир политического окончательно определился как самостоятельная реальность, имеющая собственное бытие, структуру, составные элементы, логику развития. Политическая наука и политическая философия как раз и стали дисциплинами, призванными изучать этот мир во всех его аспектах и проявлениях. В их рамках были сформулированы важнейшие политологические и политико-философские концепции, теории политики и мира политического, подняты фундаментальные проблемы эпистемологии и методологии, соотношения этики и морали, реального и идеального, свободы, равенства и справедливости, профессионального и морального в сфере политического, политической онтологии и т.д.

Соответственно, были разработаны основополагающие концепции и теории политики и мира политического. Началось формирование целого ряда политико-философских школ и направлений в лице либерализма, консерватизма, марксизма, со-

циал-демократизма, различных вариантов радикализма. Появились различные варианты так называемой органической теории государства. Развернулись споры и дискуссии о преимуществах и недостатках различных форм правления.

Среди авторов, внесших заметный вклад в постановку и разрешение важнейших проблем политической философии и политической социологии, следует назвать М. Вебера, который рассматривал политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и, соответственно, собственную историю. Он, в частности, полагал, что политика обусловлена не только производственными отношениями, как у Маркса, или разделением труда, как у Э. Дюркгейма, но и в равной степени влиянием административных структур. Большое значение имели сформулированные Вебером концепции бюрократии и плебисцитарно-вождистской демократии.

Вслед за К. Марксом и М. Вебером целая плеяда ученых, таких как В. Вильсон, Дж. Брайс, В. Парето, Р. Михельс, Г. Моска и др., выдвинули собственные теории политического развития. Так, Парето, Моска и Михельс пришли к выводу, что любая система политического правления независимо от ее формально-юридического или идеологического характера является, по существу, олигархической или элитистской. Здесь особо следует отметить теорию элиты, сформулированную в работах Г. Моска «Теория правления и парламентское правление» (1884 г.) и «Основы политической науки» (т. 1 – 1896 г. и т. 2 – 1923 г.), а также в трудах В. Парето «Трактат по общей социологии» (1916 г.) и «Трансформации демократии» (1921 г.). Суть этой теории в изложении Парето сводилась к следующему. По его мнению, любое общество делится на правителей (элисту) и управляемых. Во всех политических системах независимо от их формы политические реальности определяются соперничеством, конкуренцией и, соответственно, периодической сменой (циркуляцией) власти различных группировок элит, происходящей в тех случаях, когда правящая элита не способна разрешить возникшие перед обществом новые проблемы.

В конце XIX – начале XX в. наметились качественно новые направления социально-политического развития капитализма, сыгравшие немаловажную роль в эволюции политико-философских и идейно-политических систем. Их суть, как убедительно показано в отечественной и зарубежной научной литературе, состоит в том, что так называемый свободно-предпринимательский капитализм, господствовавший в период промышленной революции в большинстве наиболее индустриально развитых стран Запада, перерос в корпоративный или государственно-корпоративный. Наме-

тились существенные сдвиги в духовно-нравственном развитии западного общества: во-первых, были пересмотрены традиционные варианты либерализма, консерватизма и социал-демократизма; во-вторых, появились совершенно новые политико-философские и идеологические конструкции, выдвинутые в качестве ответа на новые вызовы капитализма. Речь идет о фашизме, нацизме и большевизме.

Триумф позитивизма

С самого начала развития политической науки и политической философии обозначались две главные тенденции. В странах континентальной Европы это – синтез эмпирического и теоретического начал, которые в Германии развивались в русле немецкой классической философской традиции, в контексте характерного для германского обществознания историзма. Германские исследователи исходили из признания того, что исследование политических реальностей должно быть сопряжено с выявлением и определением целей, которые в свою очередь связаны с ценностями и нормами. В этом плане в задачу политического, тем более политико-философского исследования входят философское осмысление социальной действительности и ориентация политики и политической деятельности на те или иные социальные и моральные ценности. С определенными оговорками можно сказать, что в этом русле развивалась политология большинства стран континентальной Европы.

Что касается англоязычных стран, то там политическая наука во все возрастающей степени делала крен в сторону позитивизма, в рамках которого наблюдалась тенденция к приравниванию науки о политике и естественных наук. Главную задачу политического исследования стали усматривать в поисках так называемых научных законов общественно-исторического развития. А в еще формировавшейся американской политической науке началась настоящая атака на политическую теорию и политическую философию. Известный исследователь конца XIX в. Ф. Поллок прямо назвал историю политической теории «историей науки политики». Хотя он и не считал, что такая наука равнозначна естественным наукам, тем не менее основную задачу ее он усматривал в том, чтобы критически оценить «дикие спекуляции» и «абсурдные теории и проекты» в сфере политики [141, р.1, 4].

Позитивизм, особенно в англоязычных странах, прежде всего в США, стал оттеснять политико-философское, теоретическое начало на второй план. Такой подход не мог не ска-

заться и на изучении мира политического, где постепенно начали преобладать принципы дробления предмета исследования, фактографии и эмпиризма. Главным объектом изучения стали политическое поведение, избирательный процесс, общественное мнение, процесс принятия политических решений, правила политической игры. Постепенно политические феномены и процессы во всевозрастающей степени становились объектом математизации и квантификации, что, в свою очередь, вело к изгнанию из политологических исследований теоретического, мировоззренческого и ценностного начал.

Позитивизация политических исследований достигла своего апогея в послевоенный период. В 50-е годы в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках. Американским ученым принадлежит заслуга разработки системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т.п. Политическая наука почти полностью оттеснила на второй план политическую философию. По сути дела позитивизм и бихевиоризм отказались от изучения политической философии и теории на том основании, что она является преградой на пути научного анализа.

В свете всего сказанного не случайно, что 30–50-е годы XX в. были наименее плодотворными в плане разработки проблематики политической философии. Не случайно и то, что в 1956 г. Г. Ласлет написал получившую известность статью, в которой заявил, что «традиция разорвалась» и «политическая философия умерла».

Особенности развития политической философии после Второй мировой войны

Вместе с тем анализ реального положения вещей в рассматриваемой сфере убедительно показывает несостоятельность рассуждений о наметившейся в 50-е годы смерти политической теории и политической философии. Обнаружилось, что они просто не могут исчезнуть до тех пор, пока люди не перестанут разрабатывать и обсуждать социально-политические цели и идеалы. Более того, сами позитивизм и неопозитивизм в различных их формах являются философскими направлениями и, естественно, характеризуются собственным видением мира политического. В частности, уже сам постулат о необходимости четкого разграничения количественных и поддающихся измерению и исчислению эмпирических фактов, с одной стороны, ценностей, теоретических и философских рассуждений – с другой, представляет собой самую что ни

на есть философско-мировоззренческую позицию. Скажем так, свобода от морали, отказ от ценностей – тоже определенная позиция в политике.

Политическая теория и политическая философия продолжали более или менее успешно развиваться в 50–60-е годы, т.е. в период так называемого триумфа позитивизма. Об этом свидетельствует, к примеру, работа известного американского философа К. Скиннера «Возвращение большой теории в гуманитарные науки», название которой говорит само за себя. Как бы подтверждая правоту Скиннера, уже на рубеже 50–60-х годов, несмотря на широкую популярность концепции о конце идеологии, появился целый ряд работ о политической философии и истории политических учений и теорий от античности до нашего времени. Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имели работы, посвященные различным течениям идейно-политической мысли и политической идеологии.

Существенный вклад как в разработку важнейших положений политической философии, так и в возрождение интереса к классической политической теории внесли Л. Страусс, Э. Вогелин, Х. Арндт и др. Они, в частности, настаивали на том, что изучение политической мысли прошлого имеет решающее значение для правильного понимания современных политических феноменов, равно как и для освещения и решения современных политических проблем. Они пришли к вполне обоснованному выводу, что стремление отделить факты от ценностей представляет собой не что иное, как выхолащивание задач политического исследования.

Отправной точкой для рассуждений этой группы авторов стала идея существования четко обозначенной единой западной традиции политической теории, понимаемой как некий комплекс идей, плавно эволюционизировавшихся (или должных эволюционировать) от античности до нашего времени.

Следует отметить, что основы такого подхода были заложены еще в конце XIX – начале XX в. представителями позитивизма, пытавшимися заменить политическую теорию и политическую философию просто историей политических идей и теорий. В этом плане показательна опубликованная в 1902–1920 гг. трехтомная работа У. Даннинга «История политических теорий», в которой автор предпринял попытку проанализировать процесс развития западной традиции политической мысли, сконцентрировав внимание на классических работах и их историческом контексте, начиная с Платона до конца XIX в. [106]. Даннинг пытался обосновать мысль о том, что современные ему политические институты и по-

литическая наука составляют кульминационный момент того процесса развития, который начался в античной Греции.

Следуя Даннингу, Л. Страусс уже после Второй мировой войны утверждал, что классическая политическая философия представляла собой истинную науку о политике. Более того, продолжал он, в работах Аристотеля содержатся универсальные знания о политике. В них – «истинная политическая философия» и «политическая истина» [148, р. 68–69]. Вслед за Л. Страуссом Э. Вогелин также рассматривал изучение истории политической философии как форму «терапевтического анализа», необходимого в качестве ответа на интеллектуальный и политический кризис, угрожающий Западу в наши дни. Для преодоления негативных последствий позитивизма он считал необходимым вернуться к системе политического исследования, основанного Платоном и Аристотелем [154, р. 171–189], причем, по мнению Вогелина, существует прямая преемственная связь между гностицизмом первых веков христианства и нынешними губительными системами идей – прогрессизмом, позитивизмом, гегельянством, марксизмом, психоанализом, коммунизмом, фашизмом, национал-социализмом и либерализмом, которые повинны в убийстве Бога и ликвидации опыта трансцендентного.

Складывается впечатление, что эти авторы по сути дела создали некий миф о единой и неразрывной западной политико-философской традиции, якобы простирающейся от Сократа – Платона – Аристотеля до наших дней, и почти все основные свои постулаты строили именно на этой искусственно сконструированной схеме. Нельзя не отметить, что авторы, о которых идет речь, сыграли большую роль в раскрытии многих важных аспектов античной мысли, в том числе и тех из них, которые относились к интерпретации политического, как адепты этой мысли его понимали. Но их работы не всегда и не обязательно давали адекватные ответы на современные реальности. При этом анализ содержания работ этих авторов, которые, судя по названиям (например, «Политическая философия Платона» Л. Страусса), считаются посвященными политической философии античных мыслителей, показывает, что в них по сути дела речь идет о философии в античном понимании этого слова как дисциплины, охватывающей знания и мудрость о всех сторонах жизни людей и человеческих сообществ. В сущности это – работы не о политической философии и не об истории политической философии, а об *истории философской мысли вообще Платона, Аристотеля и других античных мыслителей*, которые стали объектом их исследования.

Иначе говоря, здесь совершенно без ущерба для содержания работ можно было бы обойтись без прилагательного «политическая». Как уже указывалось, в античности термин «политический» понимался в самом широком смысле, охватывая в совокупности все то, что мы в настоящее время обозначаем понятиями «социально-экономический», «общественно-политический» и, возможно, некоторыми другими.

Они предлагали по сути дела искусственную, так сказать, рационализированную версию истории политической философии и политической мысли. Некоторые внешние схожести используемых в них терминов и понятий не дают сколько-нибудь убедительных оснований рассматривать работы «Политика» Аристотеля и «Государство» Платона, «О граде Божиим» св. Августина, «О правлении властителей» и «Сумма теологии» Фомы Аквинского, «Государь» Н. Макиавелли, «Левиафан» Т. Гоббса и «Дух законов» Ш.-Л. Монтескье как творения *единой и непрерывной* традиции.

Говорить о некоей единой и неразрывной философской и, тем более, политико-философской традиции, идущей от античности через средневековье к нашему времени, можно, лишь прибегнув к изрядной доле насилия над историческими реальностями или загнав их в прокрустово ложе искусственно сконструированных схем. Во всяком случае дважды за двухтысячелетнюю историю эта «традиция» подверглась радикальному разрыву: первый раз – с гибелью античного мира и наступлением средневековья, и во второй – с формированием европейской капиталистической цивилизации. Каждый раз имела место по сути дела радикальная переоценка ценностей, осевых идеалов мироустройства, что в конечном счете привело к смене основополагающих парадигм и, соответственно, самих цивилизаций: на место греко-римской или средиземноморской пришла средневековая, а на смену ей – современная рационалистическая капиталистическая цивилизация.

Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что история политико-философской мысли – это отнюдь не история различных ответов на один и тот же общий для всех времен и народов вопрос, а во многом – история различных ответов на различные вопросы, которые каждая конкретная историческая эпоха ставила по-своему, поскольку менялись, порой радикально, характер и сущность проблем, выдвигаемых каждой эпохой.

К началу 60-х годов стал очевиден окончательный кризис позитивизма. Об этом и о преждевременности суждений о смерти политической философии и теории свидетельствовала также наметившаяся в 70-е годы реидеологизация социальных и гуманитарных наук, когда снова стал популярен тезис о взаи-

мосвязи ценностно-нормативного и эмпирического аспектов политического исследования. Проанализировав положение вещей в данной области в середине 60-х годов, П. Ласслет, который ранее констатировал смерть политической философии, вынужден был признать в 1967 г., что «политическая философия в англоязычных странах снова жива».

Следует отметить, что континентально-европейская гуманитаристская традиция в сущности никогда не отказывалась от политико-философского, ценностного, оценочно-нормативного подходов при анализе политических феноменов. В течение всего XX столетия теоретические и философские аспекты политики довольно интенсивно разрабатывались в различных философских направлениях, таких как экзистенциализм, феноменология, постмарксистская критическая теория и др. В отличие от США, в континентальной Европе были восстановлены и успешно развивались историко-правовые, государственнические, политико-философские традиции, в результате чего политические исследования базировались на органическом сочетании теоретического и эмпирического начал.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что политико-философские системы являются одновременно и детищем, и причиной конкретных исторических и социально-политических реальностей. Детищем – потому что условия, в которых они возникли, накладывают на них свою неизгладимую печать, причинами – потому что сами социально-философские системы, в свою очередь, способствуют формированию и эволюции упомянутых условий. Эта закономерность проявляется в том, что каждая эпоха, как уже указывалось, вырабатывает собственную, характерную только для нее, парадигму. Здесь как нельзя лучше подходит постулат О. Шпенглера, который гласит: нет вечных истин, каждая философия есть выражение своего и только своего времени, и нет двух эпох, которые имели бы одинаковые философские устремления.

Поэтому естественно, что расщепление средневекового целостного религиозного мировоззрения в Новое время неизбежно вело не только к диверсификации научных дисциплин, но и к появлению разнообразных, зачастую конфликтующих трактовок различных сфер общественной жизни, в том числе и политических реальностей. А это стало той основой, на которой произошло формирование и постепенное размежевание различных политико-философских и идейных течений и направлений, призванных обосновать те или иные альтернативные пути общественно-исторического развития.

Эти течения и направления, получившие названия либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма

и т.д., различаются трактовкой места и роли отдельного человека, групп, партий, социальных сил, классов и др. в мире политического; подходом к решению важнейших экономических и социальных проблем; местом и ролью, отводимым основным социально-экономическим и общественно-политическим институтам (частной собственности, свободному рынку, государству, партиям и т.д.); предлагаемыми программами и средствами решения стоящих перед обществом проблем и т.д. Но следует особо подчеркнуть тот факт, что все эти течения в целом базировались на инфраструктуре основополагающей парадигмы, которая, в свою очередь, на каждом этапе развития современного индустриального общества подвергалась существенным трансформациям.

Контрольные вопросы

1. Как можно охарактеризовать статус, место и роль философии в античном мире?
2. Могла ли существовать в античном мире политическая философия в современном ее понимании?
3. Каковы особенности трактовки античными мыслителями полиса?
4. Какую трансформацию претерпел статус философии в период средних веков?
5. Каков вклад средневековых мыслителей в разработку политических идей?
6. Почему мы называем политическую философию историческим феноменом?
7. Какие именно факторы способствовали формированию основ политической философии?
8. Кого можно считать отцами-основателями политической философии?
9. Кто именно в конце XVIII – начале XIX в. внес наибольший вклад в разработку политико-философских идей?
10. Каковы особенности развития политико-философской мысли во второй половине XIX – начале XX в.?
11. Дайте характеристику двух тенденций в развитии политической философии.
12. Охарактеризуйте особенности и тенденции развития политической философии в послевоенный период.
13. Что вы понимаете под «смертью» и «возрождением» политической философии?

Политическая философия: сущностные характеристики

В античности и средневековье в условиях, когда политическое было интегрально слито с другими сферами общественной жизни и не знало самостоятельного существования, оно, как говорится, пребывало в состоянии «в-себя-бытия» и обосновывалось в контексте общей господствующей социально-исторической парадигмы. С разрыванием и завершением процесса разграничения между миром политического и гражданским обществом в общественно-политической мысли созрело осознание необходимости разработки особых социально-философских и мировоззренческих оснований, призванных обосновать идею о мифе политического как самостоятельной сфере жизнедеятельности людей, вывести его, так сказать, из состояния «в-себя-бытия» в состояние «для-себя-бытия».

Обнаружилось, что политическое может использовать свое видение мира в качестве орудия собственного производства и воспроизводства, придания себе фундаментальной значимости. В этом контексте политическая философия приобрела определяющее значение.

Ранее было показано, что политическая философия является историческим феноменом, и в силу этого ее формирование и эволюция представляют собой не только постоянное противоборство и смену различных конфликтующих видений, концепций, трактовок мира политического, различных концепций и методологических позиций, но и изменение самого способа его познания и осмысления.

Мир политического как объект политико-философской рефлексии

Что есть политическая философия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить, что именно являет-

ся как объектом самой политико-философской рефлексии, так и предметом исследования политической философии. Разумеется, это — мир политического в его мировоззренческом и парадигмальном измерении. Но сами эти измерения невозможны без выявления основных контуров, параметров и составных элементов «мира», или подсистемы, «политического».

Проблема определения мира политического конкретизируется как проблема вычленения границ между ним и другими подсистемами человеческого общежития. Как отмечал известный германский философ К. Шмитт, политическое имеет свои собственные критерии, «начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому» [88, с. 39].

Мир политического как одна из основополагающих подсистем человеческого сообщества представляет собой весьма сложный и многослойный комплекс явлений, институтов, отношений, процессов и т.д. Он включает множество сфер, таких как государственно-правовая, партийная, избирательная, механизмы принятия решений, структурные и системные компоненты и т.д.

Важная структурно-функциональная составляющая мира политического — это *политические отношения*. Говоря об отношениях, естественно предположить и существование субъектов этих отношений. К. Маркс считал субъектами политики и политических отношений *классы*, А. Парето и Г. Моска — *элиты*, А. Бен-ли, Д. Трумен и др. — *заинтересованные группы*. Однако очевидно, что политические отношения могут реализоваться как между различными политическими институтами, так и между различными социально-политическими силами. Иначе говоря, и те и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений.

Поэтому естественно, что политические реальности и феномены нельзя понять без учета системы общения, средств и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, социокультурной и политико-культурной сферами, так и с миром политического в собственном смысле этого слова. Политическое пронизывает мировоззренческая система, где немаловажное место занимают идеология и различные идейно-политические течения, обеспечивающие его субъективную инфраструктуру.

Когда мы говорим о мире политического, то имеем в виду прежде всего уже застывшие, статичные, наличные в каж-

дый конкретный момент феномена, структуры, составные элементы, функции, условия для их нормального функционирования, соотношение и взаимодействие друг с другом и т.д. Но политическое не ограничивается этим, поскольку одной из важнейших характеристик политического является *динамика*, т. е. сфера, подверженная постоянным изменениям. К тому же политическое своей интегральной частью включает теоретический и социально-философский аспекты. Здесь *политическое* охватывает *историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений*.

В центре мира политического стоят государство, власть и властные отношения. Они составляют основополагающие категории политической философии и политической науки и дают ключ к пониманию сущности и предназначения политики, политических институтов и всего мира политического. Только раскрыв вопрос о природе власти и государства, можно выделить политику из всей общественной системы и комплекса общественных отношений.

Дискуссионным является вопрос, правомерно ли говорить о политическом в догосударственном состоянии, как это было, например, в эпоху первобытно-общинного строя. В древнем мире и средневековье государство и власть составляли часть политического, которое, в свою очередь, еще не отделилось от общества. Следовательно, применительно к древности и средневековью не совсем корректно говорить о политическом в современном понимании этого слова. Государство существует там, где есть политика, но политика сама по себе может существовать и вне государства. Наглядный пример — политика международных организаций, где не всегда государство, по крайней мере официально, играет определяющую роль.

Но все же тесная взаимосвязь понятий «государство» и «политика», «государство» и «политическое» само собой подразумевается. К. Шмитт совершенно справедливо отмечал, что «понятие государства предполагает понятие политического». По его словам, «государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости». Шмитт подчеркивал, что оба этих признака — *статус и народ* — получают смысл лишь благодаря более широкому признаку, т. е. *политическому* [88, с.37].

Некоторые авторы придают власти столь большое значение, что зачастую отождествляют ее с миром политического в целом. Как считал, например, американский политолог Дж. Кетлин, политическая наука по сути отождествляется с исследованием власти, т. е. превращается в науку о власти. Очевидно, что здесь

политическая наука характеризуется как дисциплина, занимающаяся исключительно исследованием феномена власти.

Власть, как будет показано в гл. 3, существовала задолго до возникновения государства, она появилась вместе с выходом человека из стадного состояния. Но тем не менее применительно к тому периоду нельзя говорить о какой-то институционализации власти, вычлениении государственной или политической власти из всей системы табу, запретов, форм регулирования жизнедеятельности первобытной общины во всех ее проявлениях.

С усилением социальной дифференциации и возникновением государства на смену авторитету старейшин пришел авторитет публичной власти. Возникли аппарат власти, особые принудительные учреждения, которые в лице государства стали над обществом. Иначе говоря, и государство, и власть как бы дополняют и усиливают друг друга. Государство — главный или единственный субъект власти и властных отношений. Именно в этом качестве они и составляют центральный, или осевой, элемент мира политического.

Как правило, в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте они подаются и т.д. При этом немаловажное значение имеют господствующие в обществе нормы и правила игры, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическая символика, знаковая система и другие компоненты национальной культуры. Культура представляет собой основополагающую инфраструктуру, социально-историческую среду обитания, жизнедеятельности и воспроизводства человека.

В массиве национального сознания каждого народа есть базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. В то же время природа человека такова, что он не может не идентифицировать себя с определенной культурой, традицией, с нечто таким, чем он гордится, что имеет собственный язык, собственную символику, то, что делает человека таким, каков он есть.

Именно в национальной культуре человек ищет свое отражение, в ней он идентифицирует себя с себе подобными и, собственно говоря, узнает себя. Будучи формой бытия человека, культура в равной мере относится и к сущности, и к существованию человека. Можно сказать, что культура — это базис суверенного бытия людей.

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы, воплощающие национально-государственное единство и величие. Как отмечал О. Шпенглер, единство всякой культуры зиждется на общем языке ее символики, в котором особо важное место занимают знамена, флаги и гербы, другие атрибуты государственно-политической самоидентификации.

Мир политического состоит как бы из двух самостоятельных сфер: конкретной или повседневной политической практики, осуществляемой исполнителями всех уровней в лице чиновников, функционеров, служащих государства, партий, организаций, объединений, корпораций, институтов мирового сообщества или международно-политической системы; разработки политических программ, идеологий, курсов стратегического **характера** на всех уровнях и принятия решений относительно путей, форм и средств их реализации.

Это примерно соответствует тому разделению, которое М. Вебер проводил между чиновником и политиком. Задача первого — беспрекословно профессионально выполнять принятые политиком решения, не неся ответственности за их направление и содержание. Такую ответственность несут политики, которые берут на себя задачу разработки программных установок и основных направлений их реализации.

Исходя примерно из такого расклада, австрийский социолог и политик А. Шеффле назвал первую сферу «повседневной государственной жизнью», а вторую — «политикой». В первой сфере все решения по каждому конкретному случаю принимаются в повседневной практической деятельности в соответствии с четко установленными правовыми или иными нормами, правилами, предписаниями и существующими прецедентами. Здесь уместно говорить не о политике в собственном смысле слова, а о повседневном административном управлении. О политике, считал Шеффле, мы вправе говорить лишь тогда, когда речь идет о легитимизации нового положения вещей, например заключении договора с иностранным государством, принятии парламентом нового закона о налогах, избирательной кампании, подготовке оппозицией акций протеста или их подавлении правительством и т.д. [144, с. 98].

Разумеется, такое разграничение носит условный характер, поскольку новая расстановка политических сил и, соответственно, принятие политических решений возможны и в процессе повседневного государственного управления.

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет то, что в английском языке для обозначения «политики» используются два термина: *policy* и *politics*. Как отмечал Р. Арон, «слово «политика» в первом его значении — это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом». Во втором же значении это слово «относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические (в значении *policy*) направления... — имеющие собственную *policy*, то есть свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение» [3, с. 21]. Все это говорит о том, что *политика* есть одновременно и *сфера*, и *форма деятельности*.

Изложенное дает основания для вывода, что понятие политического значительно шире и богаче понятий государства, политической системы, власти и т.д. Однако при всей многозначности данного понятия, когда говорят о мире политического, речь все же идет об особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, с государством и государственным устройством, институтами, принципами, нормами и т.д., призванными гарантировать жизнеспособность сообщества, людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей.

Иначе говоря, под политическим подразумевается все то, что касается феноменов, институтов, организационных форм и отношений в обществе, за которыми признана окончательная власть и авторитет для утверждения и сохранения порядка и реализации других жизненно важных для него целей.

Политическое имеет много измерений — *экономическое, социокультурное, социально-психологическое, структурное, функциональное, мировоззренческое или социально-философское* и др. Поэтому оно является объектом изучения многих дисциплин, таких как социология, государственно-правовая наука, геополитика, политическая наука и т.д. Особую актуальность приобретает разграничение предметов изучения политической науки и политической философии.

Можно сказать, что первая концентрирует внимание на политическом в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта. В фокусе ее зрения — такие разные по своему характеру институты, феномены и процессы, как политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политическое поведение, политическая культура, история полити-

ческих учений, субъекты политического процесса, партии и избирательные системы и т.д.

При разграничении предмета политической науки и политической философии следует исходить из того, что в качестве центрального субъекта мира политического выступает человек, который является существом не только социальным, политическим и экономическим, но и духовным, социокультурным, политико-культурным, нравственным. Другими словами, человек – центральный субъект политики, политика — функция взаимодействующих между собой людей. Каковы эти люди, такова и политика.

Было бы напрасным трудом пытаться провести некие линии разграничения между различными ипостасями, в которых одновременно выступает человек. Обращаясь к человеку, политология вторгается в сферу интересов философии, этики, культурологии и т.п., а те, в свою очередь, в сферу интересов самой политологии. На пересечении этих сфер мы и вправе вести разговор о политической философии и связанных с ней дисциплинах и сферах духовной жизни: *политической антропологии, политической психологии, политической этике* и др.

Антропология имеет естественно-научный и гуманитарный аспекты. Именно в этом смысле и говорят о культурной, философской, политической и других антропологиях. Традиционно под политической антропологией понимается дисциплина, занимающаяся системами и институтами управления и этнических сообществ, в особенности в развивающихся и примитивных обществах. Она интересуется связями политического поведения с более широкой культурой группы, коллектива, сообщества.

Политико-антропологические исследования позволили сравнить разнообразие политические системы и выявить этнические факторы в политическом поведении людей.

Политическая психология призвана изучать роль установок, ориентаций, убеждений, ожиданий, мотиваций, восприятий в политическом поведении людей. Особенно широко исследования такого рода используются при изучении общественного мнения, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества, электорального поведения, политических установок.

Политическая теория

Зачастую политическая философия смешивается с политическими теориями или просто с теми или иными *политическими идеями*. Поэтому весьма актуален вопрос об их соотношении

друг с другом. Политические феномены, их функционирование невозможно понять в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга.

Политическая мысль может принимать различные формы, но свое реальное воплощение она получает в политической идее и теории. Как отмечал Г. В. Ф. Гегель, все, что нами мыслится, является продуктом мышления. Однако, говорил он, «мысль есть еще нечто формальное; понятие есть уже более определенная мысль; наконец, идея есть мысль в ее целостности и ее в себе и для себя сущем определении» [16, т. 1, с. 85]. Идея и теория имеют своим основанием мысль, отличную от практики или действия.

Понятие «идея» занимало ключевое место в ряде философских систем античности. Так, Платон рассматривал эфемерный и изменчивый мир как своего рода эманацию невидимого и неизменного мира идей. Постепенно это понятие потеряло свой первоначальный платоновский смысл, приняв общее значение представления, мысли, постулата и т.д. Сейчас под политической идеей подразумевается любое политически значимое мнение, утверждение, убеждение, тезис и т.д.

Политическая философия, хотя и включает в себя идеи, не сводится к ним. Главная ее задача состоит в выявлении онтологических оснований политики, ее сущности и предназначения. Политическая идея — это не более как развитие или защита каких-либо утвердившихся убеждений или мобилизующих мифов.

С определенными оговорками можно сказать, что комплекс нескольких идей составляет политическую теорию. По мнению специалистов, само слово «теория» впервые было введено в древнегреческой философии орфиками и означало «страстное и сочувственное созерцание». Первоначально оно понималось как сконцентрированный мысленный взгляд на что-то в состоянии размышления с целью понять это что-то. В этом смысле оно покрывало бытие (онтологию), равно как и объяснение причинно-следственных связей в его религиозном или философском выражении, а также эмпирическую или логическую мысль.

В современном смысле под теорией понимается комплекс представлений, идей и воззрений, имеющих своей целью истолкование и объяснение тех или иных политических явлений и процессов. Это понятие используется и в более узком смысле, подразумевая наиболее развитую форму организации научного знания, призванную дать целостное представление об определенной сфере природной или общественной действительности.

Теория – это целостная система знания, различные компоненты которого расположены в логической зависимости друг от друга и выводятся из определенной совокупности понятий, утверждений и т.д. Теория как особая форма освоения и истолкования мира всегда связана с определенными философско-мировоззренческими установками. Это нередко служит фактором, затрудняющим проведение сколько-нибудь четкой линии разграничения между политической философией и политической теорией. Как писал американский социолог Дж. Тернер, «теоретизирование можно отнести к числу средств, с помощью которых мыслительная деятельность, известная как «наука», реализует три свои основные цели: классифицировать и организовывать происходящие в мире события таким образом, чтобы их можно было представить в перспективе; объяснять причины происшедших событий и предсказывать, когда, где и как будут происходить события будущего; предлагать интуитивно привлекательное здоровое «понимание» того, почему и как должны происходить события» [73, с. 28–29].

Поэтому очевидно, что описание или систематизация эмпирических фактов, взятых сами по себе, не составляет теорию. *Теория* в обязательном порядке предполагает не только *описание*, но и *объяснение*. Объяснение, в свою очередь, включает раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах и феноменах, которые данной теорией охватываются.

Политическая теория концентрирует внимание на конкретных проявлениях мира политического, таких, например, как структура и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем.

Теории, как считал Т. Парсонс, представляют собой аналитические конструкции, используемые для исследования «внешнего мира так называемой эмпирической реальности». При этом «по крайней мере некоторые из общих концепций науки не являются фикциями, а адекватно «схватывают» аспекты объективного внешнего мира». Парсонс, как и большинство ученых, начиная с М. Вебера, принимает идею о том, что концептуальные схемы составляют необходимые аспекты восприятия, будь то в науке или повседневной жизни. В качестве четко сформулированных научных конструкций эти схемы обеспечивают объективную и систематическую ориентацию на данные, помогающие в открытии и исследовании фактов. Парсонс ставил своей задачей формулирование «всеобщей теории социальных наук», призванной выполнять три главные функции: кодификацию существующего конкретного

знания; проведение исследований; обеспечение рамок интерпретации исследуемых реальностей [137, р. 730, 749]. Отсюда – теории структурно-функционального анализа, типологизации политических и партийных систем, теории демократии, тоталитаризма и авторитаризма и др.

Что касается политической философии, то она берет исследуемые материи в их целостности, стремится постичь лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политического, идею государства и власти, абстрагируясь от их конкретных воплощений.

Сущностные характеристики политической философии

Политическая философия выступает одновременно и как теория познания мира политического, т. е. как *политическая эпистемология*, и как учение о политическом бытии, т. е. как *политическая онтология*.

В первом качестве она представляет собой особую дисциплину (или поддисциплину), призванную изучать духовные и мировоззренческие аспекты мира политического. Она включает политическую онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию.

Во втором же качестве – это та сфера духовной деятельности людей, где формируются мировоззренческие, нормативные и ценностные основы мира политического, сама идея политического, идеи государства и власти и т.п.

Можно сказать, что политическая философия, затрагивая одновременно сферы как философии, так и мира политического, располагается в *области пересечения философии и политической науки*. С одной стороны, *политическая философия является частью общей философии* в собственном смысле слова. Более того, в качестве самостоятельного феномена на определенном этапе исторического развития она вышла из лоно общей философии. С другой стороны, она теснейшим образом связана с *политической наукой* и в отдельных своих аспектах входит в нее в качестве самостоятельного подраздела. Поэтому очевидно, что ее судьбы теснейшим образом связаны с судьбами как философии, так и политической науки. К тому же она не может не иметь определенных точек соприкосновения с социологией и особенно с политической социологией.

Для раскрытия сущности и содержания понятия политической философии, по-видимому, в качестве отправной точки следует взять основные сущностные характеристики самой фи-

лософии. Главное ее предназначение, как известно, это искание или постижение истины о сущности и смысле самого бытия. Приступая к написанию своего фундаментального трехтомного труда «Лекции по истории философии», Г. В. Ф. Гегель предупредил, что в самом этом понятии есть противоречие.

Цель философии — познать истину, т. е. неизменное, вечное, сущее само по себе. История же занимается вещами преходящими, тем, что некогда существовало, а в другое время уже исчезло, стало достоянием минувших времен. Если философия «имеет историю, то история есть лишь изображение ряда минувших образов познания, в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее» [16, т. 1, с. 74].

В не меньшей степени соображения Гегеля верны применительно и к политической философии. Дело в том, что для мира политического характерна высочайшая степень динамизма. А это означает, что здесь многие феномены, события, процессы настолько эфемерны и быстротечны, что зачастую исследователь не в состоянии поспевать за ними, тем более схватить в этом калейдоскопическом водовороте не то что истину, но и просто элементарные причинно-следственные связи.

В действительности, как справедливо подчеркивал Гегель, в понятии истории философии противоречия нет, поскольку каждая наука, в том числе и философия, помимо своей внутренней, имеет также внешнюю историю, «историю своего возникновения, распространения, расцвета, упадка, возрождения» [16, т. 1, с. 75]. Точно так же, несмотря на вышесказанное, нет противоречия и в понятии политической философии, которая также имеет как внутренний, так и внешний аспекты.

Поэтому, говоря, что политическая философия занимает некую точку пересечения между политической наукой и философией, имеется в виду вся сложность и многоаспектность мира политического. В данном смысле она призвана осветить скрытый принцип всего мира политического в его явленности. Она концентрирует внимание на сущностных аспектах, на самой природе политических феноменов. Это, говоря словами Э. Гуссерля, «морфологические сущности» мира политического. Внешний аспект составляет конкретные проявления, формы и факты, так сказать, феноменальную сторону политического.

Поэтому в центре внимания политической философии стоят вопросы о сущности государства и власти, их предназначении и целях, их отношении к природе человека и общества и др. Она призвана анализировать, например, государство и власть преж-

де всего как социальные феномены, как институты политической организации общества, имеющей главной своей целью реализацию всеобщего интереса. Здесь одним из основных для всех теорий политического является поставленный некогда Платоном вопрос: «Кто должен господствовать?» — или другими словами: «Чья воля может и должна доминировать в обществе?» На это существует много разных ответов: воля всевышнего, воля истории, воля государства, воля народа, воля большинства, воля класса, партии, вождя и т.д. Вопрос может быть поставлен и несколько иначе: кому следует править? почему? как? в чьих интересах? В зависимости от ответов формулируются и конструируются основополагающие параметры политической системы.

Однако любой политический феномен, например власть, невозможно сколько-нибудь четко фиксировать в понятиях, взятых изолированно от других феноменов. Чтобы выявить ее сущность, необходимо определить содержание понятия «государство», а его, в свою очередь, нельзя выявить, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие «политическое». Власть, взятая в ее конкретной явленности, в чисто практическом ее воплощении или в сциентистском, эмпирико-фактографическом аспекте, лишается многих своих важных сторон, редуцируется и упрощается.

Поэтому при анализе власти применяется множество подходов, каждый из которых имеет свое понимание момента истины, оставляя при этом как бы за скобками вопрос о *природе власти как человеческого, социального феномена* вообще. Используя разные методологические подходы и методы исследования, политическая наука призвана раскрывать место, роль и функции власти и властных отношений в мире политического, их взаимосвязей с другими сферами человеческой деятельности и т.д.

Политическая философия, подчеркиваю, призвана в данном контексте определить природу и предназначение власти. Когда говорят о внутренней стороне, то имеют в виду сущность феномена власти, характеризующейся в идеальных, абстрактных категориях. «Все дело в том, — писал Гегель в данной связи, — чтобы в видимости временного и преходящего познать субстанцию, которая имманентна, и вечное, которое присутствует в настоящем. Ибо, выступая в своей действительности одновременно и во внешнее существование, разумное, синоним идеи, выступает в бесконечном богатстве форм, явлений и образований» [16, т.1, с. 54].

История, не без оснований отмечал Б. Кроче, содержит философию внутри самой себя в виде предметов ее сужде-

ний. Во многом и политика как важнейшая сфера жизнедеятельности человека содержит в самой себе собственную философию. В этом контексте *политическая философия* является составной частью *политической действительности*.

Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее, как сказал бы Э. Гуссерль, есть «латентный разум» мира политического, существует в форме идеи — понятия в себе и для себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества. Иное дело, что вплоть до Нового времени, когда началось разделение гражданского общества и мира политического на самостоятельные сферы социума, оно было как бы неразрывно слито с другими аспектами человеческого существования.

Задача политической философии состоит в постижении идей, теорий, принципов, постулатов, мыслей, лежащих в основе мира политического. Они, в свою очередь, раскрываются в понятиях. «В философии, — писал Т. Гоббс, — определения предшествуют определяемым именам. При обучении философии начинают именно с определений, и весь дальнейший процесс приобретения знания сложных вещей осуществляется посредством синтеза, путем сложения понятий» [21, т. 1, с. 132]. Поэтому важная функция политической философии состоит в разработке понятийно-категориального аппарата и языка политической науки.

Понятия, обозначая те или иные явления, призваны выделять те особенности мира, которые в настоящий момент считаются важными. Например, атомы, протоны и нейтроны в физике. Понятия должны обладать единообразным содержанием и указывать исследователям на одни и те же явления. Понятийный хаос в философии недопустим, поскольку в таком случае они не могут служить делу накопления, интерпретации и трансмиссии философско-теоретического знания.

При этом следует подчеркнуть, что в политической философии, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, важную роль играет *абстракция*. Особенно отчетливо она проявляется в понятиях, которые, отражая явления, не связанные с определенным контекстом, с конкретным местом и временем, характеризуются различной степенью ответственности.

В философии именно абстрактные понятия играют решающую роль, поскольку, переступая границы конкретных событий и ситуаций, они указывают на общие свойства сходных

событий и ситуаций. Но теория не может обойтись без понятий, относящихся к переменным свойствам явлений, отражаемых абстрактными понятиями.

В то же время очевидно, что осмыслить, объяснить и предсказать события можно, только определив отношения между различными понятиями. Идеи, теории, постулаты, принципы, составляющие ткань политической философии, возможны лишь как результат группирования понятий в суждения или утверждения. Сами теоретические суждения могут в той или иной степени отличаться друг от друга по форме. Существует множество аргументов как «за», так и «против» различных форм. Это вполне естественно, если учесть, что для поисков правильных ответов на поставленные вопросы необходимы соответствующие параметры и критерии их оценок. Поэтому естественно, что в задаче политической философии входит осмысление содержания конкретных политических понятий.

Немаловажное значение с данной точки зрения приобретает правильная трактовка основополагающих понятий политической философии, соответствующая национально-культурным и общественно-историческим реальностям. Возьмем, например, понятие «демократия», которое в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие», или «власть народа».

Важнейшим признаком демократии в соответствии с таким пониманием является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Однако известны существенные различия в понимании демократии в античном мире и в современную эпоху. Более того, в само понятие *народ* в разные эпохи вкладывался разный смысл. Так, в античности под это понятие подпадали только свободные граждане, которые не всегда составляли большинство населения того или иного полиса. В Римской империи «народом» считались только исконно римские граждане. Громадное число людей, проживавших на обширных пространствах, не будучи рабами и даже зависимыми, не могли претендовать на этот статус.

Если проанализировать базовые признаки античной и современных форм демократии, то между ними обнаруживаются качественные различия. По-разному трактуется понятие демократии и в современном мире. Так, на Западе базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Естественно, что восточные народы с органическими национально-культурными традициями также имеют собствен-

Философия

ное, во многом отличное от западных народов понимание демократии.

Нельзя не затронуть здесь и мнения, что демократия может быть или тоталитарной, или авторитарной. Это явное недоразумение, основывающееся на подмене понятий. Если рассматривать его с точки зрения форм власти, то очевидно, что при всей внешней схожести отдельных атрибутов (например, принцип избрания путем всеобщего голосования, бывший в тоталитарной системе формальным и чисто ритуальным процессом, результаты которого заранее были предопределены) тоталитаризм (или авторитаризм) и демократия по подавляющему большинству системообразующих принципов представляли собой прямо противоположные формы организации и реализации власти.

Это применимо к большинству понятий политической философии, таким, как либерализм, консерватизм, радикализм и др., содержание которых в соответствии с меняющимися социальными и политическими реальностями подвергалось существенным изменениям в историческом развитии.

Теоретические суждения должны быть систематически организованы в соответствии с избранным теоретиком углом зрения и понятийным аппаратом. Задача абстракции состоит в том, чтобы упростить реальность, не искажая при этом ее сути. Если в большинстве социальных и гуманитарных наук абстракция возможна а posteriori, то в политической философии она допускается а priori.

Политический философ не просто описывает факты, олицетворяемые событиями политической жизни, а выявляет сущности, в которых достигается единство внутренней и внешней сторон феноменов, поскольку они обусловлены именно этими фактами. Иначе говоря, политическую философию интересует не столько эмпирическая, фактографическая сторона мира политического, сколько значимость и смысл его в целом. Если философия как таковая призвана постичь природу вещей вообще, то политическая философия имеет своей целью понимание природы политических вещей.

Философия, говоря словами Гегеля, есть постижение наличного и действительного. С этой точки зрения политическая философия концентрирует внимание на сущем, т. е. мире политического, таком, каков он есть на самом деле. Она призвана постигать сущность политического, определять, так сказать, в последней инстанции природу политических вещей в самом широком и глубинном понимании этих слов. Объясняя суть своей книги «Философия права», Гегель писал: «Данная работа, поскольку в ней содер-

жится наука о государстве, будет попыткой *постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе*. В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать *государство таким, каким оно должно быть*; содержащееся в нем поучение не может быть направлено на то, чтобы поучать государство, каким ему следует быть; его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано» [17, с. 54–55].

Следует отметить, что этот тезис, верный для философских проблем права, нуждается в определенных оговорках применительно к политической философии. Особо следует подчеркнуть, что сущность политического отнюдь не исчерпывается конкретно существующими реальностями. Политическая философия имеет своей задачей выяснение природы политических вещей со всеми их атрибутами, такими как *добро и зло, реальное и идеальное, сущее и должное, совершенное и несовершенное, справедливое и несправедливое, подлежащее сохранению или изменению, одобрению или осуждению* и т. д. *в политике*.

Политическая философия, как отмечал Л. Страус, представляет собой попытку заменить мнение о природе политических вещей знанием об их природе [151, р. 5–6]. Интегральной частью знания о политических вещах включают интерпретации, трактовки, субъективные оценки. Последние по самой своей природе предполагают принятие или непринятие, выбор или отклонение, одобрение или осуждение этих вещей. Поэтому они не могут быть нейтральными. Их невозможно правильно понять, если они не рассматриваются в терминах добра и зла, справедливости и несправедливости, сущего и должного и т. д.

Показательно, что в античной философии в качестве одной из главных выступала проблема *добродетели*, рассматриваемая прежде всего как идеал, т. е. *должное*. По большому счету сущее, т. е. наличные политические реальности, соизмерялось с идеалом. Более того, как считал Л. Страус, главная причина кризиса современной политической философии состоит в разрыве с классической политико-философской традицией, главным объектом внимания которой, по его словам, было *должное*. Здесь неважно, прав Страус или нет. Суть вопроса состоит в том, что политическая философия не может не касаться вопроса о критериях и качествах, дающих отдельному человеку, группе, классу право управлять другими людьми, партией, государством. Поднимая этот вопрос, политический философ не может не коснуться *основополагающих морально-этических норм и правил человеческого общежития*, составляющих сердцевину системы легитимизации большинства существующих форм правления.

Политическая философия, включающая комплекс теорий, концепций, идей, имеет одной из своих целей легитимизацию или делегитимизацию определенного политического порядка. Она призвана выявить *истинность* или *ложность* общепризнанных политических норм и ценностей. Поэтому она всегда ставит под сомнение господствующие концепции политического порядка. При этом она призвана определить некую магистральную линию политического развития. С этой точки зрения, пожалуй, прав был Э. Берк, который утверждал: дело теоретика-философа — указать истинные цели государства; дело же политика-практика — найти соответствующие средства для достижения этих целей и успешно пользоваться этими средствами.

Необходимо отметить, что составным компонентом политической мысли и, несомненно, политической философии являются разного рода политические утопии, предлагающие альтернативные существующим, более совершенные, на взгляд их авторов, формы государственно-политического устройства. Более того, один из величайших философов всех времен и народов Платон создал модель утопического государства, а его труд «Государство», в котором изложена эта модель, рассматривается как политико-философское произведение. К тому же политическая философия имеет дело не только с сущим, но и должным, она оперирует также гипотетико-дедуктивными категориями по формуле «что было бы, если бы». Она отдает предпочтение той или иной политической системе, например демократии перед тоталитаризмом, или, наоборот, предлагает свои модели политического развития в качестве наиболее совершенной альтернативы.

Все изложенное говорит о том, что мир политического и политической философия как неотъемлемая часть его пронизаны *морально-этическим* началом. Из этого вытекает, что политическая философия не может не затрагивать аксиологический аспект мира политического. Более того, можно говорить о *политической аксиологии* как самостоятельном подразделе политической философии.

Смысл жизни коренится не только в рациональных, научных, поддающихся исчислению и строго научному анализу феноменах, но и в иррациональном, традиционном, волевом, эмоциональном, характерологическом и т.д., что не всегда и не обязательно поддается такому анализу. Человек не мыслим без мифа, сами табу и табуизация, сыгравшие столь большую роль в восхождении человека из стадного состояния, теснейшим образом связаны с мифическим началом. Можно даже сказать, что в определенном смысле сама история человечества пронизана мифологи-

ческим началом, поскольку не только жизнь простых людей, но и жизнеописания великих людей, а также феноменов, творивших эту историю, в большинстве случаев окутаны как бы непроницаемой оболочкой мифического. Я имею в виду не только божественных и полубожественных, легендарных и полULEГЕНДАРНЫХ героев и персонажей, вроде Зороастра, Конфуция, Будды, Иисуса Христа, Мухаммеда и других, и созданные ими религиозные системы, но и, казалось бы, самых что ни на есть реальных личностей в лице древнеегипетских фараонов, Дария, Александра Македонского, римских императоров, халифов, средневековых королей и др., которые якобы получали свою власть прямо от Бога.

В истории зачастую случалось так, что роль, которую тот или иной политический или государственный деятель играл на авансцене, постепенно приобретала самостоятельное и доминирующее значение, полностью отодвигая на дальний план или вовсе элиминируя ее первоначального носителя. Совершенно бездарные носители королевского или иного титула, унаследовав трон от своих великих предков, в глазах народа становились помазанниками Божьими просто в силу того, что они играли предоставленную им роль. Бывало и так, что роль обходилась без своего исполнителя.

В этих и многих других качествах миф является интегральной, неотделимой частью человеческой истории, и человек не имеет будущего без мифа, без мифологии, без веры. Мобилизующие мифы, символы, иллюзии составляли один из могущественных факторов истории. Именно им во многом обязаны своим появлением колоссальные пирамиды и сфинксы в течение тысяч лет египетской истории и гигантские христианские соборы в Европе. Их именем и под их руководством создавались и уничтожались громадные и могущественные империи. Все они воплощаются в политической мифологии, понимаемой в самом широком смысле слова.

При этом необходимо учесть следующий момент. Зачастую миф отождествляется с нечто примитивным, первобытным, чуждым мышлению современного цивилизованного человека и поэтому подлежащим преодолению. Исходя из этого подхода, многие авторы всерьез пытались обосновать мысль о том, что миф либо сам собой, либо усилиями рационалистической науки исчезнет как сколь-нибудь значимый фактор общественной и политической жизни. Разве миф, говорил, например, Э. Кассирер, не обречен на исчезновение «перед лицом подлинной, научной истины, перед лицом понятия природы и предметности, созданных в рамках чистого познания? Миф с его миром мечты и волшебства пред-

ставляется раз и навсегда канувшим в небытие с первыми лучами научного видения мира» [37, с. 19].

Однако мифическое продолжает жить и даже процветать в современном мире, несмотря на беспрецедентные успехи научного знания. Иначе и быть не может, поскольку, как справедливо подчеркивал Гете, миф, как и поэзия, отражает то, «на чем держится глубинное единство мира», и поэтому он способен постигать высшую истину. Живучесть мифа объясняется прежде всего тем, что он питается из безвременных глубин истории и традиций. История полна свидетельств того, что любые попытки развенчания одних мифов неизбежно сопровождались возрождением старых или же появлением новых, не менее привлекательных и дееспособных мифов. Каждая эпоха, отвергая или в модифицированном виде сохраняя старые, непременно создавала и собственные мифы, в том числе и политические. С оговорками можно согласиться с Р. Петтацони, утверждавшим, что от повторения мифа зависит «сохранение и умножение жизни» и даже «всего мира... который не может существовать без мифа», ибо истина мифа есть «истина жизни».

Классический миф, как правило, не сочинялся каким-либо конкретным автором, он формировался как бы спонтанно, обкатываясь и выкристаллизовываясь в народном сознании множества поколений людей. Современный же миф специально конструируется и сознательно внедряется в массовое сознание. Однако и он невозможен без стадного сознания, основанного на слепом повиновении господствующим предрассудкам и не способного критически осмыслить происходящие в обществе события и процессы. Именно живучесть и, более того, расширенное воспроизводство такого стадного, или бараньего, сознания в современном мире объясняет тот факт, что в условиях господства научного знания люди зачастую руководствуются примитивными, фантастическими и даже бредовыми идеями.

Большой частью миф консервативен, поскольку он призван интегрировать людей в существующую систему, сформулировать, обобщить, распространять определенные стереотипы, штампы, клише социального поведения. Это — инструмент иллюзорного преодоления, снятия противоречий. Это — образ, дающий философскую значимость фактам повседневной жизни. В этом качестве миф представляет собой одну из реальностей истории. Миф и связанные с ним символы, иррациональный образ способны оказывать решительное влияние на политическое поведение и действия людей, сыграть роль цементирующего элемента, вокруг которого могут сплотиться огромные массы людей.

Особую актуальность мифу, прежде всего политическому, в наше время придает тот факт, что расширение, экспансия составляет неотъемлемую сущностную характеристику евроцентристской цивилизации. Если раньше это качество проявлялось в освоении и покорении остальной ойкумены, то начиная с промышленной революции — в экономическом и технологическом росте и связанном с ним увеличении «показного» потребления. Причем технический прогресс движется прямо-таки гигантскими темпами, и большинство людей не в состоянии угнаться за ним из-за отсутствия времени и способностей. Это создает благоприятные условия для усиления роли и значимости разных мифов и искусственно сконструированных стереотипных образов или имиджей, призванных регулировать поведение населения. Это, в свою очередь, проявляется в таком врожденном качестве электронных средств массовой информации, как *кумиротворчество*, или массовое творчество знаменитостей на час или на более длительный срок. Данное качество широко используется также для производства и распространения разных концепций-мотыльков на потребу дня, таких как идеи конца света, столкновения цивилизаций, единопольного мира с Соединенными Штатами на недостижимой для других стран и народов вершине и более мелкомасштабные на региональном, страновом, групповом и других уровнях.

Учитывая подобные и иные моменты, Б. Рассел отводил философии промежуточное место между теологией и наукой. Подобно теологии, говорил он, задача философии состоит «в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым». Но в то же время «подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения». Все конкретные знания принадлежат к науке, а догмы, выходящие за пределы конкретных знаний, — к теологии. «Между теологией и наукой, — продолжал Рассел, — имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными» [66, т. 1, с. 11]. Эти рассуждения в полной мере применимы и к политической философии, призванной ответить на те вопросы, которые не под силу ни отдельно взятому строго научному анализу, ни тем более вере.

Важной составной частью политической философии является *методология*, представляющая собой определенный

способ видения и организации исследования. Концептуальный и идейный арсенал методологии, в совокупности составляющий общий подход к решению стоящих перед политической наукой проблем, базируется на мировоззренческих постулатах, разрабатываемых в политической философии.

Итак, к задаче политической философии относятся поиски ответов на следующие и подобные им кардинальные вопросы: в силу каких причин возможна политическая самоорганизация общества? каковы факторы, определяющие политическую самоорганизацию общества? как создаются, сохраняются, изменяются и распадаются различные политические системы? что есть *raison d'être* государства? в какой мере политическую реальность можно изобразить в соответствующих понятиях и терминах? насколько их содержание значимо для субъектов политики? что именно лежит в основе права: божественный закон, разум, естественное право, право сильного, насилие и т.п.? как совместить права и свободы отдельного индивида с его ответственностью перед обществом или с правами коллектива? и т.п.

Адекватные ответы можно найти, выявив взаимосвязи и соотношение целого и частного, общего и индивидуального, теории и практики, свободы и равенства, свободы, справедливости и равенства и т.п. в мире политического.

Онтология мира политического

Для политической философии мир политического служит в качестве источника философской рефлексии о *принципах порядка, свободы, равенства, справедливости* и т.п. Она избегает вопросов типа «где?», «когда?», «как?», «кто?» и т.п. или категории «здесь» и «теперь». Ее интересует прежде всего сократовский вопрос «что есть...?» В центре ее внимания — не конкретная политическая ситуация, не конкретные формы и проявления политической деятельности, а природа мира политического, политической жизни вообще, например не конкретное государство, не конкретная властная структура, а *природа государства и власти* вообще, не конкретная война, а природа войны вообще, ее место и роль в жизни человеческих обществ и др.

Можно сказать, что политическая философия — это *дисциплина о принципах политической самоорганизации общества*. Одна из важнейших характеристик данного принципа в его философском толковании — это способность к универсализации, суть ко-

торой состоит в том, что в равных условиях он будет действовать одинаково. Например, для утверждения и эффективного функционирования политической демократии и ее институтов необходим определенный минимум условий, без которых они просто невозможны.

Так, невозможно выявить сущность политической системы без выяснения сущности общества. Скажем, правовое государство немислимо без некоторых базовых характеристик общества. В качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает свободная личность, наделенная врожденными неотъемлемыми правами. Общество может быть названо гражданским лишь с того момента, когда за человеком как личностью признаются неотъемлемые права на жизнь, свободу и реализацию своих способностей, когда эти права становятся основными опорами общественного здания. Все это проявляется в том, что гражданское общество и правовое государство не могут существовать друг без друга.

Гражданское общество и правовое государство, в свою очередь, предполагают определенный тип экономики. Экономическая и политическая свободы производны от свободы личности. В то же время без экономической свободы, без свободы выбора источников получения средств существования не может быть и свободы политической: первая есть необходимое условие для достижения второй. Существует взаимообусловленная связь между демократией, частной собственностью и свободно-рыночной экономикой.

Понятия и категории «власть», «государство», «политика» и им подобные всегда выступают в конкретной форме в зависимости от национально-культурного, общественно-исторического, парадигмально-мировоззренческого и иных контекстов. Их конкретные типы и содержание зависят от исторических, национально-культурных традиций, типа политической культуры и миропонимания данного народа. Их нельзя представлять как вечные, вневременные ценности, как некие неизменные сущности, одинаково верные для всех времен и народов.

С данной точки зрения показателен тот факт, что влияние одних и тех же идей в разных исторических условиях могут проявляться совершенно по-разному. Например, ряд установок, которые традиционно оценивались как факторы, отрицательно влияющие на развитие восточных обществ в направлении модернизации, в современных реальностях приобретают позитивную значимость. Так, в научной литературе 60-х—первой половины 70-х годов XX в. господство конфуцианской идеологии рассматривалось в ка-

честве главного препятствия азиатских стран на пути перехода к рыночной экономике и политической демократии.

Но такая оценка коренным образом изменилась в 80-е годы, когда многие страны региона сделали стремительный рывок в своем экономическом и технологическом развитии и за беспрецедентно короткий период как бы перепрыгнули из аграрно-индустриального общества в информационное общество, тем самым создав предпосылки для трансформации авторитарных политических режимов в либерально-демократические.

Касаясь ложного, метафизического толкования идеи античной свободы европейскими мыслителями своего времени, Т. Гоббс утверждал: «Ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков» [21, т. 2, с. 168]. Здесь философ имел в виду попытки некритического перенесения идеалов и ценностей одной исторической эпохи, т. е. античности, на другие исторические эпохи, в частности на реалии Нового времени.

Ценности и идеалы, воплощенные в социальных и гуманитарных науках, зависят от основных характеристик общества, которому эти науки принадлежат, поскольку они носят исторический характер. Р. Коллингвуд отмечал: «Государство» Платона — изображение не неизменного идеала политической жизни, а всего лишь — греческого идеала политики, воспринятого и переработанного Платоном. «Этика» Аристотеля описывает не греческую мораль, а мораль грека, принадлежащего к высшим слоям общества. «Левиафан» Гоббса излагает политические идеи абсолютизма XVII столетия в их английской форме. Этическая теория Канта выражает моральные убеждения немецкого пиетизма; его «Критика чистого разума» анализирует теории и принципы ньютоновской науки в их отношении к философским проблемам его времени» [43, с. 218].

Но тем не менее политическая философия, призванная исследовать природу политических вещей, затрагивает комплекс основополагающих аспектов, которые в рамках человеческой истории имеют как бы вневременной характер. В этом контексте прав был Л. Страус, считавший, что политическая философия занимается поисками трансисторических истин о политике. Она определяет границы политического, политической жизни и деятельности как таковых, различные формы их государственного воплощения.

Однако мы знаем, что современные общества характеризуются самыми различными формами плюрализма, обус-

ловленными, в свою очередь, существованием множества слоев, сословий, классов, представителей различных этносов или наций, конфессий, культур, профессий, каждый из которых имеет свои особые интересы, зачастую не совпадающие и, более того, конфликтующие друг с другом. Можно сказать, что конфликт составляет неотъемлемую сущностную характеристику любого человеческого сообщества.

Если политика теснейшим образом связана с конфликтом, то одна из главных задач политической философии состоит в выявлении природы и социальных основ конфликтов. Поэтому политическая философия не может игнорировать тип общества, формой политической самоорганизации которого выступает государство или политическая система.

Сам процесс формирования и консолидации человеческих сообществ связан с их взаимным противопоставлением друг другу. Конфликты имели место если не внутри отдельных первоначальных родов, племен, этносов, то между ними. Противопоставление мы-они, наши-чужие составляло неотъемлемый и определяющий элемент этого процесса. Показательно, что само название многих этносов в переводе на современный язык означает «люди» (или «человек» во множественном числе), противопоставляемые «нелюдям» (или «не-человекам»), т. е. всем остальным «чужим» племенам и этносам.

Без всякого преувеличения можно сказать, что государственное, властное начало, политика имеют место там, где существуют конфликты. Средством полного развития человеческих сил природа избирает противоборство этих сил в обществе. Это противостояние — тоже форма общения и общежития, хотя и «антиобщественная». И, действительно, человеку по самой своей природе присуща склонность делать все по-своему. Естественно, что при этом он встречает противодействие других индивидов, также стремящихся делать все по-своему. Этот факт самым непосредственным образом проявляется в борьбе за свою долю во власти между различными социальными силами.

Показательно, что факт конфликтного происхождения властных отношений, политики, государства осознали уже мыслители древности. Еще в «Государстве» устами Полемарха Платон говорил о том, что политическая деятельность должна быть нацелена на интересы части общества или одной партии («друзей») в борьбе с ее политическими противниками («врагами»).

Искусство справедливой политики — «это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред». Высту-

пая с позиций сущего или реального положения вещей платоновский Фрасимах ратовал за то, чтобы в отношениях между властвующими и подвластными приоритет никогда и ни при каких условиях не отдавался подвластным. Как считал Фрасимах, нет людей, которые, находясь у власти, могут отдать предпочтение интересам других в ущерб своим собственным интересам [63, т.3, с. 93–94]. Примечательно, что, считая все существующие системы правления несправедливыми, Сократ не оспаривал фактическую правомерность фрасимаховского конфликтного принципа, выведенного из реального жизненного опыта.

Эта традиция, идущая через Н. Макиавелли и Т. Гоббса, нашла свою дальнейшую разработку у К. Шмитта. Рассматривая политику в категориях друг-враг, К. Шмитт полагал, что социальные отношения уплотняются, превращаются в политические при необыкновенной интенсивности общественных противоречий. По сути Шмитт рассматривал дихотомию друг-враг в качестве главного конституирующего признака политических отношений, самого смысла существования политического как самостоятельной сущности. В своих построениях Шмитт ставил во главу угла именно эту дихотомию, которой у него соответствовали противостояния добро-зло в морали, прекрасное-безобразное в эстетике, выгодное-невыгодное в экономике. Причем, согласно Шмитту, политические категории самодостаточны и независимы от моральных, экономических и иных категорий, политический враг не обязательно плох с моральной точки зрения или безобразен с эстетической. Весь вопрос состоит в том, что он — другой, чужой [88, с. 41].

Эта линия в разработке и трактовке политического в разных вариациях, с различной степенью удара на универсальность и интенсивность конфликта нашла отражение в большинстве политико-философских систем — от левого радикализма до правого консерватизма и радикализма. Свое наиболее законченное выражение она нашла в тоталитарных политико-философских конструкциях в лице ленинизма и национал-социализма. В них идея непримиримой борьбы классов и теория бескомпромиссной борьбы высших и низших рас и народов была возведена до статуса универсального принципа, лежащего в основе всех без исключения общественно-исторических и социально-политических феноменов и процессов.

Тем самым дихотомия друг-враг была перенесена на все сферы и принципы жизни. Политический враг не может быть союзником или другом в экономической, социокультурной, эстетической или иных сферах. Элиминируется само понятие ней-

тралитета. В либеральной системе мировоззрения, если человек нейтрален в отношении существующей формы правления, то подразумевается, что он молчаливо соглашается с ней. В тоталитарной системе нейтралитет воспринимается как неприятие господствующей политической системы. Действует принцип, согласно которому, если ты не с нами, то против нас и, соответственно, причисляешься к лагерю врагов. Если враг не сдается, то его уничтожают.

Практически единодушное признание конфликтности как важнейшей сущностной характеристики мира политического служит весомым доказательством ее универсальности. Это вполне естественно, если учесть, что любое человеческое сообщество, особенно высокоорганизованное, сочетает интересы самых разнообразных социальных и политических сил, организаций, групп, институтов, заинтересованных групп и т.д., что предполагает столкновения, противоречия, конфликты между ними, дополняющиеся противоречиями между частными и государственными интересами.

В данной связи особо следует отметить, что политика подразумевает участие во властных отношениях или стремление оказать влияние на распределение власти. Как отмечал М. Вебер, «кто занимается политикой, тот стремится к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [6, с. 646]. Более того, политика имеет своей целью не только обоснование, защиту и обеспечение позиций конкретной социально-политической группы, сословия, класса, партии, государства, но и дискредитацию, подрыв позиции противника. «В политическом конфликте, который с самого начала является рационализированной формой борьбы за социальное господство, — подчеркивал К. Мангейм, — удар направляется против социального статуса оппонента, его общественного престижа и уверенности в себе» [52, с. 39].

Поэтому мир политического можно рассматривать как арену конкурентной борьбы представителей различных социально-политических сил за власть, за монопольное право говорить и действовать от имени этих сил. Поскольку в политике речь прежде всего идет о власти, а власть является одним из главных ресурсов, которым располагает общество, а также одним из главных источников авторитета и влияния, то зачастую конфликт приобретает самодовлеющий характер, нередко выливаясь в ожесточенные схватки противоборствующих сторон, вплоть до гражданской войны. Констатируя этот аспект, К. Мангейм отмечал, что политика «все более идет к тому, чтобы стать борьбой не на жизнь, а на смерть» [52, с. 38–39].

Люди, живущие вместе, могут преследовать разные цели и поступать по-разному, но очевидно и то, что они не могут жить вместе, если расходятся друг с другом во всех без исключения вопросах. Как показывает исторический опыт, противоречия и борьба перестали бы выполнять функцию двигателя общественно-исторического прогресса, если бы они оставались безысходным и непримиримым антагонизмом между людьми.

Люди объединяются в сообщества в силу общего стремления к совместной жизни. Например, предназначение гражданского общества в том и состоит, чтобы обеспечить достижение какого-то единства, или *modus vivendi*, между различными социально-политическими, социокультурными или иными силами и интересами. Оно в самом себе имманентно содержит некие нормы, императивы и пределы, способные блокировать разрушительные потенции борьбы различных сил и направлять ее в созидательное русло.

Или, становясь на позицию И. Канта, можно сказать, что гражданское общество само, независимо от государства, располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нормы. Именно институты гражданского общества, такие, как семья, школа, церковь, соседские или иные общины, разные добровольные организации и союзы и т.д., способны играть эту роль. Такая функция в сущности чужда государству, и оно прибегает к ее выполнению лишь в том случае, если институты гражданского общества демонстрируют свою неспособность к этому. Здесь основополагающее значение имеет встроенный механизм достижения гражданского согласия.

Конфликт и консенсус составляют две важнейшие характеристики любых сфер человеческой деятельности, в том числе и мира политического. Политика связана как с разрушением, так и с созданием, в ней и грязь и чистота, и добро и зло. Она связана как с миром, так и с кровью и насилием. Здесь речь идет прежде всего о факторах, способствующих, с одной стороны, сохранению и жизнеспособности политической системы, а с другой — ее подрыву и, соответственно, изменению как отдельных институтов, так и всей системы.

Поэтому вполне объяснимо, что феномен политического колеблется между двумя крайними интерпретациями, одна из которых трактует политику всецело как результат и поле столкновения конфликтующих интересов, а вторая — как систему обеспечения правления, порядка и справедливости в интересах всех членов общества.

Но все же определяющим будет то, что политическое имеет своим основанием и своей целью всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, частных и публичных сфер деятельности людей. Речь идет об условиях, формах и рамках существования и функционирования, без которых ни одна, в том числе и политическая, система не способна выжить.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что политика призвана найти пути и средства разрешения возникающих в человеческом сообществе конфликтов, примирения и совмещения друг с другом разнородных и конфликтующих интересов всех членов общества. В этом смысле был прав С. Л. Франк, который писал: «Политика есть лечение (гигиеническое, терапевтическое, в безвыходных случаях — хирургическое) общества или его воспитание, создание условий и отношений, наиболее приемлемых для развития его внутренних творческих сил» [77, с. 216].

Если гражданское общество представляет собой арену столкновения и взаимодействия множества частных противоречащих друг другу и конфликтующих интересов, то мир политического заключает в себе объединяющее всех членов общества начало.

Государство, выступающее как наиболее законченное воплощение идеи политического и, соответственно, как выражение всеобщей воли, преследует цель воспрепятствовать тому, чтобы конфликты различных интересов не достигли взрывоопасной точки, обеспечить условия для достижения консенсуса по основополагающим вопросам общественно-политического устройства. При этом оно вправе использовать не только внутренне присущие любому человеческому сообществу пути, средства и механизмы достижения этой цели, но и комплекс как бы искусственных, внешних механизмов и институтов в виде права, законов, власти и т.д., призванных использоваться для ее реализации при необходимости принудительные меры.

С этой точки зрения для характеристики феномена политического определяющее значение имеет принцип всеобъемлемости или всеобщей обязательности решений и велений государства, использующего все арсеналы закона, права и аппарата насилия для общезначимого регулирования общественных отношений. Важно учесть, что *не существует и не может существовать* какого бы то ни было *аполитического общества*, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности пронизаны политическим началом.

Главная функция политического состоит в том, чтобы обеспечить единство разделенного на разнородные группы, слои, классы общества. В сущности социум един в качестве политиче-

ского сообщества. Политическое играет интегрирующую роль или, иначе говоря, оно включает в себя объединяющее всех членов общества начало.

Поэтому когда мы выделяем гражданское общество и мир политического в качестве самостоятельных подсистем социума, речь идет об их разграничении лишь в смысле веберовских идеальных типов. Это некие абстрактные конструкции, не всегда совпадающие с реальной жизненной практикой.

В реальной действительности гражданское общество и мир политического не существуют и не могут существовать друг без друга. Стихийность и спонтанность свободы находят выражение в гражданском обществе, а начала порядка и упорядоченности — в государстве. Частное начало, или исключительная приверженность принципу приватности, разделяет, разобщает людей в соответствии с их особыми интересами, а организационное начало, воплощающееся в государстве, их объединяет. Это обеспечивается, в частности, господством единой для всех государственной власти, возвышающейся над всеми другими началами. Иными словами, гражданское общество и правовое государство предполагают и обуславливают друг друга, или, как говорил Гегель, они составляют две стороны одной медали.

Таким образом, конфликт и политика самым теснейшим образом связаны между собой. Поэтому центральное место в политической философии занимает вопрос о том, как совместить конфликт, порождаемый неизбежной конкуренцией различных интересов за ресурсы, с требованиями порядка и согласия, без которых невозможно представить себе жизнеспособность любого человеческого сообщества. Существуют разные источники и причины возникновения конфликтов, а также разные пути и средства их разрешения. Это находит выражение в существовании различных форм правления и политических систем, власти и государства.

В то же время сами власть и государство как основополагающие категории политического возникли именно в качестве инструментов разрешения конфликтов между людьми или социальными группами. В этом качестве главная цель политики состоит в сведении к единому знаменателю интересов различных конфликтующих друг с другом групп, слоев, сословий, классов и достижении согласия или консенсуса в обществе по основополагающим вопросам общественно-политического устройства. Очевидно, что политика, будучи результатом конфликтов, в то же время предполагает своим результатом и условием эффективности и жизнеспособности

консенсус.

Конфликт и консенсус составляют два краеугольных камня, или два крайних полюса политики. В данной связи необходимо отметить и то, что теснейшим образом связанные с ними категории «власть» и «свобода» носят антиномичный характер. В этом контексте можно сказать, что политика колеблется между двумя полюсами автократии и анархии, которые в своем крайнем выражении можно характеризовать как полюса власти и безвластия.

Контрольные вопросы

1. Какую именно сферу общественной жизни отражает политическая философия?
2. Что вы понимаете под политической теорией?
3. Каково соотношение политической теории и политической философии?
4. Что вы понимаете под политической философией?
5. Каковы основные сущностные характеристики политической философии как научной и образовательной дисциплины?
6. Можно ли рассматривать политическую философию как самостоятельную сферу общественной мысли?
7. На какие вопросы призвана дать ответы политическая философия?
8. Что вы понимаете под онтологией мира политического?
9. Назовите ее основные сущностные характеристики.

Философия государства и власти

Человеческое сообщество — это не просто некая арифметическая сумма людей, случайно объединившихся для реализации своих целей и интересов, а особая форма их организации или самоорганизации, характеризующаяся в своих бытийных основах сложностью и многогранностью. В жизнеспособном общественном организме единство не просто господствует извне, а пронизывает его изнутри. Иначе говоря, цель самоорганизации человеческих сообществ, в том числе и государства, дана изнутри, из самой природы человеческих отношений. Поэтому их самоорганизация происходит согласно внутренним законам формирования и развития.

Системные и организационные характеристики мира политического

Не вызывает сомнений, что системные или организационные характеристики приобретают все то, что охватывается понятием политического. Основные его компоненты, тяготея к центру, формируются в систему. Этот факт определяется уже в силу существования между различными компонентами мира политического более или менее тесных взаимоотношений. В зарубежной и отечественной литературе все еще не затихают дискуссии относительно содержания и сущности политической системы.

Любая система или организация предполагает прежде всего структуры, институциональную инфраструктуру, на основе которых могут разворачиваться взаимодействие и взаимоотношения различных составляющих. По-

литическое устройство, политическую самоорганизацию общества невозможно представить без институциональной инфраструктуры. Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т.д.

Политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это прежде всего *институты и органы управления, руководства и координации политической жизни страны*.

Выделение понятия «политическая система» на этом уровне диктуется прежде всего тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих значений, ассоциируемых с понятием «государство». Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые с собственно государством. Но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно, будучи концентрированным воплощением идеи политического, выступает в качестве центрального, осевого элемента политической системы, вокруг которого группируются остальные институты. Кроме *государства* и чисто *государственных институтов*, она включает *политические партии, различные общественно-политические организации, комитеты политического действия, разнообразные институты и механизмы принятия решений* и т.д.

Государство и власть являются теми ключевыми элементами, вокруг которых объединяются все остальные составляющие мира политического. Определение сущностных характеристик государства и власти сопряжено с немалыми трудностями. Как отмечал М. Вебер, научное понятие государства, как бы оно ни было сформулировано, является синтезом, создаваемым для определенных целей познания.

Государство организует и формализует мир политического. Оно является носителем политической власти, которая приведена в институционализированную форму и в этом качестве играет определяющую роль в реализации отношений власти. Государство представляет собой базисную структуру правления и порядка в обществе. Это — институт, призванный коллективно ограничивать индивидуальные интересы и страсти и тем самым обеспечивать контролируемую и упорядоченную свободу перед возможным злоупотреблением силой, хаосом и беспорядками. Оно тесно связано с такими понятиями, как механизмы, структуры, учреждения, юрисдикция, власть и властные отношения, права,

комплекс систематизированных отношений, механизм управления обществом и т.д.

Государственная идея суть комплекс формализованных, догматизированных политико-правовых норм, правил, установок. Можно согласиться с Г. Алмондом, характеризовавшим государство как нормативный центр политической системы, ее предел и оправдание. При таком подходе политику можно было бы определить как государственное осуществление общего блага. Зачастую государство не без оснований рассматривается как институциональный аспект политического взаимодействия людей, составляющих общество.

Более того, *государство есть наиболее высокоорганизованная форма политического сообщества*. Оно призвано обеспечить целостность и единство институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления. Государство представляет все общество в совокупности, им и от его имени принимаются все без исключения властные решения, касающиеся всех граждан общества и обязательные для выполнения всеми ими. Поэтому внутри государства, вокруг государства и между государствами разворачивается большая часть *политических процессов*.

Государство – это основная форма политической самоорганизации общества на строго ограниченной географической территории, подчиненной определенному виду политического господства. Вопрос о государстве — это с самого начала и прежде всего вопрос о границах, отделяющих территорию одних государств от территорий других. Причем на данной территории нет какой-либо иной власти, кроме власти суверенного государства, юрисдикция которого распространяется на эту территорию. Как подчеркивал французский правовед Л. Дюги, «характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей на определенной территории» [27, с.129].

Поэтому неудивительно, что понятие политической власти всегда отождествлялось с отправлением власти на определенной территории и с самой этой территорией. Церковь, например, обладает той или иной формой власти и авторитетом, но она не является государством. Католическая и Православная церкви по всем признакам представляют собой организованную коллективность, обладающую верховной властью в делах веры, располагающую администрацией, построенной по иерархическому

принципу, но в отличие от государства не связанную с определенной территорией.

Следует отметить, что государство, будучи формой самоорганизации человеческих сообществ, само, в свою очередь, стало фактором формирования и институционализации множества, если не всех социальных феноменов. Т. Гоббс справедливо считал, что о собственности можно говорить лишь в условиях государства, что «введение собственности есть действие государства», поскольку «где нет государства, там... непрерывная война каждого человека против своего соседа, а поэтому каждому принадлежит лишь то, что он захватил и держит силой, что не есть *собственность*, не *общность имущества*, а *неопределенность*» [21, т. 2, с. 192].

По сей день в научной литературе не затихают споры о том, что первично: *национальное государство, национализм или нация*, и как они соотносятся друг с другом. Например, специалисты до сих пор не могут прийти к согласию относительно того, что именно преобладало в процессе объединения Италии: государственное строительство под руководством Кавура или же становление новой нации, процесс которого возглавили Дж. Мадзини и Гарибальди. Что касается Германии, то нельзя не признать, что здесь задолго до ее объединения существовало сильное национальное движение. Но нельзя игнорировать и то, что во многом объединение немецкой нации и объединенная Германия явились результатом деяний Прусского государства во главе с железным канцлером О. Бисмарком.

Учитывая эти факты, многие исследователи не без основания отмечают, что не нация и национализм создают государства, а, наоборот, они создаются государством. По-видимому, истина лежит посередине между этими крайностями. В одних случаях уже сформировавшаяся нация, как это было в Соединенных Штатах, создает свое государство, а в других, как в Германии, укрепившееся государство является тем инструментом, с помощью которого создается нация.

Легитимность

При всем сказанном было бы чистой водой лукавством утверждать, что государство в одинаковой мере служит интересам, потребностям, нуждам всех слоев, классов, групп, категорий населения. Никогда нельзя забывать ту истину, что общество –

не гомогенное образование, что оно состоит из разнородных, зачастую конфликтующих, социально-политических сил, обладающих разными весом и влиянием, потребностями и интересами, разными, так сказать, весовыми категориями. При таком положении вещей при любой форме государственного правления, в том числе и демократической, будут более равные и менее равные политические силы.

Даже применительно к демократии нельзя в буквальном смысле трактовать тезис, постулирующий, что власть принадлежит народу. Сторонники буквалистского толкования принципа народовластия, отстаивая формулу *пусть народ решает сам*, в должной мере не учитывают, что сначала необходимо установить, из кого именно этот самый народ состоит.

Народ, взятый сам по себе, — это абстрактная категория и в качестве таковой он ничего не может решать: он не правит и не может сам собой править. Это противоречит самой природе власти. Всякие рассуждения о народной власти, народовластии и т.п. — не более чем политические и идеологические лозунги.

Власть имеет иерархическую природу, и на протяжении всей истории она часто служила интересам отдельных личностей, групп, классов, кланов, династий и т.д. Еще в 430 г. до н. э. Перикл говорил: «Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все». В том же духе через более чем две тысячи лет Ш.-Л. Монтескье заметил, что хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным.

И действительно, ни один народ не может обойтись без людей, способных к профессии управления и властвования, он просто нуждается в них. По-видимому, были правы В. Парето, Г. Моска и другие авторы, считавшие, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, любого политического режима занимают представители элиты. Фактом является то, что при любом режиме имеются относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс.

Но при этом необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы, и особенно — сам тип политической системы, оказывают глубокое влияние на роль элит в различных политических режимах. *Правящая или политическая элита* по-разному осуществляет

властные функции при *демократических, авторитарных и тоталитарных режимах*. Что касается демократической формы правления, то она отличается от других форм не отсутствием элит, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом за голоса избирателей.

Поэтому любая власть не может не испытывать потребности в системе легитимизации, сущность которой состоит в обосновании и оправдании права властвования существующей в данной стране формы правления. Эта проблема теснейшим образом связана с другим кардинальным вопросом об источниках и пределах власти.

Устойчивость и жизнеспособность любой социально-политической системы или формы правления зависят от готовности ее субъектов или составляющих жить в соответствии с определенными законами и правовыми нормами. А это, в свою очередь, зависит в большей степени от *уважения к власти и закону* со стороны если не всех, то во всяком случае большинства граждан, *признания ими законности, или легитимности этой системы*, нежели от страха применения к ним тех или иных санкций.

Обеспечение легитимности, или легитимизация, — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т.д., придавая смысл всему социальному порядку. Политическая легитимизация — это признание по меньшей мере большинством общества правомерности господства политического режима, действующего в данный конкретный период.

Даже самые тиранические режимы прошлого и наших дней претендуют на легитимность своей власти и считают нужным всячески ее подчеркивать. Как показывает исторический опыт, такую легитимность нельзя обеспечить одними только насильственными средствами. К примеру, Римская империя основывалась не только на силе и страхе применения принудительных санкций, но и на согласии, доброй воле и уважении ее подданных. Если это потеряно, презумпции законности режима и справедливости его законов бросается вызов.

Симптоматично, что еще Конфуций придавал большое значение доверию и уважению народа к правителям. Так, отвечая на вопрос одного из своих учеников — Цзы Гуна о сущности истинного Управления, он говорил, что в хорошо управляемом государстве должно быть достаточно продовольствия, вооружения и народ должен верить правителям. Причем, утверждал он, в случае

крайней необходимости можно отказаться от вооружения, продовольствия, но не от доверия народа, поскольку «без доверия [народа] государство не сможет устоять» [47, т. 1, с. 160].

Многие могущественные мировые державы, которые казались вечными и незыблемыми, распались и становились достоянием истории именно вследствие потери большинством граждан веры в способность обеспечить их безопасность, благополучие и справедливость. Тем более такая вера необходима для молодых, слабых, неустоявшихся государств. Быстрота и легкость, с которыми рухнула, например, Веймарская республика, объясняется прежде всего тем, что в глазах большинства немцев она не пользовалась легитимностью, поскольку считалась навязанной Германии несправедливым Версальским договором. Особенно показателен в этом отношении пример Советского Союза, который, несмотря на кажущуюся монолитность, фундаментальность и вечность, рухнул в буквальном смысле слова в одночасье именно потому, что большинство народа перестало верить в его легитимность. А почему — это уже другой вопрос.

Иначе говоря, *законная власть — это та, которую весь народ*, во всяком случае большинство, *признает властью*. Некоторые авторы (например, М. Дюверже) даже считают, что принуждение силой, физической, экономической или иной, нельзя называть властью. О власти можно говорить лишь в том случае, когда подчиняющийся верит в то, что, подчиняясь велениям власти, он поступает правильно, справедливо и на законных основаниях. Таким образом, власть предполагает не только физическое принуждение, но и веру в законность такого принуждения.

Система легитимизации власти прошла длительный и сложный путь формирования и эволюции. В течение всей истории человечества вплоть до Нового времени определяющими в этом отношении были *мифология и религия*. Их роль и функции состояли в обосновании идеи *божественного происхождения власти вообще* и власти того или иного князя, царя, императора, династии в частности.

Эта «божественная идея» прошла через историю почти всех существующих на Земле народов, способствуя их консолидации в самые трудные для них времена. Более того, многие идеи, ценности, установки, связанные с мифологией и религией, составляли саму инфраструктуру общественного сознания различных сообществ людей, племен и народов.

Мифы и религия, будучи частью *исторической традиции* того или иного народа, пронизывают его *культурное наследие* и, соответственно, отражаются и на характере его общественного сознания. Большинство мифов древних народов настойчиво подчеркивали божественный характер власти верховных правителей. Считалось само собой разумеющимся, что цари, фараоны, императоры, короли древнего мира получали власть как бы прямо из рук богов или же они сами объявляли себя верховными божествами.

В большинстве древних мифов божества, от которых правители получают власть, считаются, как правило, воплощениями справедливости, правды и добродетели, скажем, шумерский бог Шамаш, древнеегипетская богиня Маат. Божественный характер власти фараонов означал, что она соответствует естественному божественному порядку справедливости — богине Маат. Эти представления отражены почти во всех известных древних законах. Так, изображая предложенные им законы как результат воли богов, древнеавилонский царь Хаммурапи (1790 г. до н. э.) подчеркивал: «По велению Шамаша, великого судии небес и земли, да сияет моя справедливость в стране, по слову Мардука, моего владыки, да не найдут мои предначертания никого, кто бы отменил их». Согласно индийским Ведам и Упанишадям, все варны должны следовать божественной дхамме — закону, долгу, обычаю, правилу поведения.

В древнекитайском мифе о божественном происхождении власти вся она сосредоточена в личности императора Поднебесной, который является звеном, связывающим народ с Небом. Так, обосновывая божественную природу власти, Конфуций рассматривал ее в качестве незаменимого инструмента поддержания порядка в обществе и регулирования отношений между господствующими и подвластными. В системе государственного устройства Конфуция роль высшей направляющей силы отводилась Небу, определяющему, по его мнению, судьбу как самой Поднебесной, так и всех ее жителей. Характерно, что прерогатива интерпретации воли Неба принадлежит исключительно цзюнь-цзы, т. е. тем, кто в совершенстве овладел принципами *ли*, или иначе говоря, самим правителям и бюрократии. Поэтому неудивительно, что Небо изображается также как страж основных догматов учения самого Конфуция, одно из центральных мест в котором занимает идея о цзюнь-цзы.

Согласно св. Писанию, законы еврейского народа получены Моисеем прямо от Бога. Боги передали власть людям,

но в экстремальных случаях они действуют непосредственно, например, через откровения, разного рода чудеса и т.д. Эта идея получила дополнительное подтверждение в концепции естественного права, так как она была сформулирована стоиками и христианскими мыслителями в конце античности. Как считали христианские теологи, мир — это творение высших сил, всевышнего и, соответственно, все его творения, в том числе и люди, связаны его волей, которая проявляется отчасти через откровение, как оно интерпретируется церковью, отчасти с помощью естественного разума. В соответствии с подобными установками в средние века легитимность власти обосновывалась волей божественного провидения и выводимым из него естественным правом.

И в наши дни формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену нередко обосновывается ссылками на некое божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно к тем ее местам, где говорится, что Бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один, наделяя его своей благодатью. Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история того или иного «богоизбранного» народа. История предоставляет нам множество свидетельств того, что *идея величия и богоизбранности* была присутствующая чуть ли не *каждому великому народу*, особенно в период его *восхождения*.

Легитимность власти нередко достигалась — и этот способ отнюдь не стал достоянием истории — путем ее *персонификации*. Здесь личность носителя власти в глазах подданных становится воплощением власти и даже самой властью, человек отождествляется с властью, он сам по себе как бы приобретает атрибуты власти. Этот феномен, в частности, проявляется в таком признаке, как приверженность *харизматическому лидеру*, — признаке, который Г. Алмонд считал достоянием обществ, где господствует доиндустриальная или смешанная политико-культурная традиция.

Речь идет о том, что лицо, облеченное властью или помогающее ее, обосновывает свои притязания собственными достоинствами, такими как мужество, храбрость, героизм в бою, решительность в действиях, мудрость и знания в принятии важных решений, какие-либо физические или духовные качества и т.д. Нередко именно *личные качества* давали возможность их носителям воз-

саться в качестве *главных героев в анналах истории*. Это первые племенные вожди, воины, «основатели» наций, городов-государств, империй, религий, «спасители отечества» и др. Это, естественно, люди, подобные Цезарю, солдатские императоры в поздней Римской империи периода упадка, Наполеон и т.д.

Ярко выраженная персонализация политической жизни и государственной власти характерна для России. Она способствует тому, что установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы больше на личности конкретных политиков, нежели на политико-идеологические программы. Так, облик и судьбы российской истории на различных ее этапах определяли Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Б. Н. Ельцин.

Не требуется особых усилий для доказательства того, что харизматичность в различных ее новых формах и модификациях сохраняет актуальность и в современном мире. Более того, харизматические лидеры и харизма как фактор, определяющий симпатии и/или антипатии избирателей и, соответственно, их выбор, стали *важнейшими элементами политической культуры всех типов в эпоху информационной революции и электронных средств массовой информации*. Что касается тоталитарного типа политической культуры, то харизма в крайних формах поклонения вождю — фюреру также является его неотъемлемой составной частью.

Чтобы доказать законность своей власти или подчинить людей своей воле, государи во все времена использовали самые ухищренные средства. Среди них центральное место занимало то, что мы сейчас назвали бы запретом на информацию, которая каким-либо образом способна подорвать господствующую форму правления. Именно этой цели с самого начала служила *цензура*, призванная скрыть от широкой общественности неугодные правящему режиму факты и сведения, закрыть для нее доступ к так называемым подрывным идеям и концепциям.

Этим объясняется то, что одни государи, как отмечал известный деятель Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. Ж.-П. Марат, «изгоняют из своих государств литературу, другие запрещают своим подданным путешествия, третьи не позволяют народу размышлять, постоянно развлекая его посредством Парадов, зрелищ, празднеств или же передавая его азарту игр... если же добродетель недовольных не поддается подкупу, государи выдвигают против них наемные перья подлых писаков, всегда готовых оправдывать угнетение, клеветать на друзей оте-

чества, чернить со всем присущим им искусством защитников свободы, которых они объявляют нарушителями общественного порядка» [53, с.128–129].

Верность этого суждения доказывается множеством примеров из истории человечества от античности до наших дней. Самые, казалось бы, светлые головы античности в лице Гераклита, Платона и др. призывали запретить, например, Гомера, Гесиода. Как известно, пресловутая практика «изгнания философов» широко применялась в демократических Афинах. Именно там институт остракизма стал одним из важнейших средств защиты спокойствия и целомудрия рядовых граждан. Для достижения данной цели не брезговали и цикутой, как это было с Сократом.

Особенно широкие масштабы цензура во всех ее формах и проявлениях приняла с институционализацией христианства в качестве государственной религии Римской империи. Рассматривая величайших мыслителей древности как исчадие ада и на этой основе санкционируя уничтожение большинства их творений, отцы церкви и христианские мыслители по сути способствовали фактическому разрыву античной традиции и преданию забвению на многие века духовного наследия античного мира. После обращения императора Константина в христианство оно, став государственной религией Римской империи, встало на путь утверждения своего верховенства в вопросах как веры, так и государственного правления, используя для этого все возможные и невозможные средства – от составления списков запрещенных книг до костров инквизиции.

При всем том государство, как и любой другой общественный институт, считается легитимным, если оно служит благу всей совокупности его граждан. Главное требование, предъявляемое к властителям, — это гарантия справедливости правления. Принцип справедливости служит оправданию власти независимо от того, как трактуется само это понятие. Здесь как нельзя лучше подходит максима «*salus populi suprema lex*», т. е. благо народа — высший закон. Однако остается нерешенным вопрос, что есть благо, интерес, воля народа. Именно по критерию справедливости и несправедливости и, соответственно, легитимности и нелегитимности проводилось разграничение между различными формами правления.

Сложная система легитимизации имеется в современном мире. Она сложилась в процессе возникновения и институционализации современного светского национального государства со всеми его атрибутами и существенными характеристиками, та-

кими как суверенитет, конституционализм, парламентаризм, правовое начало, разделение властей и др.

Большой интерес с данной точки зрения представляют типы легитимизации, предложенные М. Вебером. Он полагал, что правители могут претендовать на легитимность своего правления, а управляемые – принять его законность на следующих трех основаниях.

Во-первых, «авторитет “вечно вчерашнего”»: авторитет нравов..., “традиционное” господство в том виде, как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа». Здесь легитимность основывается на общепринятом убеждении в святость традиций и необходимость подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако и современные системы в значительной мере черпают свою легитимность из своих традиций. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности.

Во-вторых, исключительные личные качества правителей, например героизм, принципиальность, смелость, решительность и т.д., объединяемые понятием харизмы.

В-третьих, «господство “легальности” в силу веры в обязательность легального установления (*Satzung*) и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил» [6, с. 646].

Здесь законность власти определяется по признакам ее соответствия принципам рациональной организации, эффективности и права. То, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда Вебер выводил следующие типы власти: *традиционную, харизматическую и правовую*.

В современных системах легитимизации в той или иной мере сохраняют актуальность и значимость все названные Вебером типы. Например, одной из опор, на которых держится английская государственно-политическая система, являются традиционные институты монархии и палаты лордов. Еще большее значение для ее сохранения, жизнеспособности и эффективного функционирования имеют начала рациональной организации, среди которых центральное место занимают принципы права и закона, конституционализма и парламентаризма и др.

В определенных условиях, хотя и косвенно, в общественном мнении прочность прерогатив правительства в значительной степени может быть усилена харизмой его руководителя (наглядный пример этого — М. Тэтчер и Э. Блейр). Разумеется, помимо названных, в зависимости от национально-исторических, политико-культурных и иных факторов могут быть использованы также другие средства, доводы и аргументы. Так, в легитимизации либеральной демократии с этой целью привлекаются все ее важнейшие атрибуты, служащие показателями ее народности и справедливости: принципы представительства, выборности, плюрализма и т.д.

Суверенитет

В большинстве современных подходов к легитимности центральное место занимает идея суверенитета. Иначе и быть не может, поскольку она затрагивает такие ключевые вопросы, как источник и природа верховной власти. Трудно установить источник суверенитета государства. Но тем не менее это — реальный феномен. Проблема суверенитета затрагивает не только иерархию властных структур в рамках государства, но и место самого государства среди человеческих сообществ, союзов, коллективов. Когда говорят о суверенитете государства, то подразумевают, что все другие коллективы: общины, семьи, ассоциации, провинции, товарищества и т.д. — занимают подчиненное в отношении к нему положение.

Как уже указывалось, теория национального или государственного суверенитета формировалась вместе с идеей национального государства. Еще Ж. Боден подчеркивал, что невозможно государство без суверенитета. Суверенитет составляет одну из основополагающих сущностных характеристик государства, тем более современного национального государства. Значимость и универсальность его состоит в том, что государству всецело принадлежит верховная власть над всеми другими ее конкретными формами и проявлениями на всей территории, на которую распространяется юрисдикция данного государства. Суверенная власть не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальное зависит от нее, берет свою легитимность от нее. Государство может быть только суверенным. Суверенитет — основополагающий критерий государства. Он определяет само бытие государства, призван обеспечить унификацию, единение, самоопределение и функционирование

властной системы и служит критерием различения государства от догосударственного состояния.

Интерес представляет вопрос об *источниках суверенитета*. При господстве идей божественного происхождения власти источником верховной власти в государстве считалась божественная воля. Постепенно сформировалась теория договорного происхождения государства и, соответственно, власти. К ним восходит теория *народного суверенитета*, согласно которой власть коренится в воле народа. Обращает на себя внимание то, что уже со времен античности все настойчивее пробивала себе дорогу мысль о том, что власть и государство должны служить народу, а не наоборот. Так, еще Аристотель говорил, что семья как общественная структурная единица первична по отношению к государству. Не семья и другие простейшие человеческие реальности должны приспосабливаться к государству, а, наоборот, государство должно приспосабливаться к ним.

Такая постановка вопроса получила дальнейшее развитие в Новое время. Из работ мыслителей этого периода, таких как Г. Гроций, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье и др., вытекает следующее предположение учения о народном суверенитете: поскольку всякая власть исходит от народа, за ней нельзя признать большей божественности, чем за самим народом, являющимся единственным источником этой власти. Этот тезис стал азбучной истиной почти всех современных либерально-демократических теорий политики и политических систем.

Суверенитет означает, что юрисдикция государства распространяется на всю его территорию и на всех людей, проживающих на этой территории. В силу суверенитета государство обладает правом устанавливать связи с другими государствами, защищать и реализовывать свои интересы. Таким образом, суверенное государство представляет собой территориальное образование, контролирующее население, а также организации и группы, ассоциируемые с данной территорией.

Государственный суверенитет включает такие основополагающие принципы, как *единство и неделимость территории, неприкосновенность территориальных границ и невмешательство во внутренние дела*. Если какое-то иностранное государство или внешняя сила безнаказанно нарушает границы данного государства или заставляет его руководителей принять решение, не отвечающее национальным интересам его народа, то можно говорить о нару-

шении его суверенитета. А это явный признак слабости данного государства и его неспособности обеспечить собственный суверенитет и национально-государственные интересы.

Различается суверенитет *внутренний и внешний*. Внутренний суверенитет — это право и полномочия повелевать всеми людьми, обитающими на национальной территории, как гражданами данного государства, так и негражданами. Внешний суверенитет призван обеспечить территориальную целостность и невмешательство внешних сил во внутренние дела страны.

В данной связи интерес представляет то, что до появления современного национального государства власть политического центра не в одинаковой степени охватывала все население и все находящиеся в его подчинении территории. То, что внешне казалось единым политико-государственным образованием или пространством, на самом деле представляло собой конгломераты множества сатрапий, провинций, княжеств, владений и т.д. И чем дальше они отдалялись от центра, тем слабее оказывалось его влияние. Так что зачастую на периферии государства обширные территории в политическом отношении пользовались значительной долей самостоятельности.

Поэтому правы авторы, считающие, что в период до утверждения национальных государств государства и империи имели *владения*, но не четко очерченные *границы*.

Период феодализма примерно с VIII по XV в. характеризовался системой взаимно пересекающихся связей и обязанностей, в которой весь европейский континент был фрагментирован на мелкие, автономные по отношению друг к другу части. Так, на большую часть территории Аппенинского полуострова одновременно претендовали римский папа, император Священной Римской империи и император Византии. Причем на эти же территории претендовали также местные правители и полуавтономные города.

В результате ни одного правителя или ни одно государство нельзя было считать суверенным в смысле обладания верховной властью над данной территорией и конкретным населением. Существовали государственные образования, не полностью контролировавшие свои территории. Они не обладали монополией на законное насилие на этих подведомственных им территориях. Например, феодальные государства сквозь пальцы смотрели на вооруженные стычки и конфликты между своими вассалами, но при условии, что те не забывали о своих обязанностях перед верховным сюзереном.

В течение Нового времени политическая карта Европы радикально перекроилась. И действительно, национальное государство в строгом смысле слова лишь около 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических, в том числе и международных отношений. Германия и Италия, какими мы их знаем в современном виде, вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в.

Централизованное национальное государство руководствуется скорее национальными или общегосударственными, нежели династическими интересами правящего дома. По мере формирования крупных национальных государств и поглощения ими мелких политических образований и четкой фиксации государственных границ политическая карта Европы приобретала совершенно иной вид. Так, если на рубеже средних веков и Нового времени число государств достигало нескольких сот, то к 1900 г. оно сократилось примерно до 25.

Формирование национальных государств сопровождалось организацией международно-политической системы. Условием притязаний каждого из них на верховную власть на своей территории является признание и за другими государствами равных прав на ведение дел по своему усмотрению в пределах своих границ. Это условие стало частью взаимного процесса, в ходе которого государства признавали друг за другом права юрисдикции в пределах соответствующих территорий. Тем самым каждое из них обязывалось не вмешиваться в юрисдикцию другого государства.

Очевидно, что характер и форма современных государств определились на пересечении *национальной и международной* сфер. Именно на этом пересечении действовали факторы, определившие размеры государства, его внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т.п. Определяющее значение имела способность государств обеспечить и увеличить свою мощь и в силу этого контролировать положение внутри страны и отношения с внешним миром.

Иными словами, речь шла о способности государств организовать средства принуждения в лице армии, военно-морских сил и других атрибутов своей мощи и использовать их в случае необходимости. Некоторые авторы даже утверждают, что функции государства носят преимущественно военный и геополитический, нежели экономический и внутриполитический характер.

В качестве высшей ценности рассматривалась максимально возможная свобода каждого отдельно взятого госу-

дарства в реализации своих национальных интересов. Именно государству принадлежит определяющая роль в реализации национального интереса на международной арене, причем оно ставит свои национальные интересы выше интересов других государств.

Считается, что в рамках этой системы в отношениях между государствами естественное состояние — это состояние войны или состояние, при котором господствует гоббсовский закон «войны всех против всех». Такой подход объясняется тем, что среди государств, как и среди людей, анархия или отсутствие правительства ассоциируется с возможностью применения несанкционированного насилия. Это заставляет государства проводить силовую политику для защиты своих жизненных интересов.

Стержневым элементом международного права является принцип *суверенного равенства*. Здесь суверенитет представляет собой международную юридически-правовую концепцию, используемую для определения главного субъекта верховной власти в международной системе. Такой верховной властью, или суверенитетом, обладает только государство, оно считается единственным или главным носителем прав и обязанностей в системе международного права, единственным законным агентом применения легитимного насилия.

Концепция суверенного равенства всех государств независимо от их размеров, веса и влияния была официально выдвинута на 2-й Гаагской мирной конференции в 1907 г. Окончательно она получила санкцию международного права в преамбуле Хартии Организации Объединенных Наций, где зафиксировано положение о «равных правах... наций, крупных и малых», и в статье 2, в которой утверждается «суверенное равенство всех членов Объединенных Наций». Данная концепция касается вопросов безопасности и целостности государства перед всеми формами внешних угроз. Этот принцип предполагает другой, не менее важный — невмешательство одного государства, каким бы могущественным оно ни было, во внутренние дела другого. И это независимо от форм правления, их внутренней политики и т.д. Иначе говоря, речь идет о взаимных обязательствах государств друг перед другом.

Таким образом, международное право предусматривает координацию поведения государств, а не подчинение воли одних государств воле других. Поэтому очевидно, что суверенитет государства отнюдь не означает, что оно вправе и способно делать все, что хочет, и может действовать изолированно от других членов мирового сообщества.

Суверенитет и взаимозависимость государств отнюдь не являются противоречивыми категориями. Суверенитет государства означает лишь то, что оно само для себя решает, как справиться со своими внутренними и внешними проблемами, включая и проблемы поиска союзников и помощи извне, тем самым ограничивая собственную свободу. «Независимость — это не что иное, как умение распорядиться своей зависимостью», — справедливо подчеркивал такой решительный сторонник независимости и величия Франции, как Ш. де Голль.

Происхождение и сущность власти

Власть и господство — это базовые характеристики любого человеческого сообщества. С этим феноменом мы встречаемся почти во всех сферах жизни. Речь может идти, например, о власти родителей над детьми в семье, руководителя предприятия над работниками, мэра города над своими подчиненными, папы над прихожанами католической церкви и т.д. Часто понятие «власть» используется в качестве метафоры. Говорят, например, о «власти традиций», «власти предрассудков», «власти идей», «власти любви» и т.д. Говорят также о власти человека над самим собой, власти над природой и т.п.

Наиболее адекватное выражение понятие власти находит в политической сфере. Большинство исследователей придерживается мнения, что лишь власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Она отличается совершенством внутренней организации и степенью подчинения себе управляемых. Специфическая особенность государственной власти состоит в том, что она осуществляется единой системой специальных центральных, или высших, и местных, или низших, органов, взаимосвязанных по вертикали и горизонтали.

Именно понимаемая так власть и является предметом исследования данного раздела. Хотя власть и наделяется некоторыми общими, универсальными значениями, в *разных социокультурных системах* она может пониматься по-разному, иметь особые оттенки, включаться в разные системы координат идеального. Власть подразумевает людей — субъектов властных отношений, и с этой точки зрения она есть социальный институт. Поэтому вполне естественно, что ее трактовка связана с субъективными позициями разных социальных групп или организаций, выражающих их интересы.

Власть, как и государство, составляет один из ключевых элементов мира политического. В течение многих веков мыслители, ученые и исследователи различных социально-философских и идейно-политических направлений пытались определить фундаментальную природу власти, основные ресурсы, обеспечивающие обладание ею и ее реализацию, границы, в которых могут быть использованы эти ресурсы и, соответственно, применение самой власти. Немаловажное место в этих поисках занимало установление основных источников власти и факторов ее возникновения и последующей эволюции.

Как социально-политический феномен власть составляет антитезу состояния безвластия, отсутствия власти. Началу «архэ» (власти) в качестве символа организованного порядка в сообществе людей, регулируемого определенным комплексом общеобязательных норм и правил, противопоставлялось начало «анархэ» (безвластия) в качестве символа общественного устройства, в котором отсутствуют всякая власть, господство и принуждение. Ксенофан называл «анархией» время без Архона, т. е. без высшего правителя государства. Идеал такого общества, получивший позже большую популярность, на рубеже нашей эры римский поэт Овидий назвал «золотым веком», «когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость».

Греческое слово «анархэ», означающее «свободу от господства» или «состояние свободы», равно как и прилагательное «анархос», сохраняет свое значение почти в неизменном виде со времен Гомера и Геродота. Анархическими можно считать общину без вождя, общество без государства, армию без командующего, команду корабля без капитана, банду разбойников без главаря и т.д. Причем большей частью с античных времен это слово употреблялось с отрицательным оценочным оттенком. Для подавляющего большинства античных мыслителей самоочевидным был факт, что человеческое общежитие всегда нуждается в «архэ», т. е. властном начале, призванном укротить стихийные импульсы людей и обеспечить порядок в обществе.

Анализ исторических форм сообществ людей показывает, что разные идеи о некогда существовавших свободных обществах, без принуждения и господства, относятся к жанру *политических утопий*, но никак не к реальной истории. То же самое верно и применительно к различным вариантам анархизма, которые, в отличие от большинства традиционных утопий, предлагавших мо-

дели справедливой власти, заменяют их (во всяком случае в идеале) идеей свободы от любых форм власти.

Уже при первобытно-общинном строе существовали системы нормирования и регулирования социальных отношений. М. Вебер называл это «регулируемой анархией». Но с такой оценкой можно согласиться лишь с оговорками, поскольку, хотя в отдельных общинах, возможно, и не было четко фиксированных норм и правил институционализации и функционирования системы власти, вряд ли правомерно говорить о какой-то анархии в собственном смысле слова или тем более о некоем «безличном господстве», «господстве без господ», как это пытаются обосновать некоторые авторы. Уже первобытная община, по-видимому, была немыслима без конкретных обязательных норм, правил и табу, предусматривающих самую широкую гамму наказаний, в том числе и насильственных.

Более того, властный императив теснейшим образом связан с первоначалами человеческой истории. Рассматриваемую в качестве инструмента контроля поведения людей *власть лишь с определенными оговорками можно назвать историческим феноменом*. Дело в том, что власть коренится в самой природе человека как общественного существа. В данном случае речь идет не только и не столько о природной склонности человека подчинять себе других людей, стремиться к более высокому положению в статусной иерархии или нищезанской воле к власти и т.д., сколько о том, что *без власти не может быть и самого человека и человеческого общества*.

Именно *властное начало* сыграло если не определяющую, то во всяком случае немаловажную роль в процессе отделения человека из стада. Само возникновение человека, его выход из животного или стадного состояния теснейшим образом связан с подавлением отдельных природных задатков. Необходимость в этом была вызвана потребностями формировавшегося человеческого общества подчинить эгоистически-индивидуалистические и агрессивные устремления отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива в лице рода или племени. По-видимому, в *основе власти*, особенно на первоначальных этапах, лежало скорее *отрицательное*, нежели *положительное* начало. Не случайно, что табу и по сей день имеет запретительный смысл.

Рудиментарные элементы власти первоначально возникли в форме отдельных табу, или запретов, на те или иные

действия или акты, считавшиеся очевидными в стадном состоянии. Или, иначе говоря, первоначально *власть коренилась в табу*. Первым властным актом, по-видимому, нужно считать именно первое табу, т. е. запрет, или приказ, человеку делать, не делать что либо. «Приказ, — писал Э. Канетти, — старше, чем язык, иначе его не понимали бы собаки. Дрессировка животных заключается как раз в том, чтобы они, не зная языка, научились понимать, что от них хочет человек. В коротких ясных приказах, которые в принципе ничем не отличаются от приказов, адресуемых людям, животным объявляется воля дрессировщика. Они ее исполняют, соблюдая также запреты. Поэтому с полным основанием корни приказа можно искать в древности; по крайней мере ясно, что в каких-то формах он существует и вне человеческих обществ» [35].

По-видимому, первого, кто произнес сакраментальное выражение «Ты не должен...», можно считать основателем власти и закона. Без таких табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия и вседозволенности, или анархэ, к состоянию архэ, когда человеку под угрозой наказания, в том числе и физического, не дозволяется что-либо делать.

Сама сущность человека определяется прежде всего социальным началом. Поскольку становление человека есть процесс формирования его сущности, *антропогенез* представляет собой одновременно *социогенез*. Иначе говоря, антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны друг с другом, составляют две стороны единого процесса *антросоциогенеза*. Процесс становления человека и человеческого общества — это процесс формирования механизмов обуздания, ограничения, подавления зоологических инстинктов и побуждений, таких как пищевая и половая, и постановки их под контроль общества, введения в определенные социальные рамки. Другими словами, императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам человеческого общежития. Более того, возникающие в процессе антропогенеза новые социальные потребности были одновременно потребностями в ограничении биологических потребностей.

Одним из важных таких механизмов и являлось табу. Оно как искусственное человеческое образование лежит у истоков власти и позитивного закона или права. Иначе говоря, власть так же стара, как и сам человеческий вид. В этом смысле процесс табуизации по сути совпадал с процессом формирования власти.

Стало быть, власть возникла не на определенном этапе человеческой истории, а вместе с самим человеком, возникновение власти неотделимо от возникновения самого человека. Не случайно, что древнегреческое слово «архэ» означает одновременно «власть», «главенство», «начало» или «первоначало». Аристотель сообщает, что Фалес, считая первоначалом всех вещей воду, именовал это первоначало словом «архэ». (Правда, Гегель утверждал, что «в действительности Анаксимандр был первым, употребившим выражение архэ, так что Фалес еще не обладал этим определением мысли; он знал архэ как начало во времени, но не как начало, лежащее в основании вещей» [16, т. 1, с. 104].) Не случайно и то, что, провозгласив свою знаменитую максиму *panta rei*, Гераклит объявил сам процесс изменения, непрерывную смену возникновения и разложения первоначалом — архэ. В более поздние эпохи, например в поздней античности и в наше время, ослабление власти связано с вольным или невольным снятием тех или иных табу, с процессом частичной де-табуизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности.

Из сказанного можно сделать вывод, что власть и человеческое общество возникли одновременно и вместе прошли длительный путь развития. Весь исторический опыт убедительно показывает, что власть — необходимый элемент общественной организации, без которого невозможны жизнеспособность и функционирование общества, она призвана регулировать взаимоотношения между людьми, между ними, обществом и государственно-политическими институтами. Более того, власть является одним из главных (если не самый главный) ресурсов любого человеческого сообщества.

Притягательность власти с данной точки зрения состоит в том, что властные рычаги дают возможность влиять на производство, распределение и потребление этих ресурсов. Очевидно, что те, кто занимает подчиненное положение, будут стремиться свергнуть существующие власти и занять их положение. Поэтому борьба между теми, кто обладает властными рычагами, и теми, кто стремится их взять, составляет неизменный закон человеческой жизни.

Ключ к власти лежит в способности ее субъекта контролировать поведение других людей и манипулировать социально-политическими процессами. В данном контексте под властью подразумевается способность ее субъекта (отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства) навязывать свою

волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями насильственными или ненасильственными средствами и методами. Здесь речь идет о способности субъекта навязать свое господство другим людям, группам, классам, обществу в целом.

Можно выделить множество первоначальных истоков власти и господства. Самым бесспорным из них является сила, которая, в свою очередь, выступает в разных формах. В истории человечества любая властная система основана на акте или актах насилия. Сила слишком часто выступала в качестве не последнего, а первого и решающего аргумента. Необходимость насилия и принуждения в качестве механизмов регулирования поведения людей в обществе определяется недостаточностью средств поощрения и порицания. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение. Подчеркивая значимость этого факта, в «Законах Ману» отмечалось: «Наказание — царь, оно — мужчина, оно — вождь и оно — каратель... Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле... Весь мир подчиняется (только) посредством Наказания... Все варны испортились бы, все преграды были бы сокрушены, и произошло бы возмущение всего народа от колебания в (наложении) Наказания. Где идет черное, красноглазое Наказание, уничтожающее преступников, там подданные не возмущаются, если вождь хорошо наблюдает» [28]. Необходимость санкций, наказаний, запретов, как будет показано в гл. 5, вытекает из самой противоречивой природы человека.

Выражение «сильный всегда прав», по-видимому, восходит еще к тем временам, когда спор решался исключительно с помощью физического насилия. В этом смысле власть представляет собой превосходство в сугубо материальном смысле: если я обладаю способностью подавить или убить другого человека, то я «сильнее» его, я способен подчинить его своей власти. Слишком часто власть являлась результатом военной победы, узурпации, брато- и отцеубийства, государственного переворота или другого незаконного деяния. Для любого историка это настолько очевидный факт, что здесь вряд ли есть надобность приводить какие-то примеры. Поэтому безо всякого преувеличения можно сказать, что уже у своих первоисточков на власти, как говорится, лежит каинова печать братоубийства.

Приходится признать и то, что в основе многих самых мирных, считающихся в наши дни законными и укладываемыми в рамки права, общественных и политических феноменов

лежат насилие и другие формы противозаконных действий. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства прошли испытание насилием. Например, национально-государственный суверенитет, торжество права и закона над божественным правом государей на власть, разделение властей первоначально являлись объектом ожесточенной идеологической и политической, в том числе и вооруженной борьбы между противоборствующими группами, сословиями, классами, государствами.

На пути разработки, учреждения и институционализации этих принципов каждая страна прошла через революции, гражданские войны, цареубийства и другие формы насилия. Великобритания, считающаяся одной из самых совершенных демократий современного мира, пережила две революции, причем в первый раз она избавилась от своего короля, отрубив ему голову. Еще в большей степени это верно применительно к Франции, которая прежде чем окончательно принять демократические ценности и институты, прошла через несколько революций и переворотов. В США политическая демократия и рыночно-капиталистические отношения одержали окончательную победу лишь в результате жестокой и кровопролитной гражданской войны.

Естественно, что власть ни в коем случае нельзя свести к силе, тем более к голой физической силе, или насилию. Но нельзя не учитывать и то, что власть, не опирающаяся на силу, не способная добиться реализации своих решений, в том числе силой или угрозой применения насилия, может оказаться благим пожеланием или просто блефом. В этом смысле власть представляет собой форму выражения силы.

Одна из главнейших задач государства — это разрешение противоречия между необходимостью порядка и разнообразием интересов в обществе, сопряженных с конфликтами. С этой точки зрения государство и власть, политическое призваны внести порядок и рациональную организацию в социально-политический процесс, обуздать стихию человеческих страстей.

Власть и монополия на законное насилие

Поэтому естественно, что и государство и власть самым тесным образом связаны с насилием. Государство, даже самое демократическое, представляет собой во многих отноше-

ях механизм принуждения, насилия над людьми. Но это насилие особого рода. Еще Т. Гоббс (продолжая в этом вопросе традицию Н. Макиавелли) усматривал главный признак государства в «*монополии* (курсив мой. — К. Г.) на принуждение и насилие». Дж. Локк считал политической властью «право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне — и все это только ради общественного блага» [47, т. 3, с. 263].

С тех пор этот тезис в разных редакциях стал преобладающим в большинстве теорий государства. Данную мысль в несколько иной форме выразил известный немецкий правовед XIX в. Р. Еринг, который подчеркивал, что государство обладает абсолютной монополией на принуждение.

Наиболее завершенную разработку данный тезис получил у М. Вебера. Он, в частности, утверждал, что государство невозможно определить социологически в терминах его целей или из содержания его деятельности, поскольку нет такой задачи, которая была бы исключительным достоянием государства. Поэтому, говорил Вебер, четким очерченным признаком государства следует искать в средствах, которые оно использует. Таким средством, по его мнению, и является насилие. Как считал Вебер, «государство есть то человеческое общество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия... Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство» [6, с. 263].

Исходя из этой посылки, М. Вебер рассматривал государство как «организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприровал и сам занял вместо них самые высшие позиции» [6, с. 651].

Хотя сущность государства и власти, политического в целом и нельзя свести только к отношениям господства и

подчинения, все же с точки зрения власти и властных структур эти отношения отличают политическое от других сфер общественной жизни. Более того, государство, власть и насилие немыслимы друг без друга. Хотя, подчеркнем, насилие является не единственным средством государства, но специфическим.

Это вполне естественно, ибо государство, особенно современное, в котором, как в едином организме, сочетаются множество разнообразных конфликтующих, зачастую несовместимых друг с другом интересов, устремлений, установок и т.д. и т.п., не в состоянии обеспечить выполнение своей главной функции по реализации общей воли своих подданных только полагаясь на их сознательность и добрую волю. В данном контексте власть является как бы данью греховной природе человека, средством, призванным бороться с несовершенством человека и социального мира в целом.

Мировая история еще не знала государства без механизмов и средств предотвращения и наказания уголовных правонарушений, без системы исправительных учреждений. Насилие или угроза применения насилия являются мощным фактором, сдерживающим людей от поповзновений на жизнь, свободу, собственность других членов общества. Непременным атрибутом государства считаются «человек с ружьем», армия, полиция, призванные гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность как самого государства, так и всех его подданных. Они составляют инструмент силового обеспечения политики государства. В этом контексте прав был французский мыслитель конца XVIII—начала XIX в. Ж. де Мэстр, который говорил: «Бог, сотворивший власть, сотворил и наказание... палач сотворен вместе с миром».

Государство отличается от всех других форм организации людей тем, что оно располагает военной силой и судебно-репрессивным аппаратом. Не случайно при определении политического К. Шмитт особое значение придавал *jus belli* — праву вести войну. Объясняя свою мысль, Шмитт говорил, что государство, выступающее как единство политического, вправе требовать от всех тех, кто принадлежит к данному конкретному народу, быть готовыми идти на смерть в войне с врагами. «Благодаря этой власти над физической жизнью людей, — писал К. Шмитт, — политическое общество возвышается над всякого иного рода сообществом или обществом» [88, с. 51]. Иначе говоря, государство в случае необходимости вправе не только применить насилие к своим подданным, но и требовать от них служения государству с

оружием в руках для применения вооруженного насилия к врагам самого государства.

При этом необходимо учесть следующее обстоятельство. В принципе насилие может быть применено и нередко применяется родителями в отношении своих детей, руководителем предприятия в отношении своих подчиненных и т.д. Но все дело в том, что в любом из этих случаев действия применяющих насилие противоречат закону. Более того, закон запрещает такие действия под угрозой применения насилия к ним самим. Что касается государства, то формы, средства, условия и т.д. использования им насилия или угрозы его строго определены и регламентированы законом. Поэтому и говорят о легитимном, или узаконенном, насилии со стороны государства.

Важно учитывать также не только легитимность насилия, применяемого государством, но и то, что только ему принадлежит это исключительное право. Если все граждане, независимо от социального положения, национальной, религиозной, профессиональной или иной принадлежности, равны перед законом, то ни один из них не вправе (кроме случаев, предусмотренных законом) применить насилие в отношении другого человека. Это касается и различных организаций, объединений, союзов, заинтересованных групп и т.д.

Другими словами, право применения или угрозы применения насилия отнято у всех индивидов и коллективов, составляющих общество, и сосредоточено в одном месте — у государства. Государство наделено не просто правом на применение насилия, а исключительным правом, т. е. монополией на применение насилия. Поэтому и говорят, что государство обладает монополией на легитимное, или узаконенное, насилие. Причем такая монополия составляет важнейшее условие самоорганизации интеграции высокодифференцированного общества.

Очевидно, что в современном государстве *сила, насилие и принуждение* облекаются в форму писаных или неписаных законов, разного рода запретов и предписаний, которые в существенной своей части строго определены и при необходимости исполняются с использованием силы. С данной точки зрения суть государственной власти и состоит в том, что она обрामлена в рамки закона. Эту метаморфозу четко сформулировал Ж.-Ж. Руссо: «Власть никогда не будет достаточно властной, пока не превратит силу в право, повиновение в долг». В этом смысле Т. Гоббс был во многом

прав, утверждая «Non veritas sed auctoritas facit legem» — «Не истина, а авторитет создает закон». Здесь Гоббс имел в виду, что правовые нормы не являются данными от природы или естественными, а представляют собой искусственное позитивное образование.

Св. Августин считал необходимым проводить понятийное различие между правовым порядком и бандой разбойников. Исходя из этого постулата, Т. Гоббс говорил, что правовой порядок обладает качеством законности, т. е., по его мнению, правовая власть означает не чистую или голую власть, а власть, наделенную авторитетом. В этом и состоит сущность императива монополии государства на легитимное насилие.

Власть, однако, не сводится всецело к функции насилия. Более того, некоторые исследователи считают, что несанкционированное законом насилие, или голая сила, несовместимо с властью. Так, М. Дюверже проводил различие между силой (*puissance*) и властью (*pouvoir*): первая базируется исключительно на способности заставлять, принуждать других, а вторая — также на вере принуждаемого в законность такого принуждения и необходимость подчиняться ему. Сила и физическое принуждение — это закон сильного, который может побудить более слабого подчиниться просто вследствие неравенства сил. Что касается политической власти, то в ней насилие — один из узаконенных механизмов ее реализации.

Во властных отношениях подчиненный, будучи одной из сторон, тоже является участником этих отношений. Выше уже говорилось, что цель самоорганизации государства дается как бы изнутри. Это выражается, в частности, в том, что сама идея государственности включает в своей основе начало солидарности, вытекающей, как подчеркивал С. Л. Франк, из онтологического единства «мы». «Государственное единство в лице патриотического сознания более всего утверждается через интимное сознание местных областных единств, через любовь к своеобразию своего родного города или родной области, через привязанность к местным обычаям, песням, диалекту... Общество как живой организм именно постольку прочно и жизненно, поскольку оно, как всякий сложный организм, складывается как иерархическое многоединство подчиненных и соподчиненных низших общественных единств» [77, с. 236–237].

Государство — это единство всеобщего и частного интересов, синтез всеобщей и частной идей. Здесь к началу личной свободы и личных прав присовокупляются начала обязанности. Каждый конкретный гражданин должен действовать не только в соб-

ственных интересах, но и во имя общего блага, преследовать не только частные, но и общественные цели.

Таким образом, власть проявляется не только в насилии, но и в различных динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между людьми, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами.

Общество или государство представляет собой не механическое соединение тех или иных институтов и отношений, а формы самоорганизации человеческих сообществ, где единство не навязано извне силой, а дано как бы изнутри. С этой точки зрения немало важное значение имеет то, что, помимо насилия, у власти есть и другие формы, призванные уравнивать и ограничивать ее. Это власть и авторитет традиции и обычая, организаций, объединений, институтов гражданского общества: церковь, семья, университеты, бизнес, общественное мнение и средства массовой информации, профсоюзы и заинтересованные группы, господствующие в обществе нравственные императивы.

В значительной мере степень независимости граждан от государства, демократичности общественно-политической системы прямо пропорциональна степени полицентричности распределения власти в обществе. Как же это совместить с принципом единства и неделимости верховной власти государства? В соответствии с большинством современных теорий верховная государственная власть имеет некие границы, которые она не вправе преступать. Это — неотчуждаемые права личности на жизнь и свободу мысли от внешнего вмешательства. Как подчеркивал П. И. Новгородцев, императивом для верховной власти остается «идея суверенитета народа и личности».

Между правом, государством и отдельно взятой личностью существует некий договор относительно этих неотчуждаемых прав личности на жизнь, свободу и независимость, договор, подкрепленный «народовластием и парламентаризмом» в конституции. Гарантией сохранения и реализации прав личности Новгородцев считал строгое разделение прерогатив и функций властей, призванное не допустить перекоса в пользу какой-либо ветви власти, в том числе и «деспотизма парламента». При этом он подчеркивал, что «под единой властью... не разумеется, конечно, власть единоличная» [58, с. 107; 59].

Очевидно, что в современную идею суверенитета органически встроены принципы, не допускающие ее исполь-

зования в целях деспотизма будь то исполнительной или законодательной ветви власти или отдельного лица. В подавляющем большинстве стран сама политическая власть не является неким монолитом, а различные ее компоненты уравнивают друг друга как бы изнутри. Этому, в частности, служит система «сдержек и противовесов», предполагающая существование множества конкурирующих между собой центров власти, призванных обеспечить «равновесие власти». Особо важное значение для достижения такого «равновесия» имеет принцип *разделения власти* на три главные равносущные друг другу ветви — *законодательную, исполнительную и судебную*. Это отражает интересы социальных и политических сил, их борьбу и взаимодействие.

При анализировании «власти» неизбежно возникает вопрос о ее соотношении с политическим влиянием и политическим авторитетом. Авторитет и власть настолько связаны, что нередко встречаются трудности при их разграничении. Показательно, что в английском языке слово *authority* используется для обозначения как власти, так и авторитета. Абстрагируясь от этого момента, можно констатировать, что на различных этапах исторического развития *авторитет*, по-видимому, служил одним из немаловажных источников *власти*. Это могли быть та или иная форма харизмы, престиж полководца, ученого, мага, жреца, священнослужителя, хорошего специалиста в своей области и т.д.

Интересны в этом плане наблюдения германского исследователя О. Хёффе. Он, в частности, обратил внимание на то, что современное немецкое слово *Herrschaft* (господство) восходит к древнегерманскому слову *herscaf* (t), которое, в свою очередь, является производным от другого древнегерманского слова *her* (в современном немецком языке — *hehr*), означающего благородный, почтенный. Получается, что «господство» первоначально служило для обозначения превосходства в социальном статусе и авторитете. Позже значение слова *Herrschaft* стали выводить из другого слова *hegg*, которое обозначает превосходство в возрасте и авторитете. *Hegg* — это прежде всего форма обращения, но постепенно оно приобрело смысл правового и экономического превосходства [80, с. 129].

В определенном смысле политическую власть и политическое влияние невозможно отличить друг от друга, поскольку власть представляет собой определенную форму влияния, а *влияние* — это проявление *причинно-следственных отношений*. При всем

⁴ Введение в политическую философию

том *власть* отличается от *влияния* тем, что она опирается на *санкции*. Или, иначе говоря, власть может использовать физические санкции или их угрозу в случае неподчинения повелению или приказу. Влияние же предполагает, что то или иное лицо может модифицировать свое поведение или образ жизни, полагая, что его интересы лучше могут быть реализованы, если следовать образу жизни, поведению или просто совету другого лица. О политическом авторитете мы можем говорить в том случае, если лицо, которому приказывают поступить определенным образом, считает, что тот, кто приказывает, имеет на то моральное или иное право. Можно, например, обладать высоким научным или нравственным авторитетом, не обладая при этом властью. В целом власть нельзя отождествлять ни с авторитетом, ни с влиянием, хотя в идеале они являются важными ее элементами. В данном аспекте власть представляет собой систему отношений господства и подчинения, главная цель которого состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли с помощью будь то влияния, авторитета, санкций разного рода и прямого насилия.

Таким образом, задача власти состоит в реализации целей управления. Здесь власть призвана осуществлять отношения господства и подчинения между правителями и управляемыми. Государство нельзя представить без властвования, господства и подчинения. Более того, можно сказать, что феномен власти имманентно присущ обществу. Но вместе с тем власть имеет различные источники и опоры и представляет собой многосторонний феномен по своим масштабам, весу, объему и стоимости. Выделяются различные формы проявления и функционирования власти: насилие и принуждение, наказание и поощрение, контроль и управление, соперничество и сотрудничество. Она может носить как негативный, так и позитивный характер.

Можно сделать вывод, что государство обладает публичной властью, т. е. прерогативами отдавать приказы и принуждать повиноваться им, что обеспечивается монополией на легитимное насилие. Вместе с тем социальная система власти, будучи некоторой целостностью, включает ряд подсистем: правовую, административно-управленческую, военную, воспитательно-образовательную, в которых как по горизонтальному, так и по вертикальному срезах устанавливаются определенные отношения, характерные для каждой из них.

Конституции, кодексы, законы, административные решения и т.п. являются средствами регулирования процес-

са реализации власти. В то же время власть подчиняется праву, призванному четко определить властные прерогативы и функции государства. Особенность государства состоит также в том, что оно обеспечивает реализацию повелительной силы норм права, отличающихся от моральных, вероисповедных или иных норм, куда государству нет доступа.

Власть существует не в вакууме. Основные ее параметры определяются в зависимости от ресурсов, которыми она располагает, целями, которые она перед собой ставит, и ее способностью контролировать положение вещей. Она предполагает прежде всего взаимодействие ее различных субъектов, в качестве которых в сфере международных отношений выступают различные государства. Власть — это своеобразная система коммуникации между различными ее субъектами, субъектами и объектами, между двумя или более лицами или сторонами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. «Власть, — подчеркивал Т. Парсонс, — занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах». В этом смысле, по справедливому замечанию К. Дойча, власть представляет одно из «платежных средств» в политике, применяющееся там, где не срабатывает влияние или добровольное согласование действий.

Суверенное национальное государство — главный субъект политики в качестве носителя не только власти в рамках отдельно взятой страны, но и главного субъекта политических отношений на международной арене. Будучи носителем суверенитета и единой воли составляющих его людей, государство вправе использовать свои полномочия не только внутри страны, но и вовне, вступая во взаимоотношения с другими государствами. Именно государство имеет реальные властные полномочия осуществлять внешнюю политику, выступать в качестве субъекта отношений с другими государствами, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир.

Власть в сфере международных отношений — это прежде всего способность одного субъекта контролировать поведение другого субъекта или группы субъектов. При таком понимании власти необходимо определить, кто контролирует «кого» или «что». А это предполагает, что акторы международных отношений взаимодействуют друг с другом. Соответственно, власть в данной сфере предполагает конфликт. С этой точки зрения важно

определить, как субъекты международной политики, вступающие во взаимоотношения или находящиеся в состоянии конфликта, воспринимают и оценивают друг друга. Естественно, от масштабов власти зависят вес и влияние конкретного государства на мировой арене. Из этого можно сделать вывод, что в международных отношениях, как и во внутриполитической системе, власть зачастую играет ту же роль, которую деньги играют в экономике, или, как отмечал Дж. Ротгеб, роль «международно-политической валюты», используемой для определенных результатов или достижения внешнеполитических целей.

Власть не постоянна и не фиксированна. Как и сумма денег, ее объем может уменьшаться или расти. Например, энергичный деятель, пользующийся поддержкой населения, способен придать власти дополнительную значимость и силу. Власть, взятая сама по себе, носит символический характер и становится инструментом выявления, определения и реализации коллективных целей. Ее эффективность в данном контексте составляет критерий или меру ее ценности. В этом смысле физические ограничения означают для власти то же, что золото для денег: последнее средство утверждения их стоимости в период кризиса. К золоту как эталону прибегают лишь в периоды кризиса. В нормальной же ситуации стоимость денег определяется его способностью к обмену, без помощи эталона. Точно так же власть прибегает к силе лишь в тех случаях, когда члены коллектива не подчиняются его общим интересам.

Поэтому власть сильна и дееспособна не тогда, когда она всемогуща, и прибегает к силе не в качестве *prima ratio*, а в качестве *ultima ratio*, когда проявляется максимум заботы о членах общества и обеспечиваются оптимальные условия для их безопасности и самореализации. Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в ее необоснованной и неоправданной концентрации. Политика — это не только насилие или угроза его применения, наказание и конфликт, но и обещания, вознаграждения, сотрудничество, обмен и т.п.

Власть в методологическом плане как отношение между двумя или более партнерами опирается на общепринятые или юридически закрепленные в данном обществе ценности и принципы, определяющие и регулирующие место, роль и функции как отдельного человека, так и социальных групп в системе общественных и политических отношений.

Абстрактность и безличность государства

Государство — *такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, имущественные и гражданские интересы людей.* Для его самоорганизации ключевое значение имеет основополагающая цель, ради реализации которой различные компоненты пришли к согласию. Как правило, содержанием такой цели считается прежде всего выполнение общей воли, обеспечение всеобщего блага или интереса. Но сами эти понятия также нуждаются в объяснении, поскольку, как и «государство», они не имеют сколько-нибудь реальной формы существования, которую можно было бы ощутить или проверить с помощью органов чувств, представить в какой-либо форме материального воплощения.

Если мы говорим, что государство действует, то допускаем, что оно обладает некой общей волей, в соответствии с которой оно и действует. Но что такое воля и где, в каком конкретно органе, институте, феномене она сосредоточена? Скажем, в монархической Франции или самодержавной России можно было говорить о «воле» Франции или короля или русского царя. Очевидно, что весьма трудно, если не невозможно, *во-первых*, очертить конкретные контуры этой воли, *во-вторых*, определить, каким именно образом она выражается в личности конкретного короля и царя. Мало что можно сказать и о воле какого-либо народа или нации, поскольку они также представляют собой абстрактные понятия.

Речь, разумеется, идет об общей воле всей совокупности граждан и об их общем интересе. Мы рассматриваем *важный принцип государства — универсализм, или всеобщность.* Его в формальном смысле не интересуют специфически национальные стереотипы поведения, культурное своеобразие этнических, религиозных или иных групп. Они интересуют государство лишь в тех случаях, когда те наносят ущерб интересам и правам отдельного гражданина независимо от его социальной, национальной, религиозной принадлежности.

Назначение государства, не без оснований отмечал Э. Дюркгейм, состоит, с одной стороны, в том, чтобы направлять «неразумную мысль» толпы с помощью «более продуманной мысли», а с другой — в том, чтобы освободить индивида, возратить личности тот «простор», который отнял у нее «местные группы, обладающие властью, и церковь».

Государство обладает наиболее совершенной внутренней организацией и в силу этого способно добиваться эффективного подчинения реализации своих целей всех подданных или граждан. Государства — это конкретные политические образования, в отличие от цивилизации, мирового сообщества, международно-политической системы, которые не имеют собственных границ, пределов юрисдикции, официальных институтов и руководителей, полномочных принимать решения и реализовывать их, не обладающих контролем над ресурсами.

Этим располагает национальное государство, наделенное узаконенными полномочиями и средствами, чтобы мобилизовать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и многое другое, что не под силу, во всяком случае в обозримой перспективе, некоей «цивилизации» или какому-то культурному кругу.

Государство призвано обеспечить предсказуемость поведения как населения, так и общественных и политических институтов, освобождение людей от страха за свою жизнь, создание благоприятных условий для их безопасности и взаимодействия как граждан единого государства и т.д. Государственная власть носит институционализированный характер и отделена от личности конкретного руководителя, главы государства или правительства, находящихся у власти. Они в глазах управляемых предстают как простые агенты государства.

Поэтому основополагающими сущностными характеристиками современного государства являются его *абстрактность*, *безличность* и *анонимность*. Большую часть истории человечества государство носило персонифицированный характер, т. е. отождествлялось с личностью определенного правителя или династией, которой принадлежала власть в данном государстве. В Древнем Вавилоне это, например, государство Саргонидов, в Персии — империи Ахеменидов и Сасанидов, в средневековой Европе — королевства каролингов и меровингов. Нередко империи или царства, созданные выдающейся личностью, прекращали свое существование с ее смертью. Такая участь постигла, скажем, империи Александра Македонского и Наполеона Бонапарта.

Такое положение радикально изменилось с появлением *национального государства*, которое постепенно оттеснило *административное государство*. В нем абстрактность и безличность достигли совершенной формы и проявляются, в частности, в суверени-

тете, правовом характере и монополии на законное насилие, предполагающие единый, обязательный для всех правовой порядок, уничтожении неравенства и ликвидации разнообразия прав, которые зависели от социального, наследственного или иного статуса конкретного члена общества. Утверждаются равносущность всех граждан и принцип равного обеспечения их прав.

В современном национальном государстве само государство и государственный аппарат как бы отделены от работающих в них чиновников и служащих, правительство как таковое — от членов общества, в том смысле, что государство и правительство, государственный аппарат не являются собственностью тех, кто обеспечивает их функционирование. Политики, чиновники, должностные лица государства — наемные работники, нанятые им для выполнения определенных ролей и функций. Их мировоззренческие и иные позиции отодвинуты на второй план, приоритет отдается критериям профессионализма. Религия и идеология, которые при всех их различиях эпистемологического, сущностного и концептуального характера в методологическом плане представляют собой однопорядковые явления, отделены от государства.

Парламентская демократия с ее этнокультурным, социальным, социокультурными и иными формами плюрализма не приемлет ни государственной религии, ни государственной идеологии. Признав плюрализм интересов и партий, религиозных, этнокультурных, социально-экономических и иных различий, нельзя не признать плюрализм идеологий или идеологических течений в каждой отдельной стране, позиции которых по ряду важнейших вопросов совпадают, особенно в том, что касается системообразующих аспектов. Это и создает основу «единства во многообразии», консенсуса по основополагающим вопросам государственно-политического устройства.

Абстрактность и безличность государства особенно отчетливо проявляется в феномене *бюрократии* или *бюрократизма*, ставшем основой совершенно нового образования — *анонимной власти* — в лице современного бюрократического государства. Она превратилась в неотъемлемый элемент современных организаций, а также всех политических систем. М. Вебер рассматривал бюрократию как систему административного управления, характеризующуюся следующими признаками: *иерархия* соподчиненности и ответственности; *безличность*, т. е. выполнение функций в соответствии с четко фиксированными правилами; *постоянство*, в соответствии с которым работа выполняется в течение полного рабочего дня

на постоянной основе при гарантии занимаемого места и продвижения по службе; *профессионализм*.

Конечно, не все могут согласиться с такой оценкой, но эти и подобные им признаки отражают сущность бюрократии. Именно с помощью бюрократического аппарата, как считал Вебер, были преодолены негативные последствия сословного порядка и передачи феодальной власти по наследству.

Один из атрибутов бюрократического аппарата — класс чиновников, оплачиваемый из государственной казны. Содержание огромной армии таких служащих возможно только в условиях современной «денежной» экономики. Разумеется, любое государство немислимо без категории служащих и чиновников, обеспечивающих его повседневное функционирование.

Эта категория лиц играла немаловажную роль в Древнем Египте, империи Ахеменидов, Римской империи. Апофеозом, своего рода гимном бюрократии стала система обоснования государства и власти, разработанная Конфуцием. Ему принадлежит образ «благородного сановника» — цзюнь-цзы, с помощью которого он поднял вес и значение бюрократии в системе управления и в обществе на беспрецедентную высоту.

Бюрократии предписывались весьма широкие и важные функции по соблюдению ритуала, правил (*ли*), рассматриваемых в качестве основы законности и жизнеспособности государства, а также по их реализации. Однако в Древнем Китае, равно как и в других государствах древности, не было государственной администрации в собственном смысле слова, поскольку там чиновники оплачивались натурой и почти полностью зависели от местных источников материальных богатств.

Иное дело современный аппарат государственно-административного управления, который невозможно представить без четких рационально разработанных формальных норм и правил, без строгой профессионализации политики, что ассоциируется с бюрократией. Его особенность состоит в том, что он носит постоянный характер. В отличие от высших органов власти, находящихся в прямой зависимости от результатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламентах, госаппарат не зависит от этих колебаний и перестановок на вершине государственной машины. Будучи инструментом непосредственных властных функций, армия чиновников и служащих продолжает работать независимо от правительственного кризиса, роспуска парламента, до-

срочных выборов и т.д. И если главы правительств, министры и администраторы высшего звена приходят и уходят, то основная масса чиновничества составляет стабильный костяк системы управления. Поэтому неудивительно, что чиновничество стало могучей и влиятельной силой, подчас независимой от смены правительства и выборных органов власти.

Абстрактность и безличность, как и другие основополагающие атрибуты современного демократического государства, наиболее отчетливо проявляются в *принципе правозаконности*, являющемся первоосновой правового государства. Как показывает исторический опыт, *власть* варьируется от состояния *полной анархии* до *жесточайшей диктатуры*. В сущности это — неразрешимая антиномия. Можно привести примеры, свидетельствующие о том, что анархия, беспорядок, революция кончаются установлением самых крайних форм всевластия.

Когда перестают действовать внутренние обязательства, в действие вступают внешние формы, призванные обеспечить организационные принципы. Существует закономерность: чем меньше мы способны обуздать свои внутренние стихии, тем больше вероятность их подавления извне, помимо нашей воли и желаний. Если в обществе господствуют нетерпимость, анархия, хаос, война всех против всех, то рано или поздно это кончается установлением диктатуры. А диктатура, в свою очередь, ведет к полному подавлению всех проявлений свободы.

В Новое время более или менее приемлемое решение данной проблемы было найдено на путях создания *политической демократии* и *правового государства*. Как уже отмечалось, государство основано на силе, но в правовом государстве эта сила узаконена, более того, она строго подчинена нормам права. Отвергая постановку вопроса о первичности права государству или наоборот, германский правовед Г. Хенкель не без оснований утверждал, что «государство есть право как нормирующая деятельность, а право есть государство как нормированное состояние».

В правовом государстве они взаимно предполагают и дополняют друг друга. Государство становится правовым именно потому, что оно подпадает под власть права. В правовом государстве четко и точно определены как формы, пути и механизмы деятельности государства, так и пределы свободы граждан, гарантируемые правом. Это значит, что государство связано правом; оно вправе разрабатывать и принимать тот или иной закон, но само также

обязано действовать в рамках этого закона, подчиняться ему. Государство, издавшее закон, обязано уважать его до тех пор, пока он действует, хотя оно правомочно и пересмотреть его или даже отменить. Более того, государство подсудно своему же суду и может быть осуждено им. Именно это в значительной мере и обеспечивает правовой характер государства.

Представление о правовом государстве ассоциируется с двумя основополагающими принципами: *порядком в государстве* и *защищенностью гражданина*. Отцам-основателям либерального мировоззрения принадлежит идея о том, что в государстве должны властвовать не отдельные личности, а право и законы. Задача государства состоит в том, чтобы регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения права и законов, призванных гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и другие права человека и гражданина.

В правовом государстве только законно избранное правительство правомочно применять силу в качестве инструмента принуждения. Как подчеркивал немецкий правовед XIX в. Р. Еринг, право никогда не может заменить или вытеснить основную стихию государства — силу. Слабость власти есть смертельный грех государства, в глазах людей она зачастую менее прощительна, чем жестокость и произвол со его стороны. В мусульманском мире средневековья был весьма популярен хадис: «Имам-деспот лучше смуты». В Европе в период религиозных войн формировалось убеждение в том, что даже тирания лучше гражданской войны, ввергающей народ в хаос.

И действительно, нередко для большинства людей важнее бывает эффективность и дееспособность власти в обеспечении порядка в обществе, нежели ее легитимность и демократичность. Именно в силу слабости власти, ее неспособности защищать интересы как своих граждан, так и национально-государственные интересы Веймарская республика рухнула под натиском национал-социалистского движения, установившего в Германии самую свирепую тираническую диктатуру.

Правовое государство призвано достичь более или менее приемлемой гармонии между властью государства и принципом правовой самостоятельности подвластного. Задача, прямо скажем, весьма трудная, особенно если учесть антиномичность отношений власти и права. «Власть, — писал В. П. Вышеславцев, — стремится сбросить с себя оковы права и всегда получает известную сферу, непроницаемую для права. Право всегда стремится

подчинить себе власть, сделать ее ненужной, ибо право есть, по своей идее, взаимодействие свободных и равных лиц, есть идея безвластной организации» [10, с. 222].

Если власть в принципе содержит момент бесконтрольности и произвола, то право не признает их. Во власти всегда есть несправедливость, а в праве — безвластие. Но это отнюдь не значит, что *право* и *власть* несовместимы и исключают друг друга. В действительности они не только взаимоисключают, но и *взаимно дополняют* друг друга.

Таким образом, в правовом государстве должен господствовать закон, а не люди, функции государства состоят в регулировании отношений между гражданами на основе закона. При таком понимании сила государства, на которой оно основано, законна лишь в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом, если она всецело служит праву. Причем закон, каким бы суровым он ни был, обязывая отдельного гражданина к соблюдению общепринятых правил поведения, в то же время ставит четко очерченные границы прерогативам государства в отношении *индивидуальной свободы*.

Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав, предшествующих самому государству. Именно при таком подходе свободу можно рассматривать как право каждого индивида делать то, что позволяют законы. В правовом государстве законы имеют одинаковую силу для всех без исключения членов общества, независимо от их социального, политического или иного статуса, защита отдельного человека от власти и произвола соответствует защите всех. Поэтому личное право невозможно без гарантии в политическом праве, уравнивающим всех друг перед другом. Как писал К. Ясперс, «даже величайшие заслуги перед государством не являются основанием неприкосновенности власти индивидуума... и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями» [91, с. 174].

Прочная власть — это власть плюс законность. Ее прочность зависит как от ее эффективности, так и от законности. В этом контексте следует провести различие между законом и правозаконностью. Но для понимания этого положения необходимо осознание различия между законом и правом. Например, Кельзен утверждал, что, поскольку законность есть формальное соответствие правовым нормам, любое государство есть правопорядок и, соответственно, — правовое государство. Верно, что закон представляет

с собой важный инструмент и атрибут любого государства, обеспечивающий его универсальность. Он обладает некоторой формой всеобщности в том смысле, что его правомерность и авторитет должны признать все и все должны ему подчиняться. Как справедливо подчеркивал В. П. Вышеславцев, закон есть первая субстанция власти: «Все великие властители и цари были прежде всего законодателями (Соломон, Моисей, Наполеон, Юстиниан). В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобще-обязательной нормой» [10, с. 230].

Однако, если принять позицию Кельзена, то любой закон, принимаемый в любом государстве, по логике вешей надо признать правозаконным. В целом трудно себе представить государство без законов и определенных правовых норм. Любое государство есть определенный законом правопорядок. Мы говорим о римском праве, но в то же время исходим из того, что правовое государство — это исторический феномен, возникший на известном этапе исторического развития западного общества, а именно: в Новое время с возникновением буржуазных общественных отношений. Это по сути означает, что республиканский и императорский Рим имел право, правопорядок, но в то же время не был правовым государством.

В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что выражение *lex Romanae* можно перевести и как *римский закон*, и как *римское право*. Здесь нет сколько-нибудь четкого разграничения между *правом и законом*, между *правом и государством*. Все древние и средневековые государства имели законы и правопорядок, не будучи правовыми государствами. Причем это относится ко всем без исключения формам правления: деспотической, аристократической, олигархической, республиканской и т.д. То же самое относится и к современным тоталитарным государствам, которые зиждились на беззастенчивом нарушении основополагающих прав человека.

Правозаконность предполагает, что государство может принять, регулировать, модифицировать и исправлять законы не самочинно, а лишь в известных, установленных правом ограниченных пределах. Одним из первых эту мысль сформулировал Т. Гоббс: никакие решения «предыдущих судей, какие когда-либо были, не могут стать законом, если они противоречат естественному праву» [21, т. 2, с. 215].

Но история Нового и Новейшего времени знает немало примеров, когда этот принцип явно или неявно нарушался. Даже в условиях демократии большинство может действовать законно и вместе с тем нарушать принципы правозаконности и спра-

ведливости. Поэтому ряд исследователей совершенно справедливо указывали на то, что демократия способна привести к установлению самой жесткой диктатуры. Об этом убедительно свидетельствуют перипетии прихода к власти Гитлера в 1933 г.

В тоталитарном же государстве действия аппарата насилия, как правило, не ограничиваются заранее установленными правовыми и законодательными нормами и правилами. В условиях персонализации политических режимов, отождествления государства с личностями конкретных вождей или фюреров право и закон служили режиму, а не наоборот. Поставленные на обслуживание партийно-политических и идеологических целей, они часто приносились в жертву политической, идеологической, революционной или какой-либо иной целесообразности, руководствовались соображениями национально-государственных, классовых и других интересов. Следует отметить, что эти моменты могут быть фиксированы в законе, указе или постановлении правительства или какого-либо другого государственного органа, но от этого их действия отнюдь не станут правозаконными. В принципе можно узаконить любой госорган, любой режим, но при этом не делая их правозаконными.

Контрольные вопросы

1. Объясните системные и структурные характеристики мира политического.
2. Какое место занимает государство в политической системе?
3. Каковы основные сущностные характеристики государства?
4. Каковы основные сущностные характеристики власти?
5. Каково соотношение государства и власти?
6. Что вы понимаете под легитимностью власти?
7. Назовите основные формы легитимизации власти.
8. Что вы понимаете под суверенитетом?
9. Что такое монополия на законное насилие?
10. Что подразумевается под абстрактностью и безличностью государства и власти?

Политическая идеология

Мир политического невозможно представить без идеологии. С самого своего возникновения государственная власть, связанные с ней формы правления и проводимый властью имущими политический курс нуждались в обосновании и оправдании. Идеология, не важно, как она называлась в разные исторические эпохи, была призвана выполнить эту задачу. Поэтому естественно, что немаловажное место как в политической науке, так и в политической философии занимает вопрос о соотношении политики и идеологии. О его значимости свидетельствует хотя бы тот факт, что XX столетие называют веком идеологии, поскольку весь он прошел под знаком бескомпромиссной не просто борьбы, а именно войны различных идеологических систем.

К сожалению, большая часть многочисленных изданий, посвященных данной проблеме, оказались пленниками этой борьбы и потому не всегда способны должным образом раскрыть суть интересующей нас проблемы. Разумеется, в данном учебнике не ставится задача подвергнуть эту проблему всестороннему анализу. Здесь предпринята попытка выявить и проанализировать сугубо мировоззренческий, философский аспект политической идеологии. Этот момент приобретает особую значимость, если учесть, что зачастую идеологические и политико-философские аспекты мира политического по сути дела совершенно неправомерно отождествляются.

Сущностные характеристики идеологии

Условно можно сказать, что политическая философия, равно как и другие социальные и гуманитарные дисциплины, имеет *идеологическое* или *идейно-политическое* измерение, проявляющееся, в частности, в приверженнос-

ти исследователя тому или иному направлению политико-философской мысли. Любой исследователь подвержен влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий и, соответственно, не может быть полностью свободным от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий. Не секрет, что подход исследователя при анализе любого сколько-нибудь значимого феномена в значительной мере определяется его идейно-политическими и социально-философскими установками и ориентациями. Они не могут не отражаться на характере и структуре понимания и трактовки исследуемого предмета.

Поэтому мы и говорим, что мыслитель или исследователь по своим ориентациям, установкам, симпатиям, антипатиям является консерватором, либералом, социал-демократом, марксистом, радикалом и т.д. Весь вопрос состоит в степени и масштабах его ангажированности и тенденциозности. Конечно, идеален тот случай, когда исследователь как ученый беспристрастен и преследует цель найти истину независимо от того, кому результаты его изысканий выгодны.

Идеология же пристрастна и предвзята, поскольку она выражает интересы какого-либо класса или социальной группы. Подстраивание любой социальной и гуманитарной дисциплины к чьим бы то ни было вкусам и интересам неизбежно чревато ее выхолащиванием и вырождением.

Но опыт почти всех развитых стран Запада, особенно стран с либерально-демократическими политическими системами, убедительно показывает, что *научный анализ политических феноменов* нередко вполне уживается с *идейными или идеологическими позициями исследователя*.

В основе такой классификации, несомненно, есть и момент идеологической оценки. Поэтому высказываемые у нас зачастую доводы и рассуждения о необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как неопременного условия строительства демократического государства лишены серьезных оснований, поскольку в современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов немислима без идеологии.

Речь в данном случае должна идти не о новой идеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществовании, терпимости и открытости в отношении друг друга. А это предполагает, что, хотя *научный подход и отвергает идеологию в качестве инструмента или исходной посылки исследования, необходи-*

мость изучения самой идеологии как неотъемлемого элемента мира политического остается.

Оставляя в стороне вопрос о причинах, условиях появления и эволюции этого феномена, отметим лишь, что возникновение и институционализация идеологии теснейшим образом связаны с процессами вычленения и автономизации гражданского общества и мира политического, усложнения и плюрализации социального состава общества, разложения универсального средневекового мышления, появления политико-философской мысли и ее диверсификации, отделения идеологии от государства, выразившегося первоначально в отделении церкви от государства, и т.д.

Идеология теснейшим образом связана также с формированием и институционализацией *идей нации и национального государства*. Более того, в течение последних двух-трех столетий идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимающегося третьего сословия, или буржуазии. Но в XX в. оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в ушедшем столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т.д. по сути использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ социально-политических сил. Свою крайнюю форму эта тенденция получила в гитлеровской Германии, где национализм и идеология стали двумя главными несущими опорами нацизма как государственной идеологии.

Во многом различные идеологические течения явились результатом приспособления тех или иных направлений политико-философской мысли: либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма, различных течений радикализма — к непосредственным потребностям практической политики различных конфликтующих сил в обществе.

Но в отличие от политической философии идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения возможно большей поддержки предлагаемого той или иной силой политического курса. Поэтому естественно, что она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т.д. Они основываются

на признании определенной модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического, или характерная для него дихотомия *друг — враг*. Для консолидации идеологии внешний враг имеет, пожалуй, не менее, если не более важное значение, чем единство интересов ее носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают.

Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов. Как отмечал германский исследователь О. Ламберг, эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в случаях, когда остальной окружающий мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов группы или общества. Каждая идеологическая конструкция содержит развернутое представление об антипододе или противнике. От его образа во многом зависит степень интегрированности группы или общества.

Любая идея, как бы совершенна она ни была, доведенная до абсолюта, превращается в свою противоположность или настоящий абсурд. И, естественно, попытки ее реализации не могут обернуться далеко идущими негативными последствиями. Если теоретически допустить, например, возможность жизнеустройства, строго следующего нормам и установкам Евангелия, то не приходится сомневаться, что оно рано или поздно развалится.

Ни одна армия в мире не способна эффективно функционировать, во всех случаях строго следуя букве собственного же устава. Или же в экономической сфере известен эффект так называемых забастовок по-итальянски, которые приводят в буквальном смысле слова к параличу производства (например, работы железнодорожного транспорта) лишь потому, что все работники начинают скрупулезно соблюдать установленные правила и нормы труда и техники безопасности.

Именно такова участь всех радикальных идеологических конструкций. Наглядный пример этого дают тоталитарные идеологии. Так, постулируя возможность самостоятельного существования и реализации какого-либо одного элемента общества вне его связи с остальными элементами или вопреки им, тоталита-

ризм по сути осуществил изъятие одного-единственного «изма» из общего контекста множества «измов» и редукцию всей сложности, многообразия и полноты реальной жизни свел к единому знаменателю. К этому единственному «изму» примеривали и сводили всю действительность, отсекая от нее и ликвидируя все неугодные институты, организации, ценности, идейно-политические течения, религии, классы, сословия и т.д.

Когда отдельный человек или приверженцы какого-либо учения проникаются уверенностью в том, что они овладели «окончательной истиной», «универсальным ключом к решению всех проблем и достижению гармонии», они не сомневаются в близкой достижимости «царства правды и справедливости».

В итоге даже передовые по своему замыслу социально-философские и идейно-политические системы оказываются замкнутыми системами, базирующимися на неподвижной основе и предусматривающими втиснуть реальную жизнь в прокрустово ложе отвлеченных и искусственных одномерных конструкций.

Массовость, демократизация любой идеи ведут к потере ею способности саморазвиваться, к приспособлению к усредненной психологии массы, энтропии познания, прогрессирующей потере научности и достоверности. Превратившись в господствующую, надев, как говорится, «официальный мундир», любая идея сама себя сковывает, принимает тон официозного оптимизма и уже не допускает какой-либо критики существующей системы. Пропорционально растет ее нетерпимость и закрытость, постепенно превращаясь в некое подобие религии.

Поэтому не случайно, что тоталитарное государство использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Она была превращена по сути в государственную религию со своими догматами, со священными книгами, святыми, апостолами, со своими богочеловеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т.д.), литургией и т.д. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н. Бердяева, «обратная теократия».

Так, нацистская идеология в гитлеровской Германии приобрела статус религиозной веры с элементами мистицизма, атрибутами фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом. Ее «священными книгами» стали работа

114 Х.С. Чемберлена «Основы девятнадцатого века», которую

гитлеровская газета «Фелькишер беобахтер» в 1925 г. назвала «евангелием нацистского движения», «Миф двадцатого века» А. Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стояла «Майн кампф» А. Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы «тысячелетнего рейха», создание которого провозгласили идеологи нацизма. Показательно, что почти во всех немецких семьях «Майн кампф» выставлялась на почетное место в доме, считалось почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и ученику после окончания школы.

Принцип редукции, как правило, обуславливает некоторые специфические особенности идеологии. В методологическом плане она призвана играть в сфере политики ту же роль, что система догматов — в сфере религии. И там и здесь вера, в первом случае секулярная, а во втором религиозная, играет центральную роль. «Рим — владыка, если богов чтит: от них начало, в них и конец найдем», — писал древнеримский поэт Гораций.

Падение с пьедесталов или смерть богов часто знаменует собой упадок и смерть старой и восхождение новой цивилизации. Как правило, народы недолго переживают исчезновения своих богов. Глубоко был прав Г. Лебон, когда писал: «Нет ничего более разрушительнее, чем прах умерших богов» [44, с. 128].

Идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения — истинны они или ложны. На судьбы народов глубокое влияние оказывают не только войны и революции, опустошительные следы которых рано или поздно изживаются, но и перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование.

Настоящие революции, чреватые опасностью для существования того или иного народа, — это революции, происходящие в его мыслях.

Функции идеологии

Политическая идеология в целом имеет следующие основные структурные элементы: 1) связь с общей мировоззренческой системой эпохи; 2) программные установки, сформулированные на основе положений этой системы; 3) стратегия реализации программных установок; 4) пропаганда; 5) конкретные шаги по реализации программы.

Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируется по-

литическая стратегия тех или иных социально-политических сил в лице партий, организаций, объединений, правительства.

Идеология выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции, первую, скажем, для сплачивания членов той или иной партии, а вторую — для разграничения этой партии от других партий. Она призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, *объяснить, обосновать, оправдать или отвергнуть политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях.*

Важнейшая функция идеологии состоит в том, чтобы отграничить сообщество или группу от остальных сообществ и групп. В то же время определенная часть идеологий основывается на определенном идеале, который независимо от степени его верности или ложности строится, как правило, на противопоставлении действительности, какой она должна быть, и действительности как она есть.

С некоторыми оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных компонента, один из которых в доведенной до логического конца и крайней форме предполагает *разрушение* существующей системы, а второй — *защиту* существующего в данный момент положения вещей.

Большинство же идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, нередко в выигрышном положении находятся те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Для правильного понимания сущности идеологии необходимо иметь в виду еще один момент. Зачастую — в данном случае не являются исключением и вполне респектабельные идеологические конструкции — идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего положения. Они просто не в состоянии адекватно смотреть на реальное положение вещей, в том числе и на глубокие изменения, возможно, происшедшие в своей стране и окружающем мире. Соответственно, они готовы отстаивать свои позиции любыми, в том числе и насильственными, средствами.

Группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением вещей и выступают за его измене-

ние, склонны впадать в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть разной у разных категорий граждан и диапазон их программ может варьироваться от требований переустройства тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома системы.

Сторонники радикальной или революционной идеологии могут быть настолько одержимы сознанием своей правоты и законности предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность объективно оценивать реальное положение вещей. В результате, особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие-то серьезные уступки, нередко революция, радикальный переворот может рассматриваться в качестве универсального ключа к решению всех проблем.

Здесь действует та же вечная *антиномия между реальным и идеальным*, проявляющаяся в конфликте между стремлением одной части общества к сохранению данного положения и установкой другой части на его радикальное изменение. Но как бы ни были совершенны господствующие институты, законы и правовые системы, с течением времени они теряют свой первоначальный смысл и перестают отвечать коренным интересам большинства населения страны.

Новые реальности могут требовать изменения содержания старых или создания новых законов и норм. Но власть имущие, несмотря на очевидность происшедших в реальной жизни изменений, склонны всеми силами их защищать. В результате возникает конфликт между устаревшими законами и новыми реальностями.

В рассматриваемом контексте политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений. Однако констатация этого факта сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что в реальной жизни знаменитая формула «политика есть искусство возможного» сохраняет свою значимость и правомерность. С одной стороны, «искусство возможного» ставит определенные пределы идеологизации политики, а с другой — идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые политическая партия или правительство в проведении своего политического курса может выйти без ущерба принципам своего политического кредо.

Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше ока-

залось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими.

По-видимому, называя XX столетие «веком идеологии», мы допускаем определенное упрощение ситуации, поскольку господствовавшие в тот период основные идейно-политические течения функционально выполняли в сущности ту же роль, что и великие религиозные системы в прошлом, и служили своеобразными секулярными религиями. Но религиозное начало проявлялось в них по-разному и в разных дозах. Тем не менее идеология в качестве одного из определяющих факторов внутренней и внешней политики государств в наиболее завершенной форме проявила себя именно в XX в.

XX в. с точки зрения судеб ряда стран и народов можно назвать периодом затянувшегося, перманентного, смутного времени, затронувшего все стороны и аспекты человеческого бытия. Именно в такие времена переломов и бедствий создается наиболее благоприятная почва для появления всевозможных мечтаний, утопий, проектов о совершенном устройстве мира.

Поэтому не удивительно, что конец XIX–начало XX в. так богат проектами, идеями, учениями, предлагавшимися в качестве руководства к поискам путей переустройства общественно-политической системы. Именно это во многом способствовало политизации и идеологизации политико-философской мысли, ее подчинению императивам системного конфликта, которая стала характерным признаком большей части XX в.

Разделительная линия в этом конфликте была проложена еще в начале прошлого века в процессе формирования и четкого разграничения двух магистральных направлений политико-философской мысли: *реформистского* и *революционного*. Каждое из них имело свои национальные, региональные и системные разновидности.

Ряд ведущих стран, такие как США, Великобритания, Франция, Швеция, Дания, Голландия и др., избрали путь постепенных социально-экономических и политических преобразований капитализма. Причем при всех разногласиях между ними приверженцами реформистского пути преобразования общества выступили все главные социально-политические силы, признававшие основополагающие принципы рыночной экономики и политической демократии. Их объединяло осознание необходимости в созда-

118 шихся в тот период условиях расширения роли государства

во всех сферах жизни общества, особенно в социальной и экономической, для предотвращения и преодоления негативных последствий рыночной экономики. В целом речь идет о тех силах, которые в основу своих социально-политических программ положили установки и принципы идейно-политических течений либерализма, консерватизма и социал-демократизма.

Революционно-тоталитарный путь избрали Россия, Италия, Германия и некоторые другие страны Европы и Азии, для которых были характерны слабость, неразвитость или полное отсутствие институтов, ценностей, норм гражданского общества, правового государства, конституционализма, парламентаризма и других атрибутов либеральной демократии. Как по своим целям (радикальная замена существующей общественно-политической системы совершенно новой системой), так и по использованным при этом методам (революционный переворот, насильственное свержение существующей власти) оба главных течения тоталитаризма представляли собой революционные движения. Но социалистическая революция 1917 г. в России, во всяком случае в теории, носила «прогрессивный» характер, поскольку руководствовалась идеалами всеобщего равенства, социальной справедливости, интернационального единства всех народов и др. Что касается фашистских переворотов в Италии, Германии, Испании в 30-е годы XX в., то они носили «консервативный» характер, поскольку в их основе лежали праворадикальные идеи национализма, расизма, имперской великодержавности, апология насилия и т.д.

Это отнюдь не означает отрицание *позитивной роли революции в общественно-историческом процессе*. Слишком часто бывало так, что старые, вышедшие в тираж, изжившие себя социально-политические силы никак не желали уступить авансцену новым, более динамичным силам, и единственным выходом оставались бунт, восстание, революция. В то же время революция слишком часто скатывалась на путь тотальной трансформации самого бытия вопреки его органической природе. Навязывая формы обновления извне вопреки органическому единству общества, она добивается распада целого на разрозненные элементы и части.

Это, по-видимому, также составляет одну из неразрешимых антиномий человеческой жизни. Как писал А. Н. Уайтхед, «когда корабль человечества снимается с якоря, это иногда приводит к открытию Нового Света, а иногда перед ним маячит призрак кораблекрушения» [76, с. 395]. Так и с революцией, которая не всегда приводит к тем целям, для достижения которых она 119

была задумана и осуществлена. Нередко в ней разрушительное начало превалирует над созидательным.

Как это ни покажется с первого взгляда парадоксальным, революция может играть роль инструмента перехода к новому качеству общества лишь в том случае, если за ней последует «реставрация», которая на поверку оказывается отнюдь не возвратом к статус-кво, а отказом от наиболее радикальных разрывов и одиозных форм политической практики. Необходимо преодоление революции путем реализации некоторых ее требований, пользующихся поддержкой большинства населения, и, как говорил П. И. Новгородцев, «сломив ее утопизм, демагогию, бунтарство и анархию непреклонною силою власти».

Революция без «реставрации» имеет собственную логику, суть которой состоит в сведении всего и вся к единому знаменателю, упрощению, унификации, в процессе которых с общественно-политической арены удаляются один за другим все «лишние» элементы, классы, сословия, группы, круг которых сужается по мере «прогресса» революции. Постепенно ликвидируются любые возможности для споров, дискуссий, оппозиционных взглядов. Создается видимость разрешения всех конфликтов и противоречий.

В итоге наступает паралич социума, превратившегося в замкнутое пространство, не терпящее «возмущений» как изнутри, так и извне. В силу присущей такой перманентной революции внутренней логики *власть народа превращается во власть от имени народа, а затем — во власть над народом.*

Именно к такому завершению пришла Великая французская революция, а также и Октябрьская революция в России. Если в первом случае акт «реставрации», возвратившей общество «в историю» или на нормальный путь развития, состоялся через сравнительно короткий промежуток времени после кровавой бойни, то во втором случае для этого потребовалось много десятилетий. При этом обнаружилось, что чем дольше пребывание общества «вне истории», чем радикальнее тотализация, унификация общества и режима, его сведение к единому знаменателю, тем катастрофичнее последствия этого для подавляющего большинства народа.

Место идеологии во внешней политике

Триумф идеологии в XX в. привел к существенным изменениям в отношениях между государствами и народами. Как известно, Вестфальская международно-политическая система базировалась на принципах национального суверенитета и легитим-

ности. Она не предписывала той или иной стране какую-либо конкретную форму правления и внутренней социальной организации. В эту систему на равных правах входили, с одной стороны, самодержавная Россия, монархия Габсбургов, а с другой — либеральная Англия, т. е. авторитарные и либеральные режимы. Согласие касалось лишь того, что допустимо и недопустимо во внешнеполитическом поведении государств.

Таким образом, одним из важных условий для законного, или легитимного, международного порядка считалось жесткое разграничение между установленной государством формой правления и его поведением на международной арене. Каждый участник международных отношений был вправе установить у себя любой социальный и политический режим, пока он ведет себя на мировой арене в соответствии с общепризнанными правилами поведения. Тем самым в рамках одной и той же системы межгосударственных отношений допускалось сосуществование различных политико-идеологических систем.

Такое положение радикально изменилось в XX в., когда *борьба за умы людей стала важной составной частью международной политики.* Проанализировав это, известный американский исследователь Г. Моргентау в предисловии ко второму изданию своей получившей популярность книги «Политика между нациями: борьба за власть и мир» подчеркивал, что «борьбу за умы людей в качестве нового измерения международной политики следует добавить к международным измерениям дипломатии и войны». При этом Моргентау сетовал: «Эта борьба за умы людей нанесла последний фатальный удар той социальной системе международного общения, в рамках которой в течение почти трех веков народы жили вместе в постоянных ссорах, но под общей крышей разделяемых всеми ценностей и всеобщих стандартов действия... под руинами той крыши оказался похороненный механизм, который поддерживал стены того общего дома народов, а именно: баланс сил» [130].

В первые десятилетия XX в. развернулся бескомпромиссный конфликт между тремя главными альтернативными политико-идеологическими направлениями перестройки современного мира: социал-реформизмом, фашизмом и большевизмом. В ходе Второй мировой войны в результате военного разгрома Германии и ее союзников фашизм как сколько-нибудь эффективная и дееспособная альтернатива перестал существовать. В качестве главных противоборствующих альтернатив сохранились социал-реформистский капитализм и революционный социализм (комму-

низм). В результате после Второй мировой войны идеологический конфликт между двумя блоками, возглавлявшимися США и СССР, принял законченную форму.

Особенность Второй мировой войны состояла в том, что традиционный комплекс факторов, лежащих в ее основе, возможно, впервые со времен религиозных войн XVI в. дополнялся идеологическим компонентом. Она представляла собой одновременно войну за территориальное господство и идеологическую войну, призванную навязать противной стороне определенный образ жизни, систему ценностей, форму жизнеустройства, политический режим и т.д. Обоснованность этого тезиса отнюдь не опровергается тем фактом, что одна из воюющих тоталитарных держав (СССР) находилась в союзе с либерально-демократическими странами (Великобританией, США и несколько позже – Францией).

Во-первых, это была война не на жизнь, а на смерть между двумя непримиримыми тоталитарными режимами — большевистским и нацистским, в основе политической стратегии которых явно или неявно была заложена установка на глобальную экспансию и мировое господство. Здесь необходимо сделать существенную оговорку, что для народов Советского Союза эта война была именно Великой Отечественной войной против неприкрытой нацистской агрессии.

Во-вторых, это была война западных демократий против фашистских и милитаристских режимов Германии, Италии и Японии, стремившихся к мировому господству. По многим причинам западные демократии нашли в лице СССР естественного союзника в борьбе с общим врагом. В идеологическом плане этот союз облегчался тем, что коммунистический интернационализм, проповедовавший равносущность пролетариев всех стран и континентов, все же был ближе к либеральному интернационализму с его лозунгами свободы и прав всех народов, независимо от их национальной, социальной и культурной принадлежности, нежели идеология нацизма с ее откровенным национал-шовинизмом и расизмом.

Во время холодной войны идеологический конфликт приобрел самодовлеющее значение. Сила, военная мощь оказались поставленными на службу распространения образа жизни, мировидения, собственной легитимности двух противоборствующих сверхдержав и военно-политических блоков. Она представляла собой уже масштабную идеологическую войну, в которой вопрос о территориях затрагивался постольку, поскольку речь шла об уничтожении или установлении на территории того или иного государ-

ства соответствующего режима — социалистического или капиталистического. Иными словами, холодная война была своего рода противоборством за эффективность и выживаемость между противостоящими политическими и экономическими системами.

Возможность идеологического, или системного, конфликта была заложена в самой парадигмальной инфраструктуре евро- (или западо-) центристской цивилизации. Он вытекал, в частности, из так называемого аугсбургского принципа (сформулированного еще в период Реформации в 1555 г.) *cujus regio, ejus religio*. Согласно этому принципу в стране господствует та вера, которой придерживается ее правитель. Из него можно было сделать вывод, что правитель или правящий режим вправе учредить в подчиненных ему странах ту вероисповедную систему, которая, по их мнению, соответствует букве и духу «истинного» учения. В XX в. место *вероисповедания заняла идеология*, принявшая форму *демократического национализма, национал-социализма и марксистского интернационализма*.

Признание сущностно (*inherently*), как отмечал К. Манхейм, идеологического характера всей мысли, того факта, что «мысль всех партий во все эпохи носит идеологический характер», способствовало разрушению «доверия человека к человеческой мысли вообще». Идеологизация внешней политики и созданные на ее основе стереотипы, которые после Второй мировой войны неизменно подкреплялись трудными, порой драматическими отношениями между Востоком и Западом, создавали переизбыток взаимной подозрительности, недоверия и даже враждебности, способствовали возведению «железного» или иных занавесов, стен психологического противостояния стран и народов.

В период биполярного миропорядка сами понятия «Восток» и «Запад» приобрели идеологическое измерение и, перестав быть чисто географическими, превратились в идеолого-политические образования. Именно идеологическое измерение служило одним из стержневых элементов, составлявших ось двухполюсного мира. Именно оно в значительной мере обеспечивало тот стратегический императив, заставлявший большинство стран сгруппироваться вокруг одного из двух полюсов. По этому признаку расположенная на Дальнем Востоке Япония стала частью Запада.

Определенные коррективы в такой расклад были внесены тем, что мировое сообщество оказалось разделенным на три разных мира, отличающихся друг от друга по степени экономического Развития, образу жизни, мировоззрению. Под «первым ми-

ром» имелась в виду группа развитых и примыкающих к ним стран Европы и Северной Америки, а также Япония и некоторые азиатские государства, достигшие определенных успехов в экономическом развитии. Это в основном – страны первого эшелона капиталистического развития, составившие «центр».

«Первым» он назывался потому, что по времени он возник уже в Новое время и вплоть до образования СССР занимал господствующее положение на всем пространстве евроцентристского мира. Хотя Советский Союз появился на политической карте после большевистской революции 1917 г., говорить о втором мире, включающем в себя группу социалистических стран, можно было лишь после Второй мировой войны.

Реальный вес и влияние мирового масштаба СССР приобрели лишь в самом конце 30-х годов. Длительная экономическая разруха после кровавой Гражданской войны, многочисленные эксперименты в сфере экономики, на которые растрчивались огромные материальные и людские ресурсы, широкомасштабные репрессии, отрицательно сказавшиеся на социальном и экономическом развитии страны, не позволяли руководству СССР подкрепить свои идеолого-политические притязания действенным экономическим и военнотехническим потенциалом.

Однако, сыграв решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, СССР вышел из Второй мировой войны могущественной военно-политической державой. В результате, если в 20–30-е годы Советский Союз представлял для капиталистического мира прежде всего идеологическую опасность, то теперь в дополнение к ней он превратился также в реальную военную угрозу. К тому же в межвоенный период СССР был единственной социалистической страной. После Второй мировой войны в результате освобождения от фашистского ига страны Восточной Европы, а вслед за ними ряд азиатских стран избрали социалистический путь развития. Образовалась так называемая мировая социалистическая система.

В то же время в результате распада колониальных империй на мировую авансцену вышла группа новых независимых стран, которые по многим признакам, как социально-экономическим, так и особенно идеолого-политическим, в полной мере не могли принадлежать ни к одной из двух систем. Они в совокупности с Латинской Америкой составили особую группу стран, объединяемых общими системообразующими признаками: отсталостью экономики, слаборазвитостью социально-классовой структуры, преобладанием крестьянства, слабостью национального

предпринимательства, незрелостью рабочего класса, сохранением в широких масштабах традиционных патриархальных, племенных, клановых, патерналистских структур и элементов и т.д. Чтобы разграничить себя от двух вышеназванных групп, они были названы странами третьего мира.

В поисках экономической и финансовой помощи между различными странами третьего мира развернулась своеобразная конкуренция за завоевание благосклонности Запада и стран социалистического содружества, прежде всего СССР. А для тех, в свою очередь, страны развивающегося мира стали арендой ожесточенной идеологической и политической борьбы за сферы влияния, которая нередко выливалась в локальные и региональные войны, как это было, например, в 60-х—начале 70-х годов в Юго-Восточной Азии или в 70–80-х годах в Анголе. Не случаен тот факт, что именно по линии приверженности или близости к одному из противоборствующих блоков произошла дифференциация стран данной группы.

Идеологизированная внешняя политика, по крайней мере в теории, предполагает изменение существующего баланса сил в пользу противоборствующей стороны, отказ от осторожного, реалистического и прагматического стиля дипломатии, основанной на равновесии сил между великими державами. Сушность и вместе с тем уникальность конфликта между двумя блоками, вылившегося в холодную войну, состояла в том, что в концептуальном плане он, помимо всего, представлял собой глобальное идеологическое, политическое и военное противостояние двух социально-политических систем, носивших межсистемный характер и пронизанных мировоззренческим, идеологическим началом.

Вторая мировая война имела одной из своих целей кардинальное перераспределение мирового баланса сил между крупнейшими военно-политическими державами того времени. С этой точки зрения особенность холодной войны состояла в том, что в качестве реальных претендентов на участие в противоборстве за первые роли в новом миропорядке остались две сверхдержавы — США и СССР.

В геополитическом плане мир стал биполярным, разделенным между «нами и ними», «добром и злом», «хорошими и плохими парнями», «свободным миром и угнетателями». Иначе говоря, понятие «холодная война» подразумевало не просто напряженные отношения между двумя сторонами, не просто соперничество, а чуть ли не священную войну, в которой одна из двух соперничающих систем должна одержать победу, а другая — исчезнуть.

Конфликт между двумя блоками приобрел широкомасштабное идеологическое измерение, он стал идеологическим межсистемным конфликтом. Разумеется, с появлением движения неприсоединения как влиятельной политической силы, а затем достижением Японией и ФРГ статуса могущественных экономических держав, превращением Китая в ядерную державу, а также с восхождением ОПЕК, выдвиганием на первый план противоречий по линии Север—Юг, возрождением национализма и других факторов в эту схему были внесены существенные коррективы. Но основополагающие вопросы мировой политики продолжали решаться в рамках биполярного мира.

Такое положение держало в постоянном напряжении весь мир, в котором два противоборствующих полюса разыгрывали своеобразную игру с нулевой суммой, в соответствии с которой весь мир был разделен на сферы интересов. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон. В глазах обеих сторон каждая из этих войн (или конфликтов) имела значимость не только и не столько с точки зрения решения конкретной проблемы, сколько с точки зрения выигрыша или проигрыша Востока или Запада. При этом любой выигрыш одной из сторон в каком-то регионе или отдельной стране рассматривался как проигрыш другой стороны.

Из сказанного можно сделать вывод, что именно идеологическое измерение служило одним из интегральных компонентов, скреплявших ось двухполюсного мира. Именно оно в значительной мере обеспечивало тот стратегический императив, заставлявший большинство стран сгруппироваться вокруг одного из двух полюсов.

Кардинально иная ситуация сложилась с распадом Советского Союза и окончанием холодной войны. Разрушение идеологических мифов, диктовавших международно-политическое поведение ведущих стран в течение большей части послевоенного периода, означает эрозию и подрыв идеологической базы того противостояния, которое привело к расколу мира на два противоборствующих лагеря. Развалилась идеолого-политическая ось двухполюсного мира, устарел упомянутый выше стратегический императив. Потеряло смысл само идеолого-политическое понятие «Запад». Япония и другие новые индустриальные страны Азиатско-Тихоокеанского региона как бы снова «вернулись» в Азию и стали азиатскими государствами, способными строить свои отношения со всеми странами и регионами вне зависимости от тех или иных идеолого-политических соображений.

Идеология в современном мире

Мы живем в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и потери иллюзий. Старые боги развенчаны и низвергнуты с пьедесталов, секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении всего XX столетия, во многом перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Они либо исчерпали себя, либо потерпели банкротство, либо существенно ослабли. Развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий стало свершившимся фактом. Но взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные позитивные идеи, которые могли бы служить в качестве объединяющих и мобилизующих людей идеалов. Проблема состоит в том, что люди перестают верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Они становятся недееспособными из-за полного безразличия к ним людей.

С крахом идеологического по своей сути советского государства развенчалась и коммунистическая утопия, или же, наоборот, с развенчанием утопии обрушилась и империя. Крах марксизма-ленинизма можно рассматривать как одно из важнейших событий конца XX в. Этот крах и связанное с ним признание неудачи советского эксперимента выбили почву из-под большинства социальных учений современного мира. Левизна и все без исключения левые идейно-политические течения оказались ввергнутыми в глубочайший кризис.

В последние три—четыре десятилетия левые, особенно коммунисты, очутились перед альтернативой: либо, сохранив приверженность «единственно верной истине», еще более ужесточить свои идеологические позиции и оказаться на обочине общественно-политической жизни, либо, согласившись с общепринятыми правилами игры, открыться в отношении остальных идеологических и политических течений и тем самым попытаться держаться на поверхности. Однако, как показывает исторический опыт, любой утопический проект, любая утопическая доктрина по сути подписывает себе смертный приговор, как только она переходит на принципы открытости и терпимости в отношении других идейно-политических течений.

Дискредитация ленинского мифа, несомненно, лишает всякой актуальности и перспективы миф о социалистической революции и обществе, основанном на принципах всеобщего социального равенства. Несомненно и то, что этот крах вовсе не есть

свидетельство совершенства западного пути общественно-исторического развития и западной модели общественного устройства. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики и политической демократии, на самом Западе усиливается интенсивность критики наследия Просвещения и его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма и различных форм авторитаризма. Проблема состоит также в том, что в целом Запад еще не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительный альтернативный миф или идеологическую систему, способную определить магистральные пути развития человечества в конце XX и начале XXI в.

На первый взгляд крах марксизма-ленинизма как бы возвестил об окончательной смерти любой идеологии. На идеологическом спектре как бы образовалась огромная черная дыра. Это дало повод некоторым псевдопророкам заявить о «конце истории» и наступлении новой эры прагматического либерализма. Под вопрос поставлена сама возможность или правомерность идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов. Возникает много вопросов: способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей; может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «изм» заполнить вакуум, образовавшийся после очевидной несостоятельности ряда идеологий правого и левого толка, и др.

При поисках ответов необходимо исходить из признания того, что идеологии отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, оказывающего существенное влияние на характер и направления общественно-исторического развития. Идеологии, призванные служить в качестве связующих скрепов человеческих сообществ, не могут совсем исчезнуть, неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполнят образовавшиеся ниши. Другое дело, что они примут иные очертания.

Нынешняя ситуация характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Имеет место усиление чувства неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований глобального масштаба сдвиги порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комби-

нации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации и последствия. Они накладываются на комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д.

Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массу люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и способных поддерживать любой миф, обещающий все благо мира. В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало *удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний*.

Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом *развития свободы, не корректируемой ответственностью*. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности; восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т. е. против всего, что составляет саму ткань любого общества; осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает ни дисциплину, ни авторитет отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей, на службу наслаждений. Возможно, это имел в виду американский исследователь П. Бергер, когда говорил о «повсеместно распространившейся скуке мира без бога». Нельзя не согласиться с теми авторами, которые называют эти феномены свидетельством *прогрессирующего накопления старческих признаков*.

Поскольку потребности постоянно воспроизводятся, люди не могут окончательно удовлетвориться своим положением. Поэтому не случайно, что приверженцы постмодернизма назвали современное западное общество «неудовлетворенным обществом» (*dissatisfied society*). Как писали представители этого течения А. Геллер и Ф. Фехер, это понятие призвано осветить специфику современного западного общества в контексте *производства, восприятия, распространения и удовлетворения потребностей*. Современные формы производства, восприятия и распространения потребностей *усиливают неудовлетворенность*, независимо от того, удовлетворяется реально или нет конкретная потребность.

Ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчание, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, оп-

ределяющих моральные устои людей. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «нация» теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой – к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал М. Хайдеггер, «бездомность становится судьбой (современного) мира».

Наше время неблагоприятно для полета гуманитарной мысли. Компьютеризация гуманитарного знания оказывается путем, ведущим к его обеднению, упрощению, потере трагического мироощущения и насаждению количественного, сугубо бухгалтерского отношения к мировым реальностям. Не случайно восхождение и утверждение гегемонии компьютера совпали с прогрессирующим захирением гуманитарного мировидения. Именно благодаря компьютеру в сознании современного человека удивительным образом сочетаются *всезнание* и *неосведомленность*, чувство *всемогущества* и вопиющей *неуверенности*.

Всевозрастающий эзотеризм научных знаний ведет к тому, что каждый может ориентироваться только в собственной узкой сфере. Широкое распространение образования парадоксальным образом сочетается с фрагментацией, диверсификацией, расчленением знаний и потерей способности целостного, всеохватывающего мышления. Но это не означает потерю потребности людей в целостности, органичности восприятия мира.

Немаловажную роль в этом контексте играют *средства массовой информации*. Проникая во все сферы общественной жизни, они содействовали *вульгаризации* и *заземлению культуры*, доведению массовой культуры и различных сменявших друг друга вариаций авангардистского искусства в музыке, театре, кино, литературе и т.д. до каждой семьи, до каждого человека. Тем самым они способствовали подрыву многих традиционных ценностей, ассоциируемых с буржуазной цивилизацией, таких как этика призвания, бережливость, трудолюбие и др., и выдвигению на передний план стяжательства, показного потребления, гедонистического образа жизни, вседозволенности, подрывающих сами основы современной цивилизации.

При таком положении возникает множество вопросов: а смогут ли люди, общества, сообщества выжить и действовать в долговременной перспективе; где найти те идеи или идеа-

лы, способные служить в качестве духовных скрепов новых инфраструктур? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах? И не противоречит ли этот всплеск процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли перспектива окончательного преодоления религиозной веры в процессе модернизации и связанной с ней секуляризации сознания ложной?

И действительно, на первый взгляд парадоксально выглядит сам феномен «возвращения священного» и «нового религиозного сознания» в секуляризованное общество. Но парадокс ли это? Не переоценили ли исследователи степень секуляризованности общества и ее необратимости? Не является ли «возвращение священного» оборотной стороной секуляризации?

Как уже указывалось, несмотря на все попытки демифологизации, развенчания сакрального, секуляризации, и в современных условиях мифы, большей частью секулярные, постоянно производятся и воспроизводятся. При распаде мифологии прогресса и эрозии влияния традиционных религиозных и идеологических систем места коллективных идеалов и мобилизующих мифов, образно говоря, недолго остаются вакантными.

В данном контексте парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т.д., он в то же время создает условия для формирования новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий.

Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, а с другой – универсалистских, космополитических, анархистских идей, установок, не признающих дисциплины, ответственности. И для многих дезориентированных людей *национализм*, различные формы *фундаментализма* могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Не случайным является всплеск так называемых возрожденческих движений в исламском и индуистском мире, национализма и партикуляризма почти во всех регионах земного шара.

Важно отметить, что *фундаментализм* с его идеями возврата к «истокам», разделением мира на «наших» и «чужих» бывает не только *исламским*, как это нередко изображается, но и

протестантским, православным, либеральным, большевистским и т.д. Все это – реакция на тенденции нарастания сложности и секуляризации социального мира. В этом контексте и следует рассматривать всякого рода традиционалистские движения.

В условиях растущей интернационализации и космополитизации особое звучание приобретает мысль американского поэта Э. Паунда: «Традиция — это красота, которую мы оберегаем, а не оковы, которые нас удерживают». Нельзя считать традицию принадлежащей всецело прошлому, ограниченной во времени и пространстве и не имеющей ничего общего с сегодняшним днем. Традиция, воплощая сам дух народа, призвана внести универсальный смысл в историческое бытие данного народа, в его место и роль в сообществе всех остальных народов.

Представляется не совсем корректным рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех ее проявлениях только через призму истории, как некие реликты прошлого, несовместимые с настоящим, тем более с будущим. Зачастую, когда не совсем четко понимают природу этих феноменов в современных реальностях, они изображаются в качестве неких возрождений или пробуждений давно преодоленных тем или иным обществом явлений. Говорят о возрождении религиозного фундаментализма, национализма, традиционализма и т.д. В результате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих под собой почвы в современном мире.

Однако при этом часто предают забвению тот факт, что каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные «измы», например либерализм, консерватизм, радикализм и т.д., хотя часто и присокупают к ним префикс «нео».

В действительности же в большинстве случаев мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реальностями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить консерватизм конца XX в. с его прототипом прошлого столетия и классический либерализм XIX в. с современным социальным либерализмом.

Национализм как идеология

XX столетие по праву называют не только веком идеологии, но и веком национализма. И, действительно, национализм, родившийся в XIX в., в XX в. стал знаменем разнородных со-

циально-политических сил и движений, во многом определивших основные векторы развития большинства стран и народов.

В значительной степени именно под знаком национализма разворачивались процессы и события, в конечном счете приведшие к Первой мировой войне. Ее результатом явилось образование новых национальных государств, что в определенной степени подтвердило актуальность и действенность идей и принципов национального самоопределения.

Конец XX в. также ознаменовался новым всплеском национализма, идей национального самоопределения и образованием множества новых национальных государств. Можно со всей уверенностью утверждать, что образное выражение «сова Минервы парит над нациями вместе с национализмом» верно применительно ко всему XX в.

Национализм служил и продолжает служить идейно-политическому обоснованию национального государства, по крайней мере в течение последних 200 лет. Национализм и идеология теснейшим образом связаны друг с другом, дополняют и стимулируют друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно и служили для аргументации интересов и устремлений поднимавшегося третьего сословия, или буржуазии, и с точки зрения формировавшегося национального государства, во всяком случае на начальном этапе, в сущности представляли собой одно и то же.

На первый взгляд парадоксально может звучать утверждение о том, что национализм при всей своей внешней обращенности в прошлое, к традициям, мифам и т.д. является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного государства и т.д. То, что национализм и промышленная революция порой как бы противопоставляли себя друг другу, никоим образом не должно ввести нас в заблуждение.

Национализм – это прежде всего социокультурный феномен, который во многих случаях выступает в качестве своеобразной оболочки для иных интересов и мотивов, например стремления участвовать в дележе материальных ресурсов, завоевания власти и авторитета, преодоления психологических и идеологических комплексов и т.д. И, соответственно, он интегрировал в себя традиционные мифы и символы, но использовал их для защиты и обоснования новых феноменов в лице национального государства. Сила национализма состоит в том, что он органически соединяет индивидуальные социокультурные приверженности людей с государством, кото-

рое способно действовать в том числе и в плане защиты и гарантии сохранения национально-культурной идентичности народа.

Другое дело, что в XX в. оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся в нашем столетии понятия «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т.д. использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ социально-политических сил.

Поэтому не случайно, что споры и дискуссии по данному вопросу в наши дни не только не прекратились, но и приобрели новый импульс. Они концентрируются вокруг вопроса о том, что такое национализм и национальная идея, когда они возникли, какую именно, положительную или отрицательную, роль они сыграли в общественно-историческом процессе, какова их роль в современном и грядущем мире, что первично — нация или государство, как они соотносятся друг с другом, и т.д.

При этом нельзя не отметить наличие разночтений в трактовке, роли и функциях национализма в современном мире. Нет единства относительно того, что понимать под «национализмом». Еще английский исследователь XIX в. У. Бейджот отмечал: «Мы знаем, что это (национализм) такое, когда нас об этом не спрашивают, но мы не можем без запинки объяснить или определить его» [95, р. 20–21].

Некоторые авторы вообще ставят под сомнение сам факт существования национализма как реального феномена. Даже известный современный английский исследователь Э. Хобсбаум, внесший немалый вклад в раскрытие сущности этого феномена и его роли, как позитивной, так и негативной, утверждал, что «национализм требует слишком твердой веры в то, что явно не соответствует действительности» [81, с. 24].

Эта линия в трактовке нации получила крайние формы в отечественной этнологии, где с 80-х годов муссируется мысль о возможности и желательности отказа от самого понятия «нация». Понятие «нация», отмечал, например, один из сторонников этой позиции В. А. Тишков, не что иное, как «политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория». И далее: «Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категория «нация» утратила в современном мире

всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы» [74, с. 85]. По мнению Тишкова, если «этничность» представляет собой некоторую безусловную реальность, то «нация» — всего лишь сконструированный лозунг, средство мобилизации политической поддержки.

И действительно, если установки людей как граждан государства ограничиваются приверженностью ему, то зачем усложнять ситуацию разными там дополнительными атрибутами вроде ничего не значащей «идеи нации» или какой-либо иной искусственно созданной конструкции? Фактом является то, что понятие «нация» не поддается строгой дефиниции.

Существуют серьезные расхождения в трактовке содержания, вкладываемого разными авторами в это понятие. Причем ни одно из определений «нации» нельзя назвать сколько-нибудь четко сформулированным и убедительным. Все они обставлены таким количеством исключений и оговорок, зачастую многочисленных и настолько серьезных, что теряет всякий смысл сама необходимость их вычленения. По сути ни одно из них нельзя назвать более совершенным, чем то, которое в свое время предложил И. В. Сталин.

Однако большинство людей не интересуется теоретическими дефинициями. Верно и то, что в политическом лексиконе термин «нация» чаще употребляется в смысле «нации-государства». Национализм в современном понимании предполагает *политическое*, а точнее *государственное*, начало. Однако необходимо отметить, что национальность, чувство национальной принадлежности, национальное самосознание и, соответственно, нацию нельзя свести к какому-либо одному-единственному, политическому или иному, измерению.

Здесь этническому компоненту при всех возможных оговорках должно быть отведено соответствующее место. Иначе как объяснить существование в одном государстве так называемых титульных и коренных народов, национальных меньшинств и т.д. Известно, что подавляющее большинство (если не все) наций образовалось вокруг какого-то одного доминирующего этноса. Возможно, прав Э. Смит, утверждавший, что существуют два вида национализма: политический, характерный для «территориальной» нации, и этнический, относящийся к «этнической» нации [147, р.138].

Как представляется, здесь корректнее было бы говорить о двух аспектах, или сторонах, национализма: *государственной* и *этнической*. В то же время приверженность граждан своему государству и своей нации отнюдь не сводится к сугубо материальным и рационалистическим началам. В национальном самосозна-

нии, национальной гордости, патриотизме и других составляющих понятий нации и национализма, как будет показано в гл. 7, наряду с сугубо рационалистическим, научным, концептуальным и т.д. присутствует значительный пласт традиционного, ценностного, иррационального, символического, мифологического.

Нация существует там, где люди сами верят в то, что они составляют таковую. Реальность заключается в том, что большинство людей в современном мире рассматривают себя в качестве членов некоторых общностей, называемых нациями. В этом контексте в чем-то был прав Б. Андерсон, назвавший нации «воображаемыми общностями». Отказываясь от понятия «нация», следовало бы идти дальше и отказаться от производных от него понятий, таких как «национальное самосознание», «национальное государство», «национальное самоопределение», «право наций на самоопределение» и др.

Нельзя отрицать, что представители конкретной нации сознают себя также представителями определенной общности, отличающейся от других общностей не только по принадлежности к определенной территории, ограниченной четко установленными государственными границами, но и по ряду других, зачастую не менее существенных параметров. Что особенно важно, таковой эту общность признают и представители других наций-общностей. Справедливо отмечал А.Г. Здравомыслов: «Говоря резче, русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят и говорят: «Мы – русские, значит, мы не немцы, не французы, не американцы и т.д.»... В известном смысле можно сказать, что русские обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не было, например, немцев в качестве врагов России и СССР в Первой и Второй мировых войнах. Немцы также обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не опыт этих двух войн и предпринятая гитлеровским режимом попытка решения еврейского (более широко – расового) вопроса путем организации фабрик массового уничтожения людей» [30].

Вместе с тем были и есть такие авторы, которые, будучи убеждены в реальности и силе национализма, выступали с радикальными лозунгами предоставления всем нациям возможности создать собственное государство. Так, в определенной степени выражая популярные в тот период умонастроения, швейцарский исследователь международного права И. К. Блюнчли писал в 1870 г.: «В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различ-

ных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе».

Очевидно, что при трактовке права народов на самоопределение этот постулат весьма трудно опровергнуть. И действительно, почему одни народы имеют право и успешно реализуют его для создания своего независимого, суверенного государства, а другие лишены его? Однако парадоксом является то, что при *всплеске национализма в современном мире почти не осталось национально-однородных государств*.

Подлинно национальное государство, если понимать под таковым государство с населением, состоящим из одного только этноса, является скорее исключением, чем правилом. Особо важное значение имеет то, что не все народы и этносы способны создавать и поддерживать жизнеспособные государственные образования. К тому же в современном мире нет и не может быть полностью независимых от внешнего мира стран.

Если бы все нации, народы, этносы претендовали на создание собственных независимых государств и попытались реализовать эти претензии, неустойчивость миропорядка многократно усилилась бы и само существование многих государств было бы поставлено под вопрос. Как известно, под «самоопределением» понимается свобода каждого народа жить по собственным законам, под управлением избранных им самим властных структур, распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, при этом не нанося ущерба свободе и законным интересам других народов. Лишенная национального своеобразия страна может лишиться и отведенного ей места в мировой истории. Требуя для себя самоопределения, народы добиваются свободы распоряжаться своей судьбой на собственной территории.

Но, как показал опыт 90-х годов, распад многонационального государства может привести к распаду устоявшихся властных структур и баланса власти и интересов, а это, в свою очередь, к росту неопределенности и неустойчивости. А события на постсоветском и постюгославском пространстве свидетельствуют о том, что такой распад чреват непредсказуемыми кровавыми последствиями, в которых даже в долгосрочной перспективе проигрыш для большинства вовлеченных сторон явно перекрывает все возможные приобретения.

Следует отметить и то, что нередко национальные движения, в идеологии которых преобладает этническое начало, довольно быстро исчерпывают свой мобилизационный потенциал. Более того, они создают благоприятную почву для утверждения авторитарных и тоталитарных режимов. Экспорт или поддерж-

ка сепаратистских идей и движений при определенных условиях может иметь далеко идущие негативные последствия, поскольку они могут стать одним из главных источников и побудительных мотивов терроризма и гражданских войн.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под политической идеологией?
2. Каковы место, роль и функции идеологии в политической жизни?
3. Каково соотношение политической идеологии и политической философии?
4. Каковы различия между политической идеологией и политической философией?
5. Какое место занимает идеология в международной политике?
6. Какие трансформации идеология претерпела в современном мире?

Свобода и рабство как проблема политической философии

Немаловажное место в политической философии занимают проблема соотношения свободы и рабства, а также феномены, располагающиеся между этими двумя полюсами. О них написано много, но, тем не менее, эта тема неисчерпаема, поскольку чуть ли не каждое поколение, не говоря уже о разных эпохах, культурах, цивилизациях, понимает ее по-своему. Предметом особенно острых дискуссий и споров она становится в периоды стремительных и широкомасштабных трансформаций, подобных тем, которые в настоящее время переживает весь мир, и особенно Россия. Свобода и рабство выступают во многих ипостасях. Говорят о свободе естественной, гражданской, моральной, политической, экономической. Выделяют свободу слова, ассоциаций, совести и т.д.

Столь же многозначно понятие «рабство». Различают рабство политическое, правовое, гражданское, социальное, полов и т.д. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что при всей распространенности самих идей свободы и рабства как важнейших категорий человеческой истории их весьма трудно, если не невозможно, определить с помощью какого-то ни было одного конкретного, более или менее четко установленного факта.

Сушность свободы

Попытаемся сначала вкратце проанализировать сущность понятия свободы. При всей многозначности и расплывчатости этого понятия свобода представляет собой более чем реальный феномен, оказы-

вающий существенное влияние на жизнеустройство людей. Весь исторический опыт воочию показывает, что *свобода есть непреходящая ценность и основополагающая сущностная характеристика человека*. Как подчеркивал С. Л. Франк, «всякий отказ от свободы есть духовное самоубийство, всякое покушение на свободу другого есть покушение на убийство в нем человека, на противоестественное истребление в нем «образа и подобия Божия» и превращения его в животное» [77, с. 240].

Однако нужно учитывать, что не бывает свободы ради нее самой, свободы абстрактной. Определение ее природы и условий реализации поднимает кардинальные вопросы о сущности и существовании человека, смысле его жизни, месте и роли в обществе, соотношении свободы и ответственности и т.д. Но в переживаемых нами трансформациях вселенского масштаба и связанных с ними спорах и дискуссиях требования немедленной и всеобъемлющей *свободы* зачастую заслоняют ее *многогранность, многоликость, неоднозначность, противоречивость, сопряженность* со многими другими общественно-политическими феноменами, институтами, ценностями, такими как власть, авторитет, равенство, справедливость, ответственность, нравственность.

Разумеется, в одной главе невозможно рассмотреть даже в самой тезисной форме все значимые аспекты этой сложной проблемы. Здесь затрагиваются лишь те вопросы, которые могут пролить свет на сущность как самого мира политического, так и политической философии.

Свобода — категория социальная. Вне общества мы не вправе говорить о свободе, поскольку она может быть реализована только в системе отношений между людьми. При общности некоторых базовых характеристик понимание содержания и путей реализации свободы в каждом конкретном обществе зависит от характера и содержания господствующих в нем национально-культурных, исторических, конфессиональных и иных норм, правил, установок, ценностей и т.д. Например, если на *Западе*, как правило, по крайней мере в теории, предпочтение отдается *правам и свободам отдельно взятой личности*, то на *Востоке — правам и свободам коллектива: группы, этноса, народа, нации*.

В то же время *свобода — категория историческая*, поскольку современное ее понимание сложилось в процессе длительного исторического развития. И действительно, трактовка этого понятия у человека, жившего в какой-нибудь первобытной общине или же в древнегреческом полисе, и современного амери-

канца, француза или русского во многих аспектах существенно различается.

В период античности и средневековья, как уже отмечалось, жизнь и мировоззрение людей не были расчленены на отдельные сферы, хотя это не обязательно предполагало согласие и гармонию интересов всех членов общества. Поэтому естественно, что идея свободы в том выражении, которое она опучила, например, сначала у Аристотеля, а затем у св. Августина и Фомы Аквинского, исходила из того, что свобода есть право членов общины, сообщества быть управляемыми в их собственных интересах. Б. Констан в своей известной лекции «О свободе у древних в сравнении со свободой у современников» справедливо обосновывал мысль о том, что в античности свобода реализовывалась коллективно как свобода участвовать в осуществлении суверенитета общины и никоим образом не толковалась как отсутствие вмешательства общины в жизнь граждан.

Современное понимание свободы неразрывно связано с формированием и утверждением идей личности, гражданского общества и правового государства. С переходом от средневековья к Новому времени, как указывалось выше, на смену старой пришла новая мировоззренческая парадигма, интегральной частью которой стала также радикальная переоценка места и роли человека в обществе и, соответственно, идеи свободы. В данном контексте результаты изменений, приведших к утверждению этой парадигмы, нельзя оценивать однозначно.

С одной стороны, Новое время создало беспрецедентные в мировой истории благоприятные условия для развития отдельно взятой личности и реализации ее возможностей. *Индивидуализм*, основанный на отождествлении личной свободы и частной собственности, стал могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественного развития и формирования политической демократии.

Именно Новое время с его научным рационалистическим мировоззрением обеспечило условия для духовной эмансипации человека, подняло человеческий гений на невиданные высоты, дало ему возможность проникнуть в покрытые непроницаемыми ранее покровами тайны микро- и макромира. Новые формы обустройства жизни на рациональных, научных основах создали для людей удобства и комфорт, о которых люди прежних эпох не могли даже мечтать.

С формированием и институционализацией политической демократии и правового государства беспрецедентное в истории человечества число людей получили личную свободу в

экономической, политической, социальной и иных сферах. Более того, эти процессы на определенном этапе дали отдельному индивиду возможность чувствовать себя властелином мира, единоличным творцом собственной судьбы.

Эти процессы и тенденции на протяжении всего Нового времени нашли отражение в требованиях все более растущих слоев, сословий и групп населения освобождения от экономических и политических уз, предоставления им экономической, политической и религиозной свободы. Во многом именно эти требования лежали в основе всех политических революций, начиная от Английской буржуазной революции середины XVII в. до Октябрьской революции 1917 г. в России, в результате которых были приняты документы, вроде Декларации прав человека и гражданина, ставшей одним из решающих документов Великой французской революции 1789 г.

Именно эти требования стали, с одной стороны, одним из решающих стимулов формирования рыночной экономики, свободного предпринимательства и свободной конкуренции, а с другой — появления национального государства, идей, принципов, ценностей и институтов политической демократии и правового государства, а также концепции так называемого «государства-ночного сторожа». В то же время они создали условия для отделения церкви от государства, освобождения интеллектуальной деятельности, науки, культуры, искусства от жесткой опеки государства.

Цена свободы

Казалось бы, теперь все зависит от самого человека, который может защищать свои права и свободы без посторонней помощи. Но обнаружилось, что, завоевав свободу от цеховых, корпоративных и иных уз, человек Нового времени одновременно освободился и от тех связей, которые при всех возможных здесь оговорках давали ему чувство уверенности и принадлежности к определенной общности. Если в средневековом мироздании человек был в центре мироздания, то теперь, когда человек самоопределился в качестве самоценного и автономного субъекта, именно себя он расположил в центре, вокруг которого как бы вращается весь остальной мир.

Вместе с открытием коперниковской системы мироздания претензии человека быть центром Вселенной со все более растущей очевидностью стали выглядеть абсурдными, особенно перед образом бесконечного, безмолвного пространства Вселенной, безразличного к его запросам, страстям, устремлениям. «Вечное

безмолвие этих бесконечных пространств страшит меня», — так выразил это чувство Б. Паскаль. За свободу и независимость последовала расплата — человек как бы перестал рассматриваться венцом творения и стал всего лишь частью природы, в принципе мало чем отличающейся от остальных ее феноменов.

Несмотря на поразительные успехи в покорении природы и расширении пределов реализации своих возможностей, человек не научился должным образом управлять созданным им самим миром. Как это ни парадоксально, индивидуализм — эта главная предпосылка утверждения автономии отдельного индивида — содержал определенные элементы, в конечном счете способствовавшие порабощению самого человека. Н. Бердяев, конечно, несколько преувеличивал, когда говорил, что гуманизм и порожденный им индивидуализм неонтологичны и лишены бытийной основы, поскольку не способствуют укреплению личностного начала в человеке. Но нельзя отрицать, что оба они содержали возможность атомизации социальных связей, оставляющей отдельно взятого человека один на один перед лицом всемогущего государства.

В то же время постепенно верх брала тенденция трактовать человека в сугубо материально-детерминистском, прагматически-утилитарном духе. При таком подходе и свобода человеческой личности понимается прежде всего как свобода выбора способов и источников добывания средств к существованию, как свобода купли и продажи. Владелец капитала использует наемного работника, как и любой другой инструмент, машину, станок. В свою очередь, и работник использует работодателя для достижения своих сугубо утилитарных экономических целей. Вне этой взаимной полезности они друг в друге вовсе не заинтересованы. Нередко в утилитарно-инструменталистских терминах объясняются не только экономические отношения, но и весь комплекс межличностных отношений во всех их формах и проявлениях. Возник феномен, получивший название «отчуждение человека» от результатов своего труда и общественных связей.

Такая оценка представляется верной, если ограничиться сугубо экономическими, материально-вещными взаимоотношениями. Хотя и здесь необходимы весьма существенные оговорки применительно к труду вообще и продуктам своего труда в частности. Нельзя забывать, что порыв к деятельности и труду составляет одну из существенных характеристик человека, а значит, и условие его свободы. К тому же труд нельзя понимать в чисто вещно-утилитарном смысле, поскольку в большинстве случаев именно упор-

ному, тяжкому, прямо-таки титаническому труду обязаны своим появлением великие творения человеческого духа.

Проблема свободы неразрывно связана с проблемой соотношения сущности и существования, которая для большинства социально-философских систем и по сей день остается неразрешимой дилеммой.

Наиболее остро и обнаженно эту проблему поставил экзистенциализм, который в противоположность большинству философских школ, постулировавших первичность сущности перед существованием, провозгласил, что существование человека предшествует его сущности. «Для экзистенциалиста, — писал Ж.-П. Сартр, — человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать» [72, с. 323]. Тем самым экзистенциализм возлагает всю ответственность на самого человека за то, что и каков он есть. Экзистенциалист утверждает: «Человек осужден быть свободным. Осужден потому, что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что однажды брошенный в мир отвечает за все, что делает» [72, с. 327].

Исходя из этого, приоритет отдается существованию перед сущностью. В принципе можно согласиться с тем, что человек в определенном смысле действительно является творцом собственной судьбы. При оценке данного положения необходимо иметь в виду следующий момент. На призыв «познай самого себя», красовавшийся на фронте храма Аполлона в Дельфах, Диоген дал очень выразительный ответ, суть которого состоит в том, что познание человеком себя — непрерывный процесс, никогда не достигающий окончательной цели. Эту мысль особенно удачно выразил Г. Марсель в афоризме: «Быть — значит быть в пути». Мы в некотором роде пилигримы на этой Земле, и смысл нашей жизни состоит в том, чтобы с достоинством пройти отведенный каждому из нас отрезок пути.

И еще. Человек — некий проект будущего, реализуемый в процессе прохождения этого пути. Человек может реализоваться, постоянно преодолевая природу, как бы постоянно выходя за пределы собственной природы, или, как отмечал Ж.-П. Сартр, «проектируя себя... вовне». В этом смысле человек сам себя формирует, создавая искусственный мир культуры (*cul-tura*), противопоставляемый существующей самой по себе природе (*na-tura*). Поэтому вслед за экзистенциалистами можно сказать, что определяющее место в человеческом мире занимает мир человеческой субъективности. Более того, попав в орбиту человека, реальности внешнего мира приобретают новое качество, поскольку они превращаются в неотъемлемые элементы мира самого человека.

Однако человек не в состоянии перепрыгнуть через себя. Именно в выборе одного из двух начал — добра и зла — каждый человек несет персональную ответственность, здесь проявляется свобода его воли. Более того, конструируя свою судьбу, он может в определенных пределах модифицировать свои сущностные начала, или, как говорил С. Л. Франк, «преодолеть и преобразить свою природу, в этом смысле человек есть существо самопреодолевающее» [77, с. 240]. Но все же сущность человека проявляется в его существовании. Существование человека представляет собой в значительной мере процесс реализации сложного мира задатков и потенциальных возможностей, заложенных в его природе. Но все же он не может преодолеть свою природу, идти дальше тех границ и пределов, поставленных ему его собственной природой.

Разумеется, человек может изменить эти условия и параметры, порой существенно, но опять же в пределах, обозначенных собственной природой. Человек не может быть чем-то, что может быть или должно быть преодолено. Как представляется, он может исчерпать себя или прекратить свое существование как биолого-социальный вид, но не может перейти в какое-то иное состояние, иначе он перестанет быть человеком. Ибо, как показывают антропологические и исторические исследования, человек со времени своего выделения из стадного состояния и приобретения видовых характеристик *homo sapiens* по своим социобиологическим и психофизиологическим качествам в течение многих тысячелетий претерпел лишь незначительные изменения.

Фундаментальные свойства, присущие ему как особому виду, сложившемуся еще в доисторические времена, остаются неотвратимо присущи его природе и в наши дни и, возможно, останутся всегда. «Быть может, — писал в данной связи К. Ясперс, — нам грозит опасность вновь превратиться в людей каменного века, ибо мы, собственно говоря, никогда не переставали ими быть» [91].

Двойственная сущность свободы

Парадокс человека состоит в том, что он постоянно стремится к преобразованию и даже преодолению собственной природы, стать нечто большим, чем он есть на самом деле. Этот факт нашел выражение в той широкой популярности, которую получила известная максима одного из основателей софизма Протагора: «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих». В гуманистической традиции и

связанном с ним рационализме этот тезис стал одним из центральных. Приверженность ему в конечном счете вылилась в беспредельную веру в человека и его деяния. На протяжении всего Нового времени шел неуклонный процесс секуляризации сознания и жизни, приведший в конечном счете к развенчанию Бога, божественных, мистических начал жизни и возвеличению человека.

Свое логическое завершение эта вера в человека нашла в мировоззрении Просвещения. У Вольтера, например, мы видим реабилитацию и возведение на пьедестал чувственного человека, человека гедонистического со всеми своими плотскими потребностями и устремлениями. Л. Фейербах, отвергнув Бога, оставил человека в качестве центрального элемента мироздания. Своего апофеоза эта традиция достигла у М. Штирнера, который в своей работе под характерным названием «Единственный» противопоставил атомистически понимаемого индивидуального человека всему остальному миру. И не только он. «Есть мгновения, — писал А. Камю в «Мифе о Сизифе», — когда любой человек чувствует себя равным Богу. По крайней мере, так говорят. Но богоравность приходит, когда, словно при вспышке молнии, становится осязуемым поразительное величие человеческого ума» [34, с. 92].

Да, это действительно так. Но, как показал опыт истории, чрезмерная вера в человека, максима «человек есть мера всех вещей» рано или поздно вырождается в полный сатанинской гордыни постулат: «Если Бог есть, как вынести мысль о невозможности быть им?» У Лукреция человек, низвергая недостойных в его глазах богов, сам занимает их место. Человек Нового времени в своем стремлении оправдать низложение Бога выступает с претензией на занятие его места путем самопреодоления и превращения себя в сверхчеловека, в богочеловека, ставшего, как сказал бы Ф. Ницше, по ту сторону добра и зла. Иначе говоря, достигнув определенного уровня самопознания, люди возжелали быть «как боги, знающие добро и зло», тайны мироздания и собственного бытия.

Однако в конечном счете задача возведения на пьедестал Бога самого человека оказалась столь же абсурдной и невыполнимой, сколь и попытки библейского Нимрода с помощью Вавилонской башни штурмовать Небо. Его бесчисленные последователи нашли утешение в иллюзии развенчания Бога, декларируя мысль о том, что «Бог умер». Но всякий раз слухи о смерти Бога оказывались чрезмерно преувеличенными. Он возрождался в сознании людей в разных ипостасях и проявлениях, порой самых извращенных, вывернутых наизнанку, как сказал бы П. Тиллих, демонических.

Богохульствуя, самый последовательный противник веры зачастую подсознательно ищет новых идолов и богов для поклонения.

Поэтому не удивительно, что самым парадоксальным образом в наш век просвещения мирозерцание движений и политических сил, выступавших за отмену религиозной веры, рано или поздно приобретало форму той же самой религиозной веры, наряженной в атеистические одеяния и аксессуары. Так, в тоталитарном сознании отказ от одних идолов обернулся простой заменой их другими. На место низвергнутого христианского Бога были возведены новые, уже атеистические идола, многим из которых по масштабам и характеру своих деяний уместно было бы расположиться рядом с самим Вельзевулом.

Общественная форма жизни во всех ее проявлениях представляет собой воплощение объективной сверхчеловеческой идеи независимо от того, как и кем она порождена — божественным началом или самим человеком — и какими путями утвердилась в качестве объективно существующей данности. Сверхчеловеческой — в том смысле, что общество как воплощение этой идеи есть нечто неизмеримо большее, чем просто совокупность людей, их интересов, выражение человеческих страстей и стремлений.

Поэтому не удивительно, что перед человеком каждый раз с новой силой встает извечный вопрос о своем месте в мире, о смысле жизни вообще и своего собственного существования. После потери чувства опоры и уверенности в нем просыпается новый страх, уже связанный не только с незабываемыми границами конечного мира, противостоящими устремленности человека к широте и простору.

Избыточная, слишком восторженная вера в человека и человек, предоставленный самому себе, при определенных условиях могут быть просто опасны. Если человек — мера всех вещей и нет над ним никакого другого начала, выше него самого, то естественно, что его неотступно преследует соблазн сделать категорическим императивом руководства в жизни максимум: «Что хочу, то и делаю». Но обнаружилось, что человек, возмнивший себя на троне Творца, не способен выдержать испытание столь высоким вознесением. И в своем стремлении к разоблачению и развенчанию всего и вся он готов к разворачиванию усилий по развенчанию и своеобразной «отмене» и самого человека. И доведенный до крайности и ничему не подчиняющийся индивидуализм подрывает индивидуальность и личностное начало человека. По сути обожествление «единственного» порождает появление в европейской общественно-политической мысли сомнения к самой идее человека. Пока-

зателен в этом отношении тезис Ф. Ницше, который провозгласил смерть Бога и в то же время объявил, что человек — это просто мост к сверхчеловеку, что «человек — это нечто, что должно быть преодолено».

Устремленность, порыв к самореализации лежит в основе жизни, жизнь является воплощением этого порыва. Два начала — *стремление к свободе* и в то же время *приверженность к самоорганизации и порядку* — лежат в самой природе человека. Он как бы создан для свободы, для реализации своей свободной воли, устремления вверх, для полета, поиска, открытия неизведанных далей и глубин мироздания. Более того, человек постоянно нацелен на прогресс, это в самой его природе. Однако эта устремленность сама по себе нейтральна: она может быть причиной как творческих, так и разрушительных деяний человека. Как будет показано далее, в самой природе человека наряду с приверженностью началам добра равновеликое место занимает такая же приверженность началам зла.

Естественно, что человек — существо общественное, наделенное чертами социальности, приверженности коллективному началу, доброты, любви к ближнему, альтруизма и т.д. Но одновременно в нем сидит зверь, являющийся средоточием импульсов жестокости, садизма, жадности, зависти, гордости, тщеславия и корыстолюбия и т.д. Оценка деяний людей должна быть основана на учете не только разумного и доброго начала в человеческой природе, но и на осознании несовершенства человека, его приверженности злу, разрушению и хаосу.

Из всего сказанного вытекает, что *свобода воли* как устремленности, хотения самореализации, взятая сама по себе, *абстрактная свобода воли безразлична с точки зрения добра и зла*, в том смысле, что человек одинаково способен и на добрые и на злые деяния. А. Шопенгауэр называл это *liberum arbitrium indifferentiae* — безразличие свободы воли.

Положительный или отрицательный оттенок она принимает, лишь когда речь идет о том, в каких целях она используется. С данной точки зрения особо важное значение имеет то, что преступление, грех, зло, равно как и добро, категории общественно-исторические, они немислимы вне общественных отношений между людьми. Они лишены смысла в мире животных, поскольку это — категории, пронизанные нравственным, оценочным, нормативно-правовым началами. Правила и нормы могут быть применимы только в отношении субъектов, наделенных волей и сознанием.

Преступление и грех — первоначально это, собственно говоря, те действия членов рода или племени, которые являются нарушением установленных табу и норм поведения. До установления этих норм и табу не могло быть и их нарушения, стало быть, не могло быть также преступления и греха. Поэтому не случайно в послании к римлянам апостол Павел говорит: «Хотя и до закона грех был в мире, но грех не вменяется, когда нет закона».

Только свободный человек может быть носителем как самой нравственности, так и других ценностей и качеств, в совокупности делающих его человеком в истинном смысле этого слова. Более того, в свободе коренится возможность как высочайшего добра, так и низменнейшего зла, свобода есть открытый путь как вверх, так и вниз. Нередко они предполагают друг друга, поскольку деяние, которое в одном контексте оценивается как добро, в другом аспекте можно рассматривать как зло. Примечательно, что знаменитый тезис Протагора иногда истолковывается в том смысле, что человек есть мера всех вещей и в тех случаях, когда люди расходятся между собой во мнениях. При таком подходе трудно установить, кто из них прав, а кто не прав, поскольку объективной истины, одинаково приемлемой для всех людей, не существует.

Свобода воли потеряет смысл, если ей оставить одну-единственную альтернативу из всех возможных. Одна-единственная истина и один-единственный путь ее постижения исключают свободу выбора. Монополия, монизм, отсутствие свободы выбора противоречат самой природе человека, чреватые окостенением и губительны для прогресса человеческого духа. Подавление свободной воли, стремление делать все по-своему, продолжающееся длительное время, может стимулировать пробуждение подавленных инстинктов, и человек может захотеть хаоса, революции, разрушения, крови. Из рационально мыслящего человека он превращается в существо с иррациональными побуждениями, устремлениями, деяниями.

Свобода на то и свобода, что она предоставляет возможность свободного выбора одной из множества альтернатив, в том числе и *свободу выбора* между добром и злом. Коль скоро человек является одновременно воплощением как добра, так и зла, невозможна и история, которая жидилась бы только на одном из этих начал. Более того, исторический опыт воочью продемонстрировал, что не существует каких-либо гарантий торжества начал добра и разума в мировом бытии. Проявляясь и активно действуя в облике явлений этого мира, зло слишком часто торжествовало и продолжает торжествовать свою победу.

Однако неизбежность и неустранимость мирового зла отнюдь не означает тщетность и обреченность борьбы с ним. Истинная свобода предполагает способность и возможность выбора между добром и злом в пользу первого. Именно в вечной борьбе со злом, в конечном его преодолении человеку суждено реализовать свои существенные характеристики, каждый раз заново утверждать свои права и притязания на жизнь на началах добра, доказывать, что зло не есть нечто непреложное и что оно отнюдь не правит миром.

Социальная сущность свободы

Общество — это прежде всего союз личностей, и вне их оно лишено смысла. Характер общества зависит от составляющих его личностей, налагающих печать своей воли, своих устремлений, нравственных ориентиров на формы общественной жизни. Свобода личности, в свою очередь, предполагает определенные социальные и политические условия. В частности, она требует наличия как многих центров власти, исключающих монополию какого-либо одного лица, социальной группы, партии и т.д. и уравнивающих всевластие государства, так и свободы выбора во всех сферах общественной жизни. Основополагающее значение с этой точки зрения имеет частная собственность. Вслед за Гегелем можно сказать, что гражданское общество — это сообщество частных собственников, которые независимо от своего социального статуса, религиозных и политических воззрений, расовой, этнонациональной принадлежности и т.д. в юридически-правовом отношении равны перед законом.

Разумеется, в современных условиях роль частной собственности нуждается в определенном переосмыслении, но фактом остается то, что свобода выбора в важнейших сферах жизни, в том числе и политической, предполагает свободу экономического выбора, что также предполагает наличие альтернативных источников получения средств существования. Не может быть свободы личности там, где нет разнообразия, многообразия источников жизнеобеспечения и свободы экономического выбора. Каждый член общества вправе преследовать свои интересы с помощью всех средств, предусмотренных законом, выбирать род занятий и профессию, место проживания и т.д.

В то же время суть самой идеи гражданства состоит в том, что, отстаивая свои права и интересы, отдельно взятый гражданин должен признать также общие интересы и цели, скрепляющие всех членов общества в единое целое, свои обязанности и

ответственность перед другими людьми, наделенными собственными законными правами и интересами, которые он должен учитывать и уважать. Это означает, что свобода человека, с одной стороны, ограничена потребностями, интересами, способностями и возможностями самого человека, а с другой — условиями внешней среды. Стремясь к свободе, человек каждый раз обнаруживает, что она целиком определяется императивами и границами свободы других членов общества.

Иначе говоря, свобода действий органичивается как внутренней природой человека, так и миром, предоставляющим ему более или менее строго очерченное жизненное пространство, где, в свою очередь, каждому отмерено определенное «пространство свободы», на которое другие не вправе посягать. Свобода может быть истинной только в условиях признания каждым границ этого пространства, а также — взаимности прав и обязательств. Здесь, используя мысль И. Канта, можно сказать: моя свобода кончается там, где начинается свобода других.

В данном контексте нельзя противопоставлять друг другу *власть* и *свободу*, поскольку свобода возможна только в условиях порядка, а порядок в современном обществе обеспечивается властью. Как показывает опыт всей истории человечества, для утверждения и защиты свободы индивидуального человека совсем не обязательно его освобождение от всех форм принуждения, насилия, власти, запрета и наказания. Более того, при определенных условиях их отсутствие может неизбежно привести к утверждению в обществе закона джунглей, где сильный на «законных» основаниях может терзать и убивать слабого до тех пор, пока другой, более сильный, не растерзает и не убьет его самого.

В данной связи прав был Н.А. Бердяев, говоривший, что «свобода, не знающая жалости, становится демонической». Но в человеческом обществе одной только жалости мало. Как отмечалось в гл. 3, именно *государство* и *власть*, непременным атрибутом которых является человек с ружьем, способны обеспечить *свободу* и *права* отдельно взятого человека.

Действительная, а не декларируемая свобода возможна в том случае, если власть служит праву. Как подчеркивал Ш.-Л. Монтескье, «свобода есть право делать все, что дозволено законами». Если бы каждому отдельно взятому человеку было позволено делать все, что он пожелает, то он не был бы свободен, поскольку то же самое были бы вправе делать и все остальные члены общества.

Свобода без законопослушания и, как следствие, без ответственности отдельного человека за свои действия подпадает под понятие не свободы, а правонарушения. Иначе может подрываться золотое правило правового государства, согласно которому «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». Власть, право, закон как раз и призваны поставить определенные пределы и рамки, пересечение которых каким-либо отдельным человеком считается нарушением прав и свобод других членов общества.

В реальностях современного мира свобода представляет собой прежде всего положительное, а не отрицательное понятие. В противном же случае полная, никем и ничем не ограниченная свобода означала бы перенесение на общество пресловутого закона выживания наиболее приспособленных к жизни, главное предназначение которого состоит в оправдании права сильного подчинить своей воле слабого.

Поэтому неправомерно говорить о некой абстрактной свободе, естественной свободе, которая ни в так называемом «естественном», ни в общественном или ином состоянии не существовала и не могла существовать. Негативно трактуемая свобода с ее отрицанием власти и авторитета неизбежно ведет к анархии и в конечном счете к той или иной форме деспотизма, ибо свобода, не знающая пределов, как правило, рано или поздно превращается в свою противоположность.

Легенда о Великом инквизиторе

Государство, наделенное ничем не ограниченной властью, способно стать безжалостным левиафаном, признающим только свою власть и использующим все средства вплоть до превращения всех своих подданных в бессловесных рабов. Причем государство, вернее, те, кто стремится к неограниченной власти, нередко действуют именем свободы, используя при этом сущностные характеристики самого человека, в том числе и претендующего на неограниченную свободу.

Стремление стать неограниченным и самовластным хозяином своей судьбы нередко вело человека к рабству, разложению и нищете, как материальной, так и духовной. Требование абсолютной свободы, придание свободе абсолютного приоритета перед всеми другими ценностями может предполагать оправдание и использование для ее достижения любых доступных средств, взятие на вооружение излюбленного девиза всех последовательных революционеров «цель оправдывает средства». К чему это мо-

жет привести и действительно привело, мы знаем — концлагеря Майданек, Бухенвальд, ГУЛаг и т.д.

Этот феномен, получивший наиболее законченное выражение в легенде о Великом инквизиторе, восходит к самым истокам человеческой истории. Он заложен в самой природе социальной и политической самоорганизации человеческих сообществ. Огромная заслуга всех сколько-нибудь заметных философских и политических построений, просто хорошо сформулированных идей и теорий состояла в том, что они имели своей главной задачей упорядочить, организовать, систематизировать мириад событий, процессов, деяний людей, дать направление их действиям.

Это особенно отчетливо заметно в истории религиозных верований, которые, как правило, формировались пророками и энтузиастами, людьми самоотверженными, готовыми отдать свою жизнь за благо ближних. Но их заслуги вскоре присваивали себе служители веры, священники и святоши. Если первые творили веру и жили ею, то вторые существовали за ее счет, создавая собственные церкви и алтари. Первые порой кончали мученической смертью, служа в последующем связующими скрепами церкви. Вторые их именем оправдывали свою церковь, которая, сформировавшись, приобретала сущностные признаки организации.

Организации живут и действуют по собственным законам и правилам, зачастую далеким от норм и целей, установленных самими основателями веры. Это естественно и неизбежно, если учесть, что любая церковь как институт самоорганизации верующих нуждается в своем, как сказали бы применительно к мирской сфере, идеологическом оправдании, структурах и механизмах функционирования и самовоспроизводства. Именно на этой основе первоначально создается сонм мучеников и святых, которые вскоре ранжируются и располагаются в иерархию. Разрабатываются система догматов, ритуалы. Постепенно соображения сохранения первоначальной чистоты веры выдвигаются на передний план. Разумеется, параметры как первоначальности, так и чистоты устанавливаются самими служителями церкви, которые постепенно также ранжируются по статусной иерархии.

Соответственно появляются первоначально равные и более равные, а затем господствующие и подчиненные. Постепенно принципы организации берут верх над верой, рано или поздно вера окazujeется поставленной на службу церкви, а не наоборот. Она сводится к соблюдению ритуала, закона и т.д. Более того, главным толкователем самой веры становится церковь, при-

обретающая статус главного связующего звена между Богом и отчужденно взятым верующим. О свободном волеизъявлении верующего и его прямой, без посредников, связи с Богом говорить уже не приходится.

Неизбежно рано или поздно появляются еретики и отступники, которые, естественно, официальными церковными властями предаются анафеме и, как правило, подвергаются преследованиям, в том числе смертной казни, как это было, например, при инквизиции в христианстве. Как не без оснований отмечал Б. Рассел, католическая церковь «повергла бы в изумление не только Иисуса, но даже Павла» [66, т. 1, с. 356]. В этом отношении, возможно, прав был И. В. Гете, который утверждал: «Изменой мыслям самого Иисуса является идея ложного обожествления его, создание церкви Иисуса Христа и вообще институционализация христианства».

Церковь не приемлет непослушных, она целенаправленно создает из верующих покорную паству, тем самым отождествляя их с бессловесными овцами, а священников с пастырями. Суть исторической церковной религии состоит в утверждении и реализации принципа «человек — для Бога», который в конечном счете рано или поздно перерождается, если не на словах, то на деле, в принцип «человек — для церкви». Она ставит своей целью замену врожденной, внутренней религиозности человека внешней религией, воплощенной в видимой церкви. С этой точки зрения было нечто идолопоклонническое в самой идее видимой церкви. Несомненно, была немалая доля истины в позиции Мартина Лютера, который провозгласил: «Церковь наличествует всюду, где проповедуется и исповедуется слово божье; церковь потому и именуется царством веры, что ее глава невидим и является объектом веры. Превращать церковь в видимое царство есть заблуждение... Вера не может терпеть иного главы, помимо Христа» [цит. по: 70, с. 142].

Иное дело, что сам протестантизм также создал собственную видимую церковь со своими храмами, литургией, карательными органами и т.д. Это было закономерно и неизбежно, поскольку каждый раз в результате разного рода схизм и расколов возникают новые церковные деноминации. Они в свою очередь создают собственные церковные организации, которые в конечном счете проделывают тот же путь превращения в официальную церковную организацию, который до этого прошла материнская церковь. Верность этого тезиса подтверждается на примере различных деноминаций протестантизма, которые, выступив против Римско-католической церкви как антихристового института, в итоге создали свои

мощные церковные организации со всеми атрибутами, превратившими их опять же в неких посредников между Богом и верующими.

Анализ истории великих религиозных верований убедительно свидетельствует о том, что Великий инквизитор — феномен универсальный, он вытекает из самой сути любой мировой религии, превратившейся в церковь, будь то христианские (католические, православные, протестантские и т.д.) храмы, мусульманские мечети или иудейские синагоги. Этот феномен заложен в самой идее, в самом институте церкви. Задача проповедников и пророков, таких как Моисей, Иисус Христос, Мухаммед, состояла в формировании, распространении и проповедовании некоторого комплекса идей и вероисповеднических установок, мобилизующих широчайшие массы на отказ от традиционных, устоявшихся верований и активное принятие предлагаемых ими идей и установок, на основе которых создаются уже новые вероисповеднические системы.

Очевидно, что, хотя каждый из пророков имел собственных последователей и, условно говоря, апостолов, призванных нести в народ слово Божье, но с их уходом в мир иной единство и стройность учения быстро теряются, оно раздробляется, становясь достоянием разных сект и общин верующих. В результате появляется объективная необходимость в людях, призванных редактировать, систематизировать, канонизировать предания, легенды, мифы, так называемые священные тексты, обрамлять их ореолом святости, божественности, вечности и т.д. Эта миссия первоначально выпадает на долю апостолов, наиболее ярким примером которых являются 12 апостолов Иисуса Христа, четыре из которых изложили свои версии жизни и учения своего учителя в виде Евангелий, т. е. Откровений (здесь я вывожу за скобки их апокрифические варианты).

То же самое, по-видимому, имело место при составлении текстов Ветхого Завета и других книг Библии и Корана. Конечно, уже на этом этапе первоначальные идеи и верования подвергались существенным редакциям, изменениям, искажениям в сторону их мифологизации и мистификации. Это особенно касалось толкования и интерпретации содержания идей и верований. Не случайно реформаторские движения в рамках почти всех религий разворачивались под лозунгами возвращения к истокам, восстановления первоначальных истинных установок веры.

Если соответствующим образом интерпретировать библейскую легенду о грехопадении, то можно утверждать, что определенные элементы, приведшие к торжеству Великого инк-

визитора, были заложены в самом Боге. Бог создал человека, лишив его возможности, права и устремленности узнать что-либо, кроме того, что он человек. Но что касается познания окружающего мира, он по сути мало чем отличался от других тварных существ, поскольку ему под угрозой самых строгих кар было категорически запрещено вкушать яблоко с древа познания. Если так, то невозможно избавиться от искушения утверждать, что главная заслуга в создании человека разумного, *homo sapiens*, принадлежит не Богу, а змею-искусителю, ибо, именно вкусив яблоко от древа познания, человек приобрел способность различать добро и зло, разумное и неразумное, человеческое и божественное, следовательно, познать и себя, и окружающий его мир. Нельзя отрицать, что именно с освоения таких способностей начинается подлинная история человека.

В самой природе человека наряду с приверженностью началам добра равновеликое место занимает такая же приверженность началам зла. Не случайно, что во всех религиозных и политико-философских учениях присутствует идея борьбы между добром и злом. Наиболее выпукло она выражена в зороастризме, где царство светлого божества Ахурамазда (или Ормузда) олицетворяет начало добра, а царство темного божества Аримана — начало зла. Именно в этой борьбе, согласно зороастризму, и состоит сам смысл бытия. Государство должно быть воплощением добра и небесного Ахурамазды, а его верховный правитель — служителем Ахурамазды. В христианстве вечная борьба между этими двумя началами завершается Армагеддоном.

В более глубинном онтологическом измерении в человеке, как отмечал Ф. Шеллинг, «содержится вся мощь темного начала и в нем же содержится и вся сила света, в нем — оба средоточия: и крайняя глубина бездны и высший предел неба» [87]. Оба этих начала немислимы друг без друга. Ведь Бог создал мир по своей божественной воле и человека — по своему подобию. Мы не ангелы именно по Его воле. Добро и зло, Дьявол и Бог, если допустить их раздельное существование, всегда идут в обнимку друг с другом. «Иисус сказал им в ответ: берегись, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие пройдут *под именем Моим* и будут говорить: Я Христос, — и многих прельстят» [Матф. Гл. XXIV, 4, 5]. И действительно, зачастую Дьявол являлся и является людям в обличьи Бога — и наоборот. А те, кто являлся миру с претензиями искоренить зло, нередко оказывались сухими исчадиями Ада.

Если Бог — начало добра, то, как показывает весь опыт истории человечества, Дьяволу в качестве воплощения злого начала в иерархии духовной сферы не может не быть отведено рав-

новеликое Богу место. Либо сам Бог воплощает оба этих начала, и в этом отношении он пребывает по ту сторону добра и зла, по ту сторону истины и неистины, либо Он не мыслим без своего неперменного двойника — Дьявола, обладающего полным суверенитетом в собственной, как говорится, епархии.

Не было бы Антихриста без самого Иисуса Христа, Антихрист — производное от самого Христа, как Люцифер — от Бога. Долины существуют потому, что существуют горы, и горы существуют потому, что существуют долины. Бог есть потому, что есть Дьявол, и Дьявол есть потому, что есть Бог.

Они исключают друг друга, они непримиримые антагонисты, но они одновременно и дополняют друг друга, и в этом плане они соратники в деле сотворения мира. Поэтому было бы легкомысленно отдавать монополию в духовной сфере одному лишь Богу, поскольку и тот и другой — творения человеческого духа.

Человек — место встречи Бога и Дьявола. Человек — место встречи и совпадения противоположных начал: миролюбия и агрессии, консенсуса и конфликта, порядка и анархии, социальности и асоциальности и т.п.

Это относится ко всем без исключения сферам и аспектам человеческого бытия, как материальным, так и духовным. Поэтому духовную жизнь нельзя представлять себе как некоторую данность, состоящую всецело из положительных, возвышенных, небесно-лазурных величин и категорий, свободную от всяких отрицательных признаков и атрибутов, которые, как правило, по недоразумению противопоставляются сфере духа. Ариман, Люцифер, Иблис — такие же «законные» ее составляющие, как Ахурамазда (или Ормузд), Бог, Аллах; рай получает свою легитимность именно потому, что в сфере духа он имеет своим антиподом ад. Симптоматично, что в древнегреческой мифологии каждый из олимпийских богов имел своего хтонического двойника — даже лучезарная Персефона. В зороастризме сами Ахурамазда и Ариман как владыки царств добра и зла произошли от Зеруане-Акрене — этого неограниченного абстрактного мирового начала.

Такой подход верен для большинства религиозных систем, поскольку при всей своей благости их боги в конечном счете оказываются не всемогущими, в противном случае они не допустили бы существования своих антиподов.

Сознавая этот факт, стоик Хрисипп (280–207 до н. э.) справедливо говорил: «Ничего не может быть глупее людей, которые предполагают, что добро могло бы существовать без су-

существования зла. Поскольку добро и зло антитетичны, и то и другое по необходимости должно существовать в противоположности» [Цит. по: 66, т. 1, с. 250]. Можно привести много примеров, когда духовные феномены ставились на службу неправых, разрушительных деяний, а духовные лица, отказавшись от мирских, чувственных удовольствий, посвящали свою жизнь делу разрушения, становились одержимыми властолюбием и именем веры совершали ужасные преступления.

Тайна и таинство жизни наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличного, божественного включает также мистику греха. Мироздание и жизнь как интегральная часть его полны роковых противоречий: падшая жизнь, горечь и тленность мира — такие же неотъемлемые характеристики человеческого бытия, как и высшее блаженство, высший полет интеллекта и духа. Ведь сказано, что падший ангел «был выше всех остальных» и ближе всех к Богу. Не случайно в «Потерянном рае» Дж. Мильтона Сатана избирает бунт против Творца, поскольку считает, что тот использовал добро ради своих неправых целей. Тем самым допускалась возможность того, что сам Бог может быть в чем-то несовершенен. Очевидно, что тема зла вовсе не сводится к проблеме «преступления и наказания», что зло — гораздо более глубокая онтологическая проблема. В данном контексте нельзя не согласиться с Ф. М. Достоевским, открывшим преступление в самих глубинах души человека, в сердце которого, по его словам, «Бог борется с дьяволом».

Все изложенное нельзя понимать буквально в том смысле, что Великий инквизитор персонифицировал в себе злое начало и он действительно был собратом Люцифера или Дьявола, облеченных в человеческое обличье. Но для достижения своих целей Великий инквизитор часто использовал злое, дьявольское начало в природе человека. Естественно, при этом он подвергал существенной переработке учение Христа, приспособлявая его к своим целям. Об этом свидетельствует хотя бы то, что вся история церковного христианства — это история постоянных споров, схизмов, разработок философий церковей и вероучений и т.п.

В целом Великий инквизитор и Иисус Христос, если взять в качестве примера христианство, воплощают или персонифицируют две стороны первоначал человеческого существования. Если в Христе воплощено начало дерзновения, вызов установившемуся порядку вещей, то в Великом инквизиторе — начало порядка и повиновения власти. Без Великого инквизитора огонь Прометея, конечно, стал бы использоваться людьми для разжигания

очага, чтобы согреть жилище и приготовить пищу, но одновременно стал бы выполнять функцию спичек, весьма опасных в руках неразумного ребенка. Иисус Христос был учителем, сеявшим слово Божие, доброту, любовь к ближнему, одним словом, основополагающие ценности и принципы, сформулированные в Десяти заповедях. Но учителем был и Великий инквизитор, наставлявший людей как жить в мире, неустанно призывавший к благоразумию, порядку.

Да, он использовал прометеев огонь, чтобы разводил костры, на которых сжигались еретики, вероотступники, колдуньи и т.д. Но нельзя забывать и то, что он делал это от имени Бога, хотя здесь и можно возразить, что Великий инквизитор поставил его учение на службу своим личным интересам и целям. Нельзя забывать, что именно Великий инквизитор канонизировал Иисуса Христа и его учение, создал институциональную инфраструктуру для сохранения, дальнейшего развития и его передачи от поколения к поколению. Не исключена возможность того, что без него Иисуса Христа постигла бы такая же судьба, какая постигла бесчисленное множество проповедников вроде Петра Пустынника, Савонаролы и других, оставшихся просто одними из многих персонажей человеческой истории.

Феномен Великого инквизитора в политике

Феномен Великого инквизитора стал бы невозможен без массы людей, готовых последовать за ним, безропотно и безоговорочно служить ему. По-видимому, прав был Руссо, который говорил: «L'homme est né libre» — человек рожден свободным. Но история разных церквей, и особенно деспотических государств, в равной мере свидетельствует о том, что прав был и гетевский Тассо, по мнению которого «der Mensch ist nicht geboren frei zu sein» — человек не рожден, чтобы быть свободным. Оба начала коренятся в самой природе человека, органически сочетающем в себе сведенные к единому знаменателю начала добра и зла, возвышенного и низменного, сакрального и профанного, божественного и тварного.

Люди нередко демонстрировали волю к свободе и устремленность к ее реализации, чтобы перед лицом необходимости настоять на своем выборе. Как блестяще выразился П. Тиллих, мужество, может быть, рождается из органического сочетания в одной и той же личности мужества быть собой и одновременно му-

жества быть частью. Но следует отметить, что свобода для разных людей означает не одно и то же. Существует также градация несвободы от полного рабства в древнем мире до юридически свободных, но экономически зависимых наемных работников нашего времени. Но дело не только и не столько в этом. Суть вопроса заключается в том, что свобода – слишком сложная и тонкая материя, чтобы ее одинаково любили и почитали все без исключения люди.

Верно, как говорил С. Л. Франк, что «все субстанционально-духовное рождается... из свободы», что «творчество по самому существу своему спонтанно, оно рождается, а не планомерно делается» [77, с. 301]. Как сказано в св. Писании, «не хлебом единым жив человек». Если бы это было не так, то человек до сих пор не вышел бы из пещер каменного века. Но верно и то, что далеко не всем дана способность к творению того, что С. Л. Франк называл «субстанционально-духовным». К тому же, если люди поставлены перед императивным выбором — свобода или хлеб, что по сути означает выбор между свободой и голодной смертью, то большинство из них выберут хлеб. Хлеб нужен человеку как воздух, и подавляющее большинство людей приговорено к тому, чтобы всю жизнь трудиться и в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный.

В этом смысле сам лозунг «свобода или смерть» (здесь речь не идет об освобождении отечества от иноземных поработителей) актуален в основном для немногих людей. Большинство же людей (как правило, средних, заурядных) склонны отдавать приоритет хлебу насущному, а не высоким материям духовной свободы и творчества. Как правило, они предпочитают всеобщее равенство свободе, поскольку оно воспринимается легче. «Равенство, — писал А. де Токвиль, — ежедневно наделяет человека массой мелких радостей. Привлекательность равенства ощущается постоянно и действует на всякого; его чарам поддаются самые благородные сердца, и души самые низменные с восторгом предаются его наслаждениям. Таким образом, страсть, возбуждаемая равенством, одновременно является и сильной, и слабой». Что касается свободы, то она требует от человека напряжения, усилий, самостоятельности, инициативы, способности сделать осознанный выбор и отвечать за свои действия. Это, если хотите, в определенном смысле крест, который не всем под силу нести. «Нет ничего труднее, чем учиться жить свободно», — справедливо констатировал А. де Токвиль [75].

Более того, нередко в истории наблюдалась такая парадоксальная вещь, как органическое сочетание друг с другом тиранического и демократического начал. В античной Греции

тирании часто приходили на смену именно демократии. Более того, тираны, как правило, приходили к власти при поддержке народа. Тиранию Платон называл одновременно продолжением и противоположностью разнузданной демократии. Тиран добивается власти как «ставленник народа». В результате чрезмерная свобода оборачивается крайним рабством. Как известно, существует такой реальный феномен, который А. де Токвиль назвал «тиранией большинства».

И действительно, наряду с устремленностью к свободе, о которой говорилось выше, уделом человека слишком часто было поклонение богам, идолам, мощам, героям и т.д. Истина состоит в том, что человек создает себе богов и кумиров, но сам он быстро оказывается поработленным ими. Тем более ряд деспотических режимов, которые выступили на общественно-политическую авансцену XX в., воочию продемонстрировали проницательность Ф. М. Достоевского, предупреждавшего о способности духа Великого инквизитора перевоплощаться и являться людям в разных ипостасях. Возможно, во многом и этим объясняется тот факт, что большинство людей, как правило, выбирает Великого инквизитора с его обещанием хлеба и счастья, а не Иисуса Христа, отвергающего чудо превращения камней в хлеба. Более того, сам Христос оказывается помехой на пути всеобщего принудительного осчастливления людей.

Это положение в равной степени верно как в религиозной, так и в светской сфере. Во все времена истории человечества массам импонировали не столько честные и добропорядочные государственные деятели, короли, цари, императоры или просто руководители, озабоченные интересами, потребностями и устремлениями народов, сколько великие военачальники, императоры, вожди и фюеры. И они, образно говоря, проявляли готовность удовлетворить собственную жажду власти и влияния любыми средствами, вплоть до последней капли крови последнего своего подданного.

Об обоснованности этого тезиса свидетельствует то, что массы восславляли, героизировали, обожествляли сущих тиранов, деспотов, поработителей, которые ради своего возвеличения и власти ни в грош не ставили жизнь даже целых народов. Причем, чем больше жизнью погубил тот или иной тиран и чем больше народов он подчинил своей власти, тем выше возносился в глазах простого, заурядного человека.

Этот по-своему парадоксальный феномен можно обнаружить во все периоды истории всех без исключения народов. Рамсес, Артаксеркс, Дарий, Александр Македонский, Цин Шихуанди, Сципион Африканский, Цезарь, Чингисхан, Батый, Тимур,

Наполеон, а в новейшее время Гитлер, Муссолини, Ленин, Сталин и многие другие, каждый из которых по-своему определил исторические судьбы многих народов и в какой-то мере основные направления и тенденции мирового развития.

Касаясь характера одного из них, а именно: во множество и множество раз обожествленного Александра Македонского, А. У. Бенн справедливо писал: «Высокомерный, пьянствующий, жестокий, мстительный и чрезвычайно суеверный, он объединял в себе пороки вождя горцев с бешенством восточного деспота» [97, р.285]. Признаемся, что с учетом той кровавой бойни, которую этот деспот учинил на огромных пространствах от малюсенькой Македонии на Западе до Индии на Востоке, оценка, даваемая ему Бенном, выглядит довольно мягкой. От Македонского мало чем отличались остальные из перечисленных «благодетелей» человечества.

Такую трактовку отнюдь нельзя рассматривать как некое осуждение деяний этих деятелей. Возможно, именно они воплощали в себе суть самой истории человечества, дисциплинируя и направляя людские массы в определенное русло, тем самым спасая их от хаоса и еще больших потрясений.

Тоталитарный режим как царство Великого инквизитора

Слияние массы и тирана в современном мире особенно зримо прослеживается в тоталитаризме. Тоталитарность в чистом виде обусловлена не только тем, что партия, какая-либо клика или фюрер-вождь устанавливают всеохватывающий контроль над всеми сферами общественной жизни и государством, как бы полностью поглощая их, но и тем, что подавляющая масса населения чуть ли не свято верит в основные цели, установки, ориентации, постулируемые партийным руководством или фюрером-вождем: обе стороны как бы слиты в тотальном единстве для достижения универсальной цели.

Масса — это особое образование. Она не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции, человек может принадлежать толпе, массе и не выходя из собственной квартиры. Масса, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, не то же самое, что, скажем, рабочие, пролетариат.

162 Сущностная ее константа — это средний и заурядный чело-

век. В этом смысле масса как скопление множества людей или количество людей приобретает качественные параметры социально-типического. Здесь заурядность, среднестатистичность становятся общим социальным признаком человека без индивидуальности.

Важнейшая характеристика этого типа человека — его убеждение, уверенность в своем совершенстве. Личность, человек как индивидуальность или, скажем иначе, элитарный человек («элитарный» в смысле высокого интеллектуального полета или глубины проникновения в сущность вещей, что возможно и на обыденном, рассудочном уровне, уровне простого человека) не убежден ни в своем совершенстве, ни в совершенстве мира. Этот тип человека не мыслит себе жизнь без служения чему-то высшему — обществу, людям вообще, благородному в его понимании делу и т.д. Его жизнь подчинена самодисциплине, что предполагает требовательность прежде всего к самому себе, ответственность за свои действия.

Иное дело «человек массы». Это тип человека без качеств и ответственности. Назвав синдикализм и фашизм «странным явлением», Х. Ортега-и-Гассет усматривал их «странность» не в том, что они новы, а в тех формах, какие они принимают, в стиле поведения и действиях их приверженцев. Под их маркой, писал Ортега-и-Гассет, «в Европе впервые появился тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни даже перед самим собой». Стремясь любой ценой достичь своих целей, он присваивает себе «право действовать безо всяких на то прав». В таком поведении раскрывается природа нового человека века массы, не способного к идейному творчеству, но желающего иметь собственные «идеи» и «мнения».

У человека массы теряется внутренняя связь с глубинными мистическими основами бытия, безмерно расширяется вакуум бездуховности. Характерной его особенностью становится тенденция к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности и уверенности в своей непогрешимости. Он буквально перестает видеть окружающий мир в реальном воплощении и смотрит на него сквозь черно-белые очки. Более того, для обозрения внешнего мира, вместо того чтобы смотреть в окно, они предпочитают смотреть в зеркало.

Следует отметить, что человек склонен к самообману, не желает знать всю правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного бытия. Зачастую убеждая от правды, люди могут предаваться иллюзиям, внешней

мишуре, тем самым оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и счастья.

Ареал распространения такого типа в обществе вовсе не ограничивается низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Более того, тоталитарная система создает оптимальные условия для восхождения торжествующей посредственности до самых вершин власти и авторитета. С первого взгляда может показаться абсурдным и парадоксальным определение, например, В.И. Ленина, И.В. Сталина, А. Гитлера и других вождей обоих вариантов тоталитаризма как деятелей с неким «среднеобразовательным» уровнем. Поистине, широта масштабов и энциклопедичность их знаний в отдельных случаях просто поражают. В этом можно убедиться, просмотрев один из основополагающих трудов марксистско-ленинской философии — «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, автора многих работ по экономической истории, политике, социологии, атеизму, философии и т.д. и одновременно публициста, журналиста, весьма активного политического деятеля.

Но стоит вникнуть в систему аргументаций и аналитический инструментарий вождя, как станет очевидно, что перед нами работа талантливого дилетанта и любителя, написанная на политическую потребу дня, аргументы и выкладки которой не выдерживают сколько-нибудь серьезной научной экспертизы и критики. В еще большей мере это верно применительно и к сакральной книге национал-социализма «Майн кампф» А. Гитлера.

Более того, когда читаешь произведения В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. Гитлера, А. Розенберга и других вождей и идеологов тоталитаризма, нельзя избавиться от прямо-таки навязчивого, неотступного ощущения определенной если не ущербности, то по крайней мере бросающейся в глаза односторонности и одномерности их менталитета. Как же в таком случае объяснить поведение тех миллионов, десятков и сотен миллионов людей, подчеркиваю, не только простых людей, но и нередко представителей интеллектуального истеблишмента, последовавших за ними, поверивших им и принявших их идеи, принципы и идеалы в качестве неукоснительного руководства в вопросах жизнеустройства? Потрясает своей неправдоподобностью трагикомическая ситуация, когда один из даровитых писателей XX в. К. Гамсун в 1943 г. презентовал свою медаль лауреата Нобелевской премии по литературе гитлеровскому министру пропаганды Й. Геббельсу, считая последнего писателем и интеллектуалом, более, чем он сам, достойным этой медали!

Это особый вопрос, требующий самостоятельного исследования. Но все же фактом остается то, что в тоталитаризме мы имеем перед собой новый тип рабства, которому сотни миллионов людей предаются чуть ли не добровольно, во всяком случае без активного сопротивления. Современные формы рабства качественно отличаются от всех прежних форм хотя бы тем, что в наше время, особенно в так называемых цивилизованных обществах, не обязательно надевать на человека внешние аксессуары в виде ярма, кандалов или ограничивать свободу передвижения определенными пространственными пределами.

В сфере взаимоотношений индивида и государства, правителей и управляемых зачастую преобладающие позиции занимают отношения «патрон-клиент», государство и его руководители оцениваются массой населения по их способности проявлять и реализовать «отцовскую» заботу о своих подданных. Есть та или иная степень персонализации политики и самого государства, когда эти понятия отождествляются с личностями конкретных государственных деятелей, вождей, фюреров, «отцов нации» и т.д. Важное место (с существенными оговорками применительно к тоталитарной политической культуре) занимают традиция, обычай, норма. В наиболее жесткой форме некоторые важнейшие элементы данного типа проявились при тоталитарной системе с ее жестким подчинением всех сфер жизни всемогущему государству.

Для традиционных форм деспотизма и авторитаризма было характерно господство родового обычая, а власть, занимая подчиненное к нему положение, сама основывалась на традиции. Единство в традиционном обществе зиждилось на укорененности в общественные структуры: семью, общину, племя, род, коллектив, церковь и т.д. Тем не менее люди, порой занимая чуть ли не рабское положение по отношению к власти имущим, все же находили опору в этих структурах.

Что касается современных форм деспотизма в лице, например, тоталитаризма, то они строятся на подрубании и уничтожении всех корней, связывающих отдельного человека с общественным организмом, всех опор, служащих своеобразными референтными группами (родственная и соседская общины, церковь, объединения, организации и т.д.), на предельной унификации всех связей, обнажении и выставлении на всеобщее обозрение самых неприкосновенных сторон частной жизни.

Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одностороннего взгляда на вещи облегчается, как правило, у лиц,

не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры.

Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность. Оторванность от корней, глубины, отсутствие или нехватка ошущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей. Когда человек сомневается в себе, им можно управлять, помыкать, заставлять его смотреть в рот своему начальству, проявлять ретивость и приткость в исполнении его указаний, особенно не утруждать себя шепетильностью в отношении морально-этических норм и т.д.

Особенно невыносим для него груз ответственности за принятие решений, в том числе и тех, которые непосредственно касаются его собственной жизни. Здесь наглядно проявляется известный феномен бегства от свободы, когда истина-свобода приносится в жертву превратно понятой истине-справедливости.

Но тем не менее ни один тиранический режим, в каких бы одеяниях и под какими бы лозунгами он ни выступал, не способен превратить всех людей в рабов, окончательно истребить стремление человека к свободе. Поэтому не удивительно, что в самые мрачные времена тоталитаризма при всех искажениях сознания, приоритетов, миропонимания и т.д. были миллионы и десятки миллионов людей, которые честно и зачастую самоотверженно тянули свою ляжку, служили своей родине, людей, значимость которых всегда остается величиной постоянной, инвариантной.

Контрольные вопросы

1. Какова сущность свободы?
2. Что подразумевается под словами «свобода представляет собой социальную категорию»?
3. Какие изменения претерпела трактовка свободы начиная с античности до наших дней?
4. Какова, по вашему мнению, цена свободы?
5. Что имеется в виду, когда говорят о двойственной сущности свободы?
6. Каково соотношение свободы и рабства?
7. Попытайтесь дать оценку легенде о Великом инквизиторе с точки зрения соотношения свободы и рабства.
8. Какую роль феномен Великого инквизитора играет в политике?
9. Почему тоталитарный режим назван царством Великого инквизитора?

Глава 6

Морально-нравственный аспект мира политического

Политическая философия охватывает не только мир сущего, но и мир должного, мир политического, не только в том виде, каков он есть, но и каким он должен быть. «Политические вещи» по самой своей природе предполагают одобрение или осуждение, выбор или отклонение. В глазах заинтересованных лиц они в принципе не могут быть нейтральны, поскольку сопряжены с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой и т. д. Они тесно связаны с такими ключевыми категориями человеческой жизни как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливость и несправедливость и т. д. Как отмечал германский политолог Х. Кун, «государство живет человеком: человек основывает, формирует и руководит им и одновременно живет в нем и благодаря этому постигает его как свою судьбу» [123, с. 16].

В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием «человеческое измерение». Политика представляет собой результат сознательных волевых усилий людей, которые ставят перед собой определенные цели, руководствуясь сложившимися у них мировоззренческими установками, нормами поведения, пониманием важнейших аспектов взаимоотношений человека со своей социальной средой. Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует ценностное начало.

Основные трактовки проблемы

Уже по самому своему определению *политическая философия пронизана морально-этическим началом*. Изучение политики не может не иметь мораль-

но-нравственное или ценностное измерение. Без проникновения в сферу целей и идеалов не может быть и речи об адекватном изучении мира политического в целом. Но не просто определить этот морально-нравственный аспект, составляющий смысл политической этики. Его невозможно понять без представлений о добродетели, совести, сознании долга, правил, с которыми должны соотноситься человеческие действия. Включая в себя основополагающий элемент идеального и трактуя его в категориях высшего блага, добра, должного и т. д., этика принимает форму учения о конечных ценностях и целях.

Морально-нравственные начала, ценности и нормы, имеющие касательство к миру политического, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов сообщества, в совокупности составляют политическую этику. *Политическая этика* – это нормативная теория политической деятельности, затрагивающая такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства и справедливости и др. Она играет ключевую роль в легитимизации как политической власти вообще, так и различных форм правления.

Легитимность современного государства основывается прежде всего на правовом фундаменте. Легитимно в собственном смысле слова лишь то государство, которое признает в качестве своих приоритетных целей обеспечение прав и свобод человека. Жизнеспособная и прочная *политическая система* – это *власть плюс законность и эффективность*, т. е. способность удовлетворить основные функции управления. Однако как законность, так и эффективность во многом определяются тем, насколько государственные институты и сама политическая система в целом соответствуют господствующим в обществе идеалам и ценностям, где морально-этическому началу принадлежит отнюдь не последнее место. Или, иначе говоря, еще одной важной несущей конструкцией легитимности является морально-нравственная составляющая политической самоорганизации общества. Действительно, как учил Конфуций, «народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему» [50, т. 1, с. 155]. Есть некое рациональное зерно в утверждении, что *opus justitiae pax* – мир есть продукт справедливости.

Особенность всех этических проблем политики обуславливается тем, что она теснейшим образом связана с насилием.

168 К тому же нередко *политику отождествляют с корыстным*

интересом, а нравственность – с бескорыстием. «Кто ищет спасения своей души и других душ, – писал М. Вебер, – тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи – такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским богом в его церковном проявлении, – напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом» [6, с. 703]. Отсюда возникает отнюдь не праздный вопрос: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой, правомерно ли применение к сфере политики категории этики и морально-этических ценностей? Если нет, то можно ли говорить о *человеческом измерении политики*?

Следует отметить, что в истории политической мысли на эти вопросы давались весьма неоднозначные ответы. Это вполне естественно, поскольку с точки зрения, например, Н. Макиавелли, допускающего любой произвол со стороны государя в интересах государства, политика – это одно, а с точки зрения Ж.-Ж. Руссо, озабоченного мыслью об обеспечении всеобщего блага, она – совершенно иное. Конкретное содержание и трактовка морально-этических ценностей общества во многом зависят от реальностей каждого конкретного исторического периода. В силу того, что морально-нравственные категории и критерии служат важнейшим средством легитимизации существующего политического режима или конкретной политической стратегии, почти все крупные мыслители, занимавшиеся проблемами политики, государства и права, начиная от Конфуция, Платона, Аристотеля и кончая современными исследователями, так или иначе затрагивали эту проблему.

О том значении, которое античные мыслители придавали морально-нравственному началу, свидетельствует принцип, сформулированный Сократом: «Лучше терпеть несправедливость, нежели причинить ее». По его мнению, несправедливость представляет зло в большей степени для того, кто ее совершил, нежели для того, в отношении которого она совершена. Определяя в качестве главной цели политики обеспечение «высшего блага» граждан полиса и предписывая ей нравственно-воспитательную роль, Аристотель, в частности, утверждал: «Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе» [1, т. 4, с. 467]. Природа дала человеку оружие – «умственную и нравственную силу», которую можно использовать как для добрых, так и для злых деяний. «Человек, живущий вне закона и права, наихудший из всех... Понятие справедливости связано с представлением о госу-

дарстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1, т.4, с. 379–380]. Здесь другой вопрос: какое именно содержание Аристотель вкладывал в само понятие «справедливость»?

Показательна с данной точки зрения позиция св. Августина, утверждавшего: «Что не было справедливым, не может быть и законом». «Государства без справедливости – что это, как не большие банды разбойников?» – так ставил вопрос св. Августин (О граде Божием, IV, 4). В русле этой традиции Лейбниц, исходя из своей идеи всеохватывающей гармонии, однозначно смешивал сферы права и морали. Во главу юридических предписаний он ставил истину, понимаемую как бескорыстную и беспристрастную любовь. Требуя привести политику в соответствие с требованиями высшего миропорядка и божественного закона, он высказывался за включение в правовые нормы требования об обеспечении блага всех граждан государства.

Несомненный интерес представляет позиция И. Канта, оказавшая значительное влияние на последующую этическую мысль, в том числе на политическую этику. Она вытекала из основополагающей мировоззренческой установки философа. Согласно Канту, нет какой-то действительности, независимой от разума. Наше познание не является отражением реальной существующей действительности, поскольку сама она есть построение нашего разума. Конечно, за этим построением существуют реальные объекты, но они не доступны разуму, поскольку существуют сами по себе, в качестве вещи в себе (*an sich*). Мы можем сравнивать между собой различные представления об объективно существующем мире, сочетать и согласовывать множество частных, отрывочных восприятий, связывая их в единую цепь. При этом, хотя вещь в себе и не познаваема, она освящается светом разума и в силу этого становится нам близкой.

Иначе говоря, если другие философы утверждали, что истина добывается путем согласования человеческого разума с реальностями внешнего мира, Кант пришел к выводу, что источник и мерилlo истины находятся в самом разуме. Соответственно, критерии морали и нравственности выводятся из собственной природы разума. Поскольку центром нравственного сознания является должное, оно также не имеет никакого отношения к реально существующему миру, а выводится из самой природы человека. Коль скоро политика – это одна из важнейших сфер человеческой деятельности, то она по самому определению не может быть теснейшим образом связана с морально-нравственным началом.

Значительное место проблемам этики в сфере государственной жизни отводил Г. В. Ф. Гегель. Он разделял *нравственную жизнь* на *три сферы* – семью, гражданское общество и государство, определив их как «моменты» или «элементы» этической системы, регулирующие жизнь каждого отдельно взятого индивида. Здесь у Гегеля этические нормы актуализируются по-разному в действиях и отношениях людей, в зависимости от того, в какой сфере они действуют. Что касается государства, то его Гегель рассматривал как «действительность нравственной идеи».

По-своему, но в духе христианской идеи братства трактовал морально-нравственный аспект политики А.-К. Сен-Симон. Он, в частности, считал, что идея справедливости должна быть устранена из жизни общества и заменена идеей братства и любви. Характерно, что евангельская заповедь «Любите друг друга и помогайте друг другу» послужила эпиграфом к его работе «Индустриальная система».

Примерно подобной трактовки придерживались русские философы и правоведы (например, В. С. Соловьев, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев), решительно выступавшие против противопоставления права и нравственности, лишения права морального измерения. Эта позиция, в частности, выразилась в известной идее о равнозначности правды-истины и правды-справедливости.

Но в целом, если традиция, идущая от Платона и Аристотеля, рассматривала мораль и политику как единое целое, призванное реализовать принципы справедливости, то христианская традиция разводит понятия «этика» и «политика», воплощенные в «богово» и «кесарево».

К наиболее радикальным выводам в данном вопросе пришел Н. Макиавелли, который впервые в четко сформулированной и резко очерченной форме поставил проблему соотношения этики и политики. Он разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами. Иначе говоря, один из важнейших постулатов макиавеллизма – «цель оправдывает средства». Для пользы и в интересах государства, утверждал он, правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т. е. быть одновременно лисой и львом в одном лице. Он вправе не хранить верность своему слову, прибегать к лукавству и вероломству и т. д., одним словом, использовать все средства, которые служат делу укрепления государства. «Благодарный правитель, – писал Н. Макиавелли, – не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, по-

будившие его дать слово. Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но, так как они наклонны ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им» [125, р. 8].

Как утверждал Макиавелли, человек, стремящийся делать одно только добро, обречен на гибель среди людей, чуждых добру. Для него высшая ценность – это государство, перед которым ценность отдельно взятой личности или другие ценности должны отступить на дальний план или же полностью игнорироваться. Изгнав этику из сферы политики, Макиавелли заменил ее ценностно-нейтральным подходом. Более того, эти аргументы были использованы для обоснования тезиса о том, что в политике цель оправдывает средства.

К аналогичному выводу, хотя и с прямо противоположных исходных позиций, пришел и марксизм-ленинизм. В период своего возникновения социалистические и коммунистические идеи представляли собой выражение идеальных и нравственных устремлений людей своей эпохи. Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей и концепций. Провозгласив целью социализма «грядущее избавление от рабства и нищеты», К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против «фантастических сентиментальных бредней», которые, по их мнению, могли оказать лишь «деморализующее влияние на рабочих». Они высказывались за свободное самостоятельное творчество «нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» [54, т. 20, с. 95–96].

Однако в дальнейшем, когда был выдвинут тезис о приоритете социально-экономических факторов и реальных жизненных интересов, эти соображения фактически оказались отодвинутыми на второй план. Более того, уже в «Коммунистическом манифесте» провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция «самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», в том числе и с моралью [54, т. 4, с. 446].

При всех необходимых в данном случае оговорках, нельзя не признать, что в марксистской этике центральное место занимает противопоставление «классовой морали» универсальным гуманистическим ценностям. Ф. Энгельс, например, писал: «Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь

на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» [54, т. 20, с. 95–96].

Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали В. И. Ленин и его сподвижники и последователи. «Наша нравственность, – писал он, – подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [45, т. 41, с. 399]. Здесь мораль по сути всецело поставлена на службу политическим целям, доведена до уровня элемента идеологии.

Если марксизм-ленинизм пришел к отрицанию морально-этического начала в политике, подчинив его всецело так называемой *классовой морали*, то идеологи фашизма и нацизма добились того же результата, поставив во главу угла своей идеологии так называемую *национальную мораль*, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой. Как утверждал, например, А. Розенберг, идея национальной морали стоит выше всякой любви к ближнему. Именно этот постулат стал одним из краеугольных камней нацистской политической идеологии.

Тенденция к уменьшению внимания к нравственным аспектам политики усиливалась с постепенным преобладанием в XIX в. в науке о праве и государстве историзма и позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р. Декарту, Т. Гоббсу и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свети *политику* всецело к *науке* в целях создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Как утверждал, например, один из основателей позитивизма О. Конт, нет свободы совести в математике и астрономии, ее не должно быть и в социологии.

Позже эту установку усвоили и представители других социальных и гуманитарных дисциплин, в том числе и политической науки. Считалось, что политическая наука, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных сферах, позволяет определить те величины, действуя на которые можно достичь желаемых результатов. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали сторонники *утилитаризма*. Его основатель И. Бентам, отказавшись от постулата просветителей о том, что общее благо достигается в том случае, если люди руководствуются установками естественного права и вечных законов природы, искал мерило их должного поведения в *практической личной выгоде*.

Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов при-

вело к отделению фактов от ценностей, объективизации, ценностной нейтрализации позитивистской политологии. Несовместимость фактов и ценностей постулировалась на том основании, что суждения о последних не содержат объективных знаний, а составляют эмоциональную реакцию на конкретные обстоятельства, истинность которой не поддается научной верификации. Провозглашенная позитивистами нейтральность или беспристрастность политической науки привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены «личным делом» участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу.

Исходя из этих и подобных установок, представитель правового позитивизма Г. Кельзен решительно отвергал какую бы то ни было теорию справедливости. Руководствуясь данным принципом, позитивисты выступали за то, чтобы юриспруденция занималась разработкой исключительно позитивного права – *jus qua jussum*, отбрасывая проблему справедливого закона – *jus qua justum*. Эту позицию наиболее четко выразил, пожалуй, французский писатель А. Франс: «Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный – добродетель, она толкает на преступление».

Следуя этой традиции, ряд современных авторов также считают необходимым *отделить политику от морали*. Так, по мнению польского политолога М. Запасника, «после обретения независимости экономикой очередь за полным отделением политики от морали». [29, с. 98]. Он утверждал, что в области политики оправдан только прагматизм, «лишенный даже тех последних связей с моралью, какие пытались сохранить Дж. Локк и Дж. С. Милль». Отвергая всякие попытки навязать политикам какие-либо моральные ограничения, Запасник подчеркивал: «Политик... является вежливым человеком, который должен лгать в интересах своего государства, он не может быть человеком с чистыми руками, поскольку последнее совершенно несовместимо с его профессией» [29, с.102].

В данной связи следует отметить позицию О. Шпенглера, считавшего, что мораль, подобно пластике, музыке и живописи, представляет собой замкнутый в себе мир образов, который выражает соответствующее жизнеощущение того или иного народа. Исходя из такой постановки вопроса и по сути дела отрицая существование общечеловеческих морально-этических норм, Шпенглер писал: «Моралей столько же, сколько и культур... Человек в отдельности может поступать нравственно или безнравственно, делать «добро» или «зло» в области исконных чувствований своей культуры, но форма его действий есть нечто заранее данное. У каж-

дой культуры свой собственный этический масштаб, значение которого ограничено его пределами. Общечеловеческой этики не существует» [89, с. 341–342].

Очевидно, что такой подход выбивает почву из-под самой мысли о возможности объективных критериев определения *морально-нравственных, или этических, начал*. Этот подход достиг своего логического завершения в постмодернизме, сторонники которого обосновывают неправомерность вынесения моральных суждений относительно тех или иных действий, в том числе и в сфере *политики*, поскольку не существует ни правого, ни неправого, ни добра, ни зла, а последствия всех феноменов равновелики по своей значимости и незначимости.

Политика между профессионализмом и моралью

Постулат, согласно которому мораль предписывает выбор достойных средств для достижения разумно поставленных целей, лежит в самом основании политики. Суждения о том, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что «чистые руки», т. е. мораль, несовместимы с политикой, не во всем соотносятся с сутью политики как результата и поля деятельности человека в качестве морально-этического по своей природе субъекта. В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме *противопоставления* морали и политики.

В реальной действительности, как отмечал К. Г. Баллестрем, «политическое действие разворачивается в поле напряжения между властью и моралью» [4, с. 84]. Задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и, соответственно, поиска оптимальных для всего общества решений. Необходимо проводить различие между практической целесообразностью и нравственно допустимым. Как отмечал А.А. Гусейнов, «надо отличать необходимое и допустимое от нравственно достойного и желательного» [90, с. 10].

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без строгой профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия, которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций. В данном

контексте, естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности.

М. Вебер проводил различие между чиновником и политиком: «Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего *беспристрастно*... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен желать политик – как вождь, так и его свита – *бороться*. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя» [6, с. 666].

Деятельность политика и деятельность чиновника подчиняются отличным друг от друга принципам ответственности. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический же руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А такая ответственность со всей очевидностью предполагает наличие у ее субъекта определенных морально-этических позиций и убеждений.

С данной точки зрения, профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу. Высокая эффективность теснейшим образом связана с профессионализмом, а он, в свою очередь, – с нравственностью, поскольку сопряжен с результатами, представляющими общественную ценность. Поэтому в политике неукоснительно должен действовать принцип, который еще Конфуций считал золотым правилом любой эффективной и справедливой формы правления. «Лунь юй» свидетельствует: «Цзин-гун спросил учителя об управлении государством. Кун-цзы ответил: “Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном”. Цзин-гун сказал: “Правильно! В самом деле, если государь не будет государем, сановник – сановником, отец – отцом и сын – сыном, то, даже если у меня и будет зерно, хватит ли его мне?”» [50, т. 1, с.160]. Или, другими словами, каждый должен делать свое дело, иначе в государстве наступит хаос. И действительно, трудно ожидать эффективности и справедливости в государстве, когда артисты, кинематографисты, журналисты берутся за его управление, вчерашние химики сегодня становятся по-

литологами, лица, не получившие высшего образования, – «академиками» и т. д.

Речь идет о том, что зачастую профессионализм и беспристрастность при решении политических вопросов уже сами по себе могут быть признаком приверженности политика принципам справедливости. Но нельзя не учитывать и то, что беспристрастное выполнение профессиональных навыков может служить как правому, так и неправому делу, скажем, как помощи неимущим, так и организованной преступности. Когда мы затрагиваем деятельность государства в связи с теми или иными принципами, то неизменно возникает вопрос о правомерности или законности использования государственной власти для реализации таких основополагающих материй, как равенство, справедливость, свобода, защита прав человека и т. д. Поскольку принципы могут находиться в состоянии постоянного конфликта между собой, философские аргументы о политике могут оборачиваться оправданием использования принудительной власти государства для реализации политики, вытекающей из этих принципов. Конечно, не все вопросы связаны с принципами принуждения. Человек, выступающий за более либеральное общество со свободно-рыночной экономикой, требует, чтобы государство как можно реже прибегало к использованию принудительной власти. Но сам этот подход представляет собой философский аргумент в пользу незаконности использования силы.

Что касается справедливости, то о ней можно говорить, если сами цели, установки и правила реализации профессионализма являются справедливыми. Нужно учитывать и то, что справедливость, как и право, также предполагает беспристрастность, исключение личных симпатий или антипатий при ее осуществлении. Как писал О. Хёффе, «справедливость подразумевает такое строгое требование беспристрастности, которое не позволяет использовать собственные предпочтения, идеалы и ценностные представления в качестве критерия» [80, с. 48]. Если этого нет, то сам принцип справедливости оказывается под угрозой. Очевидно, что в методологическом плане *справедливость не противоречит правовому принципу*, который всецело построен на признании непредвзятости и равного отношения ко всем людям при условии, что они не нарушают права других людей.

В сугубо юридически-правовом смысле право и закон призваны установить и обеспечить порядок, а не справедливость. Тем не менее нельзя безоговорочно принять позицию тех, кто считает, что право и закон регулируют внешнее поведение, в то

время как нравственность – исключительно внутреннее поведение. Ведь существуют тождественные по содержанию нормы права и нормы нравственности, например такие как «не убий», «не кради», «не лжесвидетельствуй» и т. д., хотя они по-разному реализуются в государственно-правовой и морально-этической сферах. Нормы права призваны прежде всего фиксировать взаимные претензии и обязанности, вытекающие из спонтанно формирующихся в гражданском обществе отношений.

Здесь особо важное значение имеет соблюдение принципа так называемого золотого правила, которое, хотя, возможно, и не вполне в осознанной форме, действовало уже в доисторические времена и в более четкой форме сформулировано мыслителями древности. Суть его выражается в следующем: «Не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе». Со всей очевидностью золотое правило предусматривает признание каждым человеком наряду с собственными правами и интересами прав и интересов других людей. В политике при реализации данной максимы особенно важно не допустить перехлеста в какую-либо одну сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму или же подчинение императивов права императивам нравственности, и наоборот.

Подчинение права нравственности, предполагая юридическое определение последней, означало бы стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и могло бы привести к всевластию государства. Об обоснованности этого тезиса со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика всецело была подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное осчастливление всех людей. Здесь была предпринята попытка соединить, как сказал бы Н. Бердяев, правду-истину с правдой-справедливостью, причем со своеобразно понимаемой правдой-справедливостью – распределительно-уравнительной. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну, требующему отказа от истины во имя народного блага.

Подлинная любовь к народу не может основываться на игнорировании истины, какой бы горькой и неприятной она ни была. Однако вычленение и определение истины в сфере политического – задача особенно трудная. Здесь не всегда продуктивен и выбор некоей средней линии, если она построена на замалчивании «неприятных» или «неприемлемых» фактов жизни. Любой политик сталкивается с вечной и в сущности неразрешимой *антиномией между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством.*

Весь мировой опыт дает достаточно примеров того, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности, в первую очередь социально-экономической, требует конкуренции, что конкуренция жестока, она порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Но такова жизнь! Без конкуренции, без соперничества она чахнет и рано или поздно прекратится. С точки зрения императивов свободы противоречие между требованиями социальной справедливости и потребностями экономической эффективности в современном индустриальном обществе остается неразрешимым.

Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не может сколько-нибудь длительное время существовать без легитимизации, которая, в свою очередь, не может существовать хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость является одним из краеугольных камней любой теории легитимности. Поэтому правы те авторы, которые говорят, что фундамент капиталистической системы рушится, если нельзя доказать, что она основывается на принципах справедливости. Не случайно, что даже самые тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости.

Истинная же справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это требовало бы административного уравнивания не равных по своим способностям людей. Это, в свою очередь, означало бы неравное и, следовательно, несправедливое отношение к ним.

В трактовке этого вопроса существует самый широкий спектр мнений. Если левые решительно выступают за так называемую перераспределительную справедливость, то консерваторы усматривают в ней ущемление свободы тех, кто облагается налогами для обеспечения фондов распределения. Как считал видный представитель консерватизма Ф. фон Хайек, справедливость предполагает распределение или перераспределение материальных благ, а это, в свою очередь, предполагает наличие распределителя, который осуществляет этот акт в соответствии со своим субъективным пониманием добра и зла, справедливости.

В свободном обществе и рыночной экономике вообще нельзя вести речь о социальной справедливости, поскольку там нет и не должно быть распределения или перераспределения. Там все действия совершаются естественным путем, и каждый уча-

ствующий в этом механизме получает свое. Речь может идти о помощи людям при несчастном случае, при стихийных бедствиях, болезни, катастрофе, но не о социальной справедливости и восстановлении справедливости.

В глазах части либералов, близких к консерваторам, как уже указывалось, справедливость – это прежде всего политическая или формальная справедливость, прежде всего гарантии реализации прав и свобод каждого члена общества. Главную ошибку сторонников социальной справедливости либералы усматривают в том, что они якобы неправомерно смешивают фундаментальные права, вытекающие из самой природы человека, с социальными правами, вторичными по отношению к фундаментальным.

Если государство обеспечивает равенство всех граждан перед законом, равные права на участие в политической жизни и равенство возможностей в социально-экономической сфере, то отпадает сам вопрос о социальной справедливости, поскольку в демократическом плюралистическом обществе каждый человек сам способен обеспечить свое материальное благосостояние.

Иной точки зрения придерживается большинство либералов, позиции которых в наиболее четкой форме сформулировал Дж. Роулс. Предложенная им теория в последние два-три десятилетия пользуется наибольшей популярностью. «При отсутствии определенной меры соглашения о том, что есть справедливое и несправедливое, – писал Роулс, – гораздо сложнее людям результативно координировать свои планы для достижения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества» [142]. По его мнению, подобно тому, как истина составляет главную добродетель науки, справедливость есть главная добродетель общества.

Независимо от своей стройности и привлекательности любая теория подлежит замене, если обнаруживается ее несоответствие фактам. То же самое и в отношении общественных институтов и законов, если они продемонстрировали свою несправедливость. В силу того, что любой индивид пользуется правом неприкосновенности своей личности, ни одно общество, претендующее на приверженность принципам справедливости, не вправе нарушить это право под каким бы то ни было предлогом. Подобно тому, что единственным оправданием применения ошибочной теории является отсутствие лучшей, так и «несправедливость становится терпимой, если необходимо избежать еще большей несправедливости» [142].

Долг общества – обеспечить всем условия для достойной человека жизни. У общества не может быть целей, от-

личных от целей своих граждан. Поэтому гражданство представляет собой не только юридически-правовой статус, но и социальное состояние. Равенство перед законом и связанные с этим гражданские права в правовом государстве составляют лишь часть, которую необходимо дополнить политическими и социально-экономическими правами. Очевидно, что обеспечение подлинной свободы в обществе предполагает, что каждый человек должен стать гражданином не только в юридическом и политическом, но и в социальном плане.

Политическое равенство – не самоцель, а исходное состояние, которое создает равные для всех условия выбора. Оно служит фундаментом, на котором процветает свобода. Свобода остается недостижимой мечтой, пока каждому члену общества не будет обеспечен равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов.

Это предполагает создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса. Одной из важнейших функций гражданского общества и правового государства является обеспечение минимальных необходимых средств существования для всех людей, прежде всего тех, кто по разным причинам не в состоянии себя содержать (речь идет об инвалидах, больных, престарелых, детях-сиротах и т. д.). Эту задачу первоначально выполняли главным образом разные институты гражданского общества, такие, как кровно-родственные, сельские, соседские общины, церковные, благотворительные организации и фонды, профессиональные общества, профсоюзы и т. д.

Однако в силу различных причин значительную, все более растущую часть ответственности за обеспечение необходимого уровня жизни в XX в. взяло на себя государство. Более того, в индустриально развитых странах в результате неуклонного расширения социальных программ утвердилось так называемое *государство благосостояния*. Его составной частью является широкий комплекс программ, призванных обеспечить приемлемый уровень жизни непривилегированному слою населения – старикам, инвалидам, всем категориям нетрудоспособных членов общества.

В качестве одной из главных целей государства благосостояния его приверженцы выдвинули «расширение» демократии, предоставление всем членам общества не только юридических и политических, но и социальных прав путем справедливого с их точки зрения перераспределения доходов. В социал-демократии и либеральном реформизме государство благосостояния рассматривается как гарант обеспечения социальной справедливости. В на-

стоящее время социальные программы стали неотъемлемой частью правового государства. Более того, в XX в. правовое государство приобрело форму «государства благосостояния».

Антиномия между свободой, равенством и справедливостью

При решении проблемы справедливости перед любым политиком возникает вопрос о свободе и равенстве, правах и обязанностях человека и гражданина. Ключевое место здесь занимает идея личной свободы. Она выступает как источник и права, и нравственности. Сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с упрочением идеи свободы личности. Максимум гражданской свободы обеспечивает максимум нравственной свободы. Вместе с тем, как подчеркивал Ф. М. Достоевский, если исповедовать свободу без внутреннего самоограничения, она ведет к распушенности. Как выше отмечалось, свобода личности имеет смысл лишь в соотносении с чем-то другим, о ней как о ценности можно говорить лишь в отношениях между людьми. С этой точки зрения свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека. Будучи разумно-нравственным существом, человек живет и действует, не только преследуя собственные эгоистические цели и интересы, но и сознавая сверхличные, стоящие над ним начала и законы. Потому – сверхличные, что отдельно взятый индивид немислим вне общества и общественных связей. Человек, взятый сам по себе, не может быть мерой всех вещей. В этом качестве он может выступать лишь как существо нравственно-разумное, руководствующееся основополагающими морально-этическими нормами и установками, составляющими некую невидимую ось, обеспечивающую сущностное единство общества.

«Абсолютная свобода, – отмечал А. Камю, – это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость – это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения. Никто не сочтет свой удел свободным, если он в то же время несправедлив, и справедливый – если он не свободен» [34, с. 345]. Самый что ни на есть совершенный и справедливый политический порядок содержит предписания и запреты, призванные ограничивать действия граждан, противоречащие господствующим правовым нормам, путем применения или угрозы применения насилия, т. е. ограничения свободы. В то же время социальная справедливость, построенная на уравнивании всех и вся при

одновременном игнорировании свободы волеизъявления личности, может обернуться своей противоположностью.

С точки зрения ранжирования и определения приоритетности целей и средств их достижения актуальна проблема соотношения *идеального* и *реального* в политике. Как уже указывалось, этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и, соответственно, идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую активность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств.

Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализация идеала совершенного общества, в сущности не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не могло быть прямолинейного прогресса добра, совершенства, справедливости, счастья. Ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских начал, добра и зла.

Мораль и морально-этические императивы следует рассматривать в качестве идеала, который в реально существующем мире большей частью недостижим. Сама постановка вопроса об «окончательном решении», полной реализации той или иной идеальной модели или конечной цели чревата огромными опасностями для самой человеческой свободы и, соответственно, для самой морали и нравственности. Часто приходится выбирать не между абсолютным добром и абсолютным злом, а между меньшим и большим злом.

В данной связи интерес представляет постановка вопроса М. Вебером, проводившим различие между *этикой ответственности* (Verantwortungsethik) и *этикой убеждений* (Gesinnungsethik).

Этика ответственности вытекает из понимания сложности моральной ситуации в сфере действия политики. Дело в том, что политика нередко сопряжена с принуждением и насилием, моральные последствия которых заранее невозможно предвидеть. Невзирая на то, что с моральной точки зрения принуждение всегда оценивается отрицательно, политик все равно прибегает к нему для обеспечения себе поддержки людей, используя их стремление к признанию, власти, привилегиям.

Этика убеждений строится на принципе сохранения моральной чистоты ценой принесения ей в жертву всех реальностей, противоречащих доктрине, отказа от малых дел, способных

как-то улучшить положение людей, и т.д. Суть этой второй позиции в политике состоит в концептуализации борьбы между абсолютным добром и абсолютным злом, что оправдывает использование любых средств для достижения конечных целей. Здесь приверженность «этике абсолютных целей» противостоит «этике ответственности».

Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества путем создания совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, в том числе, как это продемонстрировали тоталитарные режимы, миллионы, десятки миллионов человеческих жизней. По самой логике вещей он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды.

Поскольку путь к цели далек и долог, необходимо постоянно принимать меры, призванные обеспечить постоянство цели путем подавления всякой критики, ликвидации всякой оппозиции, насаждения убеждения в мудрости и всемогуществе предводителя в движении к намеченной цели и т.д. Один из важнейших принципов такого утопизма состоит в том, что каждая наступившая эпоха приносится в жертву тем, которые придут после нее, и так до бесконечности.

В этом смысле можно сказать, что взятые сами по себе в чистом виде бесплодны как чистота помыслов йогов, проповедующих абсолютное воздержание, так и чистота революционеров, призывающих к сверхактивности в форме прямого действия с целью разрушения старого мира до основания и создания на его обломках нового совершенного мира. Как отмечал А. Камю, «оба эти типа людей, в равной степени далекие от реальности, воплощают два вида бессилия: бессилие добра и бессилие зла» [34, с. 343].

Проблему соотношения политических целей и средств невозможно разрешить, основываясь, как это пытался делать Ф.В. Фёрстер, на постулате «из добра может следовать добро, из зла лишь зло». Как показывает исторический опыт, в сфере властных отношений найдостойнейшего из людей подстерегают множество соблазнов. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. Приходится констатировать, что последняя слагается из множества постоянных и переменных величин, где божественное перемежается с сатанинским, благородство с низменным, истинно человеческое с неандертальским, устремленность ввысь с

184 дьявольской одержимостью и т.п.

Очевидно, что не всегда человек выдерживает испытание властью, и нередко в нем второе начало одерживает верх. Поистине, как говорил один из героев Честертона отец Браун, «можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удалось удержаться на одном уровне зла». К сожалению, за примерами нам не нужно обращаться к отдаленным временам или странам: в нашей сегодняшней жизни примеров тому предостаточно. К тому же не всегда человек или идея выступает на общественно-политическую авансцену в своем истинном обличье. Бывает, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил еще Ф. М. Достоевский, зло приходит в мир в маске добра.

Нужно ли здесь напоминать о том, сколько раз в истории разного рода лжепророки, претендовавшие на осчастливление всех людей, на деле оборачивались настоящими антихристами и бессовестными злодеями, несущими неисчислимые бедствия своим, да и чужеземным народам. Эти примеры воочию демонстрируют верность слов лорда Эктона, который говорил, что «любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно». Не стоит ли всерьез поразмышлять над этим нашим политикам, только что освободившимся из тоталитарного плена?

Выдвигая на первый взгляд хорошие, а то и прекрасные идеи, мы не вправе забывать о реальностях, тем более подгонять под них эти реальности. В этом контексте интерес представляет проводившееся П. Сорокиным разграничение в подходах к этике между неокантианством и социологизмом. Первое говорит словами С. Лотце: «Я все еще убежден, что иду правильным путем, когда ишу в том, что должно быть, основание того, что есть». Второй же, наоборот, утверждает: «В том, что есть, мы ищем то, что должно быть». Однако здесь нельзя допустить проведения непреодолимой линии разграничения между миром сущего и миром должного. Если нет резко очерченной грани между ними, то нет резко обозначенной границы между вопросами власти и вопросами морали.

Идеальная цель, как бы далека и возвышенна она ни была, должна принадлежать реальному миру. Важное место в нашей жизни занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями, и обстоятельствами. Разумеется, можно пассивно наблюдать, плыть в водовороте политических событий и процессов. Но все же политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события.

185

Оценки, на основе которых принимаются решения, могут быть сознательными или бессознательными, простыми или сложными, тщательно продуманными или поспешными, основанными на солидной или поверхностной информации.

Все многообразие результатов и предметов человеческой деятельности, а также сами отношения между людьми оцениваются в категориях добра и зла, истинного и ложного, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного и т. д. Способы и критерии такой оценки, выраженные в форме нормативных представлений, закрепляются в общественном сознании как «субъективные ценности» – установки, оценки, ориентации, императивы и запреты и т. д. В системе ценностей зафиксированы критерии того, что социально признано в данном обществе или социальной группе. На их основании формируются более конкретные системы нормативного контроля и целенаправленные действия людей.

Политика как искусство возможного

Гражданское общество – сфера сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает вопрос, как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этического начала. Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику «искусством возможного». В жизни, особенно в политической, нередки случаи, когда буквалистская, бескомпромиссная приверженность принципу, диктующему всегда и всюду придерживаться его без учета возможных последствий, может привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям.

Для опытного политика из любого правила или принципа могут быть исключения. Например, во все времена властители, да и политические мыслители отстаивали допустимость лжи во имя укрепления существующей системы, считая ложь во благо вполне допустимым средством политики. Канцлер Германии О. Бисмарк как-то заметил: «Политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях – перед выборами, во время войны и после охоты». Было бы чистейшей воды лукавством утверждение, что такой-то вполне респектабельный крупный политик или государственный деятель (скажем, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Ш. де Голль) никогда не прибегал к обману, передергиванию или искажению фактов, когда это диктовалось (или так полагали) высшими интересами нации и государства.

Любые дееспособные политические программы должны приспособиваться к изменяющимся реальностям, от чего-то следует отказываться, что-то заимствовать из программ других политических сил и т. д. Иначе говоря, «искусство возможного» требует от всех сторон, вовлеченных в политику, способности и готовности идти на компромиссы. Поэтому политику можно характеризовать также как «искусство компромисса». Достижение приемлемого для всех сторон компромисса требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения.

Однако в морально-этическом контексте компромисс зачастую может рассматриваться как признак отступления от принципов. Как показывает исторический опыт, людям, как правило, импонируют не те государственные и политические деятели, которые славились своим умением достигать компромиссы, а те, кто твердо и бескомпромиссно реализовывал свои идеи и замыслы.

«Искусство возможного» означает не отказ от морально-этического, ценностного начала, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной в смысле учета реальных общественных и структурных предпосылок политической деятельности и возможностей реализации того или иного политического курса. Учет этих предпосылок предполагает то, что К.Г. Баллестрем называет «моральным компромиссом». Такой компромисс отнюдь «не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитацию, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества». Все то, что согласуется с такой концепцией справедливости и готовности к компромиссу, представляет собой отрицание возможности определения истинности моральных убеждений, навязывание собственных моральных убеждений, стремление устранить, по выражению К.Г. Баллестрема, «скандальный плюрализм при помощи диктата добродетели и воспитания» [4, с. 92–93].

Здесь мораль как одно из существенных проявлений человеческого измерения – это одно, а абстрактное морализирование – другое. Зачастую нельзя верить на слово политикам, которые делают карьеру, выдавая себя за носителей высшей морали и нравственности, высказывая моралистические суждения и выражая негодование по поводу несправедливости других. Проповедуемая ими мораль – это ложная мораль.

Важно отличать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и ее

моральную оправданность и обоснованность. То, что исследования и разработки по химии чреватые для людей и общества опасными последствиями, не означает, что должны быть прекращены изыскания в этой области. Но действительно опасен химик, не осознавший опасности. То же самое относится и к политике.

Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более, предвидеть все возможные последствия своих действий. «Ни одна этика в мире, — писал М. Вебер в данной связи, — не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель «освящает» этически опасные средства и побочные следствия» [6, с. 697].

Политик зачастую оказывается перед дилеммой либо принимать непопулярные и жестокие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, еще более усугубить ситуацию. Особенно отчетливо этот момент проявляется в сфере международных отношений. Люди в большинстве своем, как правило, отрицательно или с презрением относятся к неспровоцированному убийству и насилию. Так же они относятся и к войне. Однако во внешнеполитической сфере забота о собственной безопасности является определяющим мотивирующим фактором для всех членов международно-политической системы.

Главной функцией каждого актора международной политики стали ликвидация или блокирование опасности и стремление обезопасить себя от угроз, исходящих от других акторов. Центральное место в их усилиях занимает защита национально-государственных интересов. Поэтому в определенных ситуациях использование силы для этой цели становится неизбежным и желательным.

При таком положении соблюдение норм морали становится весьма трудным делом. Не случайно, что многие исследователи характеризуют международную политику как аморальную, или имморальную. Эта аморальность питается тем, что при анархии внимание каждого актора концентрируется на реализации собственных корыстных целей и интересов, а также осознанием того, что не все акторы играют, соблюдая одни и те же правила игры.

Правительства, призванные защищать интересы своих граждан от любой внешней угрозы, не тождественны отдельно взятым гражданам отдельно взятого государства.

Поэтому моральные нормы, которыми руководствуются отдельные индивиды, не могут служить руководящими нормами для государства. На международной арене главным приоритетом для государства как актора международной политики является защита своих граждан. Эта цель перевешивает любые требования корректного поведения в отношении других акторов. Ситуация еще больше осложняется тем, что разные акторы руководствуются разными культурными и моральными системами.

Например, пацифизм, приверженцы которого ставят под сомнение правомерность с нравственной точки зрения использования силы в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем, как нельзя лучше отвечает общепринятым морально-этическим императивам. Одним из важнейших принципов пацифизма является приверженность разоружению. И действительно, если убийство, насилие и, соответственно, война, которая ассоциируется с ними, аморальны, то, казалось бы, любой человек, приверженный принципам морали, должен был бы выступить против накопления орудий войны, за разоружение.

Но на практике все сложнее. Приверженцы пацифизма не учитывают то, что одна из главных целей правительства любого государства является обеспечение безопасности своих граждан от внешней опасности. Более того, действия правительства в направлении одностороннего ограничения вооружений или разоружения в мире, напичканном самой современной военной техникой, именно с моральной точки зрения были бы весьма сомнительными. Как справедливо отмечал А. Уольферс, «моральные увещания не подчиняться императивам выживания... означали бы посоветовать совершить самоубийство» [158, р. 59].

В сфере международной политической системы сила играет центральную роль, поскольку она позволяет стране защищать и реализовать свои интересы. Разумеется, и здесь во все более растущей степени при решении межгосударственных споров используются невоенные и несиловые средства и методы. Однако, когда они оказываются неэффективными, государство выказывает готовность прибегать к силе. Бывают случаи, когда руководство государства демонстрирует недостаток или отсутствие воли вооружаться и подготовиться к достойному отпору возможному противнику. Это может стимулировать его перейти Рубикон и начать войну.

Именно отсутствие такой воли у правительств Великобритании и Франции во второй половине 30-х годов, сделавших ставку на политику умиротворения Гитлера в условиях широкомасштабного наращивания вооружений Германией, Италией и Японией (при политике изоляционизма руководства США), во многом послужило для агрессоров стимулом к развязыванию Второй мировой войны. В данном конкретном случае аморальными можно считать позиции тех, кто именем морали и нравственности призывал к разоружению и миру, а не тех, кто перед лицом неумолимо надвигавшейся войны требовали наращивать вооружения, чтобы остановить Гитлера и его приспешников.

Здесь нельзя не вспомнить Н. Макиавелли: чтобы попасть в рай, нужно тщательно изучить дорогу в ад. В данной связи следует отметить, что после 1945 г. мир не стал ареной очередной всемирной бойни именно потому, что каждая из главных противостоящих сторон выказывала готовность дать отпор возможной агрессии противной стороны и неуклонно наращивала для этого материальную базу. Иными словами, взаимное сдерживание, обеспечив примерный баланс сил, способствовало сохранению мира в течение всего послевоенного периода. Причем на первом этапе, в 50–60-е годы, этот баланс, давший возможность обеим сторонам осуществить политику гарантированного сдерживания, был достигнут в результате не разоружения, а наращивания вооружений. И каждая из сторон убедилась в том, что после возможного первого удара противника у нее останется достаточно средств для ответного удара.

Очевидно, что гонка вооружений не всегда и не обязательно является фактором дестабилизации международных отношений и причиной развязывания войны. Именно гонка вооружений в течение нескольких послевоенных десятилетий привела к стабилизации международных отношений, во всяком случае отношений между великими державами, прежде всего СССР и США.

И в тех конкретных обстоятельствах одностороннее сокращение вооружений или разоружение можно было оценить как *аморальную позицию*, поскольку при отсутствии доверия между заинтересованными сторонами это могло подвигнуть одну из них перейти роковую черту. Очевидно, что требования разоружения и защиту мира нельзя автоматически отождествлять с приверженностью принципам морали. Поэтому, выдвигая сколько-нибудь ответственные моральные оценки и суждения, нельзя не учитывать их контекст и возможные последствия.

Очевидно, что, с одной стороны, максима «политика есть искусство возможного» ставит определенные пределы морализации политики. С другой стороны, этика, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом этого, перефразируя известные слова классиков марксизма, можно сказать: «Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы». Но в любом случае главная цель политика должна состоять в том, чтобы показать неправомочность слов поэта П. Валери, который говорил: «Политика – это искусство не давать людям заниматься тем, что для них является главным». Политика, оцениваемая в морально-этическом измерении, как раз и должна обеспечивать условия, позволяющие людям заниматься тем, что для них является главным.

Размышляя об этих материях, на ум приходят слова эсхилловского Прометея, прикованного к скале: «Да, я ненавистен Зевсу... потому что меры не знал я, смертных любя». Думаю, что Прометей не жалел о том, что похитил с неба огонь и одарил им людей, заслужив за это жестокую кару богов. Представляю себе, какой тоскливой и скучной была бы человеческая история без таких известных и многих безвестных прометеев. Несомненно одно – зло значительно чаще торжествовало бы свою победу над добром. Поэтому не удивительно, что по крайней мере большинство людей предпочитают называть себя учениками Прометея, нежели потомками Каина. Не случайно самые тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости и обеспечения всеобщего народного блага.

В целом противоречие между преходящим и вечным, идеальными основаниями и земным несовершенством, идеальным и реальным составляет неискоренимый закон человеческого бытия. Но суть вопроса в рассматриваемом плане заключается в том, что нельзя допускать метафизического противопоставления *мира сущего* и *мира должного*, проводить резко обозначенные границы между ними, между *сферой морали* и *сферой политики*. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые не без оснований утверждают, что принципы справедливости имманентно присущи любой правовой системе.

Поэтому неправомочно проводить некую непроницаемую грань между понятиями «право», «государство», «политика», с одной стороны, и «нравственность», «справедливость», с

другой. Необходимо стремиться к достижению высшего синтеза между этими двумя началами, который мог бы послужить онтологической основой мира политического в целом.

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под морально-нравственным аспектом мира политического?
2. Назовите основные трактовки этой проблемы.
3. В чем состоит различие ее трактовок в позитивизме и марксизме?
4. В какой степени мораль определяет сущность и содержание политики?
5. Каково в политике соотношение профессионализма и морали?
6. Охарактеризуйте в морально-нравственном контексте соотношение между свободой, равенством и справедливостью.
7. Что вы понимаете под выражением «политика есть искусство возможного»?

Глава 7

Реализм и идеализм в политике

Выше уже обосновывался тезис, согласно которому политика существует там, где существуют конфликты, и мир политического представляет собой арену столкновения различных сил и интересов и конфликтов между ними. Главное предназначение политики – это поиски путей и средств разрешения конфликтов. Но в то же время жизнеспособность любого человеческого сообщества определяется наличием некоей единой воли, единого интереса, объединяющего всех членов общества в единое целое. Как уже подчеркивалось, любая человеческая цивилизация или государство может существовать до тех пор, пока существует осевой идеал, на котором основывается эта цивилизация или государство.

Иными словами, консенсус и конфликт – противоположные и в то же время взаимосвязанные и взаимодополняемые элементы политической системы. В зависимости от преобладания того или иного из этих элементов определяется внутри- и внешнеполитическое положение каждого отдельно взятого государства. То же самое верно и применительно к мировому сообществу, которое, как указывалось, представляет собой систему отношений между государствами и народами, процессов и явлений, теснейшим образом связанных с силовыми принципами, конфликтами и войнами.

Опять же мировое сообщество вряд ли было бы мыслимо без заинтересованности его граждан друг в друге, без общепризнанных правил сосуществования в едином жизненном пространстве. Можно сказать, что история представляет собой пространство, где складывается компромисс между насилием и жертвенностью, организующими и дезорганизующими принципами, порядком и беспорядком, сущего и должного, реального и идеального. В политико-философ-

ской мысли можно выделить два крупных подхода, которые условно можно обозначить как политический реализм и политический идеализм.

Истоки, формирование и эволюция политического реализма

Политический реализм не следует путать или однозначно отождествлять со школой реальной политики (Realpolitik), которая сформировалась в западной политической науке после Второй мировой войны и главным объектом исследования которой является система международных отношений. Здесь данное понятие используется в несколько ином, более широком значении применительно ко всем теориям и подходам, претендующим на объективность анализа и оценки реальных фактов и событий в политическом мире без всяких прикрас и субъективного налета. В этом контексте послевоенная школа политического реализма оказывается лишь частным проявлением в конкретный исторический период более широкой традиции, восходящей своими корнями к глубокой древности.

Политический реализм рассматривает в качестве главного объекта исследования сущее, т. е. мир таким, каков он есть на самом деле. Здесь как нельзя лучше подходит позиция Н. Макиавелли, который всячески подчеркивал, что государственный деятель должен руководствоваться политическими реалиями, если не хочет обречь себя на неудачи и поражения, ибо «кто оставляет в стороне то, что есть, в пользу того, что должно быть, скорее придет к гибели, чем к спасению» [125, р. 65].

Реализм базируется на основополагающих постулатах: *во-первых*, главным субъектом и носителем власти является государство, главное предназначение которого состоит в обеспечении безопасности своих граждан как от внутренней, так и особенно от внешней угрозы; *во-вторых*, государство как территориально организованное единство выступает в качестве основного актора мировой политики; *в-третьих*, конкуренция и конфликт лежат в самой природе политики и поэтому неустранимы из жизни общества; *в-четвертых*, сила и насилие представляют собой незаменимые инструменты разрешения конфликтов – как внутривнутриполитических, так и между государствами, крайним выражением которых является война; *в-пятых*, государства всячески стремятся наращивать свою мощь и оценивают интересы свои и противника в терминах силы и др.

Реализм исходит из самоочевидного факта, что в основе политики, как правило, лежат не какие-то благие пожелания или идеологические, моральные или иные соображения, а прежде всего интересы, которые рассматриваются в качестве главного движущего мотива политики. Определяющая роль интересов в политике выражается, в частности, в том, что здесь понятия и категории друзей и союзников носят весьма условный характер: они могут меняться и меняться с изменением интересов. В сфере международных отношений этот постулат весьма кратко, емко и четко выражен в формуле известного английского государственного деятеля XIX в. лорда Пальмерстона: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные вечные интересы, и мы им должны следовать».

На международной арене любое уважающее себя государство нередко отбрасывало в сторону идеологические, моральные или иные соображения, если они не соответствовали его национальным интересам, реальным или воображаемым. Нет необходимости доказывать, что этот постулат одинаково верен и применительно к внутривнутриполитическим реальностям. История предоставляет нам множество примеров того, как вчерашние заклятые политические противники становились близкими союзниками и, наоборот, сегодняшние близкие союзники и друзья завтра оказывались во враждебных друг другу лагерях.

Этот феномен вытекает из уже отмечавшегося факта, что сущность политики определяется борьбой за власть и господство в группе, организации, государстве, между государствами на мировой арене.

С известной долей упрощения можно сказать, что политический реализм возник с появлением власти и государства. Условно говоря, начиная с Адама и Евы, борьба различных конфликтующих интересов, утверждение *raison d'être* государства, его защита от внутренних и внешних угроз, сила или угроза применения силы или насилия составляют важнейшие детерминирующие факторы политики как в рамках отдельно взятой страны, так и на уровне мирового сообщества в отношениях между различными государствами.

Но при всем сказанном важнейшие постулаты современного политического реализма впервые в более или менее очерченном виде были сформулированы Н. Макиавелли и Т. Гоббсом. Им в разной степени принадлежит идея силы в качестве важнейшего инструмента политики, как внутренней, так и внешней. Для них в целом характерен пессимистический взгляд на человека и, соответственно, на политику.

Возвеличив государство, Макиавелли, убежденный в греховной сущности человека, его порочности, эгоизме, питающих его дурные влечения и страсти, готов был жертвовать во имя такого государства не только благом отдельных членов общества, но и морально-этическими соображениями. Не удивительно, что его «Государь» неразборчив в средствах, он силен, как лев, умен и хитер, как лиса, может не сдерживать слово, отказаться от обещаний и т.д., если это диктуется соображениями защиты интересов государства. Иначе говоря, Макиавелли подчиняет средства целям и отделяет нравственность от политики.

Немаловажную роль в формировании политического реализма сыграл Т. Гоббс, который, подобно Макиавелли, исходил из признания греховной и эгоистической сущности человека. Не приемля мысль Аристотеля, считавшего, что человек – «политическое животное», Гоббс обосновывал идею, согласно которой человек по своей природе антисоциален. Единственное равенство между людьми в естественном состоянии – это их способность убивать друг друга. Поэтому, говорил он, «в отсутствие силы, способной вызывать страх, люди живут в состоянии войны». Исходя из такой позиции, Гоббс был убежден в том, что сила создает право, а не наоборот. Ибо право является правом лишь в том случае, если его можно ввести в действие, и ценой безопасности является верховная суверенная государственная власть.

Природа человека, руководствующегося в своих действиях завистью и амбициями, такова, что между людьми возникает состояние всех против всех. *Истинный закон природы* состоит в самосохранении, которое можно обеспечить лишь в том случае, если люди вступают между собой в договорные отношения, чтобы передать свои полномочия правителю – «левиафану», который один способен обеспечить им безопасность.

Следует отметить, что Макиавелли и Гоббс отнюдь не были первооткрывателями, поскольку, как показывает исторический опыт, мало найдется властителей, которые не руководствовались бы этими принципами, когда речь шла об укреплении и защите их власти, прибегая, если это необходимо, к вероломству и насилию. Поэтому с уверенностью можно сказать, что постулат «победителей не судят» отнюдь не является изобретением Нового времени – во многом он является ровесником самого государства и власти.

В разработку политико-философских оснований этой традиции немаловажный вклад внесли О. Конт, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Ницше, отцы-основатели разного рода элитистских концепций и др. Их объединяло признание того, что стремле-

ние к господству составляет врожденное свойство человеческой природы. Особенно широко они использовали этот тезис для объяснения поведения государств на международной арене, полагая, что те, как и отдельно взятые индивиды, в своих действиях руководствуются собственными эгоистическими интересами.

К данной традиции можно отнести теоретиков баланса сил и позже приверженцев школы *Machtpolitik* (силовая политика), традиционной геополитики, а также если не всех, то во всяком случае большинство элитистских концепций, в которых внимание концентрируется на конкуренции между различными элитистскими группами за власть и влияние. Все они склонны ставить в центр внимания проблемы политической власти, средства и методы ее завоевания и удержания, опираясь прежде всего на силу.

В значительной степени в рамки этой традиции укладываются разработки геополитиков конца XIX–первых десятилетий XX в. К. Челлена, А. Мэхэна, Г. Макиндера, К. Хаусхофера и др.

Пожалуй, один из главных принципов политического реализма во внешней политике того периода на примере поведения тогдашнего премьер-министра Франции Ж. Клемансо на Парижской мирной конференции изложил Дж. М. Кейнс в своей книге «Экономические последствия Версальского мирного договора», получившей большую популярность. «Клемансо, – писал он, – питал к Франции те же чувства, что Перикл к Афинам: все, что имеет цену, заключается в ней, все остальное не стоит ничего; но теория его политики была та же, что у Бисмарка. Он видел перед собой только Францию; о человечестве, включая сюда и французов, о своих коллегам он не думал вовсе... его философия не допускала «сентиментальности» в международных отношениях. Нации это – реальные существа, из коих вы любите одну, а к остальным чувствуете различие или ненависть. Слава той нации, которую вы любите, является вашей желанной целью, однако в большинстве случаев ее можно достигнуть за счет вашего соседа. Политика, основанная на силе, неизбежна, и эта война и результат ее не учат ничему новому» [38].

Основные положения политического реализма

В центре внимания политического реализма стоит интерес. А важнейшим инструментом его реализации, как правило, является сила. На это обратил внимание еще платоновский Фрасимах в «Государстве», который поклонялся силе, стоящей на службе властвующих, и обосновывал «право» или «выгоду» сильней-

шего. Фрасимах был убежден в том, что власть в руках правящего сословия является орудием эксплуатации слабых в интересах самих властвующих.

Исторический опыт человечества, да и современные мировые реальности не дают оснований сомневаться в том, что *сила всегда была, есть и будет* одним из основополагающих структурных элементов *государства*. Слишком часто она выступала в качестве *primo gatio* при решении вопросов, касающихся реализации интересов политических сил. Эту мысль недвусмысленно и четко сформулировал еще один из столпов античной мысли Гераклит из Эфеса, по мнению которого только сила способна принуждать людей действовать в соответствии с их собственными интересами, поскольку, утверждал он, «всякое животное направляется к корму бичом».

Сила, в том числе и военная, в руках государства представляет собой неизменное орудие для самоутверждения, самосохранения, саморасширения. Большую часть истории человечества она служила в качестве определяющего фактора мировой политики, поскольку дух господства и стремление к господству служили ключевым стимулом поведения государств на международной арене.

В международно-политической системе, где господствует принцип борьбы (но не войны) *всех против всех*, политика – это сфера действия силы, борьбы, взаимодействия и приспособления. Действие рождает противодействие, сила рождает противовес этой силе. Таков закон взаимодействия государств на мировой авансцене. Именно на этом принципе основывается политика баланса сил, под которым подразумевается динамическое соотношение сил, зависящее от игры всех его слагаемых.

Фактор силы связан с природой государства, власти, которая, в свою очередь, вытекает из природы человека и общества. Сила обладает потенциями не только разрушительными и деструктивными, но и созидательными, стабилизирующими и конструктивными в том смысле, что она является средством стабилизации, интеграции, закрепления центростремительных тенденций. Сила выступает в качестве орудия политики агрессии и войны, империализма и гегемонизма, захвата чужих территорий и порабощения других народов и т.д. В то же время она служит средством поддержания политического статуса государства в ряду других государств, сохранения равновесия, порядка и мира в обществе, гарантом выполнения принимаемых властями решений и т.п.

В общем *сила* представляет собой (и чуть ли не с начала времен считалась таковой) законное, естественное и обяза-

тельное *орудие политики, подчиненное политике и обслуживающее политику*. Что касается военной силы, то она считалась *законным, естественным и обязательным средством политики*. Более того, зачастую она рассматривалась как единственный эффективный инструмент решения всех жизненно важных для государства вопросов. Способность вести более или менее крупную войну было главным атрибутом великой державы. Малейшие симптомы неспособности или неготовности ее вести немедленно сказывались на статусе великой державы.

На протяжении всей истории человечества, во всяком случае вплоть до недавнего времени, господствовал постулат политического реализма, согласно которому мир есть временное состояние, его никак нельзя исключить из отношений между государствами, поскольку проигравшая в войне сторона никогда не примирится со статусом подчиненной и всегда будет стремиться к реваншу. Мир каждый раз оказывался перемирием, которое неизменно нарушалось, как только одна из сторон чувствовала возможность изменения положения в свою пользу.

Поэтому конфликты в мировом сообществе могут быть урегулированы, но не могут быть ликвидированы. Под урегулированием конфликта понимается такая ситуация, когда либо победившая сторона навязывает свою волю побежденной стороне, либо при отсутствии явного победителя стороны, нередко при участии третьей стороны, приходят к согласию относительно взаимоприемлемых условий прекращения конфликта. Здесь речь идет о компромиссе.

Единственно приемлемым путем обеспечения относительного порядка на международной арене являются достижение и поддержание баланса сил между различными государствами или блоками государств. Национальная безопасность гарантировалась политической созданием союзов и блоков. Причем международная система действует и функционирует в направлении либо *установления* гегемонии одной самой мощной в данный исторический момент мировой державы, либо достижения некоего кондоминиума двух равновеликих держав, либо же обеспечения *равновесия* между основными акторами на международной арене.

Государства, находящиеся в состоянии явного или скрытого конфликта, взаимодействуют, опираясь на баланс сил. В идеале каждое государство, во всяком случае каждая великая держава, стремится установить собственный порядок, навязывая свою волю другим государствам. Пример – равновесие греческого и персидского миров, которые в пределах известной им ойкумены

установили нечто вроде двухполюсного миропорядка. Баланс сил между ними постоянно менялся. Но каждая из сторон стремилась к установлению своей гегемонии, что в конечном счете было осуществлено Александром Македонским. Как известно, империя Македонского просуществовала недолго. Позже своеобразный кондоминиум был достигнут между Римской и Персидской империями.

Но, как правило, выходит так, что каждый из главных участников, действуя в направлении установления своей гегемонии, мешает другой стороне добиваться своей цели и тем самым обеспечивает равновесие, или баланс сил, в регионе или в сообществе государств. В течение большей части XIX и первых четырех десятилетий XX в. господствовало относительное равновесие противоборствующих или конфликтующих сил, которое прерывалось войнами и конфликтами. Нередко же этот баланс сил представлял собой не столько реальное соотношение их, сколько оправдание политики, проводимой несколькими наиболее мощными великими державами.

Важнейшие принципы современного конституционного устройства, такие как *народный суверенитет, права человека и гражданина, правовое государство, разделение властей, всеобщее избирательное право* и др., считающиеся неприкосновенными и неподвластными политическим или идеологическим пристрастиям, симпатиям и антипатиям, первоначально являлись результатом самой что ни на есть силовой борьбы.

Например, идея национального или народного суверенитета утвердилась в период Реформации и религиозных войн против римско-католического универсализма, а также многочисленных войн между различными малыми странами. Принципы парламентаризма, конституционализма, разделения властей, система всеобщего голосования установились в результате кровавых революций, в ходе которых их противники потерпели военное поражение. Приходится констатировать, что у истоков даже самых совершенных конституций стоит насилие. Так, самая демократическая и в то же время консервативная Англия прошла через свое царубийство, свою гражданскую войну, свою диктатуру, свою реставрацию.

Поскольку в политике речь идет о власти, любая политика в определенном смысле есть силовая политика. Когда два кандидата вступают в борьбу за выборный пост, то они борются за власть. Ее результат в немалой степени определяется тем, какими ресурсами обладает каждый из них. Поведение различных акторов на политической авансцене во многом зависит от характера распределения силы и власти в рамках политической системы. Оче-

видно, что малые и слабые акторы будут вести себя иначе, чем крупные и сильные. Одной из основных причин изменений конфигурации и характера взаимоотношений различных акторов являются сдвиги в распределении силы и влияния между ними.

То же самое верно и применительно к государствам, вступающим на международной арене во взаимоотношения друг с другом. Одним из важнейших элементов, на котором базируется мощь государства, является явно выраженная способность эффективно использовать силу.

С древнейших времен любой властитель, дороживший своей властью и интересами безопасности государства, даже когда он дружил с соседями, всегда держал наготове дубинку (или, говоря современным языком, держал порох сухим), чтобы в случае необходимости пустить ее в ход. Тем более мощь государства как можно нагляднее демонстрировалась тогда, когда соседи проявляли недружелюбие или агрессивность. Говорят, что во время своего визита в Москву в 1935 г. тогдашний министр иностранных дел Франции П. Лаваль высказал Сталину мысль о важности привлечения римского папы на сторону тех, кто выступает против усиления гитлеровской Германии. На это Сталин с присущей ему иронией будто ответил: «Ого! Папа! А сколько у него дивизий?»

Государство, особенно державу, претендующую на статус великой, невозможно представить без военной силы. Как показывает исторический опыт, государства отдавали ей приоритет, рассматривая войну как важнейший инструмент разрешения споров и конфликтов между государствами. Более того, часто правым оказывался сильный (нельзя сказать, что сегодня этот принцип уже изжит). Рано или поздно слабые подчиняются сильному, особенно тем, кто полон решимости использовать военную силу для навязывания своей воли другим. И в этом смысле правы те исследователи, которые характеризуют международную политику как отношения господства и подчинения, достигаемые и поддерживаемые с помощью насилия. Из этого можно сделать вывод, что призрак насилия всегда витает над отношениями между государствами.

Государства одновременно похожи друг на друга и различаются, порой существенно. Все государства в сущности равнозначны по стоящим перед ними задачам и выполняемым функциям, но отличаются друг от друга по возможностям и средствам, которыми они располагают. Но различные нации, народы и страны по своему весу, влиянию, ресурсам, возможностям неравны: одни из них – крупные, другие – мелкие, одни обла-

дают развитой промышленностью, а другие значительно отстают в своем развитии.

Международное неравенство во все времена было реальностью, что обуславливало подчинение одних народов и стран другим. Всегда, во всяком случае со времен античности, стояла сакраментальная проблема: если государство маленькое, оно может быть обречено на исчезновение; если оно большое, то рискует потерять *raison d'être* своего существования. В одном случае оно может стать жертвой внешних сил, в другом – жертвой внутренних неурядиц.

Приходится признать, что, хотя в современном мире искусство управления государством и формы взаимоотношений между государствами и подверглись существенным изменениям по сравнению с прежними эпохами, природа этих взаимоотношений, определявшихся соперничеством и борьбой за власть и влияние, не изменилась на протяжении тысячелетий. Главная цель каждого государства – выживание в сообществе других государств.

Но в то же время любое государство, тем более государство крупное, стремится увеличить свой вес и влияние за счет других членов международного сообщества. Одним из важнейших принципов функционирования международной системы является стремление государств получить контроль над поведением других акторов. Организационные принципы этой системы, формы реализации интересов, как правило, отражают относительный вес и влияние различных акторов.

Здесь вслед за К. Уольтцем можно привести аналогию с рынком в сфере экономики. Структура рынка определяется числом конкурирующих между собой фирм. Если в конкуренции участвует множество примерно равных фирм, то возможно, во всяком случае теоретически, достижение ситуации совершенной конкуренции. Но если на рынке доминируют несколько крупных фирм, то конкуренция считается олигополистической, хотя там могут участвовать и другие, более мелкие фирмы [156, р. 94]. В руках доминирующих в международной иерархии держав сосредоточиваются организация и контроль над процессами взаимодействия между всеми участниками системы. Или, как отмечал Р. Арон, «структура международных систем всегда носит олигополистический характер» [94].

Этот тезис воочию подтверждается многочисленными фактами. Со времен античности до середины XX в. господствующее положение в международной системе и, соответственно, международной политике занимали великие военно-политические державы.

202 Они устанавливали нормы и правила политической игры,

определяли структуру международной системы, отвечающую прежде всего их собственным интересам, поскольку имели возможность принудить более мелкие и слабые страны приспособиться к этой структуре. Они же контролировали решение всех вопросов, связанных с распределением ресурсов, особенно тех, которые, по их мнению, имели жизненно важное значение.

Эта ситуация с теми или иными модификациями сохранилась и в наши дни. Ведущую роль в системе международных отношений играют великие державы, несущие особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности. Их особая роль признается в международной практике, несмотря на утвердившийся в международном праве принцип равноправия всех без исключения государств, независимо от их размера, экономической и военной мощи и политического влияния.

Важным компонентом веса и влияния любого субъекта политики, будь то отдельный политический или государственный деятель, группировка, класс, партия, государство и т.д., является репутация, престиж, выражающиеся в реноме, образе, имидже. Как подчеркивал Т. Гоббс, выгода, безопасность и репутация составляют три главные мотивирующие цели человека.

Человек стремится к высокой репутации, потому что является существом, наделенным гордостью и эгоистическим интересом. Гордость заставляет быть завистливым из-за боязни, что сотоварищи сочтут его менее достойным, чем они сами, толкая этим предпринять соответствующие шаги. Так, психологическая безопасность каждого человека ведет к реальной физической безопасности всех остальных. Нации еще больше, чем отдельные индивиды, склонны к подобному образу действий. Отсюда – важность категории «национальная честь», в соответствии с которой международные переговоры ведутся таким образом, чтобы ни одна нация не «потеряла лицо».

Разумеется, нельзя отождествлять государства с отдельно взятыми индивидами, их различия слишком существенны, различны также их интересы и устремления, формы и средства их реализации. Но тем не менее понятие чести – вполне реальный феномен, способный оказывать большое влияние на поведение как отдельных людей, так и государств. «Национальная честь», которая воплощается в понятии «престиж», определяется прежде всего экономическими и политическими возможностями государства.

Но зачастую престиж достигается с помощью силы, особенно успешной, победоносной войны, в результате кото-

рой государство навязывает свою волю другому государству. С этой точки зрения, одна из главных функций войны состоит в том, чтобы определить международную иерархию по шкале престижа и тем самым выявить, какие именно государства оказываются главными акторами международной системы. Изменение соотношения экономической и политической мощи государств рано или поздно приводит к изменению сложившейся иерархии престижа. Доминировавшие государства постепенно теряют способность навязывать свою волю другим и защищать свои интересы. Государства, вступившие в период подъема, в свою очередь, во всевозрастающей степени ставят вопрос об изменениях в системе, которые бы отразили их вес и интересы. И, наконец, создавшаяся тупиковая ситуация и вопрос о том, кто именно займет руководящие позиции в новой системе, решается в ходе вооруженного конфликта.

Распределение ролей и мест между главными акторами на иерархической шкале оказывает влияние на их поведение на международной арене. Государство, которому не удастся приспособиться к господствующим нормам и правилам международной системы, расплывается, как правило, дорогой ценой и может рисковать своим существованием. Стратегия акторов зависит от того, является ли это распределение равным для всех, олигополюстическим, двухполюсным или монополюсным. Более того, такое распределение, пути и формы его изменения имеют ключевое значение для характера изменения международной политики.

Динамика международных отношений определяется тем, что по своей природе мощь государства представляет собой относительную величину: выигрыш одного если не всегда, то нередко оборачивается потерей для другого. Иначе говоря, действует принцип игры с нулевой суммой. Поэтому каждое государство, озабоченное возможностью нападения и установления господства со стороны другого государства, стремится усилить собственную безопасность путем наращивания своей мощи. Хотя невозможно добиться полной безопасности в мире конкурирующих и соперничающих государств, стремление каждого из них к этому ведет к ослаблению других и стимулирует соперничество за большую мощь и безопасность. И так до бесконечности. Можно сказать, что борьба за выживание является врожденной особенностью международных отношений.

Доминирующие акторы, как правило, утверждали свои права на господствующее положение и навязывали нормы и правила игры более слабым членам этой системы. Так, Персидская империя, которая, возможно, первой заложила основы

международного права, навязала другим, более слабым государствам правила и нормы, регулирующие международные отношения и дающие возможность разрешить споры между ее более мелкими соседями. Рим дал средиземноморскому миру свой кодекс и первый закон народов. В современном мире то, что мы называем международным правом, разработано и утверждено западной цивилизацией и в целом отражает прежде всего ее интересы и ценности.

Мощь государства, его способность все время держать на должном уровне и, соответственно, силой оружия защищать или укреплять свои позиции зависят от многих обстоятельств. Одним из важнейших факторов, способствующих экономическому и политическому ослаблению и в конечном счете упадку доминирующих держав является тенденция к возрастанию стоимости наиболее передовых и эффективных видов военной техники – феномен, который многие авторы называют «законом возрастающей стоимости войны».

Возможно, А. Смит был первым, кто обнаружил, что по мере достижения цивилизацией зрелости расходы на войну проявляют все более отчетливую тенденцию к росту. Из-за увеличивающихся издержек на содержание вооруженных сил и диффузии военной технологии от доминирующей державы к конкурентам ее расходы постоянно растут. Конфликт из-за бюджетных приоритетов потребления, инвестиций и обороны приобретает все большую остроту.

Об этом свидетельствует и мысль Э. Гиббона о том, что «всякое государство придет в конце концов в истощение, если оно будет держать более одной сотой части своих членов под ружьем и в праздности» [20, с. 20]. Такая оценка, высказанная еще в XVIII в., сохраняет актуальность и в наши дни, но с поправкой на колоссальное увеличение стоимости производства и содержания вооружений и вооруженных сил.

Тем не менее нельзя не признать, что в отношениях с другими акторами мировой политики государства стремятся занять как можно более высокие ступени в иерархии стран и народов. Если обозреть панораму истории человечества, то мало можно найти государств, которые не руководствовались бы этим принципом. Так обстояло дело во всех цивилизациях прошлого Востока и Запада, так было в период двухполюсного миропорядка, таким же остается положение и в формирующемся новом мировом порядке.

Школа реальной политики

Установки и принципы политического реализма получили логически завершённую форму в работах представителей послевоенной школы реальной политики. В течение всего послевоенного периода США и СССР (да и другие великие державы) руководствовались принципами силовой политики. Это было естественно для периода фронтального противостояния двух сверхдержав и военно-политических блоков. Объяснимо и то, что основополагающие принципы и установки политического реализма были разработаны именно в Соединённых Штатах, выступивших в качестве одного из полюсов миропорядка и лидера так называемого свободного мира. В сущности реализм во многом был призван дать объяснение конфронтации Советского Союза и США, которая стала выходить на поверхность сразу после окончания Второй мировой войны.

Школа реальной политики возникла как реакция против вильсоновского идеализма и оптимистической концепции международных отношений. Её представители предприняли попытку непредвзятого объективного, свободного от нормативных и идеологических установок, анализа природы отношений между государствами.

В её основе лежало противопоставление господствовавшим в тот период правовым, институциональным и нормативным подходам, а также вильсоновскому идеализму. Отдельные её положения были сформулированы Н. Спайкменом, известным протестантским теологом Р. Нибуром, А. Уольфером, У. Липпманом и др.

Одним из родоначальников этой школы считается английский историк Э. Х. Карр, опубликовавший в 1939 г. книгу «Двадцатилетний кризис, 1919–1939 гг.» В послевоенные годы различные аспекты международных отношений разрабатывали также политические деятели Дж. Герц, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и др. В Европе к позициям политических реалистов были близки Х. Бул, Р. Арон, М. Уайт и др.

Обосновывая силовую политику как проявление общей закономерности функционирования международной системы, реалисты пытались подвести теоретическую базу под холодную войну. В условиях, когда прежние великие державы; Германия, Франция и Великобритания, оказались отодвинутыми на дальний план, утверждали реалисты, СССР и США, вышедшие из Второй мировой войны военно-политическими гигантами, просто не могли не оказаться в состоянии конфронтации.

При всем том важнейшие постулаты представителей школы реальной политики относительно роли силы и силового фактора в мировой политике, союзах и коалициях как условия обеспечения баланса сил и гарантии национальной безопасности, в общем не блещут особой оригинальностью. Как справедливо отмечал профессор П. Сенарклен, пытаясь научно обосновать силы, определяющие ход мировой политики, реалисты стряхнули «пыль с политической философии, оформившейся в период Возрождения, а своими корнями уходящей в Древнюю Грецию, в толкование Фукидидом Пелопонесской войны» [69, с. 9].

Главная их заслуга состояла в том, что они подвели идейно-политическую и политико-философскую базу под силовую стратегию государства на международной арене, рассматривая силу как главное, а зачастую как единственное средство защиты и реализации национальных интересов. Так, Э. Карр оценивал альтернативу реализму как утопизм, который он характеризовал как «примитивную... стадию политической науки».

Особенность школы реальной политики состояла в том, что она при всем своем академизме весьма близко стояла к политическим реальностям, во многом формировала идейные основы внешнеполитической стратегии как США, так и других стран Запада (хотя и в меньшей степени) в условиях биполярного миропорядка и холодной войны. Две сверхдержавы, противодействуя устремлениям друг друга, постоянно наращивали военную мощь, во многом подтверждая тезис реалистов о роли силы и силового фактора.

Более того, многие приверженцы школы реальной политики были одновременно практикующими политиками и дипломатами. Одним из первых был идейный вдохновитель американской политики сдерживания Дж. Кеннан – известный дипломат, посол США в Москве. К этому ряду относятся государственный секретарь при президенте Р. Никсоне Г. Киссинджер и помощник президента Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский, которые оттачивали свои политические позиции и пристрастия в Гарвардском университете. Впервые в более или менее развернутой форме установки этой школы были изложены Г. Моргентау в книге «Политика между государствами», опубликованной в 1948 г.

Приверженцы этой школы попытались определить основные движущие факторы и структуры международных отношений и важнейшие постоянные и переменные величины, способствующие их изменениям. Они претендовали на то, чтобы дать

ключ к пониманию поведения и действий государств и государственных деятелей на международной арене, выявить саму логику международной политики. Государства ими рассматриваются в качестве действующих лиц, которые, используя все находящиеся в их распоряжении материальные, финансовые и человеческие ресурсы и не считаясь с какой-либо высшей властью, отстаивают свои интересы.

По мнению реалистов, международная система, не располагая наднациональными властными структурами, наделенными прерогативами применять санкции для разрешения или предотвращения неизбежных противоречий и конфликтов между государствами, является полем анархического взаимодействия государств-акторов. Причем такая установка выводилась из самой природы человека, которая, как полагал Г. Моргентау, лежит в основе закономерностей функционирования политики и общества. Поскольку эти закономерности носят объективный характер, они универсальны. Э. Карр, например, утверждал, что «сила является необходимой составной частью всякого политического порядка».

При этом необходимо отметить, что реалисты, не говоря уже о представителях других школ, не пришли к единому мнению относительно содержания, вкладываемого в понятие «сила». Есть много определений силы или мощи. Все же общим для них является то, что ключевая роль в динамике мировой политики отводится стратегическим ресурсам. В этом плане характерна позиция Г. Моргентау, определившего силу, исходя из ресурсов, которыми данное государство располагает. Он включал в нее военные средства, производственные мощности, сырьевые ресурсы, численность населения, геостратегические преимущества и др., а также культурные особенности, моральный дух нации, искусство дипломатии и др. [130, р. 31].

Зачастую сила рассматривается как способность государства устанавливать правила игры и определять исход переговоров в свою пользу. Как считал, например, Кокс, сила – это способность государства выбирать и формировать структуры глобальной экономики, навязывать другим странам и народам свои ценности и нормы. Особенно большое внимание представители реалполитики уделяют отношениям между государствами с упором на проблемы конфликтов и войн между ними. Поскольку в основе международных отношений лежит противоборство интересов и устремлений государств, то оптимальным путем обеспечения мира являются достижение и поддержание относительного баланса сил.

Международная политика большей части послевоенного периода, особенно первых десятилетий, когда господствовала фронтальная конфронтация между двумя социально-политическими системами, служит убедительным подтверждением этого тезиса. С данной точки зрения, нельзя не признать правоту Г. Моргентау, утверждавшего, что «международная политика, как и всякая другая, есть борьба за власть» [130, р. 5]. Добавим здесь от себя – борьба за власть между государствами как реальными акторами мировой политики. Реалполитики решительно не приемлют политику умиротворения вроде пресловутого мюнхенского соглашения, полагая, что политику безопасности, нацеленную на порядок и мир, можно обеспечить только с помощью силы.

Признавая правомерность подобных рассуждений, вместе с тем важно учитывать и то, что в реальностях ядерно-космического века, как будет показано в гл. 8, существенно изменились само понимание и параметры национальных интересов, национальной безопасности, роли военной силы и войны в мировой политике. Произошли также структурные сдвиги в мировой экономике, вызванные новейшими информационными и телекоммуникационными технологиями, способными уменьшить уровень международной напряженности и значительно расширить рамки взаимовыгодного сотрудничества между различными странами и народами. Но тем не менее войны и конфликты не изжиты и остаются непреодолимой реальностью современного мирового развития.

Особенность относительного равновесия в рамках биполярного миропорядка состояла в том, что стабильность преобладала в центре, в то время как положение на периферии оставалось неустойчивым. Дав возможность предотвратить войну между главными акторами международных отношений в центрах современного мира, стабильность биполярного миропорядка не привела к снижению насилия в странах третьего мира.

В результате в центре воцарился относительный «холодный» мир, а на периферии постоянно бушевали малые и средние гражданские и межгосударственные войны. Периферия выполняла в некотором роде роль предохранительного клапана для выхода пара антагонизма двух сверхдержав, стимулируемого их стремлением изменить статус-кво в свою пользу.

Справедливости ради следует отметить, что наиболее крупные реалисты Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Арон не могли не учитывать усиливающиеся процессы интернационализации и взаимозависимости стран и народов и не внести коррективы в свои

умозаключения. Как подчеркивал Р. Арон, сила – это не абсолютный неизменный абсолют, а человеческие взаимоотношения. Поэтому государство может реализовать свой интерес, используя не только военные, но и экономические, человеческие, морально-психологические и иные ресурсы.

Позиции школы реальной политики претерпели дальнейшую модификацию. Работы ее последователей, как правило, объединяют в самостоятельное направление, называемое неореализмом. В них обоснование роли силы как бы получило новое дыхание. Стимулом к этому явилось, по-видимому, наметившееся к середине 70-х годов обострение отношений между СССР и США. Среди них выделяются в первую очередь труды К. Уольца «Теория международных отношений» (1979) и Р. Дж. Либера «В отсутствие общей власти» (1988).

Особенность творчества неореалистов состоит в том, что, сохраняя приверженность основным принципам политического реализма относительно конфликтного характера политики на международной арене и анархической природы миропорядка, они вместе с тем признают необходимость учета при анализе мировых реальностей роли институциональных и нормативных факторов, а также международного права и международных организаций.

Эти факторы, по их мнению, вносят существенный вклад в урегулирование кризисов и конфликтов, ядерного сдерживания, интернационализации мировой экономики, роста взаимозависимости государств и т.д. Указав на значение углубляющейся интеграции международной экономики, деятельности международных и региональных организаций и транснациональных акторов, они стали делать меньший упор на силу и военно-силовой фактор в отношениях между государствами.

Опыт распада Советского Союза убедительно показывает, что разрушение установившегося миропорядка может привести к ослаблению и даже крушению политических режимов, обязанных своим существованием господствующим державам. Дальнейшее сокращение относительного веса и влияния США и западного блока в целом может распространить этот принцип и на регионы, до сих пор остающиеся в их сфере влияния. Несомненно, что Pax Americana, равно как и Pax Sovietica, каждый в своей сфере господства и влияния, были мощными факторами гарантии стабильности во всемирных масштабах (разумеется, с точки зрения недопущения большой или всемирной войны).

В наши дни убыстрения времени и сужения пространства как никогда раньше обнаруживается неопределенный

характер истории с ее неожиданностями, сюрпризами, отклонениями и разрывами. Изменения, происшедшие за последние два-три десятилетия в международном сообществе, отнюдь не уменьшили риска кризисов, войн, насилия. Уход с исторической арены одной из сверхдержав и примирение между бывшими главными противниками не превратили утопию в реальность.

Международная арена не стала более уютным, чем раньше, местом. Более того, в условиях, когда исчезла иерархическая структура международной системы, которая держалась на каркасе двухполюсного миропорядка, опасность неблагоприятного развития событий в различных регионах земного шара, социальной маргинализации, этнических конфликтов, гражданских и региональных войн и терроризма значительно возросла.

Но все же конфликты, призраки военной конфронтации и война – лишь часть международной политики. А ее краеугольным принципом для любого государства является обеспечение национальной или государственной безопасности. Поэтому в его внешнеполитической стратегии речь идет не только о конфронтации и конфликтах (при определенных условиях) с другими членами мирового сообщества, но и о поисках согласия и мира с ними.

Динамику международных отношений отнюдь нельзя считать результатом одной только конфронтации конфликтующих держав. Важнейшим составляющим международного порядка является также комплекс формальных и неформальных правовых и моральных правил и норм, институтов и принципов, призванных обеспечить согласие основных акторов международных отношений и тем самым стабильность мирового сообщества. Государства, особенно в свете опыта двух мировых войн XX в., стремились выработать общие для всех стран нормы поведения на международной арене.

Особенно отчетливо это стремление проявилось в усилиях великих держав уже в ходе Второй мировой войны по разработке и закладке институциональных и нормативных основ нового мирового порядка. Результатом этих усилий стали Организация Объединенных Наций и появление после Второй мировой войны множества всемирных и региональных организаций, призванных стимулировать и регулировать как многостороннее сотрудничество, так и различные формы интеграции. В условиях, когда ядерное оружие во многом обесценило роль войны между великими державами в качестве *ultima ratio*, основные акторы мировой политики вынуждены были пойти навстречу друг другу, смягчить враждебность и встать на путь сотрудничества.

Истоки политического идеализма

Понятие «идеализм» здесь трактуется не в смысле одного из двух основных философских направлений, противопоставляемого материализму. Оно подразумевает подход к миру в терминах должного, мира, оцениваемого не таким, каков он есть, а мира идеального, мира таким, каков он должен быть, в противовес миру, каков он есть. При таком понимании в его основе лежит существительное «идеал», и, соответственно, прилагательным от него является не «идеалистический», а «идеальный». В этом смысле идеальные трактовки и проекты государственного устройства и мироустройства, как будет показано далее, выдвигаются представителями не только философского идеализма, но и материализма.

Гносеологической основой политического идеализма служит тот факт, что человек, обремененный необходимостью тяжким трудом, в поте лица зарабатывать хлеб насущный, с древнейших времен был склонен предаваться мечтаниям о лучшей, счастливой жизни, противопоставляемой тяжелой и нерадостным будням. Постепенно с разделением физического и умственного труда эти мечтания стали систематизироваться и облекаться в формы мифов и, говоря современным языком, идеологических и вероисповеднических конструкций, которые обосновывали возможность более совершенного и более справедливого, чем существующее, общественного устройства.

Устремленность к более высокому, недостижимому, совершенному присуща самой природе как человека, так и общества. Извечная мечта людей о более совершенном социальном порядке получила свое конкретное выражение в многочисленных утопиях, эсхатологических, отвлеченных идеалах земного рая. В основе большинства таких идеалов лежит мысль о достижении фундаментальной гармонии между людьми, базирующейся на уничтожении всякого рода противоречий, соблазнов и грехов.

Идеал совершенного общественно-политического устройства может быть обращен как *назад — в прошлое*, так и *вперед — в будущее*. Примерами *первого* являются проекты Конфуция и Платона, которые в качестве основы совершенного государственного устройства считали почитание древности, соблюдение ритуалов, правил, норм, морали, будто установленных далекими предками, но нарушенных и подорванных нынешними поколениями. *Второй* же представлен многочисленными хилястическими, или милленаристскими утопиями, революционными проектами радикального переуст-

ройства общества и государства на началах социальной справедливости, свободы, всеобщего равенства либо расового, национального или социального господства одних и угнетения других.

Возможно и то, что длительная летаргия конфуцианского и буддистского Востока объяснялась именно консервацией предполагаемого идеального общественного порядка в форме китайского жестко регулируемого бюрократического общества или буддистского идеала, ориентированного на уход от посюстороннего мира, породившего окостеневшую кастовую систему. То же самое мы можем сказать и о средневековой Европе, где длительное господство католицизма также привело к консервации и даже окостенению как сознания, так и общественных институтов.

Каждое общество разрабатывает и предлагает собственное идеальное видение политики или собственный политический миф реального или желательного социального порядка. К таким конструкциям относятся, например, идея *Mare nostrum*, на которой основывалась Римская империя, идея крестовых походов, целью которых провозглашались обращение в истинную веру неверных или язычников, создание единого христианского мира под эгидой римского папы и императора священной Римской империи, разного рода панидеи (панисламизм, пантюркизм, пангерманизм, панславизм и др.), идеология интернационального единения пролетариата всех стран и др. Крайними формами политического идеализма являются многочисленные утопии — от «Государства» Платона до «Утопии» Т. Мора, «Города Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона, «На белом коне» А. Франса и др.

Предтечей политического идеализма можно считать Платона с его теорией идеального государства, руководимого философами. Подобно тому, как Н. Макиавелли и Т. Гоббс являлись отцами-основателями современного политического реализма, Г. Гроция, И. Канта и др. можно рассматривать как зачинателей современного политического идеализма.

Если *политический реализм* исходит из постулата о *греховной сущности человека*, то *политический идеализм* основывается на *идее о его доброй природе*. Все идеальные проекты и модели пронизаны духом оптимизма и идеей совершенства человека. По мнению приверженцев *политического идеализма*, в большинстве бед человека *виноват не он сам*, а *социальные условия* и наилучшим путем их преодоления является исправление недостатков и совершенствование общества.

В сфере международных отношений они не придают сколько-нибудь важного значения национальным или иным

интересам в качестве определяющего фактора поведения государства и отрицают неизбежность борьбы за власть и господство. Решительно отвергая сентенции в духе социал-дарвинизма, они убеждены в склонности человека и, соответственно, народов к взаимному сотрудничеству, солидарности.

Политический идеализм, как правило, принимает форму *индивидуализма, гуманизма, либерализма, анархизма, интернационализма*. Важное место в нем занимает социалистический или коммунистический проект с его идеалами, с одной стороны, бесклассового, справедливого и совершенного во всех аспектах общества, а с другой – международного мира и гармонии между трудящимися всех стран. Сущность и содержание этих проектов и конструкций хорошо известны, и поэтому здесь не целесообразно сколько-нибудь подробно их рассматривать. Остановимся лишь на некоторых политико-философских аспектах идеальных проектов мироустройства.

Одним из воплощений политического идеализма является *пацифизм*. Сам термин «пацифизм» вошел в политический лексикон во второй половине XIX в., хотя феномен, обозначаемый им, возник значительно раньше. В 1927 г. германский философ М. Шелер выделил восемь разновидностей пацифизма: героический, индивидуальный, христианский, юридический, полупацифизм коммунистов и марксистских социалистов, империалистический пацифизм универсального государства, космополитический, классовый и культурный интернационал. Все эти разновидности объединяет убеждение в возможности и неизбежности постепенного единения мира и возникновения единой всемирной наднациональной и надгосударственной организации, основанной на международном праве и призванной ликвидировать источники и причины международных конфликтов, отменить силовую политику, установить мирные и гармонические отношения между народами.

Проекты создания неких международных институтов для трансформации отношений между государствами восходят к далекому прошлому. В средние века француз отец Дюбуа замыслил создание Совета христианских суверенов, призванного предотвращать войны и разрешать споры между государствами с помощью арбитража, признавая при этом римского папу в качестве последнего арбитра. С появлением на исторической арене суверенных национальных государств постепенно были разработаны разного рода идеи и идеалы системы равноправных, свободных и самоопределяющихся стран, сосуществующих в мире и гармонии. В XVII и XVIII вв.

выдвигались проекты создания авторитетных органов, которые реши бы споры между государствами мирными средствами.

Среди этих проектов можно назвать следующие: «Великий план» Силли, целью которого было провозглашено сохранение мира на европейском континенте; предложенный У. Пенном проект Европейского сейма, который собирал бы вместе представителей европейских государств с целью устранять противоречия между государствами, не поддававшиеся разрешению дипломатическими средствами; Проект установления в Европе вечного мира (1713 г.) де Сент-Пьера; идеи Ж.-Ж. Руссо, обосновывавшего создание некоей организации народов Европы, основанной на фундаментальных принципах международного права, и др.

Наибольшую популярность получил «Проект вечного мира» И. Канта, в котором вечный мир между народами рассматривался как одна из важнейших целей истории, достигаемых в процессе поступательного движения человечества от грабежа к торговле, от насилия к договорным отношениям, от захватнических войн к мирному порядку. Кант утверждал, что создание правового государства приведет к «вечному миру» между европейскими народами, что все государства, установив у себя республиканскую форму правления, откажутся от притязаний на чужие территории, будь-то путем завоевания, наследования и др.

В русле этой традиции А. К. Сен-Симон в работе «О перестройке европейского общества», опубликованной совместно со своим учеником О. Тьерри в 1813 г., выдвинул идею создания общеевропейского наднационального государства. Хотя Сен-Симон и делал реверансы в сторону принципа сохранения национального суверенитета, он тем не менее выступал за такую конфедерацию, которая должна была бы управляться наследственным королем и «большим европейским парламентом». Причем предусматривалось, что эти два органа будут поставлены «над всеми национальными правительствами и наделены полномочиями решать их разногласия».

Вильсонизм

В дальнейшем было выдвинуто много подобных идей и проектов. Постепенно в XIX и особенно в XX в. сложились несколько течений политического идеализма. Важнейшим из них является так называемый *либеральный интернационализм*, в разработке и популяризации которого ключевую роль сыграл президент США в 1913–1921 гг., бывший профессор Колумбийского универ-

ситета В. Вильсон. Особенность ситуации состояла в том, что впервые в американской истории президентом страны стал «очкарик», т. е. интеллигент, который, как правило, отождествляется с непрактичностью, несбыточными проектами переустройства государственной системы и даже всего миропорядка.

К исходу Первой мировой войны Вильсон выступил с комплексом предложений, ставших с тех пор составной частью евангелия политического идеализма, или так называемого вильсоновского мифа. В частности, он выдвинул план организации мирового сообщества, основанного на моральных, а не на традиционных силовых принципах. Он видел главную цель войны не только в разгроме Германии, но и в «спасении мира для демократии», т. е. в формировании нового справедливого мирового порядка, свободного от войн и вооруженных конфликтов. Эта установка получила наиболее законченное выражение в послании Вильсона конгрессу США 8 января 1918 г., в котором он изложил свои «Четырнадцать пунктов» – некий план создания «либерального мирового порядка». В этом документе центральное место занимали положения о предоставлении национальной независимости народам Европы, лишении Германии колоний в Африке, свободной торговле, разоружении и создании Лиги Наций, призванной защищать свободу и независимость всех народов и обеспечивать мир во всем мире посредством блокирования инициаторов войн и революций. Созданная по его инициативе Лига Наций представляла собой попытку обеспечения глобального мира. Особый интерес представляет то, что в «Четырнадцати пунктах» и в проектах договора о Лиге Наций центральное место занимало положение о защите права наций на самоопределение.

Накануне Парижской мирной конференции В. Вильсон пользовался популярностью и влиянием во всем мире, особенно в Европе. Авторитет Вильсона подкреплялся реальной силой Соединенных Штатов, которые к тому времени выступили на международно-политическую авансцену как мощная мировая держава. Естественно, что от Вильсона ждали решения если и не всех, то во всяком случае главных проблем послевоенного мироустройства.

Однако оказалось, что президент не обладал ни реалистическим планом осуществления предлагаемых мер, ни политической волей, ни необходимыми для этого инструментами и средствами. Когда дело дошло до их практического воплощения, обнаружили туманность, отрывочность и невыполнимость его идей. Как писал Дж. М. Кейнс, «Четырнадцать пунктов, вполне сохра-

няя букву, превратились в документ, обреченный на истолкование с помощью примечаний, предназначенный стать орудием самообмана» [38, с. 22]. Хотя Лига Наций и добилась определенных успехов в 20-е годы, по мере приближения мирового конфликта в 30-х годах она все больше демонстрировала свое бессилие.

Идеи Вильсона уже во время их обнародования со всех сторон подвергались во многом справедливой критике. Например, известный в то время геополитик Г. Макиндер в своей работе «Демократические идеалы и реальность», опубликованной в 1919 г., отмечал, что демократический идеализм, возможно, благороден и хорош, но не соответствует мировым реальностям. Главный просчет Вильсона и его сторонников Макиндер усматривал в том, что они игнорировали «реальности географии и экономики».

Следует также отметить, что результатом усилий Вильсона, как справедливо отмечал американский историк Л. Гарднер, стало слияние или сделка либерализма с силой. Или, иначе говоря, войны предполагалось ликвидировать с помощью войн, достичь либеральных целей, если понадобится, с помощью силы. В конечном счете Вильсон оказался неспособен примирить принцип самоопределения наций с идеей «мирового либерального порядка», его затея оказалась мертворожденной. Сильный удар по этой модели был нанесен великим экономическим кризисом 30-х годов, а также политикой ведущих держав, способствовавшей сползанию человечества к новой мировой войне.

Но тем не менее, несмотря на две жестокие мировые войны, идеализм как бы приобрел новое дыхание в послевоенный период. В значительной степени планы создания ООН в качестве всемирной организации, призванной обеспечить мир во всем мире, во многом были стимулированы теми же вильсоновскими соображениями формирования мирового порядка, свободного от войн и конфликтов.

Политический идеализм после Второй мировой войны

В послевоенный период разрабатывались различные проекты формирования некоей *наднациональной власти*, призванной взять на себя часть суверенитета национальных государств. Так, в 1948 г. Р. Арон и А. Марк в «Принципах пацифизма» выступили за создание единой федеральной власти, которая заменила бы собой власть суверенных национальных государств.

Социально-философское обоснование этой идеи дал католический философ и теолог Ж. Маритен в работе «Человек и государство» (1953 г.). Предлагая рассматривать общество как автаркическое и самодостаточное единство, Маритен видел главное его предназначение в обеспечении внутреннего и внешнего мира (paix). Поскольку, говорил он, отдельно взятое государство не способно обеспечить такую самодостаточность, оно не в состоянии гарантировать также мир. Поэтому сообщество людей должно быть крупным, чтобы стать автаркическим и самодостаточным. Решение этого вопроса он искал на путях формирования «политически организованного международного сообщества», где государства, хотя и сохраняются, «будут лишены полного суверенитета» [128].

Предлагались также различные проекты конституционного устройства нового мирового государства. Одними из первых среди них стали проекты Лармеру (1946 г.), де Митьера (1947 г.), Боргезе (1949 г.). К настоящему времени существует не менее десятка проектов всемирной конституции. В первые послевоенные годы были основаны такие организации, как Союз европейских федералистов (СЕФ) и Всемирная ассоциация за мировую федерацию, переименованная во Всемирное федералистское движение (ВФД). Его идейная основа была сформулирована в так называемом «Манифесте Вентотена» (по названию небольшого острова у западного побережья Италии) итальянскими антифашистами А. Пинелли и Э. Росси в 1941 г. Эти организации их объединяла вильсоновская мысль о возможности создания совершенного мирового порядка, свободного от войн и межгосударственных конфликтов.

В русле этой традиции в последние десятилетия на авансцену политической и интеллектуальной жизни выступило влиятельное направление, сделавшее объектом своих исследований формы и средства решения вставших и могущих возникнуть перед человечеством проблем – от угрозы термоядерной войны до экологической катастрофы, от опасностей демографического взрыва до последствий неуправляемого развития науки и техники и т.д.

Активное участие в разработке этих идей принимают такие авторитетные неправительственные организации, как Ассоциация содействия ООН, Фонд Стенли, авторы так называемых стокгольмских инициатив и др. Особенно большую роль в этой области играют Римский клуб, Международный институт прикладных исследований, Парижская группа, Совет по изучению человечества и другие организации. В основе их разработок лежит простой постулат: если мир един, то необходимо разработать единую для

всех составляющих этот мир компонентов глобальную модель, отражающую его как «глобальную систему».

К настоящему времени создано около 20 глобальных моделей, предлагающих различные варианты решения стоящих перед человечеством проблем. Это прежде всего получившие широкий резонанс модели «Пределы роста» Д. Медоуз и др., «Мировая динамика» Д. Форрестера, «Интегрированная модель мира» Месаровича-Пестеля и др.

Характерен специальный доклад под названием «Перестройка международного порядка», подготовленный по инициативе Римского клуба Я. Тинбергеном. В нем, в частности, обосновывается мысль о том, что «существование международной системы требует фундаментальных структурных реформ» и создания «нового международного социального и экономического порядка». Главную цель такой перестройки автор доклада видит в «достижении достойной жизни и благосостояния для всех граждан мира». Эту цель, по его мнению, можно реализовать на основе «справедливого социального порядка как национального, так и международного» путем уравнивания возможностей как людей внутри отдельных стран, так и различных государств на мировой арене.

Более того, иные глобалисты идут еще дальше, заявляя о необходимости облечь эту систему в государственно-политические формы. По мнению их наиболее оптимистически настроенных деятелей, «если уровень взаимозависимости в (международной) системе и дальше будет расти, то это фактически ускорит появление мирового «сообщества» («общины») или мировой «культуры», которая в свою очередь приведет к образованию «мирового государства», способного управлять растущим уровнем взаимозависимости». При всей привлекательности этих рассуждений, опыт истории учит нас той очевидной истине, что совершенный мировой порядок уместен лишь в теории в качестве идеала, которого невозможно достичь, но к которому люди должны стремиться.

Далеко идущая попытка возрождения вильсоновских идей была предпринята в период президентства Дж. Картера во второй половине 70-х годов. Идеалист Дж. Картер сделал концепцию «защиты прав человека» краеугольным камнем внешнеполитической стратегии США. При этом следует признать, что ее объектом стали не только Советский Союз и другие «коммунистические» страны, но и авторитарные и диктаторские режимы в Азии, Африке и Латинской Америки, хотя Вашингтону и не были чужды двойные стандарты при оценке политики того или иного дружествен-

ного ему режима. Вольно или невольно Картер поднял актуальную для всей планеты проблему, способствовав тем самым концентрации на ней внимания международной общественности.

Но все же нередко доводы в «защиту прав человека» приносились в жертву силовой политике давления на Советский Союз и другие неугодные Вашингтону страны. Эта тенденция стала особенно выпуклой с приходом к власти в 1980 г. Р. Рейгана, когда «защита прав человека» всецело была подчинена силовой политике.

В целом идеалисты вильсоновской закваски исходят из убеждения в том, что есть некая естественная или по крайней мере достижимая гармония интересов государств, настроенных на сохранение мира. В силу этого, утверждали они, государства способны разрешать возникающие на международной арене проблемы, опираясь на здравый смысл, руководствуясь общественным мнением, соотносясь с проверенными временем канонами международного права. По их мнению, характер существующей в стране системы правления самым непосредственным образом отражается на степени ее агрессивности или миролюбия. Естественно, что диктаторские формы правления более агрессивны, чем демократические, поскольку диктаторы могут предпринимать военные акции по собственной инициативе, не спрашивая мнение своего народа.

Конфликт и взаимосвязь реализма и идеализма

Радикализм любого рода, как правило, приводит к саморазрушению, поскольку многообразие реальной жизни нельзя втиснуть в прокрустово ложе теорий, какими бы совершенными, на первый взгляд, они ни были. Если радикалы одерживают верх, они вдобавок сеют семена разрушения самого общества или же сами сознательно разрушают его. Идеализм и реализм в тандеме, как говорится, уравновешивают друг друга, гася радикализм с той и другой стороны. Как правило, ни один из них в одиночку никогда надолгое время не овладевал умами людей. Рационалистический элемент в политическом идеализме, его глубокое убеждение в возможности установления согласия и гармонии между конфликтующими интересами, потребностями, устремлениями людей всегда оказывались привлекательными для большинства людей.

Но многие аналитики, к сожалению, не без оснований, оценивают идеализм в политике, особенно во внешней, как наивную и утопическую философскую позицию, не способную учитывать реальность силовой политики. И действительно, зача-

стую теории, построенные на идеальных проектах политического устройства, разбивались о реальность общественно-исторического развития.

Было бы не совсем корректно утверждать, что политические идеалисты вообще не признают факт существования в политике интересов, и особенно национально-государственных. Они в большинстве не приемлют подход, согласно которому политика есть исключительно результат столкновений и конфликтов интересов. В их глазах государство имеет как друзей, так и собственные интересы. Главным условием достижения и сохранения мира они считают завоевание как можно большего числа друзей путем содействия распространению своих институтов и ценностей.

Однако даже самые идеальные проекты переустройства общества рано или поздно оказывались сопряжены с силовыми методами борьбы и стремлением к установлению монопольной власти для их реализации. Слишком часто приверженцы политического идеализма сознательно или же в силу обстоятельств брали на вооружение путь принудительного, насильственного осчастливления людей.

Для реализации предлагаемого ими проекта они иногда отдавали предпочтение имперской форме организации государства и соответствующим ей атрибутам. Имперская ноша, как правило, со временем становится не под силу идеалу, и он рано или поздно терпит крах под ее тяжестью. Поэтому не удивительно, что история просто не знает реализовавшихся на практике идеалов. С данной точки зрения историю можно назвать кладбищем нереализованных идеалов. Это во многом определялось тем, что историческая функция политического идеализма состояла скорее в критике, разоблачении, разрушении существующей системы, нежели в созидании основ новой системы.

Как показывает исторический опыт, попытки реализации самых прекрасных идеалов и утопий заканчивались в лучшем случае неудачей, а в худшем – установлением самой свирепой деспотии. Можно сказать, что идеалы совершенного национального государства, совершенного бесклассового государства и интернационализма стимулировали не меньше войн и бедствий, чем идеалы политического реализма.

На протяжении всей истории инициаторами войн и конфликтов были не только Ганнибалы, Александры Македонские, Наполеоны, Бисмарки и другие, условно говоря, реалисты, но и идеалисты вроде братьев Гракхов, Марата, Робеспьера и др., которые стали по сути дела инициаторами кровавых гражданских войн, ока-

завшихся не менее жестокими и кровавыми, чем межгосударственные войны. Как известно, Ж.-П. Марат, М. Робеспьер и другие вожди Великой французской революции руководствовались самыми идеальными или идеалистическими соображениями, но все закончилось террором, жертвами которого в конечном счете стали и они сами.

Особенно легко побеждали именно вооруженные пророки, проявлявшие способность умело сочетать силу убеждения с силой оружия. Как не без оснований подчеркивал Н. Макиавелли, «Моисей, Кир, Тезей, Ромул не были бы в состоянии надолго обеспечить повиновение установленному ими строю, будь они безоружны, как это случилось с братом Джироламо Савонаролой, который погиб со своими новыми учреждениями, как только толпа начала терять веру в него, а у него не было средств ни удержать веривших в него раньше, ни заставить уверовать неверующих» [51, с. 54]. Обоснованность этих и подобных им доводов воочию продемонстрировала вся последующая история после сожжения на костре Савонаролы. Почти все победившие идеальные учения оказывались «верными», потому что их носители были всесильны, а не наоборот.

Марксистский подход к трактовке общественно-исторических процессов – яркий пример органического синтеза принципов обоих главных направлений в политике. С одной стороны, он постулировал цель строительства идеального коммунистического общества без классов и классового господства, без конфликтов и войн, общества социальной справедливости и равенства, всеобщей гармонии и единства интересов. Но, с другой стороны, краеугольным камнем в нем является теория классов и классовой борьбы, рассматриваемых в качестве движущих факторов общественно-исторического развития человечества во все периоды его истории.

Исходя из этого постулата была выдвинута концепция вооруженной революции как единственного эффективного средства уничтожения существующей государственно-политической системы. Тем самым делался упор именно на господстве, гегемонии, силовом разрешении проблем, возникающих в классовом обществе и между государствами. В данном контексте парадокс состоит в том, что у ряда философских анархистов, таких как Ф. Ницше, защита отсутствия власти органически совмещалась с апологией сильной личности, воли к власти, способности человека навязать свою волю другим людям.

В начале Нового времени восходящий национализм выступил в качестве обоснования идеала совершенного национального государства. Но, как показал исторический опыт, под личиной национализма скрывались сонмы разрушительных демонов,

толкавших народы друг против друга на разрушительные и истребительные войны. Более того, в противовес идеалистическому национализму более притягательным для многих народов оказался так называемый «интегративный национализм», проповедующий идеи о превосходстве одних народов над другими, об их избранности и исключительности, об их особой миссии руководить другими народами.

Большинство идей, возникших в рамках политического идеализма, рано или поздно приобретали респектабельность, приземлялись, терялись в радикализме и постепенно становились официальными идеологиями власть имущих, обогащая тем самым традицию политического реализма. Об этом свидетельствует, в частности, опыт большинства хилиастических, милленаристских сект и движений периода Реформации, претендовавших на возвращение к истокам, т. е. первоначальному христианству с его простотой обрядов и отношений с Богом и созданием новой общины истинных христиан.

Однако в протестантизме, особенно в его кальвинистской ветви, они закончили созданием собственных церквей с собственными авторитарными формами правления, жесткой иерархией, догматикой, литургией, которые в сущности свели к нулю саму идею священства всех верующих. Результатом Реформации стали, с одной стороны, религиозные войны, а с другой – религиозный скептицизм, ставший исходной основой безверия Нового и Новейшего времени. По многим из этих параметров различные деноминации протестантизма мало чем отличались от католической церкви, которую они решительно отвергали.

Поэтому не удивительно, что весьма трудно, даже невозможно провести сколько-нибудь четкие границы между политическим реализмом и политическим идеализмом. Это особенно верно, если учесть, что история общественно-политической мысли представляет собой постоянный процесс диалектической смены различных идей и концепций, призванных отражать и обосновывать насущные потребности каждой конкретной исторической эпохи. Неудача или исчерпание одних идейных конструкций выводит на авансцену новые, более отвечающие духу времени, и этот процесс продолжается до бесконечности.

В результате разочарования в принципах политического реализма на его смену приходит политический идеализм с его яркими и мобилизующими лозунгами о справедливом и совершенном общественном устройстве. А когда эти лозунги, исчерпав свои мобилизационные и интеграционные возможности, выхо-

лашиваются и подвергаются эрозии, приходит час политического реализма с его требованиями учета объективных фактов и реальностей.

Период преобладания общественного интереса характеризуется далеко идущими реформами, приверженностью большинства народа изменениям. Но со временем энтузиазм, идеализм, реформизм, одержимость общественными целями ослабляются и исчерпываются. Вместо них в качестве главного средства достижения общего блага рассматривается реализация частного интереса. Определяющую роль приобретает невидимая рука рынка. Наступает время приватизации, материализма, гедонизма, классового и индивидуального интереса. Это время консолидации, когда легитимизируются новации предыдущего периода. Но опять же насытившись этим, люди снова начинают искать смысл жизни вне собственных интересов, реализуя себя на службе своей стране.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что любой общественный идеал никогда не реализуется в чистом виде. Он не может быть окончательно реализован, поскольку, как подчеркивал И. Кант, наталкивается на ограниченность и несовершенство самой человеческой природы. Но это отнюдь не значит, что идеал есть нечто недействительное, некий произвольный продукт нашего воображения. Значимость идеала состоит в том, чтобы ориентировать наше сознание и действия к определенной цели таким образом, чтобы все линии направления сходились в одной точке (*focus imaginarius*). Эта точка, говорил Кант, «служит для того, чтобы сообщить им наибольшее единство» [36, т. 3, с. 553].

Но в то же время необходимо учитывать, что политика требует фиксирования множества повседневно-практических и жизненных обстоятельств, блокирующих реализацию в чистом виде не только общественного идеала народа или государства, но идеалов или конечных целей, заложенных в программах и платформах политических сил или партий. Мы часто говорим, например, о том, что такой-то партии, придя к власти, не удалось претворить все свои программные установки, обещания, что такому-то идейно-политическому течению не удалось сформулировать программу, в полной мере соответствующую реальностям, что государство благосостояния, или, скажем, программа «великого общества» президента Л. Джонсона, потерпела неудачу в решении проблем бедности и социального равенства в США, и т.д.

Это свидетельствует не столько о несостоятельности той или иной программы, предлагаемой определенным идейно-политическим течением, сколько о невозможности втиснуть все многообразие социального бытия в прокрустово ложе схем и проектов.

При разработке общественного идеала необходимо исходить из постулата о свободе бесконечного развития, а не цели достижения законченной гармонии всех аспектов жизни. Подобно тому, как видимый физический горизонт есть всего лишь обман зрения, за которым простирается бесконечность, мыслимый человеком моральный горизонт также является иллюзией, за которой лежит бесконечность действий и устремлений. Как полагал П. И. Новгородцев, понятие бесконечности есть фундамент общего миропонимания, оно должно быть краеугольным камнем также моральной философии. По мнению П. И. Новгородцева, путь морального прогресса – это путь исканий и стремлений, преодоление препятствий.

Здесь речь может идти не о достижении конечных целей и окончательных решений, а о непрекращающемся стремлении к вечному идеалу. Этот идеал, собственно говоря, и может существовать как идея, утопия, отдаленная цель, которую невозможно в полной мере достигнуть, но к которой люди всегда будут стремиться. Но на пути реализации этих стремлений они идут к более совершенному обществу, с более гуманными, свободными, демократическими отношениями.

Вечная антиномия между идеалом и реальностью постоянно самовоспроизводится, поскольку не может быть неизменной, статичной реальностью. Любая идеальная конструкция создается путем экстраполяции количественных переменных и параметров наличного состояния на будущее, которое имеет собственную систему детерминаций, приоритетов и предпочтений. В данном контексте легче понять принципиальную невозможность разрешения антиномии между свободой и равенством. Обе эти категории, желательные для большинства людей, – практически недостижимые идеалы. Теоретическое допущение полной реализации идеала свободы предполагало бы ущемление равенства и, наоборот, полная реализация идеала равенства – ущемление свободы.

Поэтому одинаково несостоятельны морально как учения, проповедующие неограниченный индивидуализм, так и учения, требующие жертвовать благосостоянием и счастьем ныне живущих во имя будущих поколений. Как подчеркивал С. Л. Франк, ни морально, ни научно нельзя примириться с положением, когда достижения «всех прошедших поколений рассматриваются здесь просто как удобрение, нужное для урожая будущего, который пойдет на пользу последних, единственных избранников мировой истории». Если история вообще имеет смысл, продолжал Франк, то

этот смысл «возможен лишь, если каждая эпоха и каждое поколение имеет сообразное собственное значение в ней, является творцом и соучастником этого смысла, этот смысл должен поэтому лежать не в будущем, а сверхвременно охватывать мировую историю в ее целом» [77, с. 42].

Каждое поколение самодостаточно и самоценно и ни в коем случае не может служить просто неким средством или опорой, призванной поддержать свод еще непроектированного и непостроенного здания, предназначенного для людей будущего. Все предшествующие поколения носили в себе и свою цель, и свое оправдание. Иначе потеряли бы смысл и значение как исчезнувшие древние цивилизации, так и деяния наших предков. Нет и не может быть такого состояния общественного бытия или такой организации социальной жизни, где общественный идеал нашел бы полную и завершенную реализацию, такого состояния, для которого любое прошлое или любое настоящее могло бы служить только средством.

Контрольные вопросы

1. Каково соотношение между реальным и идеальным в мире политического?
2. Каковы истоки, особенности формирования и эволюции политического реализма?
3. Перечислите основные положения и принципы политического реализма.
4. Назовите основные вехи формирования и эволюции политического реализма.
5. Назовите основные его принципы и отцов-основателей.
6. Каковы факторы возникновения и истоки политического реализма?
7. В чем сущность и основные положения вильсоновства?
8. Каковы особенности политического идеализма после Второй мировой войны?
9. В чем состоит сущность конфликта и взаимодействия между реализмом и идеализмом?

Глава 8

Философия конфликта и войны

Конфликт и консенсус составляют «диалектическую пару», интенсивность, глубина и направленность каждого из которых во многом определяет характер и жизнеспособность любого человеческого сообщества. Не является в этом отношении исключением и мировое сообщество в лице международно-политической системы. Более того, это та сфера, где конфликтное начало мира политического проявляется в наиболее обнаженной форме. Но серьезные конфликты, вплоть до вооруженных и войны, бывают и между гражданами одной страны. И здесь конфликт и консенсус идут в паре друг с другом.

Война как крайняя форма конфликта

Конфликт представляет собой одну из форм международно-политического взаимодействия. Он во многом определяется тем, что в силу ограниченности ресурсов, которыми располагает мировое сообщество, любой отдельно взятый субъект международных отношений не может реализовать свои интересы, не затрагивая интересы других.

Динамика международных отношений определяется тем, что по своей природе мощь государства представляет собой относительную величину: выигрыш одного государства если не всегда, то часто оборачивается потерей для другого. Каждое государство или группа государств стремится усилить собственную безопасность путем наращивания своей военной мощи. Хотя невозможно добиться полной безопасности в мире конкурирующих и соперничающих друг с другом государств, стремление каждого из них укрепить свою мощь и безопасность ведет к уменьшению

Война как крайняя форма конфликта

безопасности других и стимулирует соперничество за большую мощь и безопасность. В этом смысле войну можно рассматривать как проявление принципа борьбы за существование, а в определенных условиях – в контексте концепции выживания наиболее приспособленных к жизни.

Есть разные формы международных конфликтов. Нередко их классификация производится на основе так называемой теории игр. Так, игра с нулевой суммой подразумевает ситуации, в которых действия участников во время игры не изменяют общую первоначальную сумму. Здесь мы имеем конфликт взаимоисключающих интересов: выигрыш одной стороны оборачивается проигрышем другой, поскольку победитель получает то, что побежденный теряет.

Выделяют также игру с положительной суммой, при которой первоначальная сумма может увеличиться, отчего выигрывают все вовлеченные стороны, но проигравший выигрывает меньше, и игру с отрицательной суммой, когда она может сократиться, и тогда проигрывают все стороны.

Существуют разные формы, пути и способы разрешения конфликтов. Как, правило, в этом вопросе выделяют морально-правовой, или нормативный, подход и принудительно-переговорный, или метод торга. Разумеется, с точки зрения сохранения мира и согласия между народами наиболее предпочтителен первый подход, который эффективен в тех случаях, когда между вовлеченными в конфликт сторонами существует согласие по поводу комплекса основных правовых и моральных норм. Однако в тех ситуациях, когда такое согласие отсутствует, одна из вовлеченных сторон навязывает принудительно-переговорный механизм. Крайним проявлением межгосударственных конфликтов и одновременно крайним средством их разрешения является война.

Само слово «война» происходит от древнегерманского слова *wehga*, корни которого можно обнаружить, например, в английском слове *war*. Корни древнегреческого *polemos*, также означающего «войну», сохранились в словах «полемика», «полемический», «полемист», а латинского слова *bellum* (война) сохранились в английском *belligerent* (воинственный). В тех или иных формах это слово есть во всех мировых языках, как прежних эпох, так и современности, что служит одним из показателей универсальности данного феномена.

Война – коллективный акт, отличающийся по своей природе от индивидуальных актов насилия. Называя войну *кол-*

лективным актом, мы подразумеваем прежде всего политически организованное сообщество людей в лице города-государства, княжества, империи в прошлом или национального государства в современном мире или же две противоборствующие стороны в гражданской войне. Иначе говоря, война представляет собой акт взаимодействия не между двумя конкретными лицами, а между государственно организованными сообществами людей.

К войне, как правило, прибегают тогда, когда стороны, вовлеченные в нее, убеждены в том, что с ее помощью они добьются для себя больших дивидендов, чем с помощью переговоров. В этом смысле прав был немецкий военный теоретик XIX в. К. фон Клаузевиц, утверждавший, что война есть продолжение политики другими средствами. Прав был Клаузевиц и в том, что война не отменяет политику в качестве средства достижения мира. Политика не прекращается и во время войны. Руководители государства несут ответственность как за войну, так и за достижение мира. Они объявляют войну, ведут и завершают ее. Этот примат политики предполагает подчинение точки зрения военных политике, подчинение армейских руководителей тем, кто принимает политические решения.

Однако, признавая верность этого тезиса, необходимо учитывать, что в войне конфликтная сущность политического приобретает настолько интенсивные и обнаженные формы, что сама политика как бы элиминируется, замещаясь голым насилием. Для сражающегося воина отпадает сама проблема различения друга и врага, поскольку в войне дихотомия друг-враг предстает как бы в первоначальном, очищенном от всех моральных, политических и иных напластований. Противники открыто противостоят друг другу, выделяясь даже своей униформой. «Вот почему, – утверждал К. Шмитт, – правильны слова одного английского дипломата: политик лучше вышколен для борьбы, чем солдат, ибо политик сражается всю жизнь, а солдат – лишь в виде исключения» [88, с. 43].

Существует множество форм войны: между различными родами, племенами, этносами, народами, странами, империями, коалициями государств; локальные, региональные, мировые; ограниченные, всеобщие, абсолютные и тотальные и т.д. Но в целом войны разделяются на те, которые ведут две, несколько или множество Государств друг с другом, а также те, которые возникают между различными группами граждан одного государства. В первом случае – это классические межгосударственные (или внешние) войны, а во втором – гражданские (или внутренние) войны.

Уже древние греки проводили различие между *polemos*, т. е. войной с внешним врагом, варварами, и *stasis* – гражданской войной, к категории которой иногда причислялись и войны между самими греческими городами-государствами. Если первые признавались законными и даже поощрялись, то вторые во все времена, как правило, оценивались негативно либо сдержанно. Характерна в этом отношении позиция Ф. Бэкона, который говорил: «Гражданская война подобна жару при лихорадке, но иностранная война подобна жару при упражнениях и служит сохранению здоровья тела». Но тем не менее гражданские войны – такие же типичные атрибуты истории человечества почти всех времен и во всяком случае большинства народов, как и межгосударственные войны. Показательно, что за сто лет после окончания наполеоновских войн наиболее разрушительные войны произошли не между государствами, а между гражданами своих государств.

Не вседалеко можно определить линии, разграничивающие внешнюю и внутреннюю войны. Например, ответ более или менее ясен в отношении гражданских войн в Древнем Риме в II–I вв. до н. э. (хотя здесь необходимы определенные оговорки, поскольку они велись на громадных территориях во всех регионах Средиземноморья), религиозных войн во Франции во второй половине XVI в., в США – в 60-е годы XIX в., в России после Октябрьской революции 1917 г. и т. д.

Но весьма трудно определить, к какой именно категории причислить войны между различными греческими городами-государствами или многочисленные войны за независимость, в которых часто оказывались вовлечены самые разные интересы и силы. Почти невозможно провести линию разграничения между внутривосточными и международными аспектами многих гражданских войн, например, вьетнамской в 60-х и афганской в 80-х годах. В данном контексте проблемой становится терроризм, который нередко не имеет государственной окраски. Все это свидетельствует о том, что в современном мире во все более растущей степени стирается грань между межгосударственными и гражданскими войнами.

Война вытекает из самой природы человека

Вся история человечества свидетельствует о том, что война – это неотъемлемая врожденная составляющая человеческого существования, точно так же как тяга к игре, пению, снятию стресса, потребность в сатурналиях, вальпургиевых ночах, маскарадах и т. д. Здесь апологию войны необходимо решительно отде-

лить от признания самой реальности этого феномена. Как можно убедиться из всего изложенного в данной работе, вся жизнь человека построена на антиномиях. Это – *жизнь и смерть, добро и зло, свобода и рабство* и многое другое. Некоторые из антиномий неразрешимы. Возможно, к этой категории относится и антиномия между войной и миром.

История человечества – это прежде всего история войн. Упрощая вопрос, можно было бы сказать, что животные потому не имеют истории, что они не вели друг с другом войны. Как утверждал Г. В. Ф. Гегель, животное не знает войны, оно знает лишь борьбу, вызванную потребностями в пище, самке, территории для охоты и т. д. Удовлетворив свою потребность, оно довольствуется полученным и не меняет порядок вещей в природе. Не таков человек. Чтобы выйти из животного состояния, он должен выйти за пределы природы, из мира потребностей и стремиться к благам, которые природа не может ему предоставить и которые находятся вне пределов чисто биологических устремлений. Человек не только стремится удовлетворить свои биологические потребности, но и жаждет признания себя со стороны другого и, более того, подчинения этого другого.

Таким образом, война имеет своей целью не только физическое выживание, но и навязывание собственных ценностей другим. Подвергаясь риску потерять собственную жизнь, человек, который не связан с ней на манер животного, озабоченного сохранением своего существования, утверждает свою самость. При таком положении борьба с другим человеком как бы «гуманизируется», т. е. приобретает человеческое измерение. Отношение к другому человеку – это отношение не только любви, но и конкуренции.

Человек воевал в глубокой древности, он продолжает воевать в наши дни и, по-видимому, будет воевать также в будущем. Менялись представления о типах и характере войн и армий, системах обороны, силовых методах, соответствующих изменяющимся реальностям, но во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом. Более того, большую часть истории человечества почти все попытки создания сколько-нибудь крупных держав и империй были связаны с экспансией, завоеванием, вмешательством, оккупацией.

Во многом сама история человечества предстает как беспрерывная череда войн племен, народов, наций, империй, кланов, партий и т. д. друг с другом. Одни стремились подчинить своему господству чужие страны и народы, другие жаждали воинской славы, третьи считали, что лучше умереть стоя, чем жить на коле-

нях. Во всяком случае оправдания для войн всегда находились самые убедительные, поскольку человек, если судить по его деяниям, как бы подсознательно руководствовался мефистофелевской максимой – нет в мире вещи, стоящей пощады. Не случайно и то, что с древнейших времен скептики не переставали утверждать, что homo homini lupus est – человек человеку волк. А из этой формулы вытекал другой, не менее известный постулат: bellum omnium contra omnes – война всех против всех.

Более того, человеку во все эпохи была свойственна склонность героизировать, романтизировать и воспевать войну. В этой связи обращает на себя внимание такой феномен, как поддержка войны и даже энтузиазм народа, нередко наблюдавшийся в странах перед началом войны. Такая ситуация была, например, почти во всех ведущих европейских государствах накануне Первой мировой войны. Исследовав общественное мнение и то, как оно отразилось в тогдашней прессе, выступлениях и высказываниях публицистов, общественных и государственных деятелей, английский военный историк М. Говард пришел к выводу, что единственными людьми, кто стремился предотвратить и избежать надвигающуюся войну, были дипломаты и бизнесмены. Пресса нагнетала страсти, а общественность была настроена по-боевому.

Притягательность войны, склонность к ее героизации отнюдь не уменьшилась и в наши дни, несмотря на страшные опустошения двух мировых войн XX в. Это дает основание для подозрений в том, что человек втайне любит войну. Пытаясь дать ответ на вопрос, почему в США кинофильм «Звездные войны» возглавил список киномобестселлеров, Ф. Дайсон дал этому феномену своеобразную зловещую интерпретацию. «В конце концов, – писал он, – это фильм о войне. Ужасы военных катастроф XX столетия должны были научить людей тому, что войны в наше время слишком трагичны, чтобы быть темой для веселого боевика. Но они по-прежнему сознательно или бессознательно любят войну. Возможно, истинной причиной феноменального успеха фильма стало то, что война в нем изображена как этакое невинное развлечение. Удаленность места действия фильма в пространстве и во времени позволила публике проявить свою тайную любовь к войне совершенно открыто» [26, с. 68].

Однако и раньше война занимала немаловажное, если не центральное, место в космогониях и мифах всех прежних эпох и цивилизаций. Существовала довольно тесная *связь между религией и войной*. В древности, и на Востоке, и на Западе, между собой постоянно воевали как боги, так и люди. Самое почетное

место почти во всех мифах и пантеонах отводилось богам-воителям и героям-воинам, которые, как считалось, разгромив силы зла, дали начало тем или иным народам, основали города или государства, спасли отечество или совершили какое-нибудь другое благородное деяние. В античной Греции защита полиса была неотделима от его защиты богом-покровителем. Это, в частности, проявлялось в сакрализации войны. Каждый воин ощущал как бы интимную связь с миром священного. Важность войны подтверждается самой *структурой общества* того периода, которое в тех или иных вариациях и под разными названиями было разделено на *три основных класса: священнослужителей, воинов и землепашцев*.

Хотя в произведениях античности можно встретить сочувствие к жертвам войн, война тем не менее рассматривалась как неизбежный и даже необходимый элемент отношений между народами и государствами. Например, одна из главных тем «Илиады» Гомера – восславление войны и доблести на поле брани, где нередко участвуют сами боги. Особенно показательна в этом отношении позиция Гераклита. «Следует знать, – говорил он, – что война всеобща и правда – борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости». Война, утверждал Гераклит, «отец всего и всего царь; одним она предопределила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными». Поэтому считал он, «Гомер был не прав, говоря: «Да исчезнет война среди людей и богов!» Он не понимал, что молится за погибель вселенной; ибо, если бы его молитва была бы услышана, все вещи исчезли бы».

В оценке места и роли войны с ним не расходился Платон, утверждавший в своих «Законах», что война всех против всех вытекает из самой природы общества, из коренных противоречий, присущих отношениям людей друг к другу. «То, что большинство людей называют миром, – писал он, – есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между государствами» [63, т. 4, с. 72]. Такая же война происходит между отдельными поселками, домами в поселке, а также между людьми. «Все, – утверждал Платон, – находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый (находится в войне) с самим собой» [Там же].

Рим дал миру триумфальные арки, возводившиеся в честь героев войн. У каждого народа или государства была своя реальная или символическая ее аналогия. Героизация и восславление реальных лиц и персонажей бесчисленных войн также представляет собой нечто вроде феномена Триумфальной арки. Таким является и героизация самой войны.

В трудах по истории прямо-таки львиное место отводится именно лицам, наиболее отличившимся на поле брани. В принципе можно согласиться с Л. И. Мечниковым: «В памяти людей остается лишь то, что ослепляет; но истинные благодетели человеческого рода остаются в тени. Имена людей, научивших людей употреблению огня, искусству приручения животных и возделывания хлебных злаков, навсегда останутся неизвестными. Пантеон истории населен только извергами, шарлатанами и палачами».

Героизация войны не чужда и современному миру. Здесь не место затрагивать различные литературные, журналистские, массовые и иные ее проявления и изъявления. Задача состоит в том, чтобы концентрировать внимание лишь на ее политико-философском аспекте. Среди философов Нового времени наиболее типичное выражение это нашло, например, у Г.В.Ф. Гегеля, П. Прудона и Ф. Ницше. Как отмечал Гегель, жизнь представляет собой вечную трансформацию, ей противопоставлены неподвижность и скука, ассоциирующиеся с миром. Человечество отнюдь не похоже на пруд, который ни один ветер не способен привести в движение, поскольку стоячая и гниющая вода ничего, кроме смерти, не отражает.

В подобном же духе Прудон видел в мире малопривлекательную неподвижность, отсутствие жизненности и высмеивал пацифистов, претендовавших на ликвидацию войн из жизни людей. Своего апофеоза апологетика войны достигла у Ф. Ницше. Его Заратустра учил «любить мир как средство к новым войнам и короткий мир больше, чем длительный».

Поэтому мы должны определить, какие именно свойства человеческой природы делают войну столь дьявольски привлекательной.

Конечно, войны порождаются вполне осязаемыми материальными, экономическими, социальными, династическими, религиозными и иными факторами. Однако история предоставляет множество примеров того, что устранение этих и подобных факторов не всегда приводило к недопущению войн в жизни стран и народов.

С древнейших времен мыслители в поисках глубинных причин социальных и политических катаклизмов, войн и революций неизменно обращали свой взор на природу самого человека. Эта проблема более подробно была рассмотрена в гл. 5. Здесь целесообразно сконцентрировать внимание лишь на тех аспектах человеческой природы, что служат побудительными мотивами агрессивного поведения людей, крайним проявлением которых и являются войны и вооруженные конфликты.

Абстрагируясь от многочисленных высказываний древних мыслителей, отметим здесь лишь то, что уже св. Августин утверждал, что причины войн коренятся в греховной природе человека, в его первородном грехе и желании Бога покарать людей за их грехи. На этой основе сформировался провиденциалистский подход, согласно которому война находит свое оправдание во вмешательстве Бога, или Провидения. Боссюэ, например, утверждал, что «именно Бог создает воинов и завоевателей».

Особенно интересны рассуждения Ж. де Мэстра. Как он утверждал, война есть ни больше ни меньше как закон самого мироздания. Это результат «предопределенной страсти», которой наделены все живые существа со времени их творения: растения, животные и прежде всего люди, убивающие не только, чтобы питаться, одеваться и т.д., но и просто ради того, чтобы убивать. Самое главное, по его мнению, состоит в том, что война приходит тогда, когда вопиющая несправедливость народов «взывает к мщению Бога». Этот последний аргумент, как считал де Мэстр, не только объясняет священный характер войны, но и оправдывает ее. По божественному предписанию народ возрождается через войну, которая играет такую же роль, какую для дерева играет подрезка.

История в целом никоим образом не свидетельствует о человеческой мудрости, скорее, она – летопись человеческого несовершенства, безумия, тщеславия и порока, не без оснований говорил И. Кант. Не лишены, по-видимому, основания аргументы и доводы авторов, считающих *присущие человеку от рождения злое начало, иррациональные и разрушительные побуждения, гордость, тщеславие и корыстолюбие* не последними по значимости мотивирующими факторами общественно-исторического развития, важным компонентом которого являются войны.

Движение истории, подчеркивал Гегель, осуществляет ее «дурная сторона», «порочное начало» – неповиновение. Неповиновение, непокорность и мятеж, наряду с другими факторами, стали немаловажным стимулом общественно-исторического прогресса. Более того, эту же «дурную сторону» Оскар Уайльд рассматривал как основную добродетель человека, поскольку именно благодаря непокорности и мятежу стал возможен прогресс.

Общество в конечном счете живет и развивается по законам, корни которых лежат в природе человека. Это в первую очередь относится к разного рода конфликтам и войнам. И действительно, любая война развязывается и ведется не богами или демонами, а обыкновенными людьми, и чтобы понять ее природу,

необходимо выяснить, какие именно человеческие качества ее вызывают.

«Две опасности угрожают миру – это порядок и беспорядок», – писал П. Валери. Порядок и планомерность в их завершенной форме не есть ли конец всякой жизни, творчества, устремленности в неизведанное? Но вместе с тем хаос – не противен ли он самой сущности самоорганизации человеческой жизни, не есть ли он наилучшее условие для реализации принципа войны всех против всех? Однако скажем вместе с В. В. Розановым: «Разве мы не любим иногда хаос, разрушение еще жаднее, чем правильность и созидание?.. однообразие для всех не противоречит ли коренному началу человеческой природы – индивидуальности, а недвижность будущего и «идеала» – его свободной воле, жажде выбирать то или иное по своему, иногда вопреки внешнему, хотя бы и разумному определению?» [67, с. 66–67].

При оценке данного факта нельзя упускать из виду *несовершенство самой человеческой природы*, о чем более подробно говорилось выше. Речь, помимо всего прочего, идет о таких качествах человека, как низменные страсти, зависть, алчность и т.д. Среди них выделяют *агрессивность*, представляющую собой, по-видимому, одну из врожденных сущностных характеристик человеческой природы.

Агрессивные побуждения связаны с такими качествами, как *честолюбие, устремленность к активному действию, ориентация на успех* и т.д., которые могут мотивировать как разрушительные, так и созидательные деяния людей. Разумеется, эти побуждения должны иметь выход, ибо их постоянное подавление тяготит человека и чревато для него непредсказуемыми негативными последствиями. Этот фактор приобрел особую значимость с изобретением оружия, которое, по мнению К. Лоренца, досконально исследовавшего феномен агрессивности, стимулировало внутривидовой отбор людей, что, в свою очередь, послужило фактором, интенсифицировавшим человеческую агрессивность.

Во многом неизбежность войн определялась фактом разделения людей на тех, кто в случае борьбы предпочитает подчинение смерти, и тех, кто готов отдать жизнь, чтобы защищать свои ценности, сохранить или отвоевать свободу. Первых Гегель называл *рабами*, а вторых – *господами*. Возможно, одним из первичных атрибутов взаимоотношений людей составляли отношения господства и подчинения, постепенно приобретшие законный и нормальный статус.

Сам импульс к выходу человека из мира животных и стадного состояния, видимо, первоначально родился в головах

наиболее продвинутых в своем развитии, как в физическом, так и особенно в интеллектуальном плане, особей, и не исключено, что для «очеловечивания» основной массы сородичей они прибегали не только к уговорам и убеждению, но и к насилию, что в совокупности способствовало постоянной трансформации человека. Как уже указывалось, первые табу коренились в запретах на те или иные действия.

Уже к тому времени восходит разделение людей на наиболее и наименее приспособленных к жизни, на тех, для кого свобода, говоря современным языком, составляла «наивысшую ценность», и на тех, для которых была характерна склонность к «бегству от свободы». Вечной неизбежной спутницей свободы является стремление быть лучше и выше других, подчинить своей воле других, воля к господству над другими, или, как сказал бы Ф. Ницше, *воля к власти*. По-видимому, существует значительная доля истины в доводах представителей реализма, восходящего к Н. Макиавелли и Т. Гоббсу, по мнению которых стремление к господству составляет врожденное свойство человека. Точно так же дух господства и стремление к господству всегда составляли ведущий фактор мировых процессов.

Интересно, что в «Генеалогии морали» Ницше связывал латинское слово *bellum*, означающее войну, со словом *duellum*, означающим дуэль, которое, в свою очередь, выводится из слова *duonus*, являющегося архаической формой слова *bonus*, т. е. благо. Отсюда, утверждал Ницше, *bonus* стало означать человека дуэли, спора (*duo*), войны. Если воля к власти объясняет сначала борьбу и насилие, то она также помогает понять войну как силовое противостояние групп людей, подвергая риску саму жизнь.

Можно согласиться или не согласиться с этим рассуждением. Но представляется очевидным тот факт, что принцип столкновения двух равновеликих волей уже составляет зародыш борьбы или войны. Первое отношение между людьми, которое родилось в результате войны, это отношение между поработителем и поработленным, господином и рабом.

Оружие убийства, будучи изобретенным, приобретает собственную логику. Открывая новые возможности убийства, оно, как отмечал К. Лоренц, нарушает существовавшее ранее «равновесие между сравнительно слабыми запретами агрессии и такими же слабыми возможностями убийства» [48, с. 240, 18–19]. Более того, развитие военной технологии способствовало постепенной деперсонализации, обезличению военного дела, снижению мораль-

ной ответственности и увеличению бесчеловечности участников военного конфликта, а также уменьшению значения их личного героизма и доблести. Увеличение расстояния, на котором действует оружие убийства, в значительной мере снимает проблемы моральной ответственности, угрызений совести, жалости и других неприятных для убивающего моментов, если, конечно, они возникают.

Считается, что изобретение пороха и огнестрельного оружия подорвало не только социальный порядок рыцарской эпохи, но и ее этику. Именно удаленность от последствий во многом делает возможным то, что даже самый безобидный, казалось бы, человек оказывается способен нажать спусковой крючок винтовки или пусковую кнопку ракетносителя.

Личное знакомство, встреча лицом к лицу в определенных ситуациях сами по себе ведут к притуплению агрессивного импульса, а анонимность усиливает его. Как отмечал Лоренц, бывает так, что «наивный человек испытывает чрезвычайно пылкие чувства злобы, ярости по отношению к «этим иванам», «этим фрицам», «этим жидам», «этим макаронникам»... – т. е. к соседним народам, клички которых по возможности комбинируются с приставкой «гады». Он может «бушевать против них у себя за столом, но ему и в голову не придет даже простая невежливость, если он оказывается лицом к лицу с представителем ненавистной национальности» [48, с. 261].

По данным многих исследований, коллективная ответственность в определенных условиях способствует снижению моральных критериев. Война же представляет собой коллективный акт, осуществляемый коллективной волей специально подготовленных и предназначенных для этого людей. Этот фактор приобретает все более возрастающую роль по мере технизации и обезличения процесса ведения военных действий.

Информационная и телекоммуникационная революции превратили войну из *соревнования в грубой силе в соревнование умов* в вопросе о том, кто именно способен быстрее, эффективнее и масштабнее наносить урон противнику, оставаясь при этом на расстоянии тысяч километров от мест намечаемых ударов.

Однако было бы просто абсурдом сводить все причины войн к одной лишь человеческой агрессивности. Конечно, война есть социокультурный и социально-психологический феномен. Она – неизбежный результат самого жизнеустройства и жизненного уклада людей. Поэтому, чтобы правильно понять сущность войны и найти пути и средства ее предотвращения, необходимо принимать во внимание как все атрибуты природы человека, так и весь

комплекс социальных, социокультурных, экономических, территориально-географических, политических и иных факторов существования человеческих сообществ.

Разумеется, в условиях цивилизации открытая агрессия как на индивидуальном, так и на коллективном уровне в значительной мере сублимируется. Природная агрессивность как бы отходит на дальний план, определяющую значимость приобретают целенаправленный расчет и рациональный выбор. В целом можно согласиться с Клаузевицем, который считал, что война «представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку» [41, т. 1, с. 57].

В принципе все войны носят *идеологический характер* в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон посвящает на образ жизни и систему ценностей своего противника. В то же время война, будучи соперничеством за власть и влияние во всех их формах и проявлениях, – *политический акт*. Или, как писал Клаузевиц, «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [41, с. 54].

Но агрессивность государства питается прежде всего агрессивностью его людей. С мотивом агрессии теснейшим образом связано *чувство враждебности к чужим*. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что люди просто не могут обходиться без врагов.

Феномен врага как фактор конфликтов и войн

Можно соглашаться или не соглашаться с моральными, нравственными, воспитательными или иными увещеваниями, но, как отмечал К. Шмитт, «то, что народы группируются по противоположности «друг-враг», что эта противоположность и сегодня действительна и дана как реальная возможность каждому политически существующему народу, – это разумным образом отрицать невозможно» [88, с. 41].

В политической сфере враг – это не просто *конкурент* в экономике, *противник* в спортивных или иных состязаниях или *недоброжелатель* в частной, обыденной жизни. Здесь враг, говоря словами Шмитта, «борющаяся совокупность людей, проти-

востоящая точно такой же совокупности... Враг – это *hostes*, не *inimicus* в более широком смысле, *polemios*, не *extrous*» [Там же]. Если согласиться с этим утверждением, то нельзя не согласиться и с выводом, который Шмитт сделал из данного постулата. Так, часто цитируемое из Нового Завета выражение «любите врагов ваших» означает «*diligite inimicos vestros*» или по-гречески «*agalate tous extrous humon*», а не «*diligite hostes vestros*» (курсив мой. – К.Г.). Если как следует вдуматься, то обнаружится, что под словами *inimicos* (в латинском варианте) или *extrous* (в греческом варианте), подразумевается скорее просто противник, соперник, недоброжелатель, ненавистник (назовите как хотите) в чисто бытовом, частном смысле.

Что касается понятия *hostes* («враг»), то оно пронизано прежде всего политическим, публичным началом, теснейшим образом связано с понятиями «война», «борьба», понимаемыми как столкновение противоборствующих сил, организованных политически. Вспомним здесь тот кардинальный факт, что война представляет собой феномен публичный, политический, происходящий между государствами. Не случайно, греческое слово *polemios*, означающее враг, происходит от однокорневого слова *polemon*, означающего войну в собственном смысле слова.

И действительно, ведь даже у первых христиан, не говоря уже о христианах средневековья и Нового времени, речь не могла идти о том, чтобы сдать на милость врагу, безучастно смотреть на порабощение родины какими-нибудь чужеземными завоевателями, реагировать непротивлением творимому ими злу. Особенно, когда христианство при императоре Константине стало официальной религией Римской империи, его приверженцы воочию столкнулись с проблемой служения империи, в том числе и с оружием в руках. Вся история христианского мира служит наглядным подтверждением того, что христиане отнюдь не подставляли правую щеку тем, кто ударял их по левой щеке. Более того, часто они сами выступали инициаторами войн, условно говоря, давая такие пощечины другим.

В самой человеческой природе, видимо, коренится потребность иметь врага – злобного и беспощадного и в силу этого подлежащего уничтожению. Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность – такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм и т.д. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной медали. Поэтому со

значительной долей уверенности можно сказать, что одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного или воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия.

Привычка направлять свою враждебность вовне, на чужаков, привилась человеку вместе со способностью рассуждать, смеяться, удивляться, радоваться и т.д. Б. Паскаль приводил такую притчу: «– За что ты меня убиваешь? – Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь совершил бы не-правое дело, злодейство, если бы тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правое, и я совершил подвиг!» [60]

Как установлено антропологическими и этнографическими исследованиями, практика использования посторонних, чужих в качестве козлов отпущения стара как мир. Она уходит своими корнями в родоплеменное прошлое человечества. Общий враг, реальный или воображаемый, нередко служил началом для единства и сплоченности племени или народа. Поэтому, если не было реального врага, который бы угрожал этому единству и сплоченности, то его, естественно, придумывали, конструировали. Его внезапное исчезновение по какой-либо причине, как правило, создает у племени, народа, страны ощущение некоей пустоты.

При отсутствии реального врага его роль часто выполняет воображаемый враг. На этой основе уже в первобытную эпоху появились антитезы: мы-они, свои-чужие, племя-враг племени. Показательно, что в ту эпоху человек легко убивает и даже съедает иноплеменника. В его глазах представитель другого рода, племени – это не человек, а нечеловек. Не случайно, что само название многих народов переводилось как «люди», противопоставляемые остальным «нечеловекам», которые подлежали уничтожению.

Такое положение несколько изменилось лишь в период неолита и в последующие эпохи, когда взаимоотношения сначала различных племен, а потом народов были заключены в рамки определенных норм и правил. Принцип поисков и конструирования врага сохранился у всех народов. Когда в семье, коллективе, стране дела идут плохо, слишком часто появляется искушение найти виновников всех бед вовне. В их качестве, как правило, выступают разные религиозные, национальные и иные меньшинства, а на международном уровне – иностранное государство, которое будто вынашивает планы завоевания или порабощения страны. Внешний враг в данном случае часто служит фактором, объединяющим расколотую нацию.

В античной Греции внешний враг в лице Персии служил в качестве важного пропагандистского аргумента одних полисов против других. По свидетельству Фукидида, в Пелопонесской войне афиняне ссылались на свою роль защитников свободы Эллады в греко-персидских войнах, чтобы показать свое моральное превосходство над лакедемонянами. На это Гермократ Сиракузский возражал им, заявляя, что они боролись за свою независимость, а не за свободу всей Греции. Для Демосфена, Исократа и Ксенофонта также была характерна склонность объяснять распри между различными полисами вмешательством и кознями врагов всей Эллады. Если первый обвинял в этом македонского царя Филиппа, то Исократ и Ксенофонт – Персию.

С тех пор образ врага и комплекс вражеского заговора служили в качестве излюбленного аргумента всех, кто вступал на тропу войны. Так, во время Первой мировой войны одной из попыток обоснования противоборства стала концепция столкновения несовместимых, враждебных друг другу цивилизаций или цивилизации и варварства. В 1915 г. известный французский философ А. Бергсон опубликовал листовку под названием «Значение войны», в которой военные усилия Германии оценивались как наступление варварства на цивилизацию, а действия союзников – как стремление разрешить проблему современного мира с помощью большей свободы, братства и справедливости. Германия, утверждал Бергсон, злоупотребила достижениями цивилизации для создания «систематического варварства» и «империи смерти».

В свою очередь, германский философ М. Шелер в работе «Гений войны и германская война» (*Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg*) подвел своеобразную философскую базу под военную пропаганду руководства страны. В понимании Шелера война – конфликт между Россией и Европой, в котором Германия и Австрия выступали в качестве главных защитников общего европейского наследия. Шелер утверждал, что Россия представляет собой самостоятельный культурный круг (*Kulturkreis*), совершенно отличный от Европы, и ее экспансия на Запад означала бы конец творческого начала европейского духа. Европа оказалась ослабленной изнутри по вине Великобритании, представлявшей капиталистическую цивилизацию. Англия воплощает в себе искусственное, циничное и рациональное общество (*Gesellschaft*), для которого характерен утилитаризм, подрывающий высшие ценности, в противоположность германскому принципу истинной, эмоциональной, внутренней общины (*Gemeinschaft*).

Картина мира, разделенного на три части: монгольско-японскую империю, которая правит Востоком, отсталую в культурном отношении Российскую империю, стремящуюся к экспансии на Запад, и механическую капиталистическую Америку в качестве наследницы утилитарной Англии – Шелер противопоставлял духовно объединенную Европу под военным руководством Германии.

Свое наиболее законченное, я бы сказал, абсурдное выражение этот подход, как выше указывалось, получил в период холодной войны. Характер и направленность взаимоотношений между государствами во многом обусловлены тем, как они видят и воспринимают друг друга. От этого зависят обострение или ослабление международной напряженности, успех или неуспех переговоров об ограничении гонки вооружений и предотвращении войны. Можно сказать, что не вооружения или гонка вооружений являются причиной войны, а, наоборот, настроенность на войну ведет к гонке вооружений.

Еще в 30-е годы председатель комиссии по разоружению Лиги Наций С. де Мадаряга пришел к выводу о ложности самой постановки вопроса о разоружении как средства достижения взаимопонимания между народами. Это, считал Мадаряга, является миражом, поскольку оно переворачивает проблему войны с ног на голову. Обосновывая свою мысль, он писал: «Народы не доверяют друг другу не потому, что они вооружены, они вооружены потому, что не доверяют друг другу. Поэтому желать разоружения до достижения минимума общего согласия по фундаментальным проблемам так же абсурдно, как и желать, чтобы люди ходили зимой голышом».

В значительной степени гонка вооружений обусловлена политическими и идеологическими конфликтами и противоречиями, питающими недоверие и неприязнь народов друг к другу. И действительно, прав психолог и публицист С. Кин, который, развивая зафиксированное в уставе ЮНЕСКО положение о том, что войны начинаются в умах людей, писал: «Сначала мы создаем образ врага. Образ предваряет оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем изобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию».

Архетип врага при этом имеет много ипостасей: *чужака, агрессора, иноверца, варвара, захватчика, преступника, насильника*. Показав несостоятельность рационалистических доводов в пользу уменьшения риска войны, Кин утверждал, что суть дела не в рационализме и технологии, а в «ожесточении наших

сердец». В период холодной войны, писал он, американцы и советские люди поколение за поколением культивировали ненависть и дегуманизировали друг друга, в результате «мы, люди, стали homo hostilis, враждующим видом, животными, изобретающими врагов» [122, p. 10].

С окончанием холодной войны и биполярного миропорядка этот комплекс отнюдь не исчез и не может исчезнуть. В частности, в несколько модифицированной форме возродилась *концепция конфликта цивилизаций*. В 1993 г. известный американский политолог С. Хантингтон выступил с нашумевшей работой «Столкновение цивилизаций», лейтмотивом которой был тезис о том, что, если XX столетие было веком *столкновения идеологий*, то XXI столетие станет веком *столкновения цивилизаций или религий*, поскольку противоречия, сложившиеся столетиями, «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами». Из этих рассуждений выводился сакраментальный вывод: «Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями».

В настоящее время мы наблюдаем отнюдь не тенденцию к консолидации вокруг неких «цивилизаций» или «культурных кругов», а явления прямо противоположные. Имеет место двуединый процесс *интернационализации, универсализации и глобализации*, с одной стороны, и *фрагментации, локализации, ренационализации*, с другой. В процессе реализации первой тенденции и происходит размывание культурных и цивилизационных особенностей при одновременном формировании общих для большинства стран и народов экономических и политических институтов. Суть второй тенденции состоит в возрождении национальных, этнических, местнических настроений внутри стран, регионов, «цивилизаций».

К тому же нередко войны и конфликты оказывались наиболее опустошительными не столько на разломах цивилизаций или между различными цивилизациями, сколько в пределах одной цивилизации, одной страны, одного народа, между соседними, зачастую близкими по крови, культуре, языку народами. Справедливо отмечал Г. Зиммель: «На почве родственной общности возникает более сильный антагонизм, чем между чужими. Взаимная ненависть мельчайших соседних государств, у которых вся картина мира, локальные связи и интересы необходимым образом весьма сходны и нередко должны даже совпадать, часто намного более страстна и непримирима, чем между большими нациями, пространственно и по существу совершенно чужими друг другу» [31, т. 2, с.505].

Постоянные греко-персидские войны отнюдь не мешали столь частым внутригреческим войнам, одной из которых была Пелопонесская война, блестяще описанная Фукидидом. Как свидетельствуют источники, эти войны велись с не меньшим ожесточением и свирепостью, чем войны с персами. Так было и в последующие периоды.

Как показывает исторический опыт, особой ожесточенностью и жестокостью характеризуются гражданские войны. По некоторым данным, в ходе тайпинского восстания в Китае, начавшегося в 1851 г. и продолжавшегося 13 лет, число погибших достигло 20 млн человек. В ходе гражданской войны в США погибло около 600 тыс. человек, а в Гражданской войне в нашей стране число погибших и умерших от голода, холода, болезней и других лишений составило несколько миллионов человек.

В своем исследовании войн К. Райт пришел к выводу, что из общего числа 278 войн, в период с 1480 по 1941 г., 78 (или 28%) – гражданские. А с 1800 до 1941 г. одна гражданская война приходилась на три межгосударственные. По данным германских исследователей, с 1945 по 1985 г. в мире произошло 160 вооруженных конфликтов, из которых 151 – в странах третьего мира, за этот период только 26 дней мир был свободен от какого-либо конфликта. Общее число погибших в этих конфликтах составило от 25 млн до 35 млн.

Естественно, что феномен врага и отражающее его понятие не может просто так исчезнуть, они принимают лишь новые формы. А война, как отмечал К. Шмитт, есть *крайняя реализация вражды*, и она представляет собой реальную возможность, «покуда смысл имеет понятие врага» [88, с. 43].

Если в период глобального противостояния двух главных враждебных лагерей вопрос о взаимных врагах и друзьях считался само собой разумеющимся, то теперь каждому участнику мирового сообщества данный вопрос придется решать в каждом случае самостоятельно и конкретно и определять собственные клише и стереотипы врагов и друзей.

Это особенно верно, если учитывать, что характерное для современного мира возрастание, с одной стороны, закрытости, а с другой – открытости ведет к дестабилизации, к фрагментации и неустойчивости, восхождению толп одиночек, новых пиратов, тоталитарных сект и банд террористов, мафии и разного рода дженгльменов удачи.

Оценка феномена войны в мировых религиях

Не случайно, что войне уделяется столь значительное внимание во всех сохранившихся ныне религиях мира. Только буддизм как бы игнорирует ее или не рассматривает как средство убеждения. Впрочем такой подход вытекает из самой сущности буддизма, основанного на принципах терпимости, уважения к мнению и позиции других и отказа от убийства. Ему чужды столь характерная для других религиозных систем идея «священной войны», установка на обращение в свою веру силой оружия.

Однако в священных книгах индуизма – Ведах – богиня Индра сакрализирует военную силу до такой степени, что она рассматривается как источник самой жизни. Особо важное место война занимает в трех великих монотеистических религиях – иудаизме, христианстве и исламе. Все они, будучи основаны на идее любви к ближнему и приверженности миру, вместе с тем в силу убежденности каждой из них в своей исключительности несли в себе семена войны.

Тема войны в Ветхом Завете порождает множество сложных проблем. Здесь с самого начала мы сталкиваемся с парадоксальным противоречием между богом добрым – творцом всего живого и богом жестоким, кровавым, призывающим свой народ к вечной борьбе. Причем, когда Израиль одерживает победу, сражение восславляется, потому что оно свидетельствует о постоянном присутствии Яхве. И, наоборот, поражение Израиля изображается как результат гнева Яхве против своего неверного или коррумпированного народа.

В Новом Завете мы встречаемся с еще большими противоречиями в оценке войны. Это, во-первых, принцип *непротивления злу насилием в первоначальном христианстве, возрожденный в протестантизме и пацифистской традиции*. Во-вторых, *идея законной или справедливой войны* и, в-третьих, *оправдание войны ради нее самой*. С первого взгляда может сложиться впечатление, что св. Писание исключает или во всяком случае не одобряет использование силы и войны. Заповедь Моисея «Не убий», знаменитое изречение Иисуса «Поднявший меч от меча и погибнет», приводимое в Евангелии от Матфея, и др. служат основой первоначального христианского «пацифизма».

Особо важное значение имеет то, что новая религия, предлагавшая себя в качестве замены иудаизму, основывалась на идеях единства человеческого рода, братства, равенства. Как утверждал св. Павел, «нет больше ни еврея, ни язычника, ни гре-

ка, ни раба, ни свободного человека, ни мужчины, ни женщины, поскольку все едины во Иисусе Христе». В первоначальном христианстве, как это виделось большинству теологов, христианину предписывалось вести борьбу в духовной сфере, пренебрегая материальной стороной жизни. Именно в этом духе рассуждал Ориген (185–253) в своей работе *Contra Celsum*: «Не вытаскивай меч ни для ведения войны, ни для утверждения своих прав, ни для какой бы то ни было другой цели, ибо эта заповедь не терпит никакого исключения». Современник императора Константина Лактанций (295–373) в своих *Institutes* писал: «Человек настолько святое создание, убивать его по какой бы то ни было причине есть зло, и невозможно не подчиняться этой заповеди Бога».

При императоре Константине христианство стало официальной религией Римской империи, и христиане оказались перед необходимостью защищать империю и бороться с ее врагами. Уже св. Афанасий (296–367) утверждал, что нельзя убивать никого, кроме врага на войне. А св. Амвросий более четко заявлял, что «сила, защищающая родину против варваров, фактически соответствует справедливости». Наиболее полную разработку эта проблема нашла в трудах св. Августина, предпринявшего попытку определить критерии и принципы, в соответствии с которыми можно было бы провести различие между «справедливыми» и «несправедливыми» войнами. Разумеется, вопрос о том, справедлива война или нет, сам собой отпадал, если противниками в ней выступали язычники, позже еретики, а с VII в. мусульмане, стремительно вступившие на мировую арену.

Применительно к самому христианскому миру средневековая церковь поддерживала идеал *Pax Ecclesiae*, который достиг своего пика в период между 1000 и 1300 г., когда церковь пользовалась наибольшим влиянием. Пытаясь достигнуть единства христианского мира, папы действительно стремились исключить как локальные, так и международные войны. Они учредили специальные дни, когда запрещались какие-либо враждебные действия, первоначально это были субботные дни. Временами период такого запрета охватывал почти половину недели. Следует отметить также то, что папы пытались смягчить последствия войны, запретив использование в войнах между христианами определенных видов оружия, например арбалет в XII в. или огнестрельное оружие в XIV в.

Особенно настойчивые шаги в предотвращении войн и сохранении мира христианская церковь предпринимала в XIX и XX вв. Руководство католической церкви не переставало

говорить о ее мирной и миротворческой миссии. Так, папа Лев XIII при организации первой Гаагской конференции в 1899 г. поддержал инициативу царя России, выступившего с предложением «сделать более редкой и менее кровавой ужасную игру войны». В 1917 г. папа Бенуа XV обратился к воюющим сторонам с торжественным «призывом к миру». Во время Второй мировой войны папа Пий XII много раз апеллировал в пользу мира, при этом не называя агрессора.

Новый импульс активизации деятельности католической церкви по сохранению мира дал папа Иоанн XXIII в своей энциклике *Racem in terris* (Мир на земле), в которой обосновывалась идея создания публичного властного органа, наделенного широкими полномочиями для предотвращения конфликтов. Эта позиция получила подтверждение на II Ватиканском соборе в 1962–1965 гг. Однако в своем новогоднем послании (1990 г.) накануне начала войны в Персидском заливе папа Иоанн Павел II одобрил вмешательство войск западных стран во главе с США на том основании, что эта война призвана восстановить поправное право другого государства. В соответствии с линией II Ватиканского собора, согласно которой «мир не есть полное отсутствие войны», папа высказался в пользу законной коллективной обороны.

Однако если апеллировать к историческому опыту, то обнаружится, что иудео-христианская мораль, рассматриваемая как основа современной западной цивилизации и, соответственно, либеральной демократии, не отвратила людей от войн и противоборства не на жизнь, а на смерть. Более того, в свете вселенских масштабов безумства и плясок смерти, устроенных западной ветвью человеческого рода в XX в., создается впечатление о существовании некоей обратной зависимости уровня нравственного падения людей от уровня развития цивилизации.

Верность этого тезиса можно продемонстрировать множеством примеров из истории христианства со времени его утверждения в качестве официальной религии Римской империи. Известно, что одним из главных аргументов при введении христианства в империи послужило убеждение в том, что новая вера способна спасти ее от начавшегося морального и духовного разложения. В своем послании к императору Траяну Плиний через 80 лет после смерти Иисуса Христа сетовал на то, что «храмы почти никем не посещаются, что священные жертвы с трудом находят покупателей и что суеверие не только заразило города, но даже распространилось по деревням и по самым глухим местам Понта и Вифиния».

Поэтому не удивительно, что, ратуя за введение христианства в Римской империи, Лактанций убеждал императора Константина в том, что это приведет к восстановлению нравственности и счастья людей, что поклонение истинному Богу положит конец войнам и раздорам, а нечестивые желания и себялюбивые страсти будут подавлены познанием Евангелия.

Но последующая история Римской империи, да и всей Европы показала, что ожидания Лактанция не оправдались. Сам же первый христианский император Константин запятнал свое царствование неоправданными убийствами, войнами и насилием. Показательно, что нечто вроде современного Лидице было устроено в 390 г. в Фессалонике – главном городе иллирийских провинций. Там по незначительному поводу произошел мятеж, в ходе которого разъяренная толпа убила главного начальника расквартированных здесь войск Боферика и еще нескольких офицеров. Наказание благочестивого императора не заставило себя долго ждать. Под благовидным предлогом жители Фессалоники от имени императора были приглашены в городской цирк. Как только публика оказалась в полном сборе, солдатам, находившимся вокруг цирка в засаде, был подан сигнал к общей резне. В течение трех часов те безжалостно убивали всех: мужчин и женщин, детей и стариков, виновных и невиновных. По разным подсчетам погибло от 7 до 15 тыс. человек.

Обстоятельно проанализировав перипетии насаждения христианства в Римской империи, Э. Гиббон пришел к выводу, что «во время своих внутренних раздоров христиане причинили одни другим гораздо более зла, чем сколько они претерпели от усердия неверующих». Опустошения, причиненные Риму варварами во главе с язычниками Аларихом и Атилией, по свидетельству историков, были менее губительны, чем действия войск католика Карла V, который сам себя называл королем римлян. Не случайно знаменитый епископ готов Ульфилла при переводе Библии на язык своих соплеменников, благоразумно опустил четыре Книги царств, чтобы не дать дополнительный стимул к усилению их свирепости и кровожадности.

В данном контексте интерес представляет позиция великого художника Леонардо да Винчи. В своих записных тетрадах, не предназначенных для публикации, он, в частности, утверждал, что изобрел подводную лодку, устройство которой он счел целесообразным не излагать, памятуя о «злой природе людей, которые практиковали бы убийства на дне морей, разрушая самые нижние части кораблей и потопляя их с командами на их борту».

И действительно, вся история Запада воочию показала, что христианские добродетели у европейских народов органически уживались со свирепостью и кровожадностью в их взаимоотношениях независимо от того, кем они были: иноверцами или христианами. Например, разграбление Константинополя крестоносцами по своей жестокости и вандализму не шло ни в какое сравнение с его взятием турками-османами в 1453 г. Напомню в этой связи, что религиозные войны во многом изобретение Запада. Нельзя забывать, что время, когда господствовал *Rex Ecclesiae*, было периодом крестовых походов, осуществлявшихся по одобрению и даже под эгидой католической церкви. Что касается XIX и XX вв., то именно христианские народы стали инициаторами самых кровавых войн в истории человечества.

Одно из центральных мест в исламе занимает джихад, или священная война. Апелляция к священной войне содержится в Коране и кодифицирована мусульманскими юристами. Под лозунгом джихада сам Мохаммед и первые арабские завоеватели вели свои победоносные войны. Обращает на себя внимание тот факт, что в Коране редко используется слово «аль-харб», означающее войну. Но в то же время часто встречается слово «джихад», т. е. «священная война». Причем, по мнению специалистов, о джихаде нет речи на первоначальном этапе формирования нового вероисповедания, т. е. в период, когда Мохаммед проповедовал еще в Мекке. Тема джихада появляется лишь после его переезда в Медину.

Поместив Коран в соответствующий исторический контекст, комментаторы пришли к выводу, что ранний ислам игнорировал войну в силу того, что он еще не представлял угрозы для существующего социального порядка в Мекке. Наоборот, в Медине пророк стал главой группы, которая была вынуждена защищаться, чтобы выжить: его проповедь монотеизма противоречила политеизму бедуинов, и ему ничего не оставалось, как защищаться теми же средствами. В этом смысле джихад вкладывается в рамки доисламского обычая набегов. Но исламу предстояло утвердить себя также в борьбе с другой монотеистической верой в лице иудаизма, который был слишком близок географически, но пользовался преимуществом из-за своей древности. В дальнейшем в силу многих причин джихад стал одним из существенных элементов ислама.

Различаются три толкования джихада. Это, *во-первых*, «большой джихад», означающий борьбу верующего с самим собой, против собственного внутреннего врага, против собственных страстей, склонностей, пороков. Это духовный джихад, не име-

ющий ничего общего с войной в буквальном смысле слова. *Во-вторых*, «внутренний малый джихад», т. е. война в самом исламском мире (дар эль-ислам), имеющая своей целью борьбу против врагов в пределах самой общины верующих мусульман, или иначе говоря, против вероотступников. Она призвана оправдать подавление силой как восставших меньшинств, так и политической оппозиции, не подчиняющейся исламским заповедям. И, наконец, *в-третьих*, «внешний малый джихад», направленный против неверных во внешнем мире, за пределами самого исламского мира, составляющий дар эль-харб, или «сферу войны». Он может означать либо наступательную войну, призванную расширить границы «мира ислама» (дар эль-ислам), либо оборонительную войну, направленную на защиту своей территории от вторгшихся в нее врагов. Таким образом, этот последний тип джихада означает прежде всего внешнюю войну, но духовный джихад или «большой внутренний джихад» всегда присутствует во всех спорах и дискуссиях относительно «малого внешнего джихада».

Некоторые теологи отдавали приоритет «большому джихаду» в ущерб вооруженной борьбе против неверных. В X–XI вв. так называемые «братья чистоты» говорили о двух типах джихада. Они полагали, что «малый джихад» носит временный характер, поскольку с окончательной победой над «неверными» и их обращением в мусульманскую веру он потеряет смысл. Что касается большого джихада, то он более важен, поскольку это сугубо религиозный феномен: он затрагивает вечное, спасение и проклятие. Верующего можно освободить от «малого джихада», но никак нельзя освободить от «большого джихада».

Постепенно в мусульманском мире в силу комплекса исторических факторов наблюдается тенденция к ослаблению интереса к проблеме джихада. В XIX и XX вв. эта идея настолько отодвинулась на дальний план, что мусульманские реформаторы практически игнорировали ее. Пытаясь перестроить ислам изнутри, некоторые богословы (например, приверженцы реформистского движения Салафийя) стремились свести к минимуму войну и сконцентрировать внимание на духовных аспектах джихада. Так, известный египетский реформист XIX в. М. Абду в трактате «*Риссалат ал-Тавхид*», посвященном вопросу о едином боге, хотя прямо и не затрагивал проблему джихада, отдавал предпочтение религии мира перед религией войны. По его мнению, лучшим путем расширения ислама является не вооруженная борьба и насилие, а убеждение. Бахаизм же – мусульманская секта, основанная в 1850 г. Х. А. Нуром (псев-

доним: Баха-Аллах) и не признанная официальным исламом, – вообще отвергал малый джихад и проповедовал всеобщий мир, основанный на равенстве различных верований и сект.

В XX в. на Ближнем Востоке насилие применялось именем мирской или социалистической революции или же антиимпериалистической борьбы. Начиная с середины XX в. концепция «малого джихада» приобрела второе дыхание. Первыми ее возродили в 1948 г. палестинцы, развернувшие борьбу против Израиля. Затем в 1954 г. ее взяли на вооружение идеологи национально-освободительного движения алжирского народа. Определенный интерес с рассматриваемой точки зрения представляет позиция современного арабского теолога А. Д. Ал-Джазири, изложенная в учебном пособии «Путь мусульманина», специальная глава которой посвящена джихаду. Ссылаясь на Коран и хадисы, он пытается обосновать тезис о необходимости введения всеобщей военной службы, полагая, что все мужчины в возрасте 18 лет и выше должны уметь пользоваться оружием и при необходимости отстаивать дело ислама. При этом, чтобы быть достойным своего предназначения, от воинов требуется традиционный набор качеств: жертвенность, твердость, подчинение начальникам, решимость, бесстрашие.

В последние два-три десятилетия вопрос о джихаде приобрел дополнительную актуальность в связи с выдвижением на авансцену возрожденческих и фундаменталистских движений как шиитского, так и суннитского толка. Наиболее законченные формы это возрождение приняло в Иране во второй половине 70-х—начале 80-х годов под руководством аятоллы Хомейни, который дал ей антиимпериалистическую направленность. Она стала центральной в идеологии движения Хезболлах и особенно широко практикуется разного рода террористическими группами и движениями.

Rax quaerenda est – необходимо искать мира

Мы все хорошо знаем знаменитую формулу Т. Гоббса: *bellum omnium contra omnes* – война всех против всех, с помощью которой он оценивал естественное состояние людей в догосударственный период. При этом не всегда учитывается то, что во всех построениях Гоббса отчетливо прослеживается максима *rax quaerenda est* – необходимо искать мира, которую он считал первым основным законом природы. Эта максима предполагает заключение договора между людьми, находящимися в состоянии войны всех против всех. И действительно, состояние абсолютной, нескончае-

мой войны было бы чревато перспективой взаимного истребления стран и народов.

Поэтому очевидно, что люди вынуждены искать некий *modus vivendi*, а также обеспечивающие его нормы и правила. Показательно, что И. Кант, в целом соглашаясь с мнением Гоббса, вместе с тем считал целесообразным заменить фразу *est bellum*, означающую *есть война*, фразой *est status belli*, означающей *есть состояние войны*. Вторая фраза, констатируя состояние войны, предполагает готовность к войне, а не саму войну. Поэтому максима древних римлян «Если хочешь мира, то готовься к войне» не обязательно означала быть вовлеченным в реальные военные действия.

Здесь готовность к войне и способность вести ее сами по себе могут служить фактором, сдерживающим противника от рокового шага. Способность быть на грани войны, но не быть вовлеченным в нее при определенных условиях может оказаться искусством не менее полезным, чем само искусство побеждать на поле брани. Но нельзя забывать и то, что готовность к войне рано или поздно может привести к настоящей войне, холодной или горячей.

Важно учитывать также следующий момент. Как подчеркивал К. фон Клаузевиц, «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [41, т. 1, с. 34]. Более того, война представляет собой проявление наиболее интенсивной формы человеческого насилия. Вместе с тем она характеризуется особенностями, отличающими ее от других форм насилия, и имеет более или менее четко обозначенные начало и конец, которые, в свою очередь, сопряжены с определенными ритуалами.

Нередко по завершении войны и решении проблемы, которая ее вызвала, вовлеченные в нее стороны могут как бы забыть прежнюю вражду и вести себя в отношениях друг с другом как партнеры. Здесь вчерашний противник сегодня может стать союзником. Этот принцип действовал как раньше, так и в наши дни. В современном мире особенно наглядный пример этого дают Германия и Франция, которые начиная с франко-прусской войны 1870–1871 гг. неизменно выступали как непримиримые противники, но после Второй мировой войны стали единомышленниками. То же самое можно сказать о Японии и США, которые во время Второй мировой войны боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, но после войны оказались связаны тесными партнерскими узами.

Поэтому естественно, что начиная с древнейших времен предпринимались попытки обоснования и оправдания войны, разработки правил и норм поведения между государствами

в вопросах войны и мира. Большинство древних исходили из того, что война и мир сами по себе не есть ни благо, ни зло. Их оценка зависит от конкретных обстоятельств. Ибо, если преуспевающее государство может и должно стремиться к миру, то при неудачном стечении обстоятельств ему следует воевать. Давая свое обоснование многочисленным войнам на земле древней Эллады, уже Демосфен разделял их на справедливые и несправедливые. Первые, по его мнению, ведутся ради защиты отечества от разорения и уничтожения врагом, во имя справедливости. Несправедливы те войны, которые ведутся из-за корысти, выгоды в нарушение принципов справедливости.

Особенно много в данном направлении сделали стоики, начиная с Цицерона, который, возможно, был первым, кто попытался провести различие между справедливыми и несправедливыми войнами. За ним войну осуждали Сенека, Плиний-старший и др. Возможно, именно у стоиков первые христиане заимствовали свое неприятие войны.

Однако в древности, равно как и в последующие эпохи, что именно считать справедливым, а что несправедливым, как правило, всегда входило в прерогативы самих инициаторов войны. Так, в речи «О мире» Исократ, осуждая войну, оценивал ее как политику, приносящую вред Афинам и всем остальным греческим полисам. Из-за междоусобия, говорил оратор, греки находятся в бедственном положении, борьба разрушает полисы, которые становятся военной добычей врагов, а их население живет в бедности.

Отождествляя войну с такими негативными понятиями, как «опасность», «убийство», «уничтожение», «зло», он объявлял все действия, ведущие к войне, безрассудством и безумием. Хотя в речи и звучат мотивы преданности высоким идеалам свободы Эллады, тем не менее в качестве основной причины неприятия войны называются соображения выгоды, пользы, доходов. А в речи «Панегрикс» Исократ подчеркивал, что война с восточными варварами «скорее похожа на священное посольство, чем на поход».

Римляне разработали так называемый фециальный (*fetial*) закон, согласно которому войну разрешалось вести за *res hereditariae*, т. е. для получения компенсации в пользу безвинно пострадавших. Как сообщает Полибий, римляне, начиная войну, всегда искали предлог, чтобы апеллировать, как сказали бы в наши дни, к международному общественному мнению. Но это не мешало Риму вести многочисленные завоевательные войны. *Pax Romana*, утвердившийся при Августе и продолжавшийся около 200 лет, пред-

ставлял собой отчасти сознательную попытку подавить любые выступления на огромных пространствах, находившихся под правлением Римской империи.

Одним словом, древние всегда находили оправдание войне, если она велась во имя, как они считали, благой цели. В греко-римском мире установилось некое «золотое правило», согласно которому мир можно обеспечить постоянной готовностью к войне. Как отмечал Н. Макиавелли, превознося вождя ахейцев Филопемена, античные авторы «особенно хвалили его за то, что в мирное время он думал только о средствах вести войну... так, он во время прогулки разбирал с ними (друзьями – К. Г.) все случаи, которые могут произойти с войском, выслушивал их мнение, высказывал свое, подкрепляя его доводами. И благодаря этим непрерывным размышлениям никогда под его начальством не могло произойти с войсками такой случайности, при которой он оказался бы беспомощным» [51, с.77–78].

Придерживаясь именно такого подхода, римляне и сформулировали ставшую знаменитой максиму *si vis pacem, para bellum* – если хочешь мира, то готовься к войне. Последующие же поколения в совершенствовании и изощренности методов ведения войны и ее оправдания не идут ни в какое сравнение со своими предшественниками.

Перед мыслителями и государственными деятелями неизменно вставал вопрос о целесообразности и нецелесообразности, допустимости и недопустимости, оправданности и неоправданности, справедливости и несправедливости войны. В каждом из таких случаев вставал сакраментальный вопрос: когда именно и при каких условиях можно использовать войну в качестве средства разрешения возникающих перед государством проблем? Речь шла прежде всего о праве прибегать к войне в качестве средства решения проблем, возникающих в отношениях между государствами. Отсюда *jus ad bellum* – право объявлять войну или право на войну. Не менее важное значение имел ответ на вопрос: что позволено и что не позволено делать во время войны? Отсюда *jus in bello* – закон войны (или правила ведения войны).

В христианскую эру концептуальные основы справедливой войны одним из первых заложил св. Августин (354–430), столкнувшийся с проблемой вторжения варваров во владения Римской империи. В «Граде божьем» и других своих трудах, как бы в противоречие с собственной идеей греховной сущности человека, делающей войну неизбежной, он последовательно проводил мысль о

том, что война – это зло, а мир представляет собой состояние, угодное Богу и соответствующее требованиям справедливости. Августин призывал различать евангельское милосердие, необходимое в делах внутренних, и использование силы государством для защиты от внешней угрозы. Из такой постановки вопроса вытекало признание правомерности и справедливости войны ради восстановления естественного порядка во имя достижения мира.

Хотя в разработку этой доктрины определенный вклад внесли Исидор Севильский (560–636) и другие средневековые авторы, более или менее четкие очертания она получила у Фомы Аквинского (1225–1274), особенно в его работе *Summa theologicae*. Оборонительная война, писал Фома Аквинский, всегда справедлива, она тождественна законной защите. Чтобы быть справедливой, любая наступательная война, по его мнению, должна отвечать следующим трем требованиям. *Во-первых*, она должна быть объявлена законной властью, над которой нет иной власти. Поскольку же законная власть суть папа римский, император и независимый князь, то из перечня справедливых исключались войны, ведущиеся феодалами между собой в своих личных интересах. *Во-вторых*, она считается законной, если имеет своей целью наказание виновных. Таковыми являются, *в-третьих*, войны, ведущиеся в интересах всего общества.

Новый поворот доктрина приняла в XVI в. Стимул дискуссиям дала проблема легитимности испанских завоеваний в Америке. Речь шла прежде всего о проведении различий между войной справедливой и войной священной. Раньше проблема справедливой и священной войн ставилась в контексте обоснования и оправдания этих крестовых походов. Предпринимались попытки отделить секулярные аспекты войн (между князьями) от их духовных аспектов. В этом последнем смысле считалось, что война имеет своей целью наказание зла, причиненного церкви или христианской вере в целом со стороны неверных.

Поэтому такую войну предписывалось начать и вести под эгидой церкви и от ее имени. Согласно этой точке зрения, еретики не могут иметь каких бы то ни было прав, и, соответственно, конфискация их имущества после нанесения им поражения вполне легитимна. Цель крестовых походов была уточнена папой Урбаном II на Клермонском соборе в 1095 г., а теоретическую базу под нее подвел будущий папа Иннокентий IV и епископ Хостьенсис. По их мнению, походы имели целью отвоевание территорий, попавших в руки неверных и наказание мусульман за их зло-

деяния против христиан. Но там не стоял вопрос об обращении еретиков в свою веру.

Иначе обстояло дело с индейцами Америки. Здесь как нельзя лучше к месту оказались идеи доминиканского священника Франческо де Витория (1483–1546), который первым ввел выражение *jus inter gentes* (т. е. закон (или право) между народами) и обосновывал мысль о том, что если та или иная война полезна и правитель государства выдвигает неопровержимые аргументы в ее пользу, то она справедлива. Соответственно, завоевание Латинской Америки оправдывалось стремлением обратить ее народы в истинную веру.

В период Реформации наблюдается возрождение интереса к идеям первоначального христианского пацифизма. Ее ведущие представители объявили любую войну несправедливой. Мартин Лютер, например, утверждал, что непозволительно развязать войну даже против турок. А если они нападут на христианские страны, то такова воля Божья. Многие протестантские секты приняли позицию Эразма Роттердамского, отвергавшего войну как императив принципа ненасилия.

Однако с формированием национальных государств и теории национального суверенитета начался новый этап в разработке теории справедливых и несправедливых войн. Н. Макиавелли, например, не только не оправдывал войну, но и рассматривал ее в качестве необходимого средства в руках государства. В «Рассуждении о первой декаде Тита Ливия» он говорил, что «война справедлива для тех, для кого она необходима».

Существенный вклад в разработку данной проблемы внесли Т. Гоббс, Ж. Боден, Г. Гроций, Дж. Вико и другими мыслители. Велика заслуга Гентилия, сформулировавшего свои идеи в труде «О законе войны» (*De jure belli*), состоящем из трех книг и опубликованном в 1588 и 1589 гг. В нем красной нитью прослеживается стремление автора вывести право народов из естественного права. Гентилий рассматривал войну всецело как акт суверенного государства и тем самым противопоставлял ее частным войнам. По его мнению, война в равной степени справедлива для всех вовлеченных в нее сторон в тех случаях, когда существуют сомнения относительно правоты той или иной стороны.

Гентилий выделял *три* категории причин, ведущих к войне: *божественные, естественные и коренящиеся в самом человеке*. Причем, в принципе не отрицая, что в определенных случаях война может быть санкционирована самим Богом, он тем не менее считал, что в большинстве случаев ссылки воюющих сторон на

⁹ Введение в политическую философию

Бога служат лишь предлогом или оправданием своих действий. На этом основании он осуждал религиозные войны и считал несправедливыми войны против неверных и еретиков.

Касаясь вопроса о естественных причинах войн, Гентилий отвергал тезис о врожденной враждебности людей друг к другу, но признавал реальность естественных причин как для оборонительной, так и для наступательной войны. Оборонительной – в смысле естественного стремления к самосохранению, а наступательной – в тех случаях, когда государство чувствует, что бездействие грозит его существованию. Но тем не менее, утверждал Гентилий, могут возникать «естественные причины» как в оборонительных, так и в наступательных войнах. Это относится к превентивной войне, вызванной тем, что само существование государства было поставлено под вопрос, или войне, имеющей своей целью наказание несправедливости.

За Гентилием в данном вопросе идет Г. Гроций. Его фундаментальный труд «О праве войны и мира» (*De jure belli ac pacis*), опубликованный в 1625 г., составляет один из краеугольных камней международного права. Г. Гроция не без оснований называют одним из отцов-основателей современного международного права. Ему принадлежит немаловажная заслуга в систематизации и обосновании норм и правил ведения войны. «Невозможно, – подчеркивал Г. Гроций, – не только согласиться с измышлениями некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует ни начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности». «Войны, – подчеркивал он, – ведутся ради заключения мира... (Мир является) конечной целью войны» [23].

Дальнейшее развитие эти идеи нашли в XIX–XX вв. в процессе разработки основополагающих юридических правовых принципов и норм международного права. Этот вопрос исследован в литературе. Здесь достаточно отметить, что международное право – это нормы и правила сосуществования различных стран и народов в мировом сообществе: *регулирующие* процедуры законного использования суверенным государством силы или отказа в таком праве другим агентам; *определяющие* характер соглашений или принцип *pacis sunt servanda*, который предполагает, что соглашения между государствами должны неукоснительно соблюдаться; *определяющие* собственно юрисдикцию государства, *предписывающие*, чтобы каждое государство уважало суверенитет других государств в пределах их территорий при условии, что такое признание носит взаимный характер, и др.

Прежде всего эти правила и нормы имеют целью разрешение возникающих между государствами конфликтов и установление правил ведения войны. Без таких норм и законов война потеряла бы свое предназначение как продолжение политики другими средствами и орудие политики. Как подчеркивал еще Клаузевиц, если бы война была «совершенным, никем не стесняемым абсолютным проявлением насилия, какое мы определили, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно независимое... Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации» [41, т. 1, с. 53].

Особенно большую интенсивность процесс разработки этих норм и правил приобрел в свете опыта двух мировых войн. После Первой мировой войны произошли радикальные изменения в трактовке войны. С одной стороны, она способствовала возрождению *jus ad bellum*, а также пацифизма, а с другой – особенно после Второй мировой войны, в свете радикализации войны и появления ядерного оружия, которые, по мнению всех авторов, полностью модифицировали само видение войны, имело место возрождение интереса к правилам *jus in bello*.

Первая мировая война породила такие ужасы и разрушения, что потом речь могла идти не столько о легализации форм и способов ее ведения, сколько о том, чтобы объявить ее вне закона. Вопрос о *jus ad bellum*, отодвинутый на второй план в предыдущие столетия, снова выдвинулся на первый план, и теоретики снова взялись за разработку доктрины справедливой войны. Пакт Лиги Наций, осудив войну, придал этому движению официальный характер. Он провёл различие между войной законной и незаконной. А Хартия Объединённых Наций провозгласила ее запрет за исключением тех случаев, когда она ведется в целях законной обороны.

Такая постановка проблемы нашла отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об осуждении агрессии. Но эта резолюция отнюдь не решила вопрос о справедливых и несправедливых, правых и неправых войнах. Скажем, допустима ли превентивная военная атака на государство, которое явно вынашивает планы опустошительной войны против своих соседей и откровенно готовится к реализации этих планов? Каков тот предел, до которого могут безучастно смотреть соседи и в более широком плане мировое сообщество?

Контрольные вопросы

1. Что вы понимаете под конфликтом и войной?
2. Каково соотношение между ними?
3. Что такое война?
4. Назовите основные формы войны и охарактеризуйте их.
5. Чем отличаются внешние, или межгосударственные, войны от внутренних, или гражданских войн?
6. Какое отношение война имеет к человеческой природе?
7. Каково значение фактора врага в конфликтах и войнах? Какое место война занимает в мировых религиях?
8. Дайте характеристику крестовым походам и джихаду.
9. Какую роль играют правила ведения войны и взаимоотношения между воюющими государствами?
10. Что вы понимаете под выражением «необходимо искать мир»?

Глава 9

Особенности конфликтов в современную эпоху: концептуальный аспект

В течение всей истории человечества наблюдалась тенденция к изменению как характера и средств ведения войны, так и политико-философских аргументов в ее обоснование. Но ее сущность и цели в основном оставались постоянными. Радикальные изменения в этом плане произошли начиная с конца XIX в. и особенно в XX в. Это выразилось прежде всего в том, что войны, которые велись господствующими державами, приобрели тотальный характер, что отразилось на всех важнейших аспектах ее развязывания, ведения и завершения.

Тотализация войны

Главные цели, ради которых развязывается война, достигаются с помощью физического насилия, и с этой точки зрения она представляет собой прежде всего искусство убивать, уничтожать живую силу противника. Не обладающая этим искусством сторона сама рискует быть уничтоженной. В сущности сражение или война в целом диктует свои условия сражающимся или воюющим сторонам. Не умеющий убивать воспринимается чуть ли не как предатель правого дела, а тот, кто в совершенстве владеет этим искусством, возносится на пьедестал славы, причисляется к лику героев, а то и святых. Очевидно, что в самом намерении начать и вести войну заложен принцип, согласно которому цель оправдывает средства. Здесь свое законченное выражение получил постулат о том, что победителей не судят.

Войны XX в., особенно Вторая мировая война, которая в некоторых своих аспектах имела точки соприкосновения с религиозными войнами прошлого, по сути перестали признавать сформулированный в Новое время принцип: не делать врагу большего зла, чем того требуют цели войны. Это выразилось, в частности, в максиме – нам нужна только одна победа, и мы за цену не постоим, которой во время Второй мировой войны, как и во всякой тотальной войне, явно или неявно придерживались все воюющие стороны. Что отличало Первую и Вторую мировые войны от всех предыдущих войн, так это – одержимость всех, и военных, и гражданских, мыслью о победе во что бы то ни стало, победе любой ценой, готовность каждой из сторон во имя победы над врагом не считаться с потерями мирного населения, какими бы колоссальными они ни были. Здесь человек вольно или невольно вынужден нарушить всякие нормы человеколюбия, стать судьей собственных деяний, а при экстремальных ситуациях преступить последний предел и вступить в сферу вседозволенного.

Соображения территориальных или иных приобретений играли значительно меньшую роль, чем идея победы ради самой идеи. Как писал Б. Броуди, здесь мы сталкиваемся «не просто с жадностью, а с некоей глубокой психологической потребностью, выраженной скорее на общенациональном, нежели на личном уровне» [100, р. 25]. Обратной стороной этой одержимости был страх потерпеть поражение и расплатиться за последствия войны. Этот страх питался изо дня в день растущими потерями с обеих сторон, неуверенностью в результатах войны, ужесточением позиций противоборствующих сторон и т.д. Все это, в свою очередь, делало компромисс невозможным. Для всех сторон компромисс становился как бы признаком неудачи и поражения. Полная и безоговорочная капитуляция противника, а еще лучше – полное его уничтожение и, соответственно, Карфагенский мир (название восходит к факту разрушения римским полководцем Сципионом Африканским Карфагена) стали основополагающими целями войны.

Сила или мощь государства всегда оценивалась в терминах его возможностей вести и выигрывать войну. Военно-политическая стратегия государства строилась на постулате, согласно которому уровень его безопасности, авторитет и влияние прямо пропорциональны количеству и качеству вооружений, которыми оно располагает. Военная сила в этом отношении приобрела настолько большое значение, что многие исследователи рассматривали почти все остальные показатели государства, такие как чис-

ленность населения, географическое положение, топография, природные ресурсы, уровень экономического развития, политическая организация и т.д., почти исключительно с точки зрения их возможного вклада в успешное ведение войны.

Ценность и значимость военной мощи выходили далеко за пределы ее простого использования на полях сражений. Каждое нововведение в военном деле приводило к далеко идущим последствиям для самоорганизации человеческих сообществ. Использование породистых коней в качестве средства передвижения и в военном деле в сочетании с изобретением меча дало преимущество кочевым народам перед земледельческими. Отсюда стремительный успех нашествий азиатских орд в Европу, приведших по сути к великому переселению народов и коренному изменению самого демографического, этнонационального и политического облика евразийского континента.

На исходе средних веков существовавший порядок был подорван изобретением новых, более совершенных видов оружия. Феодальный порядок жидился на неприступности крепостей и преимуществе военного искусства облеченных в латы рыцарей на конях. Это преимущество давало возможность эффективно защищать аристократические принципы и нормы феодального порядка. А опора на неприступные крепости позволяла предотвратить централизацию власти и государства. Пока продолжали действовать эти два фактора, феодализм оставался незыблемым.

Однако еще до изобретения пороха и огнестрельного оружия военному превосходству конных рыцарей бросили вызов английские йомены, использовавшие большой лук (longbow) в битве при Креси. С данной точки зрения изобретение пороха и огнестрельного оружия имело особенно далеко идущие последствия. Характерно, что автор «Неистового Роланда» оценивал огнестрельное оружие как изобретение Вельзевула, призванное «уничтожить всю человеческую расу». Изобретение и использование артиллерии способствовало существенному усилению наступательного начала за счет обороны. Показательно, что Восточная Римская империя, пережившая Западную почти на тысячу лет, пала в 1453 г. после первой в мире крупной артподготовки турок Константинополя.

Постепенное увеличение огневой мощи армий привело к тому, что сохранение мира стало возможно лишь с помощью равновесия страха. Великая французская революция конца XVIII в. и наполеоновские войны ознаменовали один из поворотных пунктов в эволюции отношения к войне.

Особо важное значение имел принятый 23 августа 1793 г. французским правительством закон, согласно которому впервые в Новой истории было объявлено то, что позже назовут «тотальной мобилизацией». В нем, в частности, говорилось: «Молодые мужчины должны воевать; женатые мужчины должны ковать оружие и строить транспортные средства; женщины будут шить палатки и одежду, а также служить в госпиталях; дети будут переделывать из холста перевязочный материал; старики выйдут на площади и поднимут дух воюющих мужчин, проповедовать ненависть к королям и единство республики».

Французская революция положила конец практике рекрутирования офицерского корпуса из среды аристократических слоев населения. Наполеоновские войны положили также конец так называемым «ограниченным войнам», характерным для XVIII в. Это стало периодом, когда стал утверждаться тип войны, который Клаузевиц назвал «абсолютной войной» и который стал прототипом тотальных войн XX в.

Промышленная революция XIX в. и научно-техническая революции XX в. означали революцию и в сфере военного дела. Создание громоздких самоходных орудий, развитие железнодорожного, а затем автомобильного и гусеничного транспорта, дававшие возможность передвижения многочисленных армий и военной техники на большие расстояния, все более растущие скорости их переброски из одного театра военных действий на другие радикально изменили масштабы, приемы и правила ведения войны.

Произошла широкомасштабная индустриализация подготовки и ведения войны. Сами императивы ее ведения потребовали огромных пространств, расширения зоны потенциальных военных действий. Гигантские армии требовали создания гигантских инфраструктур военно-промышленного комплекса, а также гигантских систем снабжения военной техникой, боеприпасами, запасными частями, обмундированием, продовольствием, людскими ресурсами, системами коммуникации и т.д.

Результатом стало возрастание опасности уничтожения мирного населения. Присутствие смерти приобрело универсальный характер, поскольку, если раньше войны, как правило, велись силами профессиональных армий и зачастую не затрагивали мирного населения, то теперь для одержания победы тыл приобрел не менее важное значение, чем само непосредственное поле боя. Следовательно, непременным условием одержания победы стал разгром вражеского тыла, т. е. охват военными действиями и

уничтожение мирных городов и сел, промышленных центров, сугубо гражданских объектов.

Появление авиации, а затем ядерного оружия со средствами его доставки буквально революционизировало эту сферу, стерев границу между полем военных действий и мирными, гражданскими структурами, превратив всю территорию воюющих стран в сплошной театр военных действий.

Война имеет свой язык, как говорил Клаузевиц, но не свою раз и навсегда установленную логику. Л.Н. Толстой в «Войне и мире» высказал мысль о том, что война по своей природе непредсказуема, невычислима и неуправляема. Эта мысль перекликается с положением, которое высказал Клаузевиц: «Абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожими на карточную игру». То, почему и как ответственные, на первый взгляд, люди ввязываются в войну также не всегда поддается рациональному объяснению.

В конце XIX в. русский банкир И.С. Блох опубликовал фундаментальный труд «Будущее войны» в шести томах. О популярности этого издания свидетельствует то, что офицерская комиссия, назначенная военным министром Российской империи, рекомендовала его как настольную книгу каждого штабного офицера. Особенность этого издания заключалась в том, что его автор был гражданским лицом, который пришел к выводам, противоречащим большинству прогнозов тогдашних профессиональных военных. Так, они были убеждены в том, что новая война между великими державами Европы будет сопряжена с широкомасштабными насилием и жестокостью, но скоротечной.

Соглашаясь с ними по ряду оценок, Блох предсказывал, что будущая война по масштабам насилия, жестокости, свирепости, бесчеловечности и по количеству жертв превзойдет все мыслимые нормы и пределы. Но вместе с тем он подчеркивал, что она будет тупиковой и поэтому длительной. Несмотря на большую огневую мощь современного оружия, говорил Блох, действующие армии не будут страдать от нехватки амуниции. Новые типы вооружения дают тактические преимущества обороняющейся стороне над наступающей стороной. Бойня будет

грандиозной, но закончится она лишь с истощением ресурсов обеих сторон.

Достижение мира для обеих сторон будет весьма трудным. Причем в случае неудачи или прекращения войны без видимых результатов это может стимулировать революционные движения. По этим причинам будущую войну Блох называл «невозможной». Но тем не менее он признавал возможность невозможного, что как раз и подтвердила Первая мировая война.

Прогнозы Блоха во многом оказались верными. Мы знаем, что первая из этих войн, начавшаяся в Европе, составлявшей как бы сердцевину миропорядка того периода, не могла не приобрести всемирный масштаб. Начавшись как традиционная европейская война, она обернулась долгими годами невиданных разрушений и опустошений. Главным источником и генератором противоречий была Европа, но эти противоречия кругами расходились по всему остальному миру. Обнаружилось, что территория Европы слишком мала для ведения войны.

Поэтому не удивительно, что масштабы Первой мировой войны стремительно расширялись. Возникали все новые театры военных действий: Турецкий, Сирийский, Палестинский, Аравийский, Месопотамский и др. Морские сражения велись на всех морях, омывающих Европу, Атлантическом и Индийском океанах, у берегов Латинской Америки. Иными словами, эта война, превратившись в мировую, окончилась лишь в 1918 г. революционными потрясениями, восстаниями и хаосом.

Вторая мировая война как по форме, так и по содержанию началась именно как мировая. Каждая из главных воюющих стран концентрировала усилия на накоплении ресурсов, необходимых для доведения войны до победного конца. Вся экономика этих стран была поставлена на службу ей, а их военная мощь достигла беспрецедентных в мировой истории высот.

Новая военная тактика и системы вооружений сделали прежние системы планирования и разрушения безнадежно устаревшими. Существенно возрос радиус действия военной авиации, подводный флот приобрел всевозрастающую роль в борьбе с надводным флотом. Впечатляющие изменения произошли в системах ведения военных действий на суше, что дало возможность одерживать широкомасштабные молниеносные победы, которые не могли даже снизиться Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону и даже державам во время Первой мировой войны. Речь идет, например, о грандиозных победах, одержанных вермахтом в пер-

вой половине войны, и о не менее впечатляющих победах союзнических армий над вермахтом во второй половине войны.

Суть проблемы состоит в том, что в XX в. война по самой логике вещей приобрела тотальный характер. Этот факт нашел отражение в военно-политической мысли. Одним из первых, кто более или менее четко сформулировал данный феномен, был германский генерал, участвовавший в Первой мировой войне, Людендорф. В то время как Клаузевиц усматривал главную цель войны в уничтожении или нейтрализации одних только военных сил врага, тотальная война имеет своей целью полное уничтожение врага, включая и гражданское население.

Условия войны изменяются, поэтому, подчеркивал Людендорф, необходимо перевернуть позицию Клаузевица, предлагавшего подчинить точку зрения военных точке зрения политиков. Поскольку тотальная война охватывает все сферы жизни, а не один лишь чисто военный аспект, именно военному руководству подлежит «установить директивы, к которым в интересах тотальной войны политика должна приспособливаться».

Людендорф концентрировал внимание на том факте, что в XX в. война стала мероприятием, призванным ликвидировать не только живую военную силу и военную машину противника, но и его людские резервы и производственно-хозяйственную инфраструктуру. Отсюда – такие ставшие привычными при характеристике Второй мировой войны понятия, как «тотальная война», «тотальная мобилизация», «безоговорочная и полная капитуляция» и т.д. Как показал опыт двух мировых войн, на службу тотальной войны, каковой по сути дела оборачивается любая большая война, ведущаяся современными средствами, ставятся все без исключения ресурсы государства: материальные, финансовые, людские, интеллектуальные, технологические.

Соответствующие коррективы были внесены и в концепцию национальной безопасности. В ней, в частности, ключевое место заняли сугубо военные аспекты. Безопасность стала отождествляться с отсутствием военной угрозы государству извне или с его способностью предотвратить реализацию этой угрозы. Более того, сама концепция национальной безопасности превратилась в своеобразный фактор единения и мобилизации населения стран, взяв на себя, по меньшей мере отчасти, функции государственной идеи или идеологии.

Как показывает исторический опыт, стремление противоборствующих сторон на международной арене исполь-

зовать все новые, более совершенные, чем у противника, средства вооруженной борьбы составляет объективную закономерность. Именно от эффективности этих средств во многом зависел и продолжает зависеть исход любой войны. В данной связи нельзя не упомянуть, что одна из важнейших причин технологического прогресса от каменного топора до лука и ракеты-носителя заключалась в необходимости удовлетворения потребностей ведения войны, хотя со временем военную технологию и приспособляли для гражданских целей.

Важно учитывать то, что на службу Богу войны часто привлекались великие открытия, которые первоначально казались весьма далекими от военных целей и интересов. Более того, большинство современных орудий войны стали возможны благодаря физике Галилея и Эйнштейна, термодинамике, оптике, ядерной физике и т.д., т.е. сугубо гражданским отраслям науки. Производство оружия, став самостоятельной отраслью экономики, приобретает собственную логику развития и уже само по себе превращается в фактор гонки вооружений и, соответственно, развязывания войны.

Война как продолжение политики в ядерную эпоху

Войны – результат политических решений для достижения политических целей с помощью находящихся в распоряжении государств средств – *политических, дипломатических, экономических, идеологических, информационно-пропагандистских, технологических* и т.д., среди которых главенствующую роль играют *вооруженные силы*. Раньше на войну смотрели как на вполне рациональное средство достижения политических целей. Как считал К. фон Клаузевиц, стратегия не может иметь рациональной основы до тех пор, пока не осознана цель, которую она преследует. Именно это он имел в виду, когда характеризовал войну как продолжение политики другими средствами.

Ракетно-ядерное оружие в определенной степени разорвало связь между политикой и войной, сделало устаревшей парадигму военно-политической конфронтации великих держав. Ведь разумная политика, призванная реализовать на международной арене национальные интересы, не может допускать применения ядерного оружия, обладающего чудовишной силой разрушения.

Некоторые из наиболее проницательных создателей ядерного оружия сознавали его значение с точки зрения перспек-

тив войны и мира. Еще в 1943 г. в Лос-Аламосе Нильс Бор, принимавший участие в создании первой атомной бомбы, говорил: «Новое оружие не только изменит характер будущих войн, но и заставит человечество отказаться от вековой привычки воевать». В 1945 г. ему вторил Сциллард: «Как только у русских появится атомная бомба, установится длительный вооруженный мир».

Освобождение энергии атома, говорил А. Эйнштейн, изменило все, кроме способа нашего мышления. Здесь, помимо всего, он, по-видимому, подразумевал, что в течение довольно длительного времени в послевоенный период обе противоборствующие стороны продолжали подходить к проблемам ядерного столетия с позиций доядерного века. Каждая из двух сверхдержав стремилась к расширению и укреплению своей гегемонии. Для «ястребов», доминировавших на политической арене с обеих сторон, сама идея невозможности войны по логике вещей оказывалась неприемлема.

Особо важное значение имел тот факт, что в период холодной войны ядерное оружие, выполняя роль эффективного инструмента взаимного сдерживания двух сверхдержав, продемонстрировало ограниченность своих возможностей при реализации множества других целей, традиционно решавшихся с помощью военной мощи. Так, сразу после Второй мировой войны США, обладая монополией на атомное оружие, не сумели вынудить Советский Союз изменить политическую стратегию, в том числе и в сфере внешней политики. Более того, в 1945–1949 гг. имело место беспрецедентное расширение влияния СССР, но Америка со своей атомной бомбой не смогла помешать этому.

Обладание ядерным оружием не помогло внести серьезные коррективы в ход и результаты корейской и вьетнамской войн. В афганской войне Советский Союз вел себя так, будто он вообще ничего не знает о ядерном оружии. Оно также не стало гарантией от распада Варшавского пакта и самого СССР. Еще в 1982 г. Аргентина начала войну против Великобритании за Фолклендские (Мальвинские) острова, как будто игнорируя то, что эта держава обладает ядерным оружием.

Это стало результатом осознания факта, что ядерно-космический век также имеет специфические закономерности и тенденции. Их суть состоит в том, что соревнование и противоборство стран и народов сочетаются с нарастающей тенденцией к их взаимозависимости. Экономические, национальные или иные интересы всех без исключения народов оказались вплетенными в единый узел с общечеловеческими интересами. Более того, эта взаимо-

переплетенность или взаимозависимость приобрела глобальный характер. Страны и народы уже не могут жить и развиваться без многообразных взаимосвязей, пронизывающих экономическую, общественно-политическую, культурную сферы.

На таком фоне особо важное значение имело осознание всеми заинтересованными сторонами факта, что ядерная война представляет угрозу самому существованию человечества, что с созданием ядерного оружия речь идет уже не просто о совершенствовании средств ведения войны, не просто о приращении военной мощи, а о качественно новом явлении, коренным образом изменившем саму природу, принципы и нормы ведения войны, способном сделать реальностью легенду об апокалиптическом конце света.

Поэтому постепенно утверждалось своеобразное ядерное табу в отношениях между двумя сверхдержавами или военно-политическими блоками. Уже в 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о запрещении применения ядерного оружия на том основании, что оно чревато неоправданно огромными жертвами среди мирного населения и тем самым противоречит международному праву и общепринятым нормам человечности.

Ракетный кризис между СССР и США из-за Кубы, разразившийся осенью 1962 г., можно считать поворотным пунктом в истории современного мира. Он способствовал осознанию обеими противоборствующими сторонами возможных катастрофических последствий применения ядерного оружия и необходимости предотвращения его использования.

Не случайно президент США Р. Никсон в своей книге «Реальный мир» вынужден был признать, что две сверхдержавы не могут позволить себе начать войну друг против друга, поскольку огромная военная мощь каждой из сторон делает войну устаревшей в качестве инструмента национальной политики. Не кто иной как президент Р. Рейган в своем ежегодном послании Конгрессу «О положении страны» 25 января 1984 г., т. е. еще до начала улучшения советско-американских отношений, заявил, что «войну нельзя выиграть, и она никогда не должна быть развязана».

Советский Союз с самого начала появления ядерного оружия всегда, во всяком случае в своих официальных декларациях, выступал за полное его запрещение и использование. Даже Н. С. Хрущев, предупреждавший капиталистов, что «мы вас похороним», был однозначно и категорически против применения ядерного оружия, заявляя, что, если ядерная война будет развязана, живые станут завидовать мертвым. Действительно, после ядерной вой-

ны возможна ситуация, при которой отпадет сама необходимость проведения каких-то различий между интересами государств, классами, идеологиями и т.д. Если провести аналогию с теорией игр, то можно согласиться с Т. Шеллингом, который в 1983 г. показал, что современная война на самом деле представляет собой игру с ненулевой (отрицательной) суммой, поскольку все участники войны в конечном итоге остаются в проигрыше.

Ядерное оружие, возможно, символизирует безрассудство и глупость человечества. Но вместе с тем нужно признать, что, постоянно ощущая нависающий над собой карающий всех подряд обоюдоострый ядерный меч, человечество продемонстрировало свою способность удержаться от соблазна пересечь тот роковой рубеж, который вверг бы его в глобальную катастрофу. Более того, ядерное оружие, взятое само по себе, стало главным фактором предотвращения его использования какой-либо одной из сторон. Оно предельно сузило цели, для достижения которых может быть использована стратегическая мощь, его главной задачей стало сдерживание возможного нападения противника.

Отчасти в силу того, что стратегическое ядерное оружие служит именно этой цели, мир воцарился в центре международной политики в течение пяти послевоенных десятилетий, в то время как войны малой и средней интенсивности с использованием обычных вооружений часто бушевали на периферии. Все это свидетельствует о том, что ядерное оружие способно служить традиционной цели выживания государства лишь при условии, что оно никогда не будет применено.

Ядерное оружие, особенно в период холодной войны, во многом стерло границы между войной и миром, военными и невоенными средствами борьбы. Зачастую достижение стратегических целей межгосударственного противоборства оказывается возможным без традиционных результатов, например оккупации территории противника. Всевозрастающую актуальность приобретают новейшие виды «войн», такие как экономическая, торговая, экологическая, информационная.

В перспективе, возможно, новое измерение и новый импульс приобретут идеологическая, пропагандистская, психологическая и иные разновидности бескровной войны. Например, эффект использования информационно-телекоммуникационных технологий в целях дезорганизации систем государственного управления и военного командования, воздействия на моральный дух населения и войск по своим последствиям может быть сопоста-

вим с ущербом от применения оружия массового поражения, в том числе и ядерного.

Особенность ядерно-космического века состоит в том, что в результате происшедшего разрыва между войной и политикой происходит также разрыв между теорией и практикой. Если в прежние времена военная теория в основном базировалась на конкретном опыте, то многие понятия, обозначающие параметры ядерной войны, представляют собой некие абстракции или мысленные, концептуальные конструкции, которые невозможно апробировать в конкретных условиях ведения военных действий.

Особо важное значение имеет тот факт, что, по признанию многих специалистов, ядерное оружие изменило корреляцию между уровнем экономического развития и военной мощью, поскольку страна с менее чем половиной экономических способностей ведущей экономической державы без особого труда может конкурировать с ней в военном отношении, если она принимает политику статус-кво и стратегию сдерживания. И, наоборот, ведущая держава не может использовать экономическое превосходство для установления своего военного господства или же завоевать стратегическое преимущество над своими соперниками – претендентами на статус великой державы.

Аргументы в пользу того, что в условиях ядерно-космического века большая война может превратиться в нечто вроде армагеддона в планетарном масштабе, имеют под собой веские основания. Она недопустима с точки зрения рациональных доводов, практического разума, обыкновенного политического расчета. Война, в которой заведомо не может быть ни победителей, ни побежденных, во всяком случае явных, казалось бы, бессмысленна со всех точек зрения. Более того, не только ядерная война, но и война с применением обычных вооружений в современных условиях в глазах любого здравомыслящего человека не может не выглядеть как преступление против человечества и поэтому не может считаться средством разрешения международных политических вопросов.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что ракетно-ядерное оружие нельзя более рассматривать как средство продолжения политики в том смысле, как это понимал Клаузевиц и многочисленные его последователи. Оно, несомненно, ведет к сокращению роли силы на стратегическом уровне до роли сдерживания, упрощает оценку стратегических возможностей стран и облегчает достижение самого баланса между конфликтующими или противоборствующими сторонами.

Следует также отметить, что в нынешних реальностях авторитет и влияние государств в мире определяется не только и не столько численностью армии и объемами арсеналов вооружений. Все более растущую значимость приобретают интеллектуальный потенциал нации, ее умение создавать богатства и новые технологии, степень ее самодостаточности и жизненности, способность на равных конкурировать с ведущими актерами мировой политики и законными средствами отстаивать и продвигать свои национальные интересы и, что особенно важно, обеспечивать своим гражданам благоприятные условия для самореализации и достойной современной человека жизни.

Некоторые авторы говорят даже о «тривиализации» международных отношений, когда бухгалтер верховенствует над стратегом и на смену высокой политике приходит прозаический экономический расчет. Едва ли будет преувеличением утверждение, что в некоторых аспектах *научное знание, информация и технологический опыт стали для целей безопасности тем, чем раньше были оружие и армия.*

Изменение роли военной силы выражается, в частности, в том, что, когда одно государство стремится изменить экономическую политику другого государства, чтобы обеспечить себе, например, больший доступ к рынкам, *экономические средства оказываются более эффективными, чем военно-силовые.* То же самое верно и применительно к проблемам борьбы с загрязнением окружающей среды, эпидемиями, наркобизнесом и т.д.

Однако все перечисленные факторы отнюдь не отменяют принцип использования или угрозы использования силы для достижения политических целей, он лишь трансформируется, приобретает новые измерения. История человечества дает много примеров, подтверждающих, что люди не всегда и не во всем руководствуются велениями разума и рациональным расчетом.

Способствуют ли рыночная экономика и демократия искоренению конфликтов и войн?

Любая война сопряжена с диалектикой господства и подчинения, свободы и рабства, или, как говорил Фихте, господина и раба: подчиненный или раб не примиряется со своим положением и перестает предпринимать усилия для свержения господства и достижения независимости и свободы. На протяжении всей

истории каждая война, в ходе которой раб занимал место господина, создает новую историческую ситуацию, преодолевающую прежнюю. Создавался некий замкнутый круг, из которого как будто нет реального выхода.

И действительно, есть ли такой выход, можно ли положить конец войне как феномену, неотъемлемому от человеческого существования? Над этим вопросом задумывались лучшие умы человечества. Интерес представляет позиция Гегеля. На данный вопрос он отвечал утвердительно, считая, что именно современное государство, в котором достигнут синтез партикулярного и универсального, способно реализовать конкретную свободу. Поскольку война является средством достижения свободы, а государство реализует эту конкретную свободу, гражданский мир становится для каждого условием реализации собственной личности.

Но это в рамках каждого отдельно взятого государства. Исчезнет ли в таком случае война внешняя?

Мир, свободный от войн и кровавых конфликтов, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Особенно настойчиво этот идеал отстаивали сторонники политического идеализма, основные установки которого были рассмотрены выше. Такая позиция приобретала все большую популярность в Новое время по мере постепенного вызревания рыночной экономики и гражданско-правовых общественных отношений. Уже на заре Нового времени возникли сакраментальные вопросы: что приносят с собой коммерция и свободная конкуренция: конфликт или сотрудничество, мир или войну? Что в большей степени обеспечивает процветание и богатство народов: война или мир? Считается, что для меркантилистов ответом была – война, а для сторонников восходящего свободного рынка – мир. Такие ответы во многом определялись различием конкретных целей, преследовавшихся сторонниками двух доктрин: если меркантилисты стремились к обогащению государства, то сторонников свободного рынка заботили прежде всего благосостояние частных индивидов, рассматриваемое как главная предпосылка обогащения всего общества.

С конца XVII в. стала утверждаться мысль о позитивной роли коммерции с точки зрения достижения мира. Постепенно «дух коммерции» и образ рассудительного и деловитого купца начали противопоставлять духу воинственности и насилия, отождествляемому с войной и связанными с ней профессиями. Считалось, что сама практика обмена способствует уменьшению конфликтов между отдельными индивидами и нациями, что коммерция

выполняет не только миротворческие, но и цивилизаторские функции. Этот взгляд нашел выражение уже в работе Ж. Бодена «Ответ М. де Малтруа», где указывалось на то, что коммерция является наилучшим средством утверждения дружбы и мира среди людей.

Свобода обмена и братство народов были поставлены на одну доску и рассматривались как выражение христианского милосердия, установленного самим Провидением. При этом следует отметить, что в «Шести книгах республики», написанной восемью годами раньше, именем того же самого Провидения тот же Боден оправдывал войну.

Далее, в книге «Преимущества коммерции», вышедшей в 1675 г., Ж. Савари одним из первых сформулировал тезис о благотворном влиянии того, что он назвал «духом коммерции». Более четко эту мысль выразил Ш.-Л. Монтескье в своем труде «Дух законов». Он утверждал, что коммерция «смягчает варварские нравы», поскольку «всюду, где преобладают мягкие нравы, существует коммерция, и всюду, где есть коммерция, преобладают мягкие нравы». Если один народ хочет покупать, а другой народ – продавать, то «естественным результатом коммерции является мир», основанный на взаимных потребностях.

Данная традиция нашла свое дальнейшее развитие у французских физиократов. Дюпон де Немур (1739–1817), например, выводил принципы мира из естественного и неизменного порядка. Достаточно точно определить эти естественные законы, утверждал он, чтобы прийти к миру согласно принципам *laissez-faire, laissez-passer*. Отвергая установку меркантилистов на то, что богатства и мощь государства растут прямо пропорционально силе и успехам армии, физиократы утверждали, что они растут прямо пропорционально объему торговых или деловых операций. Из этого делался вывод о недопустимости строить процветание одного государства за счет разрушения другого, как это предлагали меркантилисты. Отвергалась также монополия национальных групп купцов. «Нации, которые не отличают свои интересы от интересов своих купцов, – утверждал, например, Ф. Кэнэ, – поддерживают войны, чтобы обеспечить представителям национальной коммерции исключительные привилегии».

Особо важен вклад в разработку данной проблемы Адама Смита, который в своем знаменитом труде обосновывал идею, что богатство народов зиждется на оптимальном сочетании частного интереса со всеобщим интересом, национального интереса с интернациональным интересом. Такая гармония обеспечива-

ет условия, позволяющие индивидуальным участникам обмена, направляемым «невидимой рукой» рынка, поднять общее благосостояние, преследуя при этом собственные частные интересы.

Международная коммерция благоприятствует миру между народами, открывая возможности для установления между ними дипломатических отношений. Она создает новый тип человека – космополитического коммерсанта, «гражданина мира». Рассуждая в том же духе, А.К. Сен-Симон считал военных «паразитами» общества, а армию – пережитком эпохи феодализма, который исчезнет с возникновением индустриального общества.

Большой интерес представляет позиция И. Канта, который подчеркивал, что, несмотря на несомненное зло, внутренне присущее человеческой природе, люди способны морально совершенствоваться, и это давало ему основание для вывода о возможности исключения войн из жизни народов. Основываясь на таком убеждении, он обнародовал в 1795 г. проект «Вечного мира», где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Кант утверждал, что распространение республиканской формы правления ознаменуется наступлением эры международного мира.

Вслед за Кантом многие теоретики либеральной традиции были убеждены в том, что глобальная демократизация будет способствовать установлению мирных международных отношений, создавая все более расширяющуюся зону мира. Так, представители манчестерской школы в XIX в., исходя из идеи экономического интереса, пришли к выводу, что свободная торговля сделает войну ненужной и нерациональной. К своеобразному выводу пришел Б. Констан в работе «О духе завоевания и узурпации власти в их отношении к европейской цивилизации», опубликованной в 1813 г. Он пытался обосновать мысль о том, что новые виды оружия, особенно усовершенствованная артиллерия, сделали войну противоестественной в жизни людей. При наличии оружия, поражающего на дальнем расстоянии, более не может быть и речи о славе, доблести и других атрибутах, с которыми раньше отождествлялась война. Подобно Монтескье и Канту, он возлагал большие надежды на коммерцию как противоположности войны.

Один из основателей позитивизма О. Конт обосновывал мысль о том, что уже в его время войны стали анахронизмом. Война, подчеркивал он, была неизбежна в доиндустриальную эпоху для принуждения ленивых и склонных к анархии людей к труду, а также – создания больших государств. С наступлением ин-

дустриального общества, где богатство зависит не от завоеваний, а от научной организации труда, исчез военный класс, а с ним и причины воевать, примат перешел к трудовой деятельности, трудовым ценностям. Поэтому, утверждал Кант, «наступила эпоха, когда серьезные и продолжительные войны должны полностью исчезнуть у лучшей части человечества».

В этом же духе Г. Бокль, Р. У. Эмерсон, Г. Спенсер и его приверженцы полагали, что распространение принципов свободной торговли во всемирном масштабе постепенно приведет к интернациональному разделению труда и экономической специализации, а это, в свою очередь, будет способствовать усилению взаимозависимости различных стран и народов и в конечном счете их отказу от войны как средства межгосударственных споров. Подобных же идей придерживались представители русской гуманитарной мысли. Так, в сборнике статей «Международное право цивилизованных стран», опубликованном в Москве в 1876 г., отмечалось: «Истинное, соответствующее идеалу человеческого развития правовое состояние представляет мир, а не война. Хотя вечный мир есть, может быть, недостижимый идеал, но это идеал, к которому стремится человечество в своем развитии и к которому оно может и должно приближаться» [55].

Показательно, что крупные авторы XX в. рассматривали Первую мировую войну как своего рода aberrацию. В несколько модифицированной форме повторяя мысль А. К. Сен-Симона об армии, Т. Веблен и Й. Шумпетер считали, что империализм является остатком феодализма, противоречащим духу индустриального общества. Вспомним в данной связи, что, вступая в Первую мировую войну на завершающей ее стадии, тогдашний президент США В. Вильсон провозгласил своей целью ни много ни мало как «спасение мира для демократии». Предполагалось, что она будет последней войной, призванной положить конец всем войнам. Однако всего лишь через двадцать лет после Версаля и «Четырнадцати пунктов» В. Вильсона планета стала ареной всемирной бойни, невиданной в истории человечества как по своим масштабам, так и по своей жестокости.

Когда 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена, многие уповали на то, что в Европе, да и в мире в целом, наступит наконец период гармонии и порядка. Сложилось убеждение, согласно которому тенденция к утверждению во все более растущем числе стран и регионов демократии в конечном счете приведет к коренному изменению самой природы внутри- и внешнеполитических отношений в мире.

Главным же ее результатом, по мнению многих исследователей и наблюдателей, станет исчезновение войн из жизни человечества в силу формирования международной системы, основанной на фундаментальной идеологической, социальной и экономической трансформации современного мира на путях рыночной экономики и либеральной демократии. Появилось множество работ, лейтмотивом которых является тезис о том, что в современную эпоху по мере утверждения во всем мире западной демократической модели жизнеустройства войны станут достоянием истории.

В подтверждение этого тезиса приводят, как правило, тот факт, что в течение нескольких послевоенных десятилетий между демократическими странами Запада не было не только войн, но и сколько-нибудь серьезных конфликтов. И действительно, с исчезновением фронтального системного, идеологического и военно-политического противостояния ведущих акторов мировой политики как будто ушли предпосылки для использования войны в качестве инструмента разрешения межгосударственных и международных споров.

Если раньше наиболее экономически развитые и мощные военные державы воспринимали друг друга как угрозу, то в нынешней реальности выглядит маловероятной ситуация, при которой индустриально развитые страны Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии обратят свою вооруженную мощь друг против друга. Создается впечатление, что страны, которые во Второй мировой войне боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, теперь отказались от военной силы в качестве инструмента решения возникающих между ними спорных вопросов.

О неискоренимости войн из жизни народов

Но было бы поспешным делать слишком обобщенные оптимистические выводы из западного опыта послевоенных десятилетий, хотя многое можно сказать о корреляции между демократией и миром. Нельзя забывать, что в доконфронтационный период западноевропейцы были сплочены прежде всего перед лицом грозного противника, угрожавшего, как им казалось, самому их существованию. Стабильность обеспечивалась в рамках двухполюсного миропорядка, где две сверхдержавы жестко диктовали и удерживали своих союзников от самостоятельных действий. К тому же одним из парадоксов послевоенного периода следует считать то, что контроль над вооружениями был достигнут в относительно спокой-

ной зоне конфронтации между Востоком и Западом, практически не затронув остальные регионы.

Верно, что взаимоотношения государств в современном мире нельзя представлять как гоббсовскую войну всех против всех. Нельзя также изображать дело таким образом, будто насилие или угроза применения насилия и сейчас постоянно и неотвратимо витает над странами и народами. Но все же необходимо признать суровую реальность конфликтов и войн и их неискоренимость из жизни международного сообщества. Как справедливо отмечают сторонники политического реализма, конфликт может быть урегулирован, но не ликвидирован. В современных условиях можно не соглашаться с их тезисом, согласно которому мира как такового не может быть никогда, а только перемирие, поскольку у побежденного всегда есть неистребимое стремление взять реванш.

Однако необходимо признать, что изменения, происшедшие в последние годы, в том числе переход группы стран на путь демократического развития, не уменьшили риска войн и вооруженных конфликтов. По-видимому, прав П. Сенарклен, который писал: «Перспектива примирения между Востоком и Западом не превратила утопию в реальность. Международная сцена все еще представляет собой место, где все кризисы, конфликты и отношения господства и насилия, составляющие суть политической жизни, проявляются самым резким образом. На этом основании можно даже вполне справедливо прийти к мысли о том, что структуры современного международного общества стимулируют отношения подавления и насилия, социальную маргинализацию, миграционные процессы, этнические конфликты, гражданские и религиозные войны и терроризм» [69, с. 10–20].

Сама демократия (хотя она, возможно, самая справедливая форма правления) сопряжена со множеством издержек именно с точки зрения развязывания *страстей, эмоций, враждебности и конфликтов*. Гипотетическое господство демократии во всемирном масштабе способно стимулировать нестабильность и конфронтацию между различными странами. Более того, при определенных условиях народ может стать не меньшим, а порой значительно *большим тираном*, чем единоличный диктатор. Предоставив народу *panem et circenses*, т.е. хлеба и зрелищ, римские императоры завоевали почти всю известную в тот период ойкумену. Разного рода посулами А. Гитлер принудил немецкий народ избрать его канцлером Веймарской республики. Неожиданное впадение немецкого народа в «неслыханное варварство» С. Л. Франк рассматривал как «проявление духовного заблуждения всего европейского человечества» [77, с. 36].

Было бы опрометчиво утверждать, что нынешние демократии застрахованы от подобной болезни. Исторический опыт показывает, что нередко демократия не смогла служить препятствием для развязывания войны. Зачастую демократические принципы решительно отодвигались на дальний план или вовсе игнорировались, когда на карту ставились реальные или превратно понятые национальные интересы. Известно, что Британская и Французская империи расширялись вовне, в то время как во внутривосточной сфере утверждались демократические ценности и институты. Известна эпопея становления и институционализации демократии на североамериканском континенте, сопровождавшаяся другой уже кровавой эпопеей сгона со своих земель и физического уничтожения многочисленных аборигенных народов и племен.

Не лишне напомнить, что во время Первой мировой войны демократические Великобритания и Франция находились в союзе с авторитарной Российской империей, а во время Второй мировой войны демократические Англия, Франция и США в теснейшем союзе с тоталитарным Советским Союзом сражались с тоталитарной гитлеровской Германией.

Тезис о способности демократии принести с собой мир подрывается хотя бы тем фактом, что демократическая Америка во имя так называемых национальных интересов принесла столько страданий и бед в дома десятков миллионов крестьян Юго-Восточной Азии. Администрация Р. Рейгана, по данным П. Шредера, осуществила четыре открытых и семнадцать тайных военных вмешательств во внутренние дела других государств под предлогом содействия демократии. Эти акции были направлены на свержение действующих правительств, многие из которых пользовались поддержкой большинства народа.

И сейчас, охваченная звездной болезнью, Америка претендует на роль единоличного арбитра в вопросах как демократии, так и сохранения мира. Мечтая о некоем монополярном мире, единолично доминируемом ею самой, Америка предлагает себя в качестве «хранителя (или спасителя) мира для демократии». При этом, как показывают действия США в отношении отдельных стран (например, Ирака), всевозможные интриги, тайные операции и войны отнюдь не выбрасываются из арсенала демократии.

Нельзя забывать, что демократия развязывает у масс страсти, которые столь часто служили причиной кровавых конфликтов. Парадоксально, но одновременно с увеличением числа стран, вставших на путь демократического развития, возросло чис-

ло стран, где вспыхнули гражданские войны. События в бывшей Югославии, бывшем Советском Союзе и отдельных регионах Африки и Азии воочию демонстрируют, насколько болезнен переход от одной системы к другой. Ликвидация авторитарных и тоталитарных режимов и переход на рельсы демократизации могут способствовать развязыванию ужасных дремлющих сил межобщинного и этнического конфликта.

Война и *reson d'être* государства

В первой половине 90-х годов, в то время как в одной части просвещенной и благополучной Европы война в собственном смысле слова как будто перестала быть инструментом политики, другая ее часть была охвачена ею. И она велась по всем правилам (возможно, правильнее было бы сказать: без соблюдения всяких правил) военного искусства. Бушевавшие до недавнего времени и продолжающие бушевать гражданские войны могут оказаться лишь верхушкой айсберга потенциального брожения, от которого, возможно, не застрахованы даже исторически наиболее консолидированные народы и государства.

Этнические конфликты и возрождение национализма в таких цитаделях демократии, как Германия, Италия, Испания, а также Польша и другие страны, не оставляют места для большого оптимизма относительно возможностей национальных государств обеспечить своим гражданам мир и защиту жизни и собственности.

Способствуя расширению демократии, мировые процессы последнего времени одновременно сдетонировали внутривосточную нестабильность в ряде стран и регионов. Со всей очевидностью обнаружилось, что увеличение числа стран с демократическими режимами не всегда и не обязательно ведет к утверждению демократических принципов в отношениях между государствами.

Люди, поставленные в соответствующие условия или руководимые высшими, на их взгляд, побуждениями, божественными или дьявольскими, зачастую способны пренебречь любыми этическими, материальными или рациональными соображениями, чтобы реализовать то, что они считают выше всех этих соображений. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, вопреки риторике в духе миролюбия и постконфронтационного подхода к мировым делам, народы и государства в принципе не отказались от традиционного видения путей, форм и средств обеспечения национальной и международной безопасности. Поэтому война и другие на-

сильственные формы разрешения споров и конфликтов отнюдь не потеряли роль средств достижения политических целей.

Более того, с величайшим сожалением приходится констатировать, что ядерное оружие отнюдь не отменило возможность невозможного, поскольку, как показывает исторический опыт, человек и человеческое сообщество часто действовали вопреки очевидному. И военная сила, и силовые методы в обозримой перспективе останутся важнейшим фактором международных отношений. Поэтому нельзя сказать, что ядерное оружие вообще не пригодно для решения политических проблем. Сохраняется, в частности, его политическая значимость как явного показателя мощи государства.

Именно поэтому окончание холодной войны, уверения в отказе от глобальной военно-политической и идеологической конфронтации отнюдь не привели и не могли привести к ликвидации громадных арсеналов ядерного и обычного вооружений. С одной стороны, предпринимаются усилия по сокращению арсеналов и постановке их под контроль, а с другой – не прекращаются, а, наоборот, расширяются и интенсифицируются работы по созданию новейших и высокоточных средств ведения войны, основанных на новых физических принципах (например, плазменное, лазерное, психотропное, геофизическое и др.) и нередко сопоставимых по боевой эффективности и результативности с оружием массового поражения. Очевидно, что подобные тенденции, ускоряемые дальнейшими достижениями научно-технического прогресса, могут привести к изменению самой материальной базы, самого характера вооруженной борьбы между народами.

Особую роль приобретает военно-промышленный комплекс, прямо заинтересованный в сохранении и постоянном поддержании очагов международной напряженности. Для него идеальным является ситуация «ни мира, ни войны», которая только и способна оправдать древнюю максиму «Если хочешь мира, то готовься к войне». Производство оружия, став самостоятельной отраслью производства, обретает собственную логику развития и уже само по себе превращается в фактор гонки вооружений и, соответственно, развязывания войны.

Поэтому само существование военно-промышленного комплекса становится самостоятельным фактором, оказывающим существенное влияние на принятие политических решений и на их характер. Интересы самосохранения военно-промышленного комплекса и длительный цикл разработки и производства новых типов вооружений, достигающий зачастую 10–12 лет и бо-

лее, создают ситуации, когда политика государства подгоняется под потребности выпуска новейших дорогостоящих вооружений. Таким образом, гонка вооружений приобретает собственную внутреннюю динамику.

Если политика предполагает конфликт, конфронтацию, при отсутствии внешнего врага государство как бы теряет свой *reson d'être*, исчезновение войн имеет своим предварительным условием исчезновение самого государства в том виде, в каком мы его знаем на протяжении всей истории человечества. Главное предназначение государства состоит в обеспечении жизни, безопасности и свободы своих граждан. При этом оно рискует собственным существованием перед опасностью со стороны других государств. Другими словами, история войн, пришедшая к своему концу в рамках отдельно взятого государства, продолжается в сфере межгосударственных отношений.

Казалось бы, сам собой напрашивается вывод о том, что для достижения всеобщего мира необходимо создание некоего универсального наднационального мирового государства. Но такая перспектива не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований, поскольку она потребовала бы радикального изменения самой природы человека. Не случайно многие серьезные мыслители и ученые прошлого относились к таким идеям в лучшем случае со скепсисом, а то и с презрением.

История государств и их борьбы будет продолжаться, пока продолжается история человечества, поскольку человек остается человеком. Человек не есть существо, созданное для мира, и война составляет основу «этического здоровья народов», как это настойчиво подчеркивается в «Философии истории» и «Феноменологии духа». Очевидно, что если у Гегеля состояние гражданского мира достижимо в рамках отдельно взятого государства, то война между государствами является постоянным фактором человеческой истории.

И действительно, государство как форма самоорганизации людей вытекает из самой природы политического как проявления конфликтного начала и дихотомии друг-враг. Каждое конкретное государство может существовать лишь в его отношении с другими государствами или в системе государств. Можно сказать, что существование одного, нескольких, множества государств является необходимым и достаточным условием для существования каждого конкретного отдельно взятого государства. Если внутри отдельного государства политика является результатом столкновения

интересов различных конфликтующих групп, сословий, классов в пределах данного государства, то на международной арене в качестве антипода-врага выступает главным образом другое государство или государства. Поэтому-то и не может быть универсального государства. Если гипотетически допустить такую перспективу, то это означало бы также элиминацию политики вообще, в том числе и международной. Это означало бы также исключение войн и конфликтов из жизни общества, что, как показывает известная нам история человечества, лишено всяких оснований.

Внешняя угроза нередко служила фактором консолидации и интенсификации процессов утверждения национальной самоидентификации народов. Показательно, что в то время как полицейские силы и другие правоохранительные органы или образования, как правило, принадлежат муниципалитетам или иным субнациональным уровням, армия символизирует нацию в целом. Само существование национального государства в определенной степени обусловлено угрозой войны и необходимостью соответствующей подготовки к ней. Как отмечал Дж. Холл, «войны создавали государства в не меньшей степени, чем государства создавали войны».

Любая война стоит денег. Поэтому очевидно, что способность государства успешно вести войну зависело от его возможностей привлекать ресурсы – человеческие, материальные, военные и т.д. Для этого требуется не только добровольное волеизъявление простых граждан, но и способность государства использовать при необходимости принудительные меры, для реализации которых и служили карательные структуры. В данном контексте можно сказать, что растущие масштабы войны и особенно ее возрастающая зависимость от развития технологии и специализации стали факторами, способствовавшими дальнейшему укреплению централизованного национального государства.

Показательно, что именно те государства, которые демонстрировали свою способность мобилизовать и держать постоянные профессиональные армии и военно-морские силы, получали преимущества с точки зрения успешного ведения войны. В качестве доминирующих сил на международной арене, предлагающих для всего сообщества правила политической игры, выдвигались государства, способные мобилизовать крупные людские ресурсы, создавать эффективную экономику и обеспечивать технологические нововведения.

Эти государства в основном определяли формы войны,

обладающий в данный исторический период тип государственной организации. Напомню в данной связи, что в Новое время экспансия Европы на всю планету потребовала создания таких организационных форм, которые соответствовали бы размаху этих задач. Она стала одним из главных источников интенсификации активности государства. Именно государства организовывали, планировали, снаряжали и финансировали заморские экспедиции и открытия. В то же время правительства пожинали плоды открытий и эксплуатации новых земель.

Государство отличается от всех других форм общественных организаций тем, что оно обладает монополией на легитимное насилие на всей территории, подпадающей под его юрисдикцию. Особенность государства состоит также в том, что, обладая *jus belli*, оно вправе определить врага и бороться с ним. Это право, в свою очередь, предполагает возможность распоряжаться самой жизнью граждан данного государства. Ибо, как подчеркивал К. Шмитт, *jus belli* «означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага» [88, с. 49]. В этом смысле, по-видимому, прав был К. Шмитт, который считал, что способность народа или государства самостоятельно определить друга и врага – основа его политического существования. Если, утверждал он, у государства или народа «больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого – нет, он больше уже не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее» [88, с. 52].

Итак, можно сделать вывод, что в обозримой перспективе наша планета отнюдь не трансформируется в некий единый универсум, характеризующийся господством мира и согласием между народами, а останется сообществом множества конкурирующих и взаимодействующих, конфликтующих и сотрудничающих государств и народов, стран, культур, конфессий, регионов, союзов, коалиций. Причем демократия, или какая-либо иная форма самоорганизации человеческих сообществ, сама по себе не способна изгнать конфликты и войны из жизни людей. Однако остается вопрос: какие именно они примут формы в современном мире?

Контрольные вопросы

1. Каковы особенности конфликтов и войн в современном мире?
2. Что вы понимаете под тотализацией войны?
3. Что понимается под индустриализацией подготовки ведения войны?
4. Какие трансформации претерпело искусство ведения войны в современном мире?
5. Какие трансформации претерпел в ядерную эпоху знаменитый тезис «Война есть продолжение политики другими средствами»?
6. Способствуют ли рыночная экономика и демократия искоренению конфликтов и войн из жизни человечества?
7. Почему война неискоренима из жизни народов?
8. Что вы понимаете под тезисом «Война есть *raison d'être* государства»?

Глава 10

Методология познания мира политического

Важной составной частью политической философии является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Она объединяет систему аналитических методов и приемов проверки и оценки данных из концептуального и идейного арсенала, в совокупности составляющих общий подход к решению стоящих перед данной наукой проблем. Не случайно известный германский философ К. Ясперс настаивал на том, что всякая подлинная наука включает знание о методах и границах этой науки. К методологии относятся правила и критерии интерпретации фактов, равно как исследовательские планы, приемы сбора данных и т.д. Она тесно связана с теорией, которая, в свою очередь, является частью господствующей в данный период общественно-политической парадигмы.

Рационализм

С точки зрения развития методологии изучения мира политического основополагающее значение имело то, что она формировалась и утверждалась в русле рационалистической традиции. В этом контексте определяющую роль сыграл революционный переворот в понимании природного и социального мира, происшедший в начале Нового времени.

Во всех эллинистических космогонических построениях мы находим религиозные догмы, возведенные в ранг неоспоримых аксиом. Причем все эти догмы у древнегреческих авторов, как отмечал П. Дьюэм, в сущности одинаковы: «Небесные тела божественны, они — единственные подлинные боги; им, веч-

ным и нетленным, неизвестны другие изменения, кроме совершаемого кругового и равномерного движения; через это движение и в соответствии с строжайшим детерминизмом они управляют ходом всех изменений в подлунном мире».

Иное дело в *научной картине мира*. Она возникает лишь тогда, когда утверждается мысль о том, что некоторые законы, коренящиеся в самом мироздании, например законы механики, управляют всеми земными и небесными движениями, обращением Солнца, движением звезд, приливами и отливами морей и т.д. А чтобы такая идея стала возможной, надо было лишить звезды божественного ореола и подчинить их законам механики, что и было сделано мыслителями Нового времени.

В целом над основоположниками социальных и гуманитарных наук довлели модели универсальной рациональности и ньютоновского механистически-сциентистского видения мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т.д. В основе такого видения лежало убеждение, что природа — это то, что исчислимо. Отсюда мысль Галилея, что природа «*scritta in lingua matematica*», т. е. природу можно точно описать и объяснить на математическом языке. Этот подход был использован в качестве универсального метода объяснения не только природного, но и социального мира. Р. Декарту принадлежит тезис, согласно которому животное есть лишь сложная машина.

Этот тезис более последовательно развил Т. Гоббс, в полной мере перенеся его на человека. В «Левиафане» человек характеризуется как машина, жизнедеятельность которой изображается как результат движения отдельных ее частей, например, сердце — пружины, нервы — нити, суставы — колеса и т.д. Более того, Гоббс рассматривал само государство в качестве грандиозного и искусственного человека — Левиафана, в котором разыгрываются исключительно механистические процессы и взаимоотношения. Тем самым у Гоббса рационализм и абсолютизм слились в великом синтезе. Пожалуй, свое законченное выражение эта традиция нашла в произведении Ж. Ламетри «Человек-машина» (1747 г.), в котором человек рассматривался как самозаводящаяся машина, подобная часовому механизму.

Представители рационалистической традиции усматривали в науке тот ключ, которому под силу открыть все двери от тайн как природы, так и социального мира, в том числе и мира политического.

Еще Т. Гоббс говорил о необходимости создания науки о политике, которая заняла бы свое место рядом с научными

достижениями Коперника, Кеплера и Галилея. При этом он полагал, что предлагаемая им философия государства и есть политическая наука. Обратив оружие рационализма против средневековых суеверий, Т. Гоббс ценил только эмпирические факты и, веруя в исчислимость политических феноменов с помощью математических методов, усматривал смысл государства в его полезности и способности обеспечить безопасность и мир для своих граждан. Д. Юм наряду со многими другими мыслителями Нового времени стремился к тому, чтобы свести политику к науке в целях создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов.

В такой механистической картине мира, в которой все детали тщательно подогнаны друг к другу, как в искусно сконструированном механизме, все действия строго детерминированы, не было места для случайности. Именно в соответствии с такой картиной Лаплас утверждал, что если охватить всю *совокупность данных о Вселенной*, то можно не только *точно предсказать будущее*, но и *восстановить во всех подробностях прошлое*. Поэтому приходится верить утверждению, будто Лаплас заявил Наполеону Бонапарту, что «второго Ньютона больше не будет, поскольку существует лишь один мир и он изучен».

Постепенно объяснение политических феноменов и процессов в терминах рационализма становится общепринятым в западном общественном сознании. Зрело убеждение, что в социальных и политических реальностях будут обнаружены законы и закономерности, которые по своей точности и определенности не будут уступать, например, законам физики.

Утверждалась методология анализа общественно-политических явлений, разрабатывались новые специальные методы исследования, неуклонно возрастал интерес к методам формально-правового анализа, юридической логике, сравнительно-правовому анализу и т.д. Некоторые исследовательские методы, приемы и понятия, выработанные в естественных науках, становились достоянием социальных и гуманитарных наук.

Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности стали описываться и анализироваться с помощью таких заимствованных из естественных понятий, как «прогресс», «эволюция», «организм», «порядок» и др. Уже к концу XVIII–началу XIX в. утвердилось убеждение в необходимости систематического эмпирического изучения политических феноменов, исследования политики с помощью точных методов, будто способных установить непреложные

естественно-исторические закономерности развития человеческого общества.

В русле этой традиции один из отцов-основателей социологии О. Конт обосновывал мысль о том, что политическую науку можно возвести в ранг «опытных наук». В своей ставшей известной речи 1862 г. Г. Гельмгольц практически уравнивал в правах гуманитарные и естественные науки, хотя и признавал, что индуктивный метод применительно к историческому познанию находится совсем в иных условиях, нежели при естественно-научных исследованиях. Симптоматично, что, решительно отстаивая и защищая теоретико-познавательную самостоятельность гуманитарных наук, известный немецкий исследователь В. Дильтей соглашался с тем, что для них образцом являются естественные науки. В XIX – начале XX в. сначала О. Конт, К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи, а затем Э. Дюркгейм, В. Парето, Г. Моска и др. анализировали политические феномены в более широком контексте социальных наук в терминах непреложных закономерностей и причинно-следственных связей.

Триумф позитивизма и системного подхода

Формирование методологии изучения мира политического с самого начала обозначило две главные тенденции. В конце XIX в. были сформулированы основные критерии *разграничения естественных и общественных наук*. Если первые были охарактеризованы как генерализирующие, в которых преобладают *общие закономерности* развития и строго очерченные причинно-следственные связи, то вторые были отнесены к типу индивидуализирующих, в которых доминируют *индивидуальные*, не повторяющиеся феномены и события. Но тем не менее в политической науке и политической философии стран *континентальной Европы* преобладание получила тенденция к синтезу *эмпирического и теоретического* начал. В то время в *англо-саксонских странах*, особенно *США*, предпочтение было отдано *позитивизму*, который во все более растущей степени претендовал на превращение всех *социальных и гуманитарных* дисциплин в *точные* науки наравне с естественными.

Позитивистский подход основывается на посылке о *единообразии, повторяемости и исчислимости* элементов и компонентов, лежащих в основе политических феноменов. Это более или менее последовательно изложил американский политолог А. Г. Кэтлин в книге

290 «Наука и метод политики» (1927 г.), в которой была принята попытка разработать «чистую науку о политике»,

свободную от каких бы то ни было ценностных доводов и аргументов. В соответствии с такой установкой в 20–30-е годы в политической науке США неуклонно утверждался позитивизм в его сциентистских формах, что вело к изгнанию из исследований теоретического, философского, мировоззренческого начал.

Важной вехой в утверждении позитивистской методологии стал так называемый бихевиоризм, или «бихевиоральная революция», развернувшаяся в социальных науках Запада, особенно США, после Второй мировой войны. Утвердившийся первоначально в социологии, психологии и социальной психологии бихевиористский подход имел своей целью исследование прежде всего поведения отдельного индивида, группы, разного рода социальных, культурных, профессиональных и иных общностей. В рамках бихевиоризма сформировались системный и сравнительный методы, сыгравшие немаловажную роль в разработке основополагающих проблем мира политического.

Политическое имеет *системный, структурный и функциональный* аспекты. Растущая дифференциация на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни ведет к тому, что различные социальные организации, феномены и процессы, такие как семья, труд, образование, культура и т.д., пользуются всевозрастающей автономией. Но это не означает, что они отгораживаются друг от друга и функционируют сами по себе. Скорее, наоборот.

Эволюция современного общества представляет собой двуединый процесс, одной из сторон которого и является возрастание дифференциации. Другая же его сторона состоит в увеличении, расширении, появлении новых форм взаимозависимости различных сфер, институтов, организаций, заинтересованных групп и т.д. Они становятся более специализированными, но в то же время в большей степени нуждаются в ресурсах друг друга. Разворачиваются более сложные и многосторонние процессы взаимного обмена и стимулирования в самом широком значении этих слов как в позитивном, так и негативном аспекте. Это особенно верно применительно к современному миру.

Все это говорит о том, что арсенал исследовательских методов, средств и инструментов политической науки должен включать системный анализ. Системный анализ, разработанный в 30-е годы, стал достоянием социальных и гуманитарных наук сравнительно недавно. Первоначально он был сформулирован и использовался представителями естественных наук. Здесь следует назвать прежде всего работу физиолога У. Кэннона «Мудрость тела»,

опубликованную еще в 1932 г. и сыгравшую большую роль во внедрении системного анализа в социальные науки. Именно в ней впервые было разработано понятие «гомеостазис», означающее состояние равновесия в системе. Важное значение имели работы Л. Берта-ланфи по биологии и общему системному анализу.

Политологи, хотя прямо и не обращались к этим работам, но, тем не менее не могли не испытать их влияние через широко известные работы Т. Парсонса, Дж. Хоманса, Р. Мертон и других исследователей, которые в 40–50-е годы стали широко использовать достижения системщиков в социологии и экономической науке. Именно благодаря этому им удалось разработать теорию структурно-функционального анализа, ставшую одним из важнейших методологических подходов в изучении общества после Второй мировой войны.

Любые сообщества, с точки зрения системного анализа, можно рассматривать как более или менее постоянные образования, функционирующие в рамках более широкой среды. Они характеризуются как целостные системы, состоящие из определенного комплекса взаимозависимых элементов, которые можно вычленивать и анализировать.

Системы имеют четко очерченные границы, отделяющие их от окружающей среды, причем они имеют тенденцию к некоему равновесию. В 50–60-е годы были предприняты заметные усилия для внедрения системного подхода в политологические исследования. Здесь можно назвать, в частности, работы К. Эрроу, Э. Доунса, Д. Блэка, Дж. Бьюкенена, Г. Тэллока и др. При этом для политической науки особенно важными оказались труды Д. Истона, К. Дойча, Г. Алмонда и других американских исследователей, которые изучали мир политического как комплекс элементов, образующих целостную систему в ее связи со средой — гражданским обществом и экономико-хозяйственной системой. Так, американский политолог Д. Истон, обосновывая необходимость внедрения системного подхода в политическую науку, утверждал, что понятие системы привлекло особое внимание, став основанием определенного подхода, сторонники которого рассматривали все явления — от мельчайшей клетки до самого человека, человеческой личности, малых групп и крупных учреждений, обществ и их совокупностей, таких как мировое сообщество, — как единый организм или единую систему.

Одной из причин, благоприятствовавших внедрению системного подхода, стал своеобразный теоретический го-

лод, ощущавшийся многими представителями политической науки. Такой подход был нацелен прежде всего на разработку общей теории политики. Но все же приверженцы его видели свою задачу в построении так называемых теорий «среднего уровня» или «сравнительной политической теории», призванных обеспечить переход от эмпирических данных к теоретическим обобщениям.

Симптоматично, что само понятие «политическая система» стало возможным с введением в политическую науку системного подхода. Необходимость его использования в политической науке определяется прежде всего сложностью, многообразием и многосложностью самого мира политического. Это обуславливает то, что политология по самой своей природе — междисциплинарная наука. Уже отмечалось, что она стоит как бы в точке пересечения многих социальных и гуманитарных наук, а также что политико-культурный подход основывается на широком использовании междисциплинарных методов исследования.

Междисциплинарный характер политологических исследований наиболее выпукло и обозначимо проявляется при системном анализе, предполагающем всестороннее изучение политических феноменов с помощью методов, инструментов, систем аргументаций и т.д. других социальных, гуманитарных и отчасти естественных наук. Системный подход основан на стандартизации и унификации научных понятий, систематизации и упорядочении знаний о политических феноменах и реальностях.

Для любой системы, в том числе политической, характерны *три основополагающих измерения*: ставшее или реально существующее, проявляющееся в структуре; действие, поведение или функция; становление или эволюция. В идеале системный анализ должен охватывать все три измерения в совокупности. Однако в реальной исследовательской практике главное внимание системщики концентрируют на первых двух аспектах, отодвигая на второй план третий. Это и объяснимо, если учесть, что системный анализ наиболее эффективен там, где существует некое равновесие, факты определены, приобрели более или менее завершенные очертания, их можно систематизировать, свести к количественным параметрам, легко поддающимся измерению статистическими и математическими методами.

Важно отметить и то, что приверженцы системного подхода могут избрать разные углы зрения, и, соответственно, будут отличаться и результаты их изысканий. Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т. Парсонс

концентрировал внимание на диалектической взаимосвязи структуры и функций составных элементов социальных систем, то Д. Истон поставил своей целью анализ механизма обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней.

В системном анализе, как его понимал Г. Алмонд, выделяются понятия «вход» и «выход». На «входе» политической системы решающее значение имеют такие компоненты, как политическая социализация, вычленение и формулирование интересов, их представительство в политике, политическая коммуникация. На «выходе» мы имеем определение правил или законов, программ, политических курсов, их применение и контроль за соблюдением.

Системный подход, очевидно, позволяет анализировать политические феномены во всей их сложности и взаимопереплетенности, учитывая как социальные основания политики, так и ее обратное влияние на социальные реальности.

Сравнительный анализ

Исследованию мира политического присущ принцип сравнительности, в первую очередь, когда речь идет о классификации и типологизации. Именно на основе сравнительного подхода Платон, Аристотель, Полибий, Ш.-Л. Монтескье, М. Вебер строили свои типологизации форм правления. В отдельных аспектах сравнительный метод использовал Гегель, особенно в работе «Философия истории». Именно в ней он сформулировал свой тезис о пассивности, летаргичности и в силу этого неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам западного прогресса. По его мнению, на Западе преобладает активное, рационалистическое, творческое начало, способствующее прогрессивному восхождению духа свободы. Эта традиция нашла дальнейшее развитие у М. Вебера, особенно в его трудах по социологии религии и культуры [7].

Значительный элемент компаративизма присутствовал в фундаментальном двухтомном труде русского ученого М. Острогорского «Демократия и политические партии», опубликованном (на французском языке) в 1898 г. Изыскания сравнительного плана продолжались другими исследователями в первые десятилетия XX в. Так, работы К. Фридриха и Г. Файнера «Теория и практика современной системы правления» (1932 г.) и К. Фридриха «Конституционное правление и демократия» (1937 г.) являются по

своему характеру сравнительными исследованиями. В них анализируются различные формы правления, политических институтов и процессов в контексте важнейших тем политической теории.

В 1940 г. с выходом в свет книги М. Фортеза и Е. Притчарда «Африканские политические системы» началась история *политической антропологии*, сыгравшей немаловажную роль в возникновении сравнительной политологии. При всем том *сравнительная политология* как самостоятельный крупный раздел политической науки выделилась лишь в 50-е годы. Не случайно в многотомной «Энциклопедии социальных наук», опубликованной в США в 1930–1935 гг., отсутствует статья о сравнительной политологии.

К началу 50-х годов как методологический арсенал политической науки, так и ее понятийно-категориальный аппарат, сложившиеся в предшествующий период, перестали отвечать реальностям мирового политического развития. Важнейшие политологические концепции разделения властей, представительства, парламентаризма и т.д. и соответствующие им государственные и политические институты возникли в период, когда широкие массы фактически еще не были допущены к политике. Главенствующие позиции в ней занимали власть имущие и партии, а избирательные системы находились еще на стадии формирования.

В XX в., особенно после Второй мировой войны, произошли существенные социальные и политические изменения: введение действительного всеобщего права голоса, беспрецедентное расширение круга участников политического процесса, развитие и институционализация политических партий и заинтересованных групп, возникновение множества общественных организаций, всеобщей системы образования, усиление влияния средств массовой информации и т.д. Эти широкомасштабные изменения, естественно, требовали концептуального, методологического и методического инструментария. Поэтому были разработаны и стали широко использоваться концепции политической системы, политических ролей и функций, политической структуры, политической культуры, политической социализации и т.д. Во все более растущей степени в политологии приобретали популярность антропологические, социально-психологические, культурологические концепции; теории и методы исторической социологии и социологии в собственном смысле слова.

Сравнительная политология и была призвана интегрировать эти новые явления, тенденции и достижения и поднять политическую науку на качественно новую ступень развития.

В первой половине 50-х годов появились работы, которые дали стимул к разработке и институционализации этого научного направления. Среди них следует назвать книги Р. Макридиса «Сравнительное исследование систем правления» (1954 г.) и «Сравнительное исследование политики» (1955 г.). Своеобразным манифестом нового направления стала получившая широкую популярность и отклик статья Г. Алмонда «Сравнительные политические системы», опубликованная в 1956 г. Последующие плодотворные изыскания самого Алмонда, С. Вербы, Р. Путнема, С. Пая, Д. Эптера и других ученых существенно расширили и углубили наши знания о структурах, условиях и последствиях политического поведения и политической культуры различных слоев населения в индустриально развитых странах.

Среди факторов, способствовавших формированию сравнительной политологии, следует назвать беспрецедентный рост массива данных о западных политических системах, все более растущий интерес к международно-политическим проблемам и связанное с этим внимание к политическим институтам, ценностям, установкам, традициям, политическим культурам стран и народов других регионов.

Важная заслуга сравнительного подхода состоит в том, что большинство его приверженцев фактически отказались от господствовавшего в западной политической науке в первой половине XX в. евроцентристского взгляда на политику. Собственно говоря, формирование и рост популярности сравнительного подхода именно в послевоенное время во многом объясняется развернувшимися в тот период изменениями в мировом масштабе, в частности процессами деколонизации и образования новых государств, многие из которых во всевозрастающей степени становились самостоятельными и активными акторами мировой политики. Проблема развития и политической модернизации новых стран Азии и Африки, естественно, нашла свое место в сравнительной политологии. Важный вклад в формирование этого направления внесла появившаяся в 1960 г. коллективная монография «Политика в развивающихся регионах», в которой была предпринята попытка разработать модели политического и социально-экономического развития стран третьего мира.

Компаративисты исходили из факта существования во всех обществах, независимо от их уровня развития, общих для них элементов и параметров. По мнению Г. Алмонда, даже самые примитивные общества обладают всеми формами политиче-

ской структуры, которые есть и в самых сложных обществах. Их можно сравнивать друг с другом по уровню и форме структурной специализации. Во всех политических системах осуществляются одни и те же функции, хотя и с разной частотой и разными типами структур, которые можно принять за критерии сравнения. Все политические системы представляют собой «смешанные» системы в культурном смысле. Поэтому нет чисто современных и чисто примитивных обществ. Они отличаются друг от друга относительным преобладанием современных (рационалистических) или традиционных компонентов.

В рамках сравнительной политологии развернулись исследования политической культуры различных стран и регионов. В полный голос заявили о себе новые дисциплины, или разделы, политической науки: *политическая антропология*, *политическая психология*, *политическая экология* и др. Появилась серия работ, посвященных разработке методологических принципов сравнительной политологии. Среди них можно упомянуть коллективные сборники статей «Методология сравнительного исследования» (1970 г.) и «Сравнительные политические системы» (1977 г.), книги Р. Чилкота «Теории сравнительной политики: в поисках парадигмы» (1981 г.) и Р. Меррита «Системный подход к сравнительной политике» (1970 г.), статьи Г. Алмонда «Анализ политических систем по типу развития» (1965 г.) и И. Кима «Концепция политической культуры в сравнительной политике» (1964 г.) и т.д.

О возросшей значимости этого направления свидетельствует появление профессиональных журналов «Сравнительное обозрение цивилизаций», «Сравнительные исследования по истории и обществу», «Сравнительные политические исследования» и др.

Что же понимается под сравнительным исследованием, или сравнительным анализом? Можно, например, попытаться сравнить отдельные политические системы по количеству составляющих их граждан. В данном случае следовало бы использовать демографическую статистику для ранжировки этих систем по численности населения соответствующих стран. Но это мало что скажет о существенных характеристиках самих систем. Точно так же можно было бы сравнивать различные общества по среднему доходу, по количеству радиоприемников и телевизоров, приходящихся на каждую тысячу человек, и т.д. Однако, как правило, такие данные могут дать нам определенные сведения об *отдельных параметрах среды, но не о самой политической системе.*

Политические системы можно сравнивать по временному и пространственному, или географическому, принципам. В *первом* случае это первобытная, античная, традиционная, современная, *во втором* — европейская, азиатская, африканская, американская, латиноамериканская и т.д. Можно назвать и другие параметры сравнения.

Но главная проблема состоит в том, чтобы выбрать такие компоненты и элементы, которые в отдельности или совокупности позволяли бы судить о существенных характеристиках сравниваемых объектов. Например, классификация или типологизация политических систем уже сама по себе предполагает сравнение. Но это сравнение можно провести по различным параметрам. С этой точки зрения одна из главных проблем, встающих перед политологом-компаративистом, — это выбор параметров, поддающихся сравнению.

Следует отметить, что в рассматриваемом контексте в политологии, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, положение иное, чем в естественных науках. Так, в химии и физике сравниваемые переменные величины можно воспроизвести и повторить в лабораторных условиях, что отнюдь не скажешь о социальных или политических феноменах, где сравнения можно производить лишь условно, косвенно. Именно так решил стоявшую перед ним проблему М. Вебер в своем сравнительном исследовании религий, с помощью которого он пытался определить связь экономической этики в различных религиях с возникновением капитализма.

Сравнительное исследование политических феноменов базируется на фундаментальном допущении, что человеческое поведение представляет собой постоянную величину, что оно будет одинаковым в одинаковых обстоятельствах независимо от места и времени. Здесь важное значение имеет предварительная гипотеза. Так, когда мы беремся анализировать партийные и избирательные системы различных стран, перед нами возникает конкретная проблема — в каких именно условиях утверждаются одно-, двух-, многопартийная и смешанная партийные системы. В компаративистике используется множество подходов в зависимости от объекта исследования: системный, политико-культурный, структурно-функциональный и т.д. Важнейшие понятия, особенно часто используемые при сравнительных исследованиях, — это «политическая система», «политическая структура», «политические функции», «политическая социализация», «политическая культура» и т.д.

В центре внимания исследователя, как правило, — структуры, процессы, функции различных политических систем и режимов в различных национально-культурных и исторических условиях, их специфические особенности, различия и точки соприкосновения. Для того чтобы понять истинную сущность мира политического, необходимо изучать его различные формы проявления, аспекты, то, как они выражаются в различных странах и регионах, у различных наций и народов, в различных социально-экономических, общественно-исторических ситуациях, и т.д. В качестве объектов сравнительного анализа можно брать политические системы во всей их целостности, ее формы, типы и разновидности, но можно концентрировать внимание и на ее конкретных составляющих, таких как государственные институты, законодательные органы, партии и партийные системы, избирательные системы, механизмы политической социализации и т.д. и т.п.

Просчеты позитивизма

Объявив политологию наукой, свободной от ценностей, теории и идеологии, приверженцы позитивизма взяли на вооружение заимствованные из точных наук модели и методы исследования. Особенно широкое применение получили математические методы и связанная с ними квантификация. Были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурой, антропологией, психологией, социологией, историей и т.д.).

Политическая наука оказалась на перекрестке «междисциплинарного» движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для более всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на дальний план, либо вовсе игнорировались.

Большую популярность в политической науке приобрела так называемая теория рационального выбора, которая основывается на «методологическом индивидуализме». Его суть состоит в утверждении, что все социальные феномены, в том числе и политические, можно вывести из поведения отдельных людей. По мнению ее сторонников, политические факторы: избиратели, политики, бюрократы — преследуют цель максимизации своих материальных интересов, ища блага и выгоды в форме голосов, должностей, власти и т.д.

Модели, созданные на основе этой теории с использованием математических методов, интересны прежде всего тем, что они затрагивают наиболее сложные аспекты политических явлений, касающихся поведения и субъективного выбора индивидуальных и коллективных участников этих явлений.

В условиях парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма политических партий и организаций, представляющих разнородные заинтересованные группы и социальные слои, ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства населения. Здесь состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение имеют немаловажное значение. Более того, при парламентском режиме как ценность правительственных программ, так и достоинства политических деятелей, как правило, обусловлены их популярностью и уровнем поддержки общественности. В рамках бихевиористской методологии и ее исследовательского арсенала важнейшим инструментом выявления соотношения и состояния общественных умонастроений, ориентаций, установок, позиций людей по важнейшим политическим проблемам стали опросы общественного мнения.

Развитие методологии опросов, да и всего комплекса исследовательских приемов и инструментов бихевиоризма и неопозитивизма, позволило ответить на многие вопросы: существуют ли особые признаки, присущие исключительно той или иной нации, и особые субкультуры, и если да, то в каком плане и в какой степени; имеют ли четкие ориентации в отношении политики социальные классы, функциональные группы и элиты, и какую роль в формировании этих ориентаций играет политическая социализация.

Следует отметить, что, используя опросы общественного мнения, западная политология добилась внушительных успехов в исследовании процессов и механизмов функционирования политических систем, институтов, партий, различных ветвей, уровней и органов власти, политического и избирательного процесса, поведения избирателей, результатов голосований и т.д. и т.п.

Позитивизм и сциентизм в социальных и гуманитарных науках означали ориентацию на количественные и статистические методы исследования, построение отвлеченных моделей, использование методов естественных наук, особенно математики, освобождение от ценностей, объективность и т.д. Одной из главных характеристик позитивизма, в том числе и бихевиоризма, является постулат о разграничении между фактами и ценностями, о

недопустимости в политологическом исследовании ценностного подхода.

Позитивизм считает единственно верными лишь факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью формально-логических или математически формализованных методов естественных и технических наук. Утвердилось мнение, согласно которому политологи должны оставить морально-этические вопросы философии и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса.

Считалось также, что политическая наука должна быть отделена от философии и теории, поставив при этом во главу угла фактологическое исследование. Тем самым отвергаются как ненаучные выводы, умозаключения ценностного, мировоззренческого, идеологического характера. Тезисы типа «свобода предпочтительнее равенства», «государственное состояние лучше анархии» и т.д., предполагающие определенную позицию, неприемлемы для позитивизма, поскольку их нельзя квантифицировать и верифицировать математическими или иными сциентистскими методами.

Рассматривая государство и политические институты с точки зрения их функциональной эффективности и рациональной организации управления, представители позитивизма и бихевиоризма стали отводить науке самодовлеющую роль в решении важнейших социально-экономических проблем. В результате при всей разработанности исследовательского аппарата позитивизм оказался не способен охватить и раскрыть политические феномены и процессы во всей их полноте и многообразии.

Своего апогея господство этого подхода, особенно в американской гуманитаристике, получило в 50–60-е годы, когда было объявлено о смерти политической философии в качестве предмета академических исследований и конце идеологии.

Однако, как показал опыт развития социальных и гуманитарных наук, оставаясь на почве исключительно эмпирических фактов, абстрагируясь от ценностей, норм, теоретического и идеального начала, нельзя раскрыть реальное содержание политических феноменов. Более того, позитивизм в целом и связанные с ним сциентизм, квантификация и математизация в общественных науках могут способствовать замене реальных процессов уравнениями и безжизненными абстракциями. Они навязывают способ познания, скопированный с естественных наук, и нейтрализуют всякое стремление к пониманию истинно социального в социальной действительности.

Касаясь последствий одного из основополагающих принципов позитивизма — квантификации, которая приобрела чрезмерные масштабы, Г. Алмонд и С. Джинкоу вынуждены были признать, что этот метод при всех его достоинствах «породил значительное число псевдонаучных опытов», которые выпячивают форму, а не сущность исследуемой проблемы [92].

В неприятии голого эмпиризма и квантификации в гуманитарных и социальных науках М. Алле шел еще дальше. Называя вторжение математики в социальные и гуманитарные науки огромным шагом назад, он утверждал, что мы являемся свидетелями становления нового, схоластического, тоталитаризма, основанного на абстрактных, оторванных от реальности формах, своего рода «математического шарлатанства».

Вполне правомерным представляется вывод американского политолога С. Хэкмана о том, что к середине 70-х годов характерный для западных обществоведов консенсус относительно позитивизма как методологической основы социальных наук стал «реликтом прошлого». По словам другого американского политолога Ф. Долмейера, «влияние логического позитивизма, сфокусированного на научной эпистемологии, в основном пришло к концу, уступив место «постэмпирическим проектам». Стали говорить даже о «смерти» позитивизма. Естественно, что реакция против почти безраздельного господства позитивизма выразилась прежде всего в распространении в западных социальных и гуманитарных науках новейших течений постбихевиоризма и постпозитивизма, возрождении интереса к политической теории и философии, ценностным и идеальным началам в политике.

Показательно, что в 60–70-е годы самые последовательные сторонники позитивизма и бихевиоризма также вынуждены были прислушаться к новым веяниям. Так, Д. Истон сформулировал следующие положения постбихевиоризма. *Во-первых*, сущности принадлежит приоритет перед техникой. Важнее понять смысл актуальных социальных проблем, нежели в совершенстве владеть техникой исследования. *Во-вторых*, делать упор на описание фактов — значит ограничить свое понимание этих фактов. Чрезмерное увлечение исследованием поведения ведет к утрате связи с действительностью, сокрытию «грубой реальности» политики. *В-третьих*, задача постбихевиоризма заключается в том, чтобы помочь политической науке стать на службу действительным потребностям человечества в период кризиса. *В-четвертых*, изучение и конструктивная разработка ценностей является неотъемлемой частью изу-

чения политики. *В-пятых*, задача исследователей мира политического состоит в защите человеческих ценностей. *В-шестых*, знать — значит действовать, а действовать — значит участвовать в перестройке общества.

Наиболее зримым показателем кризиса позитивизма и бихевиоризма стало возрождение интереса к теории и политической философии, восстановление их статуса как самостоятельных областей исследования. В этом же контексте следует понимать и наметившуюся в 70-х годах реидеологизацию, которая многими авторами обосновывалась теми доводами, что идеологию можно противопоставить тенденции к технизации и овеществлению общественной и политической жизни.

При этом, разумеется, речь отнюдь не шла о «смерти» или каком-то полном исчезновении позитивизма, а о выдвигании новых его модификаций, о синтезе с другими методологическими и идейно-политическими конструкциями. Даже те новые подходы и концепции, которые вышли на первый план под флагом критики позитивизма, сохраняли важнейшие компоненты позитивистской методологии.

Неспособность позитивизма охватить динамичность мира политического

Позитивизм, используя методы и методологию естественных и точных наук, стал рассматривать политические феномены и процессы в контексте строгого детерминизма. Политической системе были приданы контуры и параметры завершенной системы, функционирующей в соответствии с некоторыми четко очерченными закономерностями. Однако, как показывает исторический опыт, к общественно-политическим явлениям и процессам не применима категория закономерности в смысле их строгой причинно-следственной детерминированности.

Закономерность или закон, предполагая причинно-следственную связь, исключает случайность или в лучшем случае отводит ей второстепенное место. Только ставшие, находящиеся в некоем равновесии реальности можно разложить на составные элементы, сосчитать, измерить, расставить в причинно-следственной последовательности, объяснить в рамках того или иного закона или закономерности.

Общественно-политические явления характеризуются динамизмом, *постоянной изменчивостью*, подверженностью

множеству случайностей, непредсказуемых внешних влияний, что крайне затрудняет их в рамках сколько-нибудь строго детерминированных причинно-следственных связей. Данный тезис особенно верен применительно к современным политическим реальностям, которые в отличие от исторических не стали еще свершившимися фактами, а как бы находятся в постоянном процессе становления.

В отличие от историка, который может наблюдать начало, развитие и конец изучаемого им объекта как бы со стороны или став над ним, исследователь мира политического сам является одним из участников живых политических реальностей, затрагивающих интересы многих действующих лиц, и вынужден оценивать их изнутри до того, как эти реальности примут завершенные, необратимые формы. В результате он не в состоянии отвлечься от субъективных сиюминутных впечатлений и пристрастий, и его выводы могут быть подвержены влиянию изменяющихся событий и обстоятельств.

Научные открытия конца XIX – начала XX в. воочию показали ограниченность и вопиющую упрощенность механистической трактовки социального мира. В 20-е годы прошлого столетия развитие квантовой теории бросило вызов той модели, которая рассматривала природу как некий часовой механизм, где все и вся детерминировано, и установило, что фундаментальную важность для всех физических процессов имеют индетерминизм и случайность.

Научно-техническая революция, особенно развитие новейших технологий во второй половине 70–80-х годов дали дополнительные аргументы, подтверждающие верность теоремы Геделя, обосновывающей невозможность исчерпывающей замкнутой логики. Если это положение, как полагал Гедель, верно в отношении природного мира, оно тем более верно применительно к социально-историческому миру.

Поскольку человек является не только продуктом, но и в значительной степени творцом окружающего его мира, нет и не может быть какой-то неизбежной заданности в развитии человеческого общества. Разумеется, у него есть определенная заданность или направленность, но нет и не может быть четко очерченной цели, к которой оно осознанно стремилось бы. Закономерность нельзя представлять как фатальную предопределенность общественно-исторического процесса по какому-то одному-единственному пути, в частности, прогресса вперед и вверх.

Здесь я согласился бы со Г. Шталем, который подчеркивал, что «универсальные законы применимы к живому лишь в том смысле, что они обрекают все живое на смерть и разрушение». В общественно-исторических процессах и явлениях закономерность обнаруживается не в том, что она не допускает вероятностного, альтернативного направления развития, где случайность играет немаловажную роль, а в том, что она ставит ему определенные границы. В этой связи нельзя забывать хотя бы то, что история человечества знает немало примеров перерыва поступательного общественно-исторического прогресса и даже движения вспять.

Необходимо отказаться от присущей нам порой склонности к количественным экстраполяциям существующих в каждый конкретный исторический период тенденций на будущее, к их отождествлению с закономерностями общественно-исторического развития, одинаково верными и для возможного положения вещей в будущем. Весьма показателен следующий случай, который приводят в своей книге А. Кинг и Б. Шнайдер. В середине 30-х годов президент США Ф. Д. Рузвельт поручил специально сформированной группе ученых провести исследование в области перспективных технологий. Опубликованные результаты оказались впечатляющими. Однако, как оказалось в дальнейшем, ученые не предсказали появление *телевидения, пластмасс, реактивных самолетов, искусственных органов для трансплантации, лазеров и даже шариковых ручек* [39, с. 56].

В большинстве исторических и социально-политических явлений причина и следствие нередко в своем взаимодействии влияют друг на друга: причина рождает следствие, которое, в свою очередь, становится самостоятельной силой, способной оказывать влияние на первоначальную причину и трансформировать ее. Если рассматривать каждый данный момент в качестве исходного пункта движения к некоему предопределенному состоянию, закономерность обобщается телеологизмом, не имеющим ничего общего с реальной действительностью.

Очевидно, что общественно-историческое — не просто пассивная субстанция, всецело укладывающаяся в рамки ньютоновской механистической картины мира. Случайность, событийность, вероятность и необратимость составляют существенные характеристики общественно-исторического процесса. Немаловажное место в нем занимает момент спонтанной активности. Мировая история знает немало случаев, когда роковая случайность или

поворот событий прерывали на том или ином этапе неизбежный, казалось бы, ход вещей и по-своему корректировали саму историю. Много раз случайное стечение обстоятельств оказывалось роковым для судеб целых стран и народов.

История всегда остается открытой и подверженной множеству трактовок, поскольку она никак не определяется какими-то жесткими детерминистскими закономерностями, скрытой рукой Провидения или диалектической необходимостью. Как указывал еще Гегель, результаты деятельности людей никогда точно не соответствуют поставленным ими целям. Динамичность и изменчивость мира исключают саму возможность предвидеть все последствия общественно-исторических процессов. И действительно, как образно выразился польский исследователь Е. Шацкий, «грозовая туча может разрешиться мелким дождем, а из крохотных капель рождаются иногда бурные потоки» [85, с. 26].

Исследование в такой динамической сфере, как мир политического, которой в большой степени характерна спонтанная активность, предполагает не только установление объективных причинно-следственных связей, но суждения на вероятностном уровне. В этом смысле можно говорить о вероятностной сущности общественно-политических процессов. Этот момент приобретает особую значимость в современную эпоху, парадокс которой состоит в том, что она безымянна. Ее называют постиндустриальной, постмодернистской, постструктуралистской, постмеждународной, информационной и т.д. Все эти определения, по-видимому, в чем-то отражают какие-то аспекты реальных сдвигов в структурах современного общества, но ни одно из них не способно выразить масштабность и глубину этих сдвигов.

Главное их содержание, на мой взгляд, состоит в том, что процессы реальности, в которых мы живем, приобретают настолько быстрые темпы, что сама реальность становится как бы постоянно ускользающей, неуловимой. При таком положении теряется ясность очертаний социальных и политических феноменов, их границы становятся аморфными, зыбкими. В результате люди оказываются неспособными вовремя осознать эти изменения и адекватно на них реагировать.

Более того, многообразие возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, стирает четкую грань между практически возможным, вероятным и возможным. Возрастает роль вероятностных, событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма. Соответственно,

возрастает конструктивная и деструктивная роль времени. При этом нужно учитывать и то, что мощь и масштабы современной техносистемы достигли такого предела, за которым ее развитие уже нельзя выразить количественно, и, следовательно, оно непредсказуемо.

Преимущества современного философствования Б. Паскаль использовал как средство в борьбе против духа Нового времени — картезианства. Внешне как бы принимая предпосылки его и науки того времени, Паскаль в то же время отстаивал философскую антропологию средневековья, различая «геометрическую мысль» и «мысль пронизательную и утонченную». Первая наиболее пригодна при исследовании предметов, доступных строгому анализу, т. е. разлагаемых на составные элементы. Исходя из некоторых аксиом, она выводит из них следствия, истинность которых может быть доказана универсальными логическими правилами. Однако не все предметы и явления можно изучать таким образом. Существует много вещей, которые из-за своей хрупкости и разнообразия не поддаются логическому анализу. Это прежде всего человеческое сознание, сущность которого — противоречие. Его невозможно характеризовать какой-то одной формулой, поскольку у человека нет простого или однородного бытия.

При такой постановке вопроса всю историю человечества можно было бы рассматривать как историю столкновений и выбора различных альтернатив. С данной точки зрения особую значимость приобретает подмеченный Э. Янгом факт, что в парадигме самоорганизации Вселенной структура уступила приоритет процессу, равновесное состояние — неравновесному и неизменность — эволюции. При таком положении стремление к точности в гуманитарных дисциплинах неизбежно ведет к специализации и фрагментации знания, что в конечном счете ведет к потере целостностного видения мира. Этот момент приобретает особую значимость в условиях экспоненциального роста знаний.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что индетерминизм не всегда и не обязательно есть отрицание детерминизма как такового или причинно-следственных связей. Он предусматривает, что каждая конкретная ситуация создает собственную конфигурацию расположения причиннообразующих факторов. Причем тенденция и процессы формирования такой конфигурации не всегда поддаются сколько-нибудь четко фиксированным закономерностям и императивам.

Потому-то обречены на несостоятельность большинство прогнозов, которые, по сути дела, строятся на экстраполя-

ции количественных параметров сиюминутной ситуации на возможные в будущем ситуации. Индетерминизм, признавая фактор случайности, отвергает лишь абсолютность необходимости, но не причинность вообще. Он исходит из того, что история имеет множество смыслов.

Объяснение и понимание

Незавершенность социальной действительности оставляет место для различных путей и направлений ее развития и, соответственно, ее различных интерпретаций. Это тем более верно в отношении мира политического, где основополагающее значение имеют выбор, потребности, интересы и цели людей. Разумеется, в политике, как и в других сферах общественной жизни, сохраняется значимость установления некоторого однообразия в протекании и разворачивании политических явлений и процессов. Здесь закономерность и причинность в смысле причинно-следственной детерминации не исчезают совсем. Например, очевидно, что в периоды экономических трудностей и неурядиц находящаяся у власти партия или коалиция теряет сторонников, а оппозиционные партии, наоборот, завоевывают поддержку более широких слоев населения и в случае выборов могут прийти к власти. Или же в периоды военной угрозы или международных кризисов большинство населения, как правило, спланивается вокруг действующего правительства.

Именно на основании подобных повторяющихся фактов были сформулированы такие политологические конструкции, как «железный закон олигархии» Р. Михельса, теории правящей элиты итальянских политологов и социологов Г. Моска и В. Парето, марксистская концепция об определении политической надстройки экономическим базисом и др. Другое дело, что при их формулировании в расчет брались лишь отдельные факты, так или иначе подтверждавшие эти конструкции, и практически игнорировались факты, которые им не соответствовали. Поэтому естественно, что они не всегда и не во всем выдерживали испытание временем и социально-политическими реальностями. Дж. С. Милль утверждал, что «индуктивные науки в новейшее время больше сделали для прогресса логического метода, чем все профессиональные философы».

Это, по-видимому, верно, но вопрос в том и состоит, что социально-исторические и общественно-политичес-

кие феномены и процессы не всегда поддаются строго логическому анализу и закономерностям причинно-следственной детерминации. Здесь естественно-научное сознание должно признать свои собственные возможности и границы, учитывая, что познание социально-политического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук.

Политология и политическая философия представляют собой научные дисциплины в том смысле, что они имеют дело с *объективно существующими феноменами, которые развиваются в соответствии с определенными закономерностями, поддаются квантификации, количественному измерению и математическим методам анализа*. Вместе с тем важно учитывать, что четко сформулированные логические теории, конечно, привлекают своей стройностью, но на проверку оказываются слишком упрощенными и механистическими. Говорят, что Н. Бор не доверял чисто формальным и математическим доводам. «Нет, нет, — говорил он, — вы не размышляете, вы просто логично рассуждаете». Мало что дает и поиск математически точных определений и формулировок, в рамки которых можно было бы втиснуть все многообразие реальностей жизни.

Английские политэкономисты XIX в., сетовал в этой связи Й. Шумпетер, стремились к постоянному совершенствованию своих дефиниций, но оказались не в состоянии дать современникам четкого экономического руководства.

Политический анализ — это в некотором роде искусство, требующее реконструкции не только рациональных, поддающихся квантификации, калькуляции мотивов, интересов людей, но их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений. Они не поддаются квантификации, математизации и другим атрибутам естественных наук, а требуют воображения, интуиции, психологического проникновения и т.д. Разумеется, мы можем выразить и измерить в количественных терминах результаты выборов, их стоимость, динамику численности сторонников тех или иных партий и т.д. Но для таких важных категорий, как «благосостояние», «свобода», «равенство», «справедливость» это нереально.

Можно сказать вслед за лордом Эктоном, что «любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно». Однако очевидно, что весьма трудно, если не невозможно, достоверно и конкретно определить ту черту, за которой власть становится «большой», а развращенность «абсолютной». Причем сам

этот постулат следует рассматривать не как неоспоримый факт в духе непреложного естественного закона, а как тенденцию, возможность реализации, формы и степень которой зависят от конкретных личностей, обстоятельств, условий и т.д. В данном контексте политический анализ требует воображения, своего рода способности «мысленного эксперимента» по принципу «что было бы, если бы произошло то-то, или если бы было предпринято то-то». Он сопряжен не только с ретроспективой, но и перспективой в смысле предвидения и предвосхищения событий.

Важную роль в выявлении тех или иных особенностей и характеристик политических феноменов играют просто наблюдения за ними в течение более или менее длительного исторического периода. Именно на таких наблюдениях, а не на строгом научном анализе были построены, например, такие ставшие общепринятыми постулаты, как «человеку свойственно стремление к власти», «человек стремится к власти ради осуществления своих эгоистических интересов», «чувство страха толкает людей к бегству от свободы в объятия тиранов», «свобода экономического выбора неотделима от политической свободы».

Истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сфере мифологического, традиционного и т.д., оказывающих значительное влияние на формирование основных контуров и содержание картины мира. К тому же в современных условиях ряд важнейших социальных и политических проблем в обществе приобретает социокультурное измерение. Поэтому очевидно, что политические реалии, в том числе и политическое поведение отдельного человека или социальной группы в конкретных ситуациях, невозможно адекватно объяснить без учета социокультурного фона политических явлений.

Использование средств массовой информации, особенно визуальных, еще более усиливает значимость чувственного, эмоционального, иррационального за счет рационального. Это предполагает преодоление функционализации личности, отказ от трактовки всех ее деяний и действий в терминах экономического, технологического или иных форм детерминизма, реабилитации непосредственных чувственных восприятий, эмоций, антипатий и симпатий, всего того, что мы причисляем к социально-психологической и социокультурной сферам, ко всему тому, что способствует самоидентификации нации или иной социальной общности.

Человек как социальное существо имеет индивидуальное, групповое, национально-историческое, социокультурное, об-

щечеловеческое и иные измерения. Поэтому он является предметом изучения различных обществоведческих дисциплин — *антропологии, этнографии, социологии, философии* и т.д. Естественно, что человек как центральный субъект политических отношений и политического процесса не может оставаться вне поля зрения и политической философии.

Наука, претендующая на освещение реальной жизни, где центральное место занимает человек, не вправе игнорировать то, что можно обозначить понятием «человеческое измерение», которое весьма трудно, если не невозможно, втиснуть в прокрустово ложе искусственно сконструированных теорий, моделей, математических формул и т.д. Постигать не поддающиеся количественным измерениям и строгому научному анализу духовное начало, символический аспект общественной жизни — удел интуиции. Именно благодаря творческой интуиции постигается реальность в ее существенных чертах.

С этой точки зрения можно понять тех представителей западной общественно-политической мысли, которые сетуют на дегуманизацию политической науки, на исчезновение человека, его интересов и потребностей из фокуса ее внимания. Необходимо восстановить роль и значение человеческой личности как главного субъекта общественно-исторического процесса, вернуть в центр исследования человека и его основополагающие интересы, потребности, устремления.

Важную роль в социально-политической жизни людей играет господствующая в обществе система *политической символики*. В целом без символов и знаков невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. Когда речь идет о значении символов, исследование вторгается в сферу эпистемологии и семиотики. Поскольку символы и символическая система играют важную роль в достижении спаянности и преемственности любого общества, их изучение поднимает более глубокие проблемы социальной организации и легитимизации.

Символы и знаки — это орудия, с помощью которых люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения. Более того, каждая нация, каждый народ, каждое сообщество людей в процессе своей истории вырабатывает собственный образ, или «самообраз», в значительной мере в разных символах и знаках.

Поскольку любая информация, воспринимаемая субъектом, предстает в его глазах в качестве некоторой совокупности визуальных и звуковых символов и знаков, то он расшиф-

ровывает ее в формулах, имеющих для него смысл, усваивая и воспринимая лишь те из этих символов и знаков, которые вкладываются в систему координат его мировоззрения и картины мира. Знак, жест, чтобы служить в качестве адекватного элемента коммуникации, нес в себе одинаковый для всех ее участников смысл. Например, избиратель может голосовать разными способами, скажем, поднятием руки, опусканием бюллетеня и т.д., но не всякое поднятие руки есть акт голосования, необходимо, чтобы таковым его считали все те, для кого он имеет значение.

Эффективным средством в руках политолога и политического философа может стать политико-культурный подход, призванный объять социокультурное измерение политики. Он позволяет преодолеть формально-юридическое понимание политики, традиционный подход к ней в терминах политической системы, государственно-правовых институтов и т.д. Обосновывая необходимость отказа от формально-правового подхода к политике, один из зачинателей концепции политической культуры Г. Алмонд предлагал выделить два уровня исследования политической системы: *институциональный* и *ориентационный*.

Если первый уровень концентрирует внимание на исследовании институциональной структуры политической системы, то второй предусматривает изучение ориентации людей на эту систему и институты. Комплекс таких ориентаций, включающих когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и ценностные, Алмонд назвал политической культурой. Тем самым субъективный аспект политического он поднимал до уровня значимости институциональной структуры.

Политико-культурный подход дает возможность определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в разных странах или же в силу каких причин те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и неприемлемыми в других. Он позволяет проникнуть вглубь обычного, поверхностного и одномерного видения политической системы и ее институтов, их деятельности и т.д., нащупать глубоко запрятанные корни национальных мифов, традиций, представлений и т.д., существующих в сознании всех членов общества от главы государства до маргинала.

Достоинством политико-культурного подхода является то, что он интегрирует в себя *социологию, социокультурологию, национальную психологию* и новейшие методы исследования *социальных и политических* установок людей в единый междисциплинар-

ный подход. Это дает возможность полнее и глубже понять механизмы и закономерности реализации политических процессов. Этот факт особенно важно подчеркнуть, так как одной из главнейших проблем, которой занимается политология, является политическая культура, включающая *ориентации, установки, национальные мифы, стереотипы* и т.д. и т.п.

Незавершенность социальной и политической действительности, ее многообразие и многовариантность оставляют место для ее различных интерпретаций. К тому же познание социальной действительности связано с изменением ее самой. Сам акт познания может поставить под сомнение существующий порядок и, более того, подорвать его. Причем это является следствием не практического применения результатов познания, а самого процесса познания. Если в *естественных науках* упор делается на *объяснении*, то в *общественных науках* — на *понимании*. Объяснить — значит выявить внутренние и внешние связи между составными частями лабораторного эксперимента, призванного повторить или создать природный эффект.

В социальной и духовной сферах речь идет не только об объяснении вещей, но и об адекватном их понимании в смысле постижения. Объяснить социальный феномен — значит прежде всего «описать его». Например, «объяснение-описание» экономического кризиса заключается в установлении предшествовавших ему спекуляций, первых банкротств, повышения банковских учетных ставок и т.д.

Описание составляет существенную часть социальных и гуманитарных дисциплин и основу классифицирующего знания. Поскольку социальное — процесс реализации потребностей и устремлений людей, то понять его — значит определить совокупность намерений и представлений, лежащих в основе социальных феноменов. *Классифицирующее* знание требует теоретического фундамента, который в социальных и гуманитарных науках пронизан *идеологическим* содержанием. Если объяснение предполагает поиски причинно-следственных связей, то понимание — выявление глубинных мотивов человеческой деятельности.

Очевидно, что исследователь-гуманитарий вносит свой жизненный опыт в трактовку изучаемых им явлений. Прав был В. Дильтей, говоривший, что исследование человеческих деяний, познание истины в сфере человеческой культуры требует внутреннего постижения с помощью иных средств, нежели наука, изучающая неодушевленные предметы.

Поэтому концепция социальной и гуманитарной науки, скопированная с естественной науки, была бы слишком ограниченной и бедной. Как отмечал Х.-Г. Гадамер, «науки о духе сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории, все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки» [11, с. 39]. Дело в том, что социальные факты не являются фактами как таковыми в смысле застывших, овеществленных «фактов» природы. Они слагаются из действий людей и носят динамический характер.

Здесь немаловажную роль играют, как образно говорит С. Лятуш, человеческие «жесты», которые, вызывая социальную трансформацию, оставляют ощутимые результаты в виде, например, произведений искусства, предметов потребления, машин, законов и т.д. Они составляют «социальную реальность в процессе реализации» [124, р. 49]. Оторвать результаты от сотворивших их «жестов» — значит закрыть путь к адекватному пониманию социальной реальности, которая в отличие от природной представляет собой некий «эпистемологический субъект» в том смысле, что исследующий ее ученый интегрально включен в нее. Ученый — часть исследуемого им объекта и в некотором роде участвует в процессе ее воспроизводства.

Так, Фукидид, Цезарь, Платон, Аристотель, Макиавелли, Маркс в той или иной степени вмешивались своими практическими действиями в качестве исторических субъектов в те феномены и процессы, которые они анализировали. Фукидид был изгнан из Афин как сторонник аристократии. Цезарь представлял себя читателю в своих «Комментариях о галльской войне». Платон пытался реализовать на практике свои теории в Сиракузах и составил свои законы, потерпев в этом неудачу. Аристотель разработал конституцию своего родного города Стагира. Макиавелли руководил иностранными делами Флоренции и лишь на основе уроков, извлеченных из этого опыта, написал книгу «Государь». Маркс анализировал необходимость исчезновения капитализма, руководя Первым Интернационалом.

Отношения между политической системой, политическими институтами и сферой общественно-политической мысли, как указывалось выше, складываются в тесном взаимодействии друг с другом, испытывая взаимное влияние. Уже в силу этого политический анализ не может основываться на одних только

фактах, поскольку конкретные факты приобретают значимость лишь в той мере, в какой их можно соотносить с целым, обеспечивающим теоретически обоснованный контекст для интерпретации фактов.

В определенном смысле невозможно рассматривать политические институты в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Задача политолога состоит в достижении самого тесного взаимодействия теории и эмпирического начала, рефлексии и действия, интерпретации и практической вовлеченности. В странах Запада достижения и разработки обществоведческих дисциплин нередко используются для решения экономических, социальных, политических и иных проблем.

Показательно, что на протяжении всей истории западного обществознания имела место социологизация его отраслей, усиление их прикладного характера. В частности, развитие эмпирических исследований в области политической социологии имело своей целью оказание практической помощи государству — составление конкретных рекомендаций по реализации политического контроля над обществом. Симптоматично, что в последние десятилетия в результате тесного взаимодействия и взаимослияния политологов, социологов, политэкономистов и т.д., с одной стороны, и представителей государственно-политических институтов — с другой, в большинстве развитых стран Запада образовался своего рода «политико-академический комплекс». Видные представители общественных наук часто совмещают политическую и академическую деятельность.

В «Критике чистого разума» И. Кант показал, что средства научного познания не в состоянии дать необходимую и обязательную для всех картину мира. Указав науке ее пределы, он провозгласил самостоятельность нравственных и эстетических доводов, полагая, что нормы науки составляют лишь один аспект в уяснении высших ценностей. Здесь наряду с ними, но независимо от них действуют также нормы нравственного сознания и эстетического чувства. И в наше время беспрецедентно высокого уровня развития научных знаний многие ученые четко осознают необходимость признания наукой собственных границ и возможностей. Они обосновывают мысль о том, что познание социально-исторического мира невозможно поднять до уровня науки, применяя индуктивные методы естественных наук. Х.-Г. Гадамер подчеркивал: «Единичное не служит простым подтверждением

ем закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности» [11, с. 745–746].

Политики и государственные деятели чаще принимают решения на основе сложившихся у них *мнений* и даже *интуиции*, нежели одного только *научного знания, математических формул и расчетов*. В этом смысле политика скорее искусство, чем наука. Без добротной гипотезы эмпирические данные могут быть просто бесполезны. Здесь воображение и научное знание действуют рука об руку. И функции художника и ученого совпадают. Изображение мира политики в целом можно представить не как фотографирование, а как создание художественного портрета. То, как художник изображает, это не точная фотография, а концепция характера, его видение изображаемого объекта.

Подобным же образом мир, который мы рисуем в наших политических рассуждениях, *постигается*, а не только *воспринимается*. В нашем изображении политической реальности мы скорее представляем наши политические доводы, нежели воспроизводим политическую практику. Это по своей сущности субъективный образ. Доводы, образ, оценка — часть мира политики, так же как портрет, созданный художником, является его частью мира. В мире политического, в противоположность платоновскому разграничению между знанием и верой, *знание и есть вера*.

История — не наука, а искусство, считал О. Шпенглер, поскольку историческое познание основывается на интуитивном восприятии «жизни и души», а не на логике. В отличие от науки, история, утверждал он, может быть не «истинной» или «ложной», а либо «глубокой» или «мелкой», и ее главным средством являются аналогия, образ, символ. При всей правоте Шпенглера нельзя не дополнить его рассуждения замечанием, что *история* одновременно и *наука*, и *искусство*, она может быть и *истинной*, и *ложной*, а историческое познание просто не может не основываться одновременно и на *логике*, и на *интуиции*, которые дополняют друг друга. Эти оценки еще более верны применительно к миру политического.

В политическом, особенно политико-философском, исследовании равновеликое значение имеют как объяснение, так и оценка. Без проникновения в сферу целей и идеалов не может быть и речи об адекватном изучении мира политического. Поэтому не случайно, что, признавая значимость науки, которая долж-

на установить закономерности причинно-следственных связей, И. Кант вместе с тем в качестве неотъемлемых элементов *человеческого сознания* рассматривал *религиозные, нравственные, эстетические, этические начала*, лежащие в основе *свободы воли*. Он был убежден в том, что точное естествознание возможно только в тех пределах, в которых применимы математические методы. Что касается истории, то ее невозможно вычислить в количественных терминах, и поэтому она есть совокупность всего того, что не имеет отношения к математике.

Политическая философия, как указывалось выше, имеет дело с пониманием и толкованием человеческих целей, а там, где речь идет о целях, непременно присутствуют ценности. Поэтому уже по самому определению изучение политики не может не иметь моральное измерение. Не случайно еще И. Кант выделял два самостоятельных *уровня реальности* — *феноменальный*, соответствующий науке, и *ноуменальный*, соответствующий этике.

Если первый создается человеческим разумом и рационален по своей природе, то второй трансцендентален по отношению к человеческому разуму, на нем зиждется этическая и духовная жизнь человека. Хотя в реальной жизни такое разграничение носит весьма условный характер, с точки зрения идеально-типологической и эпистемологической оно вполне правомерно и даже необходимо. Такое разграничение следует провести и в сфере политической, особенно политико-правовой.

Вопрос о политической ассоциации — моральный; поскольку относится к ранжировке человеческих ценностей и наилучших средств их достижения. Другими словами, политико-философское исследование пронизано морально-этическим началом. В данном контексте исследователь концентрирует внимание прежде всего на наиболее актуальных в данный момент политических проблемах, не скрывая своих симпатий и антипатий, исходя из того, что наука не может быть ценностно нейтральной. Факт нельзя отделить от ценности, ценностные соображения должны быть соотнесены со знанием фактов.

Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить пути достижения наибольшего совпадения между миром сущего и миром должного. Это говорит о том, что политический философ, как и политический ученый в самом широком смысле этого слова, должен нести ответственность за общество, защищая человеческие ценности и не превращаясь в изолированного от общественных проблем бесстрастного техника. Он должен поставить знания на

службу интересов переустройства общества. Изучение политики уже само по себе есть политический акт, и человек, занимающийся ею, должен способствовать исправлению всех форм несправедливости.

Политическое включает как *статику*, так и *динамику*, воплощающиеся соответственно в *политическом порядке* и *политическом процессе*. Важно учитывать, что *динамизм бытия* делает его *вечно не завершенным* и, наоборот, *незавершенность бытия* есть признак его *динамизма*. Эта незавершенность делает его открытым, что дает ему возможность теснейшим образом связаться с окружающей средой, постоянно получая из нее новую энергию.

Здесь *необратимость* и *случайность* являются не исключением, а общим правилом, они лежат в основе большинства процессов самоорганизации. Обратимость и жесткий детерминизм в окружающем нас мире характерны только для простых предельных случаев. Что касается человеческих сообществ, то они представляют собой сложные, открытые и нелинейные системы, способные к самоорганизации. Как известно, нелинейные уравнения в математике могут иметь несколько качественно различных решений. Подобным же образом нелинейность в социальном мире дает не один предопределенный, а несколько альтернативных путей развития, хотя спектр этих путей или направлений более или менее ограничен.

Поэтому очевидно, что таким сложно организованным системам, как человеческие сообщества, нельзя навязывать пути их развития. Для них существуют несколько альтернативных путей. Законы общественного развития, которые значительно менее устойчивы, нежели естественные законы, проявляются в разных институциональных, ценностно-нормативных, интеллектуальных условиях, раскладе социальных и политических сил, стечении обстоятельств и т.д. по-разному. Каждая конкретная общественно-историческая данность имеет собственные социальные и политические реальности и собственную систему детерминаций, приоритетов, предпочтений. Будучи переменными образованиями или величинами, они находятся в состоянии постоянного изменения и обновления.

В реальном социальном бытии, не просто сосуществуя, а взаимодействуя в постоянных противоречиях и конфликтах и как бы пронизывая друг друга, они создают целый веер возможных направлений общественно-исторического развития. Их отнюдь нельзя представлять как самодовлеющие прямые линии, обозначаемые либерализмом, консерватизмом, социал-демократизмом и марксизмом, способными двигаться каждый самостоятельно и изолированно по своему пути.

Здесь действует принцип дополнительности, и согласно ему существуют разные линии и направления развития, которые как бы дополняют и стимулируют друг друга (например, по схеме: не будь идеализма, не было бы и материализма). Все это делает прогнозирование общественно-исторического процесса весьма трудным. Единственно, что мы можем точно знать, это то, что будущее имеет своей отправной точкой современное состояние вещей. В целом же наука о человеческой природе и обществе не способна установить точные рамки, в которых должна развиваться человеческая история, в том числе и мир политического.

Верно говорят, что история освещает не дорогу впереди, а, подобно кормовым огням корабля, только след, остающийся позади. Поэтому будущее ни в коем случае нельзя представлять просто как расширенное настоящее. В развитии современного человечества могут быть некие «взрывные» фазы, результатом которых может стать радикальная перестройка структур, ценностей, норм и т.д. жизнеустройства людей. Сам экспоненциальный рост, ставший динамической закономерностью современного мира, исключает прямолинейную экстраполяцию современности и усиливает возможность многовариантности мирового развития.

Таким образом, можно сказать, что ученый, исследующий социальную реальность, интегрально включен в нее. Он — часть исследуемого объекта и в некотором роде участвует в процессе ее воспроизводства. С данной точки зрения творение мира никогда не прекращается и, как говорил В. Соловьев, человек как соратник Божий активно участвует в незавершенном еще сотворении мира.

Именно в силу этой незавершенности и открытости социального и политического мира политология должна концентрировать внимание на его динамической стороне. Сущностная характеристика политики — не покой, а движение, и в центре внимания политической науки находится *политический процесс*. Поэтому прав Ж. Бордо, который говорил, что «политика не дает себя сфотографировать».

Но динамику мира политического нельзя правильно понять без всестороннего исследования, существующего в каждый данный исторический период положения вещей. Политическая наука и политическая философия должны в равной степени охватывать как существующий политический порядок, где доминируют *постоянные, неизменные величины*, так и политический процесс, где доминируют *переменные величины*.

Политический порядок включает структурные и системные элементы. Здесь важно исследовать проблемы политического господства и правления, господства и сотрудничества; формирования власти и политического неравенства; механизма правления в рамках различных государственно-политических систем; отношения людей с институтами власти; механизмы обеспечения единства, жизнеспособности и бесперебойного функционирования общества; политической социализации.

Очевидно, что все науки, как естественные, так и социальные и гуманитарные, невозможно поставить в один линейный ряд, связав их неким универсальным методом, основанным на монистическом законе в смысле регулярного постоянства явлений. Это не в последнюю очередь относится к политологии и политической философии. Они призваны исследовать мир политического во всей его тотальности. основополагающим их принципом является разграничение не между фактом и ценностью или между средствами и целями, а между частью и целым.

При этом речь идет о том, чтобы соотнести часть с целым, рассматривать различные части в рамках целого. Например, отдельно взятого индивида невозможно понять в собственных терминах, если не учесть, что индивидуальные цели и идентичность конструируются его участием в семейных отношениях; семью, в свою очередь, нужно поставить в более широкий контекст социальных и политических отношений и т.д.

Язык и понятийно-категориальный аппарат

Из выделенных Ф. Бэконом призраков-идолов особо важное значение он придавал призракам-идолам рынка. Они, по его мнению, вызваны к жизни существованием языка, служащего в качестве объединяющего людей начала.

И действительно, политические феномены невозможно понять вне системы общения и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, так и с социокультурной и политико-культурной сферами, с миром политического в целом в собственном смысле этого слова.

В качестве важнейших средств коммуникации выступают *политический язык, политическая символика, понятийно-категориальный аппарат* и т.д.

Язык, по справедливому замечанию канадского исследователя Ф. Дюмона, можно рассматривать одновременно

и как средство, и как среду общения. Когда человек выступает в качестве субъекта речи, он намеревается утвердить свои собственные цели. В данном случае язык является средством реализации намерений. При этом он используется и для того, чтобы с помощью слов понять окружающий мир. В данном случае язык превращается в некую среду, в которой действует человек. Здесь язык выступает в качестве культурной среды обитания человека. В этом смысле политические феномены невозможно представить себе без политического языка и политико-культурной среды обитания их субъектов, составляющих основополагающую инфраструктуру политической коммуникации.

По своей значимости в качестве предмета политологического исследования политическую коммуникацию можно поставить рядом с такими проблемами, как политическое поведение, процесс принятия решений, избирательный процесс и т.д. В свете достижений электронной технологии и средств массовой информации значительно возросло значение так называемой символической коммуникации в обеспечении жизнеспособности и регулировании политических систем современности. Говоря о политической коммуникации, имеют в виду не только писаное и произносимое слово, но и знак, символ, сигнал, посредством которых передаются смысл и содержание политических феноменов. Это значит, что под понятие «политической коммуникации» подпадают самые разнообразные явления и акты – от демонстраций и забастовок до убийства политического или государственного деятеля.

Коммуникация представляет собой непрерывный поток и обмен посланиями или постоянную трансмиссию информации между различными субъектами коммуникации, создавая в конечном счете всеохватывающую коммуникационную сеть. Значимость приобретает выяснение достоверности источников и каналов коммуникации, того, насколько без потерь достигает информация адресата. Язык действует в некотором роде как связующее звено политического общества, как инструмент поддержания его необходимого информационного уровня. С сугубо практической точки зрения целью языковой коммуникации является как формирование, так и убеждение.

Идеи и установки, выражаемые через язык, служат не в качестве зеркального отражения реальной действительности, а в качестве средств, с помощью которых люди пытаются понять и интерпретировать эту действительность. Поэтому в мире политическое зачастую *иллюзию власти* трудно отличить от самой ре-

альной власти. Здесь значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте они подаются и т.д. Способ и средство передачи сообщения столь же важны, как и его содержание, содержание и стиль политических действий невозможно отделить друг от друга.

В политике важно не только то, о чем говорится, но и то, как об этом говорится. Язык — одновременно средство и общения и контроля. По справедливому замечанию Г. Кресса и Р. Ходжа, «языковая форма позволяет передавать информацию и исказить ее». Слово несет в себе огромный содержательный и эмоциональный заряд. С помощью простой замены или перестановки слов один и тот же факт можно изобразить совершенно по-разному. Например, можно сказать об Оресте, убившем свою мать: «Орест — мститель за своего отца», но можно сказать и иначе: «Орест — убийца своей матери». Эта особенность языка создает возможность с его помощью не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны.

При анализировании политических феноменов и реалий необходимо исходить из факта существования действительного мира политического, лишь частью которого являются язык и символы. Социально-политическая практика не есть просто «эффект речи или языка». Адекватное познание его возможно лишь при признании факта существования различных, в том числе и ложных, форм языка, противоречащих друг другу. Такая позиция возводит теоретический плюрализм в принцип. Нет одного единственного инстинжного языка, точно так же, как нельзя говорить о завершенности истории. Множественность противоречивых языковых форм — факт, который нельзя отрицать.

Поэтому объект политологии, как и большинства других общественных наук, проблематичен в том смысле, что в поддающихся обозрению фактах и феноменах исследования стерта или отодвинута на дальний план работа языка, подсознания и истории. А Тойнби не без оснований отмечал, что «история языка — это конспект истории общества».

Политический словарь развивается в связи с историческими реальностями и самым тесным образом связан с общенаучным словарем эпохи. Более того, именно используемые термины и понятия могут помочь определить период (по крайней мере

нижние хронологические границы) возникновения той или иной политической доктрины.

Если, например, понятия «полис», «политика», «демократия» и т.д. возникли в эпоху античности, то такие понятия, как «суверенитет», «радикализм» и т.п., вошли в обиход в Новое время. Многие биологические метафоры, характерные для политической науки XIX — начала XX в., ассоциировались с идеей органического государства. А популярные ныне термины, как «системный анализ», «политический процесс», «модель» и т.п., связаны с механистической концепцией государства, которая, в свою очередь, связана с физикой и технологией. Такие термины, как «установки», «перекрестное давление», «взаимодействие», «правила игры», заимствованы из прикладной социологии, основанной на позитивизме.

Показательно, что в реальностях европейской интеграции все чаще говорят о «европейском языке», или «евроязыке», представляющем собой с языковедческой точки зрения комплекс специальных терминов, неологизмов, аббревиатур, метафор и т.д., применяющихся, когда речь идет о новых политических и правовых явлениях в Европе.

Симптоматично, что само понятие «Европа» в этом языке приобрело новый смысл и стало использоваться как синоним понятий «единая Европа», «объединенная Европа», «интеграция». Появилась группа производных от этих понятий слов: «европеизм», «европеист», «европеизация», «европеизирование», «проевропейский», «антиевропейский» и т.д. К числу неологизмов относятся такие слова, как «евростандарт», «евродепутат», «евросфера», «еврократ», «европессимизм», «еврооптимизм» и т.д. Все более популярными становятся понятия «европейское экономическое пространство», «европейское информационное пространство», «европейская валютная система», «европейское политическое сотрудничество», «европейское правовое сотрудничество» и т.д. и т.п.

Понятия «правые» и «левые», «консерватизм», «либерализм» и «радикализм» получили хождение в общественном сознании в XIX в. С тех пор в перипетиях бурных XIX и XX столетий вкладываемое в них содержание существенно, а в некоторых отношениях радикально изменилось. Ряд их важнейших функций претерпел инверсию: некогда консервативные идеи приобрели либеральное значение, и наоборот, отдельные либеральные идеи стали консервативными. Например, в настоящее время уже потерял убедительность принцип, согласно которому индивидуалистические ценно-

сти жестко привязывались к правому флангу идейно-политического спектра, а коллективистские ценности — к левому. С учетом нынешних реальностей нуждаются в переосмыслении и более четком толковании понятия «левые», «правые», «консерватизм», «либерализм» и т.д.

Поэтому очевидно, что *определение* того или иного течения *политической мысли* как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей, концепций и доктрин может лишь исказить его *действительную сущность*, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных социально-экономических и политических контекстах могут быть интерпретированы и использованы по-разному для достижения разных целей.

О том, насколько сильно политический язык испытывает на себе влияние конкретной общественно-исторической и социально-политической ситуации, свидетельствует положение, которое в этой сфере сложилось в нацистской Германии и при большевистском режиме у нас. В Германии был создан особый *идеологизированный язык* — *Lingua Tertii Imperii* (LTI) — язык третьего рейха. Для него были характерны введение множества неологизмов или изменение, выхолащивание и фальсификация старых общепринятых терминов и понятий, приспособленных к духу и форме нацистской идеологии.

Далеко идущие в этом контексте планы вынашивались и в нашей стране. В 30-е годы на высоком академическом уровне были развернуты попытки применения классового подхода к языковедению и лингвистике. Более того, в тот период известный языковед академик Н. Я. Марр и его школа предприняли усилия по созданию так называемого классового языка. Дискуссии и споры по этому вопросу прекратились лишь с выходом в 1951 г. работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения». «Классовый язык», естественно, создать не удалось. Но зато была достигнута высочайшая степень идеологизации политического (да и не только) языка.

О том, в какой степени политический язык испытывает на себе влияние конкретной общественно-исторической ситуации, свидетельствует пример ФРГ и бывшей ГДР, для которых было характерно нечто вроде языкового отчуждения. Показательно, что понятие «пацифизм» в словарях, изданных в ФРГ, определялось как «отказ от войны по религиозным или этическим соображениям». В словарях же, изданных в ГДР, — как «бур-

жуазное политическое течение, выступающее под лозунгом “мир любой ценой, против любых, в том числе оборонительных и освободительных войн”». С разным оттенком использовалось, например, слово «масса». Если в ФРГ оно приобрело негативный оттенок и заменялось более нейтральными словами типа «трудящееся население», то в ГДР оно употреблялось исключительно в положительной значении в выражениях типа «творческая инициатива масс».

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет феномен быстрого исчезновения неологизмов при изменении породившей их обстановки. Так, в нацистской Германии прочно вошли в повседневный обиход выражения «германский дух», «народно-немецкая сущность» и т.п., а в социалистической ГДР — множество неологизмов с компонентом «volk» — «народ»: «народные выборы», «народная собственность», «народная газета», «народная полиция» и т.д.

Важность сказанного станет особенно очевидной, если учитывать, что в некотором смысле *политика* — это *система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка*. Поэтому без изучения политического языка нет и не может быть политологии, заслуживающей этого названия. Именно изучение языка призвано выявить содержание мифов, иллюзий, стереотипов и в более широком смысле всего комплекса пропозиций, играющих определяющую роль в политическом дискурсе.

О значимости политического языка для политологического анализа свидетельствует тот факт, что в 60—70-е годы на Западе была поставлена задача превратить *герменевтику*, возникшую в XIX в. и рассматривавшуюся в качестве вспомогательной дисциплины — «искусства понимания текстов», в универсальную *философскую дисциплину*. В качестве первоосновы герменевтики для ее приверженцев служит язык, поскольку, как считает один из ее теоретиков Х.-Г. Гадамер, «связь человека с миром есть связь языковая, а значит, понятная с самого начала, герменевтика... в этом смысле есть универсальный аспект философии, а не только методическая основа так называемых гуманитарных наук» [11].

Овладение языком следует рассматривать как первую и самую важную стадию социализации, в процессе которой индивид ассимилирует все формы восприятия и ценностные системы, детерминирующие его личностные характеристики. Более того, как отмечает Гадамер, «существует фундаментальное единство мысли, языка и мира». Человеческие отношения, как и

отношения человека к миру, являются лингвистическими и раскрываются в языке. Другими словами, герменевтика рассматривает язык как «форму выражения бытия и человеческого существования» [11].

Все чаще западная политология в качестве руководящего принципа использует методологию близкой герменевтике *аналитической философии языка*. Ее суть состоит в анализе конкретных понятий из самых разных сфер и областей знания — политической, экономической, социокультурной, религиозной и т.д. Она делает упор на проблематику значения, выяснение смысла высказываний, его происхождение, эволюцию и функционирование. В настоящее время в западной политологии много работ, написанных в русле герменевтики и аналитической философии, составивших особое политологическое течение.

Для вычленения из совокупности научных дисциплин какой-либо одной мы каждый раз сталкиваемся с немаловажным вопросом о понятийно-категориальном аппарате этой дисциплины.

Показательно, что для иллюстрации безграничного переплетения понятийных методических проблем, существующих в науках о культуре, М. Вебер приводил следующую шкалу понятий: «Понятия родовые, идеальные типы, идеально-типические родовые понятия, идеи в качестве эмпирически присущих историческим лицам мысленных связей, идеальные типы этих идей, идеалы исторических лиц, идеальные типы этих идеалов, идеалы с которыми историк соотносит историю, теоретические конструкции, пользующиеся в качестве иллюстрации эмпирическими данными, историческое исследование, использующее теоретические понятия в качестве пограничных идеальных случаев» [6, с. 404].

Члены Венского кружка — основатели школы логического позитивизма — считали, что почти все проблемы в обществе порождены неопределенностью понятий, терминов, слов. Это свидетельствует о том, что для адекватного профессионального изучения мира политического, политических феноменов необходимо определить, вычленив и уточнить языковые формы, категории и понятия политологии. Поэтому естественно, что немаловажное место в политологии занимает выявление содержания используемых ею понятий и категорий. На эту сторону политической науки обращали большое внимание наиболее пытливые представители ее. Примечательно, что в Германии сложилась академическая школа «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*), оказавшая серьезное влияние на понятийно-категориальный аппарат социальных и

гуманитарных наук Запада. Ведущую роль в ней сыграли Р. Козеллек и О. Бруннер. Нельзя не упомянуть фундаментальный труд французского исследователя Ж. Дюбуа «Политический и социальный словарь во Франции в период 1869—1872 гг.» (1962 г.). Много работ на эту тему вышли и в других западных странах. Сложилась традиция рассматривать *анализ понятий в качестве методологии*, с помощью которой ученый упорядочивает и, если это возможно, совершенствует понятийно-категориальный инструментарий своих исследований.

Показательно, что уже для Н. Макиавелли и Т. Гоббса отправным стало следующее положение: представления о социальных и политических изменениях не только находят отражение в сознании, а затем и в языке, но и создаются сознанием с помощью языка. В частности, в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли провозгласил, что все люди в своих оценках событий «старого времени» и «нынешнего» по тем или иным причинам обладают заведомыми представлениями, определяющими их дальнейшие действия и мировосприятие. Они постоянно меняются в течение всей человеческой жизни. У Гоббса в «Левифане» мы также встречаем похожие положения о необходимости предваряющих знаний о мире при его познании. Это, согласно Гоббсу, значит, что «мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь искание или способность к открытиям» [21, т. 2, с. 61].

В основе распространенной ныне на Западе методологии анализа понятий лежит постулат о том, что именно понятие определяет строй предложения, а не наоборот. Из такого подхода вытекает следующий ряд: анатомия, реконструкция и формулирование понятий. Под анатомией подразумевается вычленение составляющих элементов данного понятия, т. е. его характеристик и свойств. Под реконструкцией понимается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде. Формулирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях. С этой точки зрения, как уже говорилось, важно определить, какое именно содержание вкладывается в сами понятия «политическая наука» и «политическая философия».

Проблему для этих дисциплин составляет неоднозначность и полисемичность многих слов, понятий и терминов. «Один человек, — писал Т. Гоббс, — называет *мудростью* то, что другой называет *страхом*, один называет *жестокостью* то, что другой

называет *справедливостью*, один *мотовством* то, что другой — *великодушием*, один *серьезностью* то, что другой — *тупостью*» [Там же]. Здесь сложность состоит не только в множестве значений каждого отдельного взятого слова, но и в возможности смешения этих значений, неясности, какое значение в данный момент подразумевается.

Например, с понятием «идеология» связаны самые разные смысловые ассоциации: идея, доктрина, теория, наука, вера, при творство, ценность, убеждение, миф, утопия, истина, познание, классовый интерес и т.п. Это можно сказать о других основополагающих понятиях и категориях политологии, таких как «власть», «политика», «свобода», «права человека» и т.д. и т.п.

Помимо многозначности, *полисемии* понятий, проблема состоит также в феномене *синонимии*, поскольку разные понятия могут означать одно и то же. Поэтому сами понятия «власть», «свобода», «демократия», «равенство» и т.д. нуждаются в тщательном исследовании, в установлении того, какое именно содержание вкладывается в них в конкретном контексте.

Немаловажная проблема, стоящая перед политологом и политическим философом, состоит в том, чтобы разобраться и ориентироваться в разночтении определений и формулировок. Типичный пример тому — «политическая культура». По подсчетам специалистов, ныне существует *несколько десятков ее определений*. Или же возьмем понятие «политика». В Оксфордском словаре приводятся *четыре* его значения, два из которых связаны с политикой как определенным видом деятельности, а два — как с объектом изучения и анализа. Здесь политика выступает, по сути дела, одновременно как *теория, наука и вид практической деятельности*.

В целом четкость и определенность самого понятия «политическое» в значительной степени зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие «государство» и «власть». В свою очередь, их более или менее четко можно сформулировать через понятия «политическое» и т.д. в таком же духе. Это верно в отношении всех сколько-нибудь значимых тем и проблем политического анализа.

Поэтому очевидно, что вопросы, связанные с языком и разработкой понятийно-категориального аппарата, занимают одно из центральных мест в политической науке и политической философии.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под методологией политического исследования?
2. Каковы основные принципы рационализма?
3. Назовите основные принципы позитивизма.
4. В чем состоят недостатки и причины кризиса позитивизма и бихевиоризма?
5. Что понимается под политической символикой?
6. Назовите основные методы анализа мира политического и их принципы.
7. Какое место занимают в политическом анализе объяснение и понимание?
8. Дайте общую характеристику языка и понятийно-категориального аппарата политической науки и политической философии.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения. М., 1983. Т. 4.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. *Арон Р.* Тоталитаризм и демократия. М., 1993.
4. *Баллестрем К. Г.* Власть и мораль (основная проблема политической этики) // *Философские науки*. 1991. № 8.
5. *Бертран М.* Трудности перехода от контроля над вооружениями к системе мировой безопасности // *Международный журнал социальных наук*. 1991. № 3.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
7. *Вебер М.* Социология религии (типы религиозных сообществ). М., 1991.
8. *Виндельбанд В.* История философии. М., 1997.
9. *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958.
10. *Вышеславцев В. П.* Кризис культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью Йорк, 1982.
11. *Гадамер Х.-Г.* Метод и истина. М., 1990.
12. *Гаджиев К. С.* Геополитика. М., 1997.
13. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую науку. М., 1997.
14. *Гаджиев К. С.* Политология. М., 2001.
15. *Галактионов М.* Рост милитаризма в Соединенных Штатах // *Новое время*. 1946. №2.
16. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. М., 1993. Т. 1—3.
17. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
18. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Путь*. 1992. № 1.
19. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
20. *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. 1—7.
21. *Гоббс Т.* Сочинения. М., 1989—1991. Т. 1, 2.
22. *Гофф Ж. Ле.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
23. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994.
24. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985.
25. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1988.
26. *Дайсон Ф.* Оружие и надежда. М., 1989.
27. *Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908.
28. *Законы Ману*. М., 1992.
29. *Запасник М.* Ложь в политике // *Философские науки*. 1991. № 8.
30. *Здравомыслов А.Г.* «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // *Социологический журнал*. 1998.
31. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
32. *Исократ*. Панегирик.
33. *Каган М. С.* Философия как мировоззрение // *Вопросы философии*. 1997. № 9.
34. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
35. *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997.
36. *Кант И.* Сочинения. Т. 1—6.
37. *Кассирер Э.* Опыт человека: введение в философию человеческой культуры // *Проблемы человека в западной философии*. М., 1988.
38. *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. М.; Л., 1924.
39. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. М., 1991.
40. *Кистьяковский Б. А.* В защиту права (интеллигенция и правосознание) // *Вехи. Из глубины*. — М., 1991.
41. *Клаузевиц К.* О войне. М., 1937. Т. 1, 2.
42. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с Пригожиным // *Вопросы философии*. 1992. № 12.
43. *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1980.
44. *Лебон Г.* Психология народов. М., 1898.
45. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений.
46. *Линд М.* В защиту либерального национализма // *Проблемы Восточной Европы*. 1995. № 43—44.
47. *Локк Дж.* Сочинения. М., 1985—1988. Т. 1—3.
48. *Лоренц К.* Агрессия. М., 1994.
49. *Лосев А.Ф.* Жизненный и творческий путь Платона // *Платон. Собр. соч.* Т. 1. М., 1990.
50. *Лунь Юй* // *Древнекитайская философия*. Т. 1—2. М., 1994.
51. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.
52. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. Т. 1—2. М., 1994.
53. *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1956.
54. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.

55. Международное право цивилизованных стран. М., 1876.
56. *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведения. М., 1955.
57. *Нерсесянц В. С.* «Философия права»: история и современность // Гегель. Философия права. М., 1990.
58. *Новгородцев П. И.* Сочинения. М., 1995.
59. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. Берлин, 1922.
60. *Паскаль Б.* Мысли. М., 1909.
61. *Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959.
62. *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
63. *Платон.* Собрание сочинений. Т. 1–4. М., 1990–1994.
64. *Полибий.* Всеобщая история. Т.1–3. М., 1994–1995.
65. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1, 2.
66. *Рассел Б.* История западной философии. М., 1994. Т. 1–3.
67. *Розанов В. В.* Мысли о литературе. М., 1989.
68. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
69. *Сенарклен П.* «Реалистическая» парадигма и международные конфликты // Международный журнал социальных наук. 1991. № 3.
70. *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик. М., 1984.
71. *Страбон.* География. М., 1994.
72. Сумерки богов. М., 1989.
73. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
74. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
75. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992.
76. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. М., 1990.
77. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Париж, 1933.
78. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989.
79. *Фукидид.* История. М., 1993.
80. *Хёффе О.* Политика, право, справедливость. М., 1994.
81. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. М., 1998.
82. *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996.
83. *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1857.
84. *Цицерон.* О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 1993.
85. *Шацкий Е.* Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
86. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
87. *Шеллинг Ф.В.И.* Философское исследование о сущности человеческой свободы. СПб, 1908.
88. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
89. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1924.
90. Этическая мысль. М., 1990.
91. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1981.
92. *Almond G., Jingo C.* Clouds, clocks, and study of politics // World politics. 1977. V. XXIX, №4
93. *Arendt H.* Between past and future. N. Y., 1961.
94. *Aron R.* Paix et guerre entre nations. Paris, 1962.
95. *Bagehot W.* Physics and politics. London, 1887.
96. *Barry N.* An Introduction to modern political theory. London, 1982.
97. *Benn A. W.* The Greek philosophers. V. I.
98. *Bras–Chopard A. Le.* La Guerre. Theories et ideologie. Paris, 1994.
99. *Bosanquet B.* The philosophical theory of state. London, 1899.
100. *Brodie B.* War and politics. London, 1973.
101. *Brougham H.* Political philosophy. London, 1842–1844. V. 1, 2.
102. *Catlin D.* The story of political philosophers // N. Y., London, 1939.
103. *Cioran E. M.* Histoire et utopie. Paris, 1960.
104. *Comte A.* Cours de philosophie positive. V. 6. Paris, 1908.
105. *Duhem P.* Le systeme du mond. Paris, 1914. V. 2.
106. *Dunning W.* A History of political theories, ancient and medieval. N. Y., 1902.
107. *Dunning W.* A History of political theories, from Luther to Montesquieu. N. Y., 1905.
108. *Dunning W.* A History of political theories, from Rousseau to Spencer. N. Y., 1920.
109. *Easton D.* The Decline of modern political theory // Journal of politics. 1951. V. 13, Febr.
110. *Ferdowsi M.* Regional conflicts in the third world: dimensions, causes, perspectives // Law and state. 1988. V. 38.
111. Foreign affairs, 1984/85, Winter.
112. Foreign affairs, 1993, Summer.
113. Formation of national states in Western Europe // Princeton, 1975.
114. *Gardner L.C.* A Covenant with power: America and world order from Wilson to Reagan. London, 1984.
115. *Gilpin R.* War and change in world politics. Cambridge, 1983.
116. *Green T. H.* Lectures on the principles of political obligation. London, 1895.
117. *Halle L.* History, philosophy, and foreign relations. Lanham et al., 1976.
118. *Hagopian M. N.* Regiemes, movements, and ideologies. N. Y., 1978.
119. History of political philosophy. Chicago & London, 1987.

120. *Hobhouse L.* The metaphysical theory of the state. London, 1918.
121. Intervention into the 1990s. Boulder, 1990.
122. *Keen S.* Faces of enemy. Reflections of the hostile imagination. N. Y., 1986.
123. *Kuhn H.* Der Staat: Eine philosophische Darstellung. Muenich, 1984.
124. *Latouche S.* La proces de la science sociale: Introduction a une theorie de la connaissance. Paris, 1984.
125. *Machiavelli N.* Opere scolte. Milano, 1973
126. *Machiavelli N.* Opere. V. I. Milano, 1961.
127. *Mann M.* The Sources of social power. V. I. Cambridge, 1986.
128. *Maritain J.* L'homme et l'état. Paris, 1965.
129. *Monod J.* Chance and necessity. N. Y., 1973.
130. *Morgenthau H.* Politics among nations. N. Y., 1948.
131. *Mosse G.* Masses and man. Nationalist and fascist perceptions. N. Y., 1980.
132. *Mueller J.* Retreat from Doomsday: The obsolescence of major war. N. Y., 1989.
133. *Nisbet R.* Twilight of authority. N. Y., 1975.
134. *Nixon R.* Real peace. Toronto, 1984.
135. *Nolte E.* Geschichtsdanken im 20. Jahrhundert. Berlin, 1991.
136. The Notebooks of Leonardo da Vinci. N. Y., 1939, vol. I.
137. *Parsons T.* The Structure of social action. Glencoe, 1949.
138. Philosophy, politics and society. Oxford, 1956.
139. Philosophy, politics and society. Third series. N. Y., 1967.
140. Politics of the developing countries. Princeton, 1971.
141. *Pollock F.* An Introduction to the history of the science of politics. London, 1890.
142. *Rawls J.* Theory of justice. N. Y., 1971.
143. *Sabine G.* A History of political theory. N.Y., 1938.
144. *Schaeffle A.* Ueber den wissenschaftlichen Begriff der Politik // Zeitschrift fuer gesamte Staatswissenschaft. 1897. Bd. 53, H. 4,
145. *Scheler M.* Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg. Leipzig, 1915.
146. *Schlesinger A. M., jr.* The Sycles of American history. Boston, 1986.
147. *Smith A. D.* The Ethnic origins of nations. Oxford, 1986.
148. *Strauss L.* Natural right and history. Chicago, 1953.
149. *Strauss L.* What is political philosophy? Glencoe, 1959.
150. *Strauss L.* The City and Man. Chicago, 1964.
151. *Strauss L.* Introduction into political philosophy. N. Y., 1986.

152. *Tillich P.* Dynamics of faith // Religion from Tolstoy to Camus. N. Y., 1961.
153. *Tinbergen J., Fisher D.* Warfare and welfare: Integrating security policy into socio-economic policy. N. Y., 1987.
154. *Voegelin E.* The New science of politics. Chicago, 1952.
155. *Voegelin E.* Science, politics and gnosticism. Chicago, 1968.
156. *Waltz K.* Theory of world politics. Reading (Mass.), 1979.
157. *Weldon T.* The Vocabulary of politics. London, 1953.
158. *Wolfers A.* Discord and collaboration. Baltimore, 1962.
159. *Wolin Sh.* Politics and vision. Boston, 1960.

Учебное издание

Камалудин Серажудинович Гаджиев

Введение в политическую философию

Учебное пособие

Редактор *Э.М. Горелик*
Оформление *Т.Ю. Хрычева*
Компьютерная верстка *С.Н. Яковлевой*

Изд. лиц. ИД № 01670 от 24.04.2000

Подписано в печать 10.12.2003, № 30(и). Формат 60x90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 21
Тираж 3000 экз. Заказ № 3867

Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Тел./факс: (095) 369-5819, 369-5668, 369-7727
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте <http://logosbook.ru>